СЛАВЯНСКОЕ И БАЛКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ И ПИСЬМЕННОСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

СЛАВЯНСКОЕ И БАЛКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ И ПИСЬМЕННОСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1979

В сборник входят исследования, посвященные проблемам анализа древних текстов как памятников истории литературного языка: вопросам их поэтики, стиля, лингвотекстологическим наблюдениям. Рассматриваются специфика формирования литературного языка у сербов, словаков, лужичан, болгар; особенности литературно-языковой ситуации в Греции на конец 1970-х годов.

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук С.Б. Бернштейн (председатель),
доктор филологических наук Е.И. Демина,
кандидат филологических наук Вяч. Вс. Иванов,
доктор филологических наук Л.С. Смирнов,
доктор филологических наук Н.И. Толстой,
кандидат филологических наук Т.В. Цивьян

Составитель и ответственный редактор выпуска

доктор филологических наук Е.И. ДЕМИНА

С $\frac{70104-177}{042(02)-79}$ 546-79. 4 602 010 000

© Издательство "Наука", 1979 г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящий выпуск издания Института славяноведения и балканистики АН СССР "Славянское и балканское языкознание"[1] - "История литературных языков и письменность" - посвящен комплексу филологических, лингвистических и историко-культурных проблем, связанных с историей литературных языков и ее отражением на разных этапах развития в письменности славянских и балканских народов.

В него вошли исследования, посвященные различным аспектам анализа древних текстов как памятников истории литературного языка: вопросам их поэтики и стиля, сравнительно-текстологической проблематике, вопросам истории новоболгарской письменности XVII в., лингво-текстологическим наблюдениям над системой акцентуации, принятой в одном из памятников древнерусской письменности.

Для опубликованных в данной части работ характерно, что текст в них рассматривается как определенный языковой и историко-культурный феномен и выступает прежде всего как самостоятельный объект исследования.

Большое место в выпуске занимает проблематика формирования отдельных литературных языков. Рассматривается специфика этого процесса на отдельных этапах истории литературного языка у сербов, словаков, лужичан, болгар. Боль-

[1] См.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975; Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976; Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977; Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977.

шое внимание уделяется проблеме соотношения в различных типах литературного языка традиционных книжных элементов и народных выразительных средств, анализу деятельности отдельных книжников и их роли в процессе кодификации литературно-языковой нормы. Излагаются особенности литературно-языковой ситуации в Греции на конец 1970-х годов. Дается характеристика орфографических школ и центров письменности, определявших облик литературного языка на том или ином этапе его развития. Поднимается проблема следов древнейшего поэтического языка у славян.

Публикуемые исследования содержат важные наблюдения, значительно расширяющие наши представления о некоторых аспектах истории культуры славянских и балканских народов.

ВЯЧ.ВС.ИВАНОВ

К ПРОБЛЕМЕ СЛЕДОВ ДРЕВНЕЙШЕГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА У СЛАВЯН

К постановке вопроса о вероятности существования у славян еще до введения и распространения христианства раннего литературного языка (или "народно-поэтической речи") подводит одновременно несколько разных линий развития современной науки, которые шли независимо друг от друга.

Прежде всего с надежностью реконструировано существование общеиндоевропейского поэтического языка и восстановлено значительное число формул, характерных для этого языка, в особенности, для греческо-арийской диалектной области[1]. Некоторые из ключевых слов и сочетаний слов этого языка оказываются представленными и в ранней славянской традиции. В частности, это относится к сочетаниям с индоевропейским обозначением 'славы' **k̂le/ouo*, слав. **slava*, которое в определенном смысле задавало основную тему фрагментам индоевропейского воинского эпоса, воспевавшего боевые подвиги дружины и ее предводителя. Эти фрагменты удается реконструировать с наибольшей степенью достоверности[2].

Продолжение традиции составления текстов этого именно жанра у древних славян свидетельствуется как самим характером их исторических песен (в этом смысле индоевропейский фон весьма важен и для поисков ранних истоков традиции, к которой в конечном счете восходит "Слово о

---

[1] См.: *Schmitt R.* Dichtung und Dichtersprache der indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967; Indogermanische Dichtersprache, herausgegeben von Schmitt R. Darmstatt, 1968. Ср.: *Wüst W.* Zum Problem einer indogermanischen Dichtersprache. - In: Studia A. Pagliaro oblata, vol. III. Roma, 1969, p. 251-280; *Lazzaroni K.* Рец. : *Schmitt R.* Dichtung und Dichtersprache... - In: Studi e saggi linguistici. VII, supplemento alla rivista "L'Italia dialettale", 1968, vol. XXXI, NS VIII.

[2] См. обоснование этого тезиса, впервые выдвинутого П.Тиме, в указанной выше книге: *Schmitt R.* Op. cit., S. 57, 61-102. - Существенной представляется возможность соотнесения этой черты общеиндоевропейского эпоса, роднящей его с евразийским (тюркским, монгольским и т.п., что в известной степени допускает и вероятность ностратической, если не ареальной интерпретации) характером жизни ранних индоевропейских племен в пору их расселения.

полку Игореви"), так и бесспорными соответствиями в славянском для некоторых характерных сочетаний с *k̂leu̯o-, которые независимо от славянских данных были обнаружены в греческой и индо-иранской традициях и на этом основании возведены к индоевропейскому поэтическому языку.

В частности, соответствию др.-инд. *śravaḥ dhā-* 'добывать славу' (в "Ригведе", I, 40, 4; 73, 7; 91, 18 и др.), греч. κλέος καταθέσθαι, позволившему возвести эти сочетания к общеиндоевропейскому[3], находится точный эквивалент в общеславянских сложных именах *sъ-dě-slavъ (рус. *Сдеславъ*, с.-хорв. *Здеслав*, пол. *Zdzieslaw*), *per-dě-slavъ (с.-хорв. *Предислав*, пол. *Przedzieslaw*, *Przedzislaw*, чеш. *Předislav*)[4]. Показательно, что в обоих трехчленных именах древними являются и сочетания первых двух компонентов. Архаичность сочетания *sъ и *dě- в *sъ-dě-slav, ранее мотивировавшаяся сравнением с др.-инд. *sam̥-dhā*[5], в настоящее время может быть подтверждена сопоставлением с полностью этимологически тождественным сочетанием хеттской видовой частицы *šan* с глаголом *dai-* 'класть', 'ставить', в том числе и в сочетании со словом семантического поля, близкого к обозначению 'славы'. Хет. *naḫšaratt-* 'священный трепет, боязнь, благоговение' в среднехеттских текстах неоднократно встречается в устойчивом сочетании с *šan... dai-*[6]: *nam-ma-aš-ša-an DINGIR MEŠ-aš na-aḫ-šar-ra-az ti-ia-an e-eš-du* 'Далее да будет проявлено благоговение по отношению к богам' (KUB XIII 2 II); *nu-uš-ša-an šu-ma-a-aš DINGIR MEŠ-aš na-aḫ-ša-ra-at-ta-an URUḪa-at-tu-ša-aš-pat KUR-ia zi-ik-ki-u-ua-ni* 'И только в стране Хатти мы проявляем благоговение по отношению к вам, о боги' (KUB XVII 21 I 3), *nam-ma-aš-ma-aš-ša-a [n SI]SKUR. SISKUR ḪI.A-as pár-ku-ia-an-na-aš ud-da-a-ni na-aḫ-ša-ra-at-t [a-a]n ki-iš-ša-an Ú.UL ku-iš-ki ti-ia-an ḫar-ta*

[3] *Schmitt R.* Op. cit. S. 69-71. - Как в этом месте труда Р. Шмитта (и его предшественников), так и во многих других, не учтен приводимый далее славянский материал, весьма существенный еще и потому, что он доказывает более широкий характер группы индоевропейских диалектов (за пределами греческо-арийского), в которых отражено данное сочетание.

[4] *Иванов В.В., Топоров В.Н.* К реконструкции праславянского текста. - В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации . М., 1963, с. 133, 134. *Milewski T.* Indoeuropejskie imiona osobowe (Polska Akademia Nauk, Prace Komisji językoznawstwa, N 18), Wrocław-Warszawa-Kraków, 1969, c. 25.

[5] *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Указ. соч., с. 134; *Milewski T.* Op. cit., c. 25, 218.

[6] Относительно видового значения *šan* в этих контекстах, представляющего исключительный интерес для выяснения истоков видовой семантики слав. *sъ-, см. *Josephson F.* The function of the sentence particles in Old and Middle Hittite (Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Indoeuropea Upsaliensia, 2), Uppsala, 1972, p. 238-243.

'Далее никто так не выказывал благоговения в деле очищения во время ваших молитв[7], к вам обращенных' (там же, I, 19), *nu-uš- [ma-aš-šan Ú.NU.TEM]ES-K [U-N] U na-aḫ-ša-ra-at-t [a-a] n ki-iš-ša-an Ú.U[L ku-iš-ki t]i-ia-an ḫar-ta* 'и никто так не выказывал благоговейного страха по отношению к вашей утвари ' (там же, 19). Эти среднехеттские формулы позволяют удостоверить общеиндоевропейский характер использования сочетания *som dʰeH- 'установить, поставить' (отсюда 'проявить', 'выказать', 'добиться', 'получить'), к которому восходит слав. *sъ-dě̆ti. Вывод о древности употребления этого индоевропейского сочетания в качестве формулы (иногда предправого характера), подтверждается и греч. συν-θεσίη 'договор, соглашение', 'поручение' (ср. в "Илиаде" B 339 и E 319), относящимся к той же семантической сфере, что и др.-инд. *samdhā* 'договор, связь, объединение', слав. *sǫdъ 'суд' (возводимое, в конечном счете, к тому же сочетанию, ср. собственные имена, представляющие поэтому позднейший вариант того же исходного сочетания, что и *sъ-dě-slavъ: пол. *Sędzi-sław*, чеш. *Sudi-slav.*: др.-рус. *Суди-славъ*), лит. *samdà* 'наем, аренда', *samdýti*, *samdaũ* 'нанимать'. Вероятно, что сочетание *som dʰeH- могло использоваться как в подобных предправовых контекстах, так и в мифологических. Хеттские тексты типа цитированных выше позволяют более точно определить характер жанра, в котором могли объединяться обе эти функции.

Сравнение с хеттским позволяет удостоверить и индоевропейскую древность первого двучленного сочетания в составе трехкомпонентного имени *Per-dě-slavъ. Ранее архаичность славянского сочетания в *per-dě- была предположена на основании сравнения его с др.-инд. *pari-dhāna-* 'складывать воедино'[8], вед. *pari dhā-* 'одевать, оберегая обложить кругом', *paridhi* 'оружие, защита; дрова, сложенные вокруг алтаря и образующие единое целое; плетение', греч. гом. περὶ τίθημι 'вдохнуть в кого-либо мощь', 'обложить кругом (жаровню); возложить, одеть на себя'[9]. В

[7] Идеограмма SISKUR означает 'обряд', но в дубликате текста 398/u, 5 (см. *Josephson F.* Op. cit, p. 286, примеч. 145) этой идеограмме соответствует *mal-te-eš-na-aš*, род.-дат. п. мн. ч. от *malteššar* 'совершение молитв богам, сопровождаемых жертвоприношениями', отглагольное имя существительное от *malda(i)-* - 'молить, совершая жертвоприношение', в точности соответствующего слав. *modliti, см.: *Иванов В.В.* Русское *молить* и хеттское *malda(i)-*. - В кн.: Этимологические исследования по русскому языку, I. М., 1960; *Он же.* Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, с. 104, 105.

[8] *Milewski T.* Op. cit., c. 25, 218. Значение приводится согласно словарю: *Böhtlingk O.* Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung, T. 4. St. Petersburg, 1883, S. 42.

[9] Относительно сопоставления греческого и древнеиндийского сочетаний см.: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Указ.

общеиндоевропейском сочетании типа *per(i) d^heH- форму *per- можно рассматривать как древний дательный-местный падеж пространственного служебного имени *per-o, в древнехеттском еще сохраняющего свою архаическую функцию[10] и следы древней парадигмы: им.-вин. п. ср. р. piran (*perom), направительный падеж parā. Поэтому со слав. *per-dĕti, др.-инд. pari-dhā-, греч. περὶ τίθημι можно сравнить не только хет. para dai- 'высаживать, вытягивать (руку)', но и хет. piran dai- 'установить перед кем-либо, освятить'. Последнее значение, невыводимое из семантики отдельных частей сочетания, явно отражает то древнее ритуальное использование слова, которое отчетливо видно в "Ригведе" и у Гомера и может быть предположено на основании славянского собственного имени *Per-dĕ-slavъ.

Архаичность этого последнего видна и из того, что его первый и последний элементы встречаются в собственном имени, общем для славянского, индо-иранского и древнегреческого: пол. Prze-sław, др.-инд. Pari-śruta (ср. авест. Fra-srūtar-), греч. Περί-κλυτος, Περι-κλῆς с первоначальным значением 'очень знаменитый'[11].

Этимологический анализ рассмотренных общеславянских имен собственных согласуется с выводами, которые можно сделать при изучении целого ряда других, также содержащих элемент -slavъ, ср., в частности, имена с первым элементом в форме сравнительной степени на -*jьjь: с.-хорв. Болје-слав, чеш. Boleslav, пол. Bole-sław, др.-рус. Боле-славъ, Боле-слава; синонимичное имя с тем же значением 'более славный' представлено в чеш. Váce-slav (др.-чеш. *vęčeslav, в латинской передаче Venceslaus), пол. Więce-sław, др.-рус. Вячеслав; с.-хорв. Више-слав, др.-рус. Выше-славъ[12]. Если эта группа имен примыкает к рассмотренной по своей семантике (значение 'очень, еще более знаменитый'), то по структуре с ними же можно соотнести имена, которые (как и -dĕ-slavъ) включают в качестве элемента, предшествующего -slavъ, глагол: с.-хорв. Бори-слав, чеш. Boři-slav, пол. Borzy-sław (ср. также пол. Z-bro-sław, чеш. Z-bra-slav), др.-рус. Бори-слав, с.-хорв. Брани-слав, чеш. Branislav, пол. Broni-sław,

соч., стр. 134. - Следует обратить особое внимание на исключительное сходство двух специализированных контекстов - военного и ритуального - в "Ригведе" и у Гомера, что позволяет возвести оба эти специальные употребления к общегреческо-арийскому.

10 *Иванов В.В.* Диахроническая и синхронная типология притяжательных конструкций с неотчуждаемыми пространственными служебными именами. - В кн.: Лингвотипологические исследования, вып. II, ч. 2. М., 1975, с. 43-69; *Он же.* К типологии развития славянских и индоевропейских предлогов и послелогов. - В кн.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.

11 *Milewski T.* Op. cit., c. 114, 115, 216.

12 Там же, с. 99.

кашуб. Barni-sław; с.-хорв. Буди-слав, пол. Budzi-sław, др.-рус. Буди-слав; чеш. Cti-slav, пол. Czci-sław (древнее сочетание, лежащее в основе этого имени, как и пол. Czesław < *čьstь-slavъ[13], в восточнославянской традиции не засвидетельствованного) представляет исключительный интерес для сопоставления с формулой в "Слове о полку Игореви": *ищучи себѣ чти, а князю славѣ*); с.-хорв. Деси-слав, кашуб. Dziesi-sław (архаичность имени подтверждается самым ареалом его распространения), с.-хорв. Гради-слав, пол. Grodzi-sław; кашуб. Raci-sław, др.-рус. Рати-славъ (также с характерным ареалом распространения), с.-хорв. Строји-слав, кашуб. Stro-sław (из *Stroi-sław); с.-хорв. Врати-слав, чеш. Vrati-slav, пол. Wroci-sław, др.-рус. Вороти-славъ и др.[14]. Сравнительный анализ собственных имен - сложных слов этого типа показывает, что в них сохранились фрагменты общеславянских текстов[15], представлявших собой формулы величания вождя боевой дружины, общие у славянской традиции с другими индоевропейскими.

Надежность предположения, согласно которому слав. *sъ-dĕ-slavъ, *per-dĕ-slavъ отражают фрагменты индоевропейского поэтического языка, подтверждается и наличием некоторых других параллельных мифопоэтических фрагментов. К общеиндоевропейскому мифопоэтическому сочетанию *(e/o) n(o)men d^heH- возводится слав. *jьmę dĕti 'установить, дать имя' (ст. чеш. dieti jmě, пол. dzieć imię)[16], соответствующее греч. ὀνομαθέτης 'установитель имен' (в древней мифологической традиции, продолженной пифагорейцами и еще проступающей у Платона[17]), др.-инд. namadhā 'установитель имен', иер. лув. adamain(a) tuha 'имя я установил', ср. хет. laman te- 'именем назвать'[18].

Гипотеза о существовании особого поэтического (или мифопоэтического) языка уже в период общеиндоевропейской общности основывается, в частности, и на наличии ряда "метаязыковых" способов обозначения поэтического искусства.

Предположение об отражении в славянской традиции древних индоевропейских способов поэтического творчества со-

13 Там же, с. 216.

14 *Milewski T.* Op. cit., c. 110-112.

15 К методике исследования исходных словосочетаний на основе образованных от них словосложений ср. *Lehman W.P.* Proto-Indo-European compounds in relation to other Proto-Indo-European Syntactic patterns. - Acta linguistica hafniensia. 1969, vol. XII, N 1, p. 1-20.

16 *Zubatý J.* Výklady etymologicke a lexikálni. - Studie a články. sv. I, č. 1, Praha, 1945, c. 92, 93.

17 *Тронский И.М.* Из истории античного языкознания. - В кн.: Советское языкознание, II, Л., 1936, с. 25-26.

18 *Иванов В.В.* Древнеиндийский миф об установлении имен и его параллели в греческой традиции. - В кн.: Древняя Индия. М., 1964; *Он же.* Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976, с. 41-46.

гласуется с выводом, по которому в общеславянском сохранились и относящиеся к этому виду деятельности металингвистические обозначения. Наиболее показательным представляется в этом отношении установленное еще 20 лет назад В.Н. Топоровым[19], но лишь недавно получившее широкое признание[20] соответствие лат. *uātēs* 'поэт, вдохновенный песнопевец' и ст.-слав. ВѢТИИ 'ῥήτωρ', др.-рус. ВѢТИЯ 'витія, оратор, краснобай', ср. к семантике контексты: И АЗЫЦИ ВѢТИИ И СЛОВЕСА ХЫТРЬЦЬ И БЕСѢДЫ ОУЧИТЕЛЬ. Супральская рукопись 297; ВѢТИ ВЪ ВѢТЬНАХЬ (= ῥήτωρ ἐν ῥήτορσι); И ПРѢЖДЕ ПРѢСТОЛЬ МУДРЪИХЬ, ФИЛОСОФ В ФИЛОСОФѢХЬ[21] (XI в.); *Вѣтиѥмь лоукавьствомъ омрьзилъ ѥси* (Майская служебная минея Путятина Софийской библиотеки, XI в.); *Вѣтия лютость обличил* (Минея служебная за май XII в.); *Вѣтии чьстьнъиѭ чьркве* (Праздничная служебная минея XII в.); *Нѣ тоу вѣтии трѣбѣ ни ѩзыкъмъ мьзѣ извѣщатися* (Сборник XII в.); *Якоже историци и* ВѢТІЯ, *рекше лѣтописьци и пѣснотворци прикланяют своя слухы въ бывшая межю цари рати и въпълченія, да украсят словесы*, Кирилл Туровский; ВѢТИИ (ῥήτωρ) *блгчстія* (Златоструй); *Философи и вѣтии и списателе, не объщих ползъ ищюще, нъ да како сами тъкмо дивни боудоуть, смотряще, аще что хитро рекоша и тинко же въ мрацѣ съставльше не явлено съкрыша* (Пандекты Никона Чудотворца); *Хытростьнъіи вѣтии* (Мучение св. Феодора Стратилата из Минеи четии февральской по списку XV в.); *Древнии бо философи Платон и Аристотель и прочая вѣтия много тружьшеся о нбснѣи твари, увѣдети не получиша*[22] (XV в.); *Бяше же има сѩве три* ВѢТІА (docti in arte rhetorica) (Прохорово сказание о житии и деяниях Иоанна Богослова); *Преднии въ вѣтиѩхъ* (Житие св. Екатерины); *Иперидъ вѣтии* (Христианская топография Козмы Индикоплова) и др.

Как и по отношению к целому ряду других латино-славянских сходств, установленных в исследованиях самого последнего времени, тождество ст.-слав. ВѢТИИ и лат. *uātēs*

[19] *Топоров В.Н.* Этимологические заметки. - Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР, 25. М., 1958, с. 86-88. - Предложенная там (с. 80) этимология лат. *iste* 'этот'; слав *istъ* остается более надежной, чем другие, выдвинутые позднее, ср. о них: *Schuster Šewc H.* Rozwazania etymologiczne. - Slavia occidentalis, 1976, t. 33, c. 77. Ср. к этимологии: *Dumézil G.* La religion romaine archaïque. Paris, 1966, p. 134 (с литературой).

[20] См. специальный раздел, посвященный этому открытию В.Н. Топорова, в работе: *Pohl H.D.* Slavisch und Lateinisch (Klagenfurter Beiträge zur Sprachwissenschaft, Beiheft 3). Klagenfurt, 1977, S. 17.

[21] *Будилович А.* XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Имп. Публ. библиотеки XI в. СПб., 1875, с. 26.

[22] Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. Труд учеников Н.С. Тихонравова, вып. 1-2. М., 1892-1896, с. 72.

следует понимать как архаизм[23]. Об этом свидетельствует не только точное соответствие лат. *uātēs* и др.-ирл. *fáith* 'поэт', позволяющее возвести латинское значение к кельто-италийскому. Кельто-италийский в данном случае совпадает и с индо-иранским, что характерно для целого ряда наиболее архаичных ритуальных терминов.

Специальное исследование П. Тиме показало, что глагол *vat-* в сочетании с превербом *api* означает 'вдохновить' (в частности, певца)[24]: *tam...ápi vātayāmasy* 'мы его вдохновляем' ("Ригведа", I, 128, 2), *api vātaya manaḥ* 'вдохнови на мысль'. Точно так же авест. *apivatahe* переводится как 'вдохновляешь'. Тиме, которому принадлежит заслуга выявления этих наиболее архаических значений индо-иранского глагола, сделал из своих наблюдений справедливый вывод о том, что "перед нами явление не западно-индоевропейской ... а общеиндоевропейской цивилизации"[25], и сопоставил архаическое значение ведийского слова с другими фактами, позволившими возвести ведийскую традицию к общеиндоевропейской.

Из слов западноиндоевропейских (или "древнеевропейских") диалектов, родственных ст.-слав. ВѢТИИ, наибольший интерес представляют германские, удостоверяющие мифопоэтическую идею вдохновения певца, связывавшуюся с тем же корнем и в кельто-италийском, судя по согласию значений лат. *uātēs* и др.-ирл. *fáith* 'поэт', 'прорица-

[23] Ср. о необходимости аналогичного истолкования соответствия лат. *bīgae* 'двойная упряжь' и словин. *dvjīgo* 'ярмо для двух быков', установленного О.Н. Трубачевым (*Трубачев О.Н.* Заметки по лехитской этимологии. - В кн.: Исследования по польскому языку. М., 1969, с. 305; *Он же.* Несколько древних латино-славянских параллелей. - В кн.: Этимология 1973, М., 1975, с. 4): *Иванов В.В.* Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей. - В кн.: Вопросы этногенеза славян и восточных романцев. М., 1976, с. 31. - То же замечание относится и к значительному числу соответствий, см.: *Safarewicz J.* Le latin et les langues balto-slaves. - In: Scritti in onore di Giuliano Bonfante, II. Paideia, 1976.

[24] *Thieme P.* Die wurzel vat. - In: Asiatica. Festschrift F. Weller. Leipzig, 1954, S. 656-666 (статья также включена в цитированную выше антологию Indogermanische Dichtersprache, S. 187-203).

[25] *Thieme P.* Op. cit., p. 665. В свете открытия Тиме, очевидно, можно вернуться и к предположению Педерсена (*Pedersen H.* Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. København, 1938, § 23; *Friedrich J.* Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952, S. 237) о связи хет. *uttar* 'слово', 'речь, повествование, дело' с др.-инд. *vat-*, хотя фонетическая сторона сопоставления не вполне ясна.

тель, провидец'[26]. Родственному кельтскому обозначению поэтического произведения (валл. *gwawd* 'стихотворение') соответствует др.-англ. *wōð* 'стихотворение, песня', др.-исл. *ōðr* 'поэзия'. Согласно новейшим исследованиям с тем же корнем связано не только гот. *wōds* 'одержимый', др.-исл. *ōðr*, др.-англ. *wōð*, др.-в.нем. *wuot* 'одержимый', др.-англ. *wēdan*, др.-нем. *wuoten* 'буйствовать, быть одержимым', но и имя бога Вотана-Одина (др.-исл. *ōðinn*, др.-англ. *Wōden*, др.-в.нем. *Wuotan*), который был, в частности, и божеством поэтического вдохновения[27].

С культом Одина, по преданию висевшего на дереве, связано и предание о древнегерманских магических знаках - рунах. Это представляет значительный интерес для выяснения возможности того, что хотя бы у части индоевропейских племен, в частности, германских, древняя литературная традиция могла достаточно рано быть фиксирована с помощью письменных знаков, наносившихся на деревянный материал и оттого до нас не дошедших (как иероглифические деревянные таблицы GIŠ.ḪUR эпохи Хеттского царства). По отношению к детально обсуждавшейся проблеме таких "черт и резов", которыми, согласно некоторым источникам, могли пользоваться древние славяне, особое значение могут приобрести собственно лингвистические данные. Открытия последних десятилетий сделали несомненным широкое использование письменности на бересте у восточных славян.

Хотя все найденные до сих пор образцы относятся ко времени после распространения у восточных славян кириллицы, тем не менее кажутся возможными и дохристианские истоки письма на бересте. В пользу этого предположения говорят сообщаемые еще во второй половине прошлого века сведения из Никольского уезда о том, что "здесь пишут на лоскутках бересты прошения лешим и приколачивают их в

---

26 *Meid W.* Dichtkunst, Rechtspflege und Medizin im alten Irland. Zur Struktur der altirischen Gesellschaft. - In: Antiquitates Indogermanicae. Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der indogermanischen Völker. Gedenkschrift Hermann Güntert zur 25. Wiederkehr seines Todestages am 23. April 1973, herausgegeben von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt. Innsbruck, 1974, S. 32.

27 *Höffler O.* Zwei Grundkräfte im Wodankult. - In: Antiquitates Indogermanicae, S. 133-144; ср. о культе Одина: *Jacoby M. Wargus, vargr* 'Verbrecher, Volf'. Eine Sprach- und rechtsgeschichtliche Untersuchung (Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Germanistica Upsaliensia, 12). Uppsala, 1974; *Иванов В.В.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva* 'конь'. - В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974, с. 122-126.

лесу"[28]. Нельзя исключить и древних истоков у обычая изготовления священных символов из березы, что характерно для толка "березовщиков" у старообрядцев в Пермской епархии, которые крест делали из березы[29].

Древние истоки культа березы (с которым связано и магическое значение знаков на бересте) у восточных славян кажется возможным подтвердить и сравнением личного имени *Береза*[30] с характерной для балтийской[31] и германской[32] традиций ролью березы как символа ритуальной чистоты.

Нельзя полностью исключить вероятия того, что не только почитание березы, но и использование ее коры как материала, на который наносились магические знаки, у восточных славян имеет достаточно ранние истоки. В таком случае подобные знаки - "черты и резы" (как и руническая письменность у древних германцев, огамическая у кельтов, иероглифическая у анатолийцев) восходит к более раннему индоевропейскому "предписьму". Показательно, что в Индии традиция письма на бересте известна до XVI в. (хотя начало этой традиции нельзя точно датировать). Это представляет значительный интерес ввиду этимологического тождества др.-инд. *bhūrja-* 'вид березы Betula Bhojpatra' (уже в "Яджурведе"), кафир. (вайгали) *brūj* 'береза'[33], хотано-сак. *braṃja* 'береза', *bruṃja* 'береста', афг. *barǰ* 'полоса бересты' с др.-рус. *береза, берестo* 'березовая кора', рус. диал. *берестo* 'береста', 'письмо', 'бумага', чеш. *brěsta* 'береста'[34]. В свете сказанного большой интерес может представить и называние германской руны *b* именем 'березы', ср. др.-исл. *bjorkan*, др.-англ. *beork*, гот. *bercna (*bairkna)*[35]. Но поскольку для всех перечисленных культур (восточнославянской, индо-арийской, германской) явных свидетельств ранней письменной традиции не обнаруживается, все указанные сопоставления остаются

---

28 *Потанин Г.Н.* Никольский уезд и его жители. - Древняя и новая Россия, 1876, № 10, с. 140, ср.: *Тульцева Л.А.* Рябина в народных поверьях. - Советская этнография, 1976, № 5, с. 89.

29 *Тульцева Л.А.* Указ. соч., с. 98.

30 *Веселовский С.Б.* Ономастикон. М., 1974, с. 36; *Тульцева Л.А.* Указ. соч., с. 90.

31 Ср. латышское обозначение юных невинных девушек и юношей: *brūte vēl bērza galā* (вариант *bērzgalā*); *Mühlenbach K. - Endzelīn E.* Lettisch - deutsches Wörterbuch. Bd. 1, Riga, 1923, S. 292.

32 *Friedrich P.* Proto-Indo-European Trees. Chicago, 1970, p. 157-158.

33 *Morgenstierne G.* The Waigali language. - Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap, 1954, Bd. 17, p. 238.

34 Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, вып. 1. М., 1974, с. 197-203.

35 *Grienberger V.* Die germanischen Runennamen. - Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, 1896, Bd. XXI. Некоторые связанные с этим вопросы, затронутые в настоящей статье, обсуждаются в кн.:

весьма проблематичными. Даже если носители отдельных индоевропейских диалектов и начали еще в доисторическую эпоху пользоваться магическими знаками - типа германских рун или славянских "черт и резов" - для записи ритуальных формул, остается менее вероятным их использование для записи пространных эпических текстов. Кажется более правдоподобным, что литературный язык, о котором можно говорить по отношению к общеиндоевропейскому и общеславянскому периодам, был устным языком поэтической речи, на котором составлялись мифопоэтические и ритуальные тексты, хранившиеся в памяти сказителей-поэтов и жрецов. Известное сходство с позднейшими фольклорными традициями, например, сербской (и другими южнославянскими) и северновеликорусской, на основании которых и реконструируется общеславянская, в какой-то мере оправдывает наименование "народно-поэтическая речь" (прилагаемое и к таким современным устным литературным традициям, как албанская). Но не следует забывать о социолингвистическом различии между функциями языка фольклора в современном обществе, пользующемся для целого ряда основных задач передачи и хранения информации письменностью, и только устного литературного языка в такой среде, где этот язык был основным средством передачи канонических мифопоэтических и ритуальных текстов, что обеспечивалось функционированием особой группы певцов-сказителей и жрецов. На материале сербского песенного творчества был выявлен формульный характер народно-поэтической традиции, что повлияло и на исследование аналогичных черт в гомеровском и древнеиндийском эпосе (существенно при этом, что и гомеровский язык, и эпический санскрит, по образу которого Пизани представляет и общеиндоевропейский, являются койне, отличными от разговорной диалектной речи). Но существенное отличие наиболее ранних этапов формирования этой традиции, в частности, общеиндоевропейской и славянской, должно было заключаться в том, что формулам поэтической речи был присущ ритуализованный характер. Такой явственно обрядовый элемент содержится, например, в восстанавливаемом для индоевропейской поэтической речи образе солнца как 'колеса' (*k^we/olo-, *k^we/ok^{w}e/olo-)[36], позволяющем удостоверить не только общеславянский[37], но и общеиндоевропейский характер

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1979.

[36] *Schmitt R.* Op. cit., S. 166-169. - В пользу интерпретации образа как поэтического могло бы говорить созвучие (возможно, намеренно подобранное) этого названия колеса и названия солнца *s(a)u̯e/ol-n-: в таком случае *k^we/olo - можно было бы рассматривать как индоевропейскую анаграмму названия солнца.

[37] *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, с. 135, 230 (реконструкции 181 и 182); Они же. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 22, 221.

поэтических формул, к которым восходит полесское блр. *сонейко колесом на гору йде*[38]; (*Sdŭneńko*) *Jest to bolszdje koleso*[39]; блр. *колясом, соўнийка, колясом, обсей, мамухна нас оўсом*[40]; укр. *Колесом - колесом Сонечко в гору йде; Солнце колесом у гору идзетсь*[41]; чеш. *v poledňe slunečko kolem jde*[42]; *joz to slonyčko kolem de*[43] и др. Ритуальные истоки этой мифопоэтической формулы в славянской традиции достаточно явственно обнаруживаются в многократно описанных (в частности, в Полесье и на Украине) обрядах водружения и сжигания колеса на шесте[44]. А.Н. Афанасьев, который в исследовании этого (как и многих других) фрагмента поэтической речи предвосхитил выводы новейших трудов, сопоставив известные ему (тогда еще очень неполно) данные отдельных славянских традиций с аналогичным образом, ранее обнаруженным Куном в других индоевропейских традициях, обратил внимание в той же связи на архаизм словацкой сказки о зимнем похитителе Солнца и весеннем его освободителе. В этой сказке противники оборачиваются колесами и катятся с горы. Колесо избавителя налетело на своего противника и его раздробило[45].

Гениальность догадки Афанасьева об отражении в этой сказке (и во всем комплексе связанных с ней славянских представлений) архаического индоевропейского образа солнца как колеса обнаруживается при сравнении славянского мотива с осетинским нартовским эпосом, в котором выступает аналогичный мотив состязания между солнечным героем Созырыко и его противником. Дюмезиль, детально исследовавший этот сюжет в свете обширных сравнительно-этнографических исследований о солнце как колесе, отметил его индоевропейские истоки, в частности, сопоставив его и со славянской сказкой о "Похищении солнца" (но в том представленном в собрании Караджича сербском варианте, где

---

[38] *Довнар-Запольский М.В.* Песни пинчуков. - В кн.: Белорусское Полесье, вып. 1. Киев, 1895, № 12.

[39] *Moszyński K.* Polesie wschodnie. Warszawa, 1928, с. 157.

[40] *Шейн П.В.* Белорусские народные песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суеверьями. СПб, 1874, с. 330.

[41] *Терещенко А.В.* Быт русского народа, ч. II. СПб, 1848, с. 470, 521.

[42] *Susil S.* Moravské narodní písne. Brno, 1859, с. 444.

[43] Там же, с. 557.

[44] *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей, с. 221 (там же литература вопроса). Ср. относительно отчасти возможно сходного древнего символа, называемого в русских диалектах *ворожейка* (сопоставимо с хет. *ḫurki* 'колесо', тох. А *wärkänt-* 'колесо', В *yerkwantai* 'колесо', *yerter* 'обод'), см.: *Иванов В.В.* Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка. - Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1975, т. XXXIV, в. 5, с. 405.

[45] *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу..., ч. 1. М., 1865, с. 209.

мотив колеса отсутствует)[46]. Вместе с тем Дюмезиль показал, что солнечное колесо нартовских сказаний (древнее иранское название которого *čarx* < **kʷekʷlo* – сохранено в черкесском и убыхском) выступает в древних мифах, связанных с сезонными праздниками[47]. Это колесо убивает Созырько. Правильность проведенных независимо друг от друга разборов Афанасьева и Дюмезиля подтверждается благодаря точному совпадению схемы словацкого варианта общеславянского сказочного сюжета "Похищение Солнца" с аналогичным восточно-иранским, отраженным в нартовском эпосе. В осетинской традиции сохранен и сезонный ритуал, позволяющий обнаружить первоначальную основу мифа.

К числу древних элементов славянского эпоса, для которых удается восстановить индоевропейский ритуальный прототип, принадлежит и мотив коня, который может 'говорить' (с.-хорв. *диванити*) на своем языке[48]. Как установил В.И. Чернышев, "говорящий конь в сербских и русских песнях является архаичным пережитком, удостоверяющим давнее родство тех и других"[49]. Близкие соответствия обнаруживаются в образах волшебных коней в других индоевропейских традициях, связываемых с общеиндоевропейским культом коня и с соответствующими ритуалами, достаточно хорошо сохранившимися и у славян, в частности, в погребальном обряде.

Достаточно тесная связь мифопоэтических формул – как индоевропейских, так и общеславянских – с ритуалами заставляет поставить вопрос о критериях, позволяющих отнести ту или иную формулу к поэтическим, а не просто к обрядовым (и соответственно отделить в какой-либо мере

---

46 *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М., 1976, с. 71, 72. – Славянские варианты сказки, приводимые Дюмезилем вслед за Веселовским (*Веселовский А.И.* К вопросу о дуалистических космогониях. – "Этнографическое обозрение", 1890, № 2) и Драгомановым (*Драгоманов М.* Забележки върху славянските религиозни-етически легенди. – В кн.: Сборник за народни умиратворения науки и книжнина, VIII, София, 1892), все связаны с дуалистическим северно-евразийским мотивом птицы, ныряющей в море, см. анализ этих славянских мотивов: *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964, с. 273-275.

47 *Дюмезиль Ж.* Указ. соч., с. 74-75, 112-115. Ср. также: *Албаров Б.А.* Легендарное колесо нартовских сказаний.- Известия Северо-Осетинского Научно-исследовательского института, т. XXXVII. Орджоникидзе, 1968, с. 142-180.

48 **Braun M.** Das Serbokroatische Heldenlied (Opera Slavica, Bd. 1). Göttingen, 1961, S. 38.

49 *Чернышев В.И.* А.С. Пушкин и сербские и русские народные песни. – Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз. 1948, т. VII, с. 162. – Ср. о ритуальной роли головы коня в древней индоевропейской символике: *Иванов В.В.* Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов. – В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977, стр. 13.

собственно поэтический язык от ритуального). Важнейшим из таких критериев является наличие определенных принципов формальной (в том числе и звуковой) организации.

Согласно выводам Р.О. Якобсона, посвятившего специальное исследование общим формальным чертам разных славянских традиций, "почти каждый жанр фольклора (эпос, причитания, обрядовые песни и формулы, заговоры, загадки, пословицы) располагает общеславянским запасом тропов и фигур, звуковых и композиционных приемов, типов параллелизма и других образных средств. Общие структурные особенности русского и южнославянского эпоса, которые давно поразили проницательного Миклошича, явно показывают две вещи: что до распада славянской общности у славян уже была высокоразвитая эпическая техника и что за ней следовала непрерывная тысячелетняя традиция"[50].

В цитированном труде Р.О. Якобсона были реконструированы, в частности, некоторые типы парономасии, общие для разных славянских традиций (типа рус. *высоко сокол поднялся*, для которого обнаруживаются украинские, сербохорватские и другие славянские параллели). В некоторых из подобных случаев соответствия можно найти и в балтийском, как для комбинации названия волка с глаголом *влечь*: чеш. *Vlk vláčí dotud až i vlka povlekou* (в пословице), лтш. *piēci vîlki vîlku vîlka*, где отражены если не древние этимологические, то народно-этимологические связи[51]. Этимологические фигуры, распространенность которых во всех славянских поэтических традициях установлена уже в классических работах, подводящих к выводу о наличии единого общеславянского поэтического языка[52], в некоторых случаях должны быть возведены к общеиндоевропейскому: так, общеславянское сочетание **umbrěti svojǫ sъmьrtьjǫ* 'умереть своей смертью', восстанавливаемое на основе с.-хорв. *умерети својом смрти*, пол. *swa śmiercią umrzeć*, чеш. *umřiti svou smrtí*, рус. *умереть своей смертью*, восходит к общеиндоевропейскому, что показывает совпадение с лит. *jis mire savo mirtimi* 'он умер своей смертью', др.-перс. *uvāmṛšiyuš amariyatā* 'своей смертью умер' при наличии возможной параллели в хеттском[53].

---

50 *Jakobson R.* The kernel of comparative Slavic literature. – In: Harvard Slavic Studies, vol. I. Cambridge, Mass., 1953, p. 51.

51 Ibid., p. 20.

52 *Миклошич Ф.* Изобразительные средства славянского эпоса. М., 1875; *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian, część II. Kultura duchowa, zesz. 2, rodz. 18. Literatura ustna. Kraków, 1939; *Jakobson R.* Op. cit., p. 10-13.

53 *Иванов В.В., Топоров В.Н.* К реконструкции праславянского текста, с. 146, 147; *Иванов В.В.* Использование для этимологических исследований сочетаний однокорен-

С точки зрения структуры общеиндоевропейских и общеславянских поэтических текстов этимологические фигуры могут рассматриваться лишь как часть существенно более общего принципа, в соответствии с которым ключевое слово находит звуковой отклик в других словах того же текста - как ему родственных (в случае этимологических фигур), так и связываемых с ним только в данном контексте (анаграммы). Развивая идеи Соссюра, считавшего анаграммы основным средством построения древнего индоевропейского стиха[54], значительное число анаграмм в славянском эпическом материале выявил Р.О. Якобсон[55]. Проведенные в последнее время сравнительные исследования мифопоэтических славянских текстов позволяют предположить, что в некоторых из них отражены анаграммы индоевропейской эпохи[56].

Еще более очевидны результаты, полученные благодаря исследованию сходных или почти совпадающих размеров в разных славянских (южной, с одной стороны, западной и восточной, - с другой) поэтических традициях, позволяющих установить общеславянские принципы метрической организации текста. Основным источником для реконструкции праславянского стиха является народная поэзия, менее подверженная иноязычным влияниям: благодаря своей консервативности она сохраняет не только означающую сторону стиха (формальную метрическую схему), но и означаемую сторону (приурочение формальной схемы к определенному жанру). Те нововведения, которые обнаруживаются в отдельных поэтических традициях, часто легко объясняются как следствия преобразования праславянской схемы, вызванного изменением в фонологических системах отдельных славянских языков. В настоящее время наиболее достоверные реконструкции праславянского эпического стиха[57] основываются именно на сравнении северновеликорусской и сербской эпических традиций.

ных слов в поэзии на древних индоевропейских языках. - В кн.: Этимология. 1967. М., 1969, с. 41-42 (там же библиография).

54 *Соссюр де Ф.* Труды по языкознанию. М., 1977, с. 633-649.

55 *Jakobson R.* Selected writings, IV. Slavic Epic Studies. The Hague-Paris, 1966, p. 606, 607, 680-686. Эти исследования явились продолжением указанных выше трудов Р.О. Якобсона, еще ранее установившего характерные черты парономасии и этимологических фигур в славянском.

56 *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Этимологическое исследование этимологически ограниченных групп лексики в связи с проблемой реконструкции праславянских текстов. - В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973. - Там же приводятся некоторые дополнительные аргументы в пользу существования общеславянской металингвистической традиции ('поэт' как 'кующий речь'), восходящей к общеиндоевропейской.

57 *Jakobson R.* Selected writings, IV, p. 414-463.

В частности, таким образом восстанавливается праславянский десятисложный стих. Его основные характеристики таковы: 1) в строке десять слогов; 2) после четвертого слога обязательна цезура; 3) количественные отношения последних трех слогов упорядочены таким образом, что девятый слог всегда долгий, а последний (десятый) слог безразличен к долготе и краткости. Что же касается количественных отношений в начале строки и распределения ударений в строке, то они подчинены только статистическим закономерностям. Следовательно, вводя знак x для обозначения слога, знак | для цезуры, знак || для конца строки, схему праславянского десятисложника можно записать следующим образом:

(1) x x x x | x x x x̆ x̄ x̆ ||

Одним из отражений этого праславянского метрического типа является сербско-хорватский десятисложник ("десетерац") типа:

Ѝуранила | Ко̏со̄вка дѐво̄јка, ||
Ѝуранила | ра̏но у нѐдељу
У нѐдељу | прије ја̑рка су̑нца, ||
Засу̏кала | бѝјелē рука̀ве, || ...

В сербско-хорватском "десетераце" сохраняются первые две характеристики праславянского десятисложника, а третья характеристика проявляется в том, что ударный и безударный долгий крайне редко встречается в 8-м и 7-м слогах. Кроме того, специфическое развитие сербско-хорватской просодической системы, обусловившее безударность конечных слогов, привело к тому, что перед цезурой и перед концом строки два последних слога (соответственно 3-й и 4-й, 9-й и 10-й) принадлежат к одной словесной группе. Помимо указанных метрических ограничений, в сербско-хорватском "десетераце" обязательно то, что внутри строки хотя бы одна граница каждой словесной группы должна предшествовать нечетному слогу. Из статистических тенденций сербско-хорватского "десетераца" особенно существенны, во-первых, хореическая, сказывающаяся в безударности четных слогов, во-вторых, меньшая ударность 3-го и 7-го слогов по сравнению соответственно с 1-м и 5-м, 5-м и 9-м, в-третьих, наличие трех фразовых ударений (из которых одно предшествует цезуре, а два других следуют за ней), в-четвертых, преимущественное тяготение к открытым слогам в конце строки.

Таким образом, из праславянского выводятся следующие установленные Р.О. Якобсоном метрические константы и метрические тенденции сербского десятисложного стиха.

а) Метрические константы:

1. изосиллабизм: каждая строка содержит десять слогов;
2. имеется обязательная синтаксическая пауза между строками;

3. обязательный словораздел между словесными группами - между первыми четырьмя слогами и следующими шестью;

4. десятый и четвертый слоги принадлежат к той же словесной группе, что и третий и девятый

4|6 = x x x x | x x x x x x ;

5. словесные группы с четным количеством слогов должны начинаться с нечетного слога;

6. ударный краткий избегается в девятом слоге, а ударный долгий практически никогда не встречается в восьмом и седьмом слогах.

б) Тенденции (выявляются статистически):

1. долгие, даже и безударные чаще встречаются в 9-м, чем в каких-либо других слогах, и долгие послеударные реже встречаются в 7 и 8 слогах. Просодическое удлинение девятого слога сопровождается соответствующими явлениями в исполнении и музыкальном сопровождении;

2. аномально малое число словесных групп с нечетным числом слогом по сравнению с сербо-хорватской прозой;

3. четные слоги обычно безударны;

4. каждый четный ритмический центр менее ударен по сравнению с соседними нечетными: 3-й слог - по сравнению с 1-м и 5-м, 7-й - по сравнению с 5-м и 9-м;

5. в каждой строке обычно 3 фразовых ударения - одно в первом колоне, два - во втором колоне.

Как отмечал еще Срезневский (а позднее подробно доказал Корш), такой же размер имеется у всех славян. Его нет у соседних неславянских народов - за исключением венгров, по-видимому, как полагал Корш, заимствовавших сходный двенадцатисложный размер у славян (тогда как древний угорский восьмисложный стих сохранился у остяков и вогулов).

В южнославянской области эпический десятисложник есть у словен, македонцев, западных болгар; но в болгарских диалектах со свободным динамическим ударением ударение и словораздел менее зависимы друг от друга (сходное явление замечается - по тем же фонетическим причинам - в русском). Таким образом, с полной достоверностью его можно считать общим для всех южных славян. Что касается западных славян, то, как указал Корш, можно доказать древность для них десяти- и двенадцатисложного стиха. Однако в западнославянском стихе количественное замыкание сменяется рифмой, что можно показать на основании сравнения рифмованного и нерифмованного вариантов одного и того же текста. Совпадение южнославянских фактов с западнославянскими, однако, могло бы объясняться распространением этого размера из какого-либо одного культурного очага. Но славянская территория делится на различные области, между которыми долгое время не было никаких связей. Такими разорванными (в культурно-историческом и языковом) смысле областями являются южнославянские - сербо-хорватская, с одной стороны, северно-великорусская, с другой стороны - "Исландия русского эпоса".

Соответствующие сербскому десетерацу русские метрические типы представлены тремя разновидностями стиха былин, описанными Н.С. Трубецким и Р.О. Якобсоном:

(2) x x x́ x x́ x x x x x́ x

Как во-сто́льном го́роде во Ки́еве
А у-сла́вна кня́зя Володи́мера

(3) x x x́ x x x́ x x x x́ x x

Как во-сто́льном во го́роде во Ки́еве
А у ла́скова кня́зя Володи́мера

(4) x x x́ x x x x́ x x x x́ x x

Как во-сто́льном было го́роде во Ки́еве
А у-ла́скова у кня́зя Володи́мера

Для этих трех разновидностей былинного стиха общими являются следующие характеристики: 1) дактилическая клаузула, всегда отделенная тремя безударными слогами от обязательного ударения на 7-м слоге, считая с конца; 2) двусложная анакруза, предшествующая обязательному ударению на 3-м слоге, считая с начала. Количество слогов между 3-м слогом, считая с начала, и 7-м слогом, считая с конца, не меньше одного слога, причем один из этих слогов всегда принадлежит в качестве безударного к той же словесной группе, что и предшествующий ударный 3-й слог с начала. Типы (2) и (4) характеризуются закономерным хореическим чередованием ударений в отличие от типа (3), который можно записать в виде 2'2'3'2 (из этой записи видно, что вторая двусложная группа, разрушающая хореический метр, могла возникнуть по аналогии с двусложной анакрузой и двусложной безударной группой в конце строки). Продуктивность типа (3) может служить косвенным аргументом, говорящим в пользу гипотезы о его вторичном происхождении. В былинах особых жанров (в частности, связанных со скоморохами) встречаются формы былинного десятисложного стиха, которые сходны с типом (2), но отличаются от него женским, а не дактилическим окончанием. Хореический размер особенно явно выступает в тех местах этих былин, где для его соблюдения вставляются многочисленные паразитические словечки.

А ко той вдове да ко Нениле ...
Говорил да тот да ведь крестьянин ...
Он привез ведь тут да свою матерь ...

(5) x x x́ x x́ x x x x́ x

Именно последняя разновидность (5) былинного стиха особенно удобна для сравнения с сербско-хорватским "десетерацем" (хотя в этой последней разновидности нарушена закономерная для трех других типов связь 4-го слога с 3-м). Древнейший русский прототип стиха былин может быть охарактеризован следующим образом: сохраняются две первые

характеристики, третья преобразуется в акцентуационную (клаузула x x́ x, позднее заменяемая дактилической x x́ x x), четные слоги обычно безударны, 3-й и 9-й слоги обязательно ударны. В связи с обязательной ударностью 3-го слога (специфической именно для русского стиха) открываются два пути развития русского стиха былин: либо устраняется цезура при сохранении хореического десятисложного метра (тип 5), либо сохраняется цезура при изменении числа слогов (тип 3).

Различные отражения того же праславянского десятисложного размера (с различными ограничениями и нововведениями) обнаруживаются и в других славянских - южных, западных и восточных - поэтических традициях. В частности, аналогию с преобразованными русскими формами этого размера можно видеть в тех южнославянских (в частности, болгарских) метрических типах, которые (как и русские) основаны не на противопоставлении долготы краткости, а на различии ударности - неударности; таким образом, типология славянских просодических систем может быть распространена и на системы стихосложения. С другой стороны, преобразование праславянской клаузулы в русское дактилическое окончание, которое может выступать и как рифмоид, можно сравнить с такими преобразованиями той же клаузулы в западнославянском стихе, где прежние соотношения по долготе - краткости частично заменяются рифмовкой. В тех славянских поэтических традициях, где сохранились древние жанровые различия, десятисложник выступает в качестве эпического стиха (в частности, у восточных и южных славян); там же, где древние жанры преобразовались, десятисложник употребляется в тех жанрах, которые ближе всего в древнему эпическому (у западных славян).

К праславянским стихотворным размерам, видимо, можно отнести и двенадцатисложный стих, обнаруживающий тесную связь с десятисложным. В десятисложном стихе, помимо рассмотренной выше основной схемы 4+6, характерной для эпического стиха, встречается (преимущественно в лирической поэзии) и схема 5+5, где строка делится цезурой пополам; такое же двоякое членение (4+4+4 и 6+6) имеется и в двенадцатисложнике:

6) x x x x | x x x x | x x x x ||
7) x x x x x x | x x x x x x ||

Между северновеликорусской областью и сербо-хорватской областью сходства наблюдаются не только в отношении древнего десятисложного эпического стиха, но и по отношению к плачам и причитаниям. При этом на материале плачей (причитаний) можно легче обнаружить закономерные отношения между южнославянскими и восточнославянскими метрическими формами.

Плачи у южных славян существуют в двух стихотворных формах - в форме более длинного и более краткого стиха. Более длинный состоит из 12 слогов, кончается синтаксической паузой и разделен на 3 колона по 4 слогов в каждом с трохаической тенденцией (особенно в последнем колоне). Конечный слог каждого колона всегда безударен и принадлежит к той же словесной группе, что и предшествующий слог. Закономерности, присущие сербскому трохаическому ритму, исследованы статистически.

Более краткий не имеет среднего колона: строка состоит из 8 слогов, которые делятся на два четырехсложных колона, что соответствует стиху болгарских плачей (*тъжачки*). Двенадцатисложный стих южных славян имеет аналогии в стихе русских причитаний, но в русском народном стихе нововведением является дактилическая рифма, поэтому строка тринадцатисложна. В русском безударность всех четных слогов почти что метрическая константа (а не тенденция, как в сербском). Ударение обязательно на третьем и одиннадцатом слогах, почти постоянно на седьмом, факультативно на первом и (гипотетическом) тринадцатом слоге и весьма необычно на девятом и пятом. Более сильные ритмические центры могут делить строку на колоны, которые делятся подвижной границей (ср. болгарский).

В двенадцатисложнике при членении типа (6) первая группа (до цезуры) сходна с первой группой в основной схеме (1) десятисложника; при членении типа (7) вторая группа (после цезуры) сходна со второй группой в основной схеме (1) десятисложника.

Так же как и основная схема десятисложного стиха, двенадцатисложник типа (6) лучше всего сохранился в двух изолированных областях, не сообщавшихся непосредственно друг с другом: в сербско-хорватской и северно-русской, что делает реконструкцию этих размеров особенно надежной с точки зрения лингвистической географии. Преобразование исходного праславянского типа двенадцатисложника в те формы, которые в сербско-хорватском и русском используются как стих причитаний, в общем соответствует тем же закономерностям, которые отмечались выше применительно к десятисложнику. В частности, в русских причитаниях типа

Укати́лося | вели́кое | жела́ньице ||
Оно́ в во́душки | жела́нье, | во глубо́кие, ||

наблюдается обязательность ударения на 3-м слоге, считая с начала, введение дактилической клаузулы и двусложной анакрузы и преобразование границ средней группы, сравнимое с аналогичными чертами в русском стихе былин. Характерно, что тринадцатисложный стих былин типа (4) можно рассматривать не только как расширенный вариант десятисложника, но и как закономерное развитие двенадцатисложника. Чередование десятисложных строк с двенадцатисложными в пределах одного сочинения отмечается в сербско-хорватском стихе, а также в других славянских поэтических традициях (восточных, западных и южных), где наличие десятисложного стиха обычно предполагает и наличие двенадцатисложного. Древность двенадцатисложника подтверждается и другими, более косвенными данными, в частности, наличием соответствующих музыкальных ладов (польский кра-

ковяк). Двенадцатисложный стих использовался не только в эпосе и в таких специфических жанрах, как причитания, но и в номологических и подобных им высказываниях, например, в поговорках (ср. аналогичное употребление греческого пароимического стиха, сопоставляемого со славянским десятисложником).

Реконструируемый праславянский восьмисложный стих представлен, как и предыдущие размеры, в двух вариантах: 5+3 и 4+4, засвидетельствованных во всех основных славянских поэтических традициях:

(8) x x x x x | x x x ||
(9) x x x x | x x x x ||

Восьмисложный стих типа (9) можно рассматривать как сокращенный вариант типа (6); параллелизм этих двух типов подчеркивается тем, что они выступают в качестве двух форм плачей (или причитаний) как в сербско-хорватской поэтической традиции, так и в северно-русской. Восьмисложник типа (8) встречается в качестве стиха исторических песен, и в этом смысле противопоставлен эпическому десятисложнику (ср. аналогичное противопоставление стиха исторических песен и эпического стиха в кельтской, германской и других индоевропейских поэтических традициях).

Помимо указанных типов стиха, к праславянским прототипам можно возвести еще целый ряд размеров как с еще меньшим числом слогов (например, семисложник со схемой 4+3), так и с большим числом слогов (тринадцатисложник со схемой 4+4+5 и четырнадцатисложник со схемой 4+4+6). Однако применительно к размерам с числом слогов, большим чем 12, надежна скорее не реконструкция данного праславянского размера, а тех схем отдельных многосложных групп (из четырех, пяти и шести слогов), путем монтирования которых могли получаться тринадцати- и четырнадцатисложные строки. В качестве аналогии можно указать на то, что в русских народных песнях (например, записанных Р.Д.Джеймсом) используются 6-сложные строки типа x x x x x́ x, x x x́ x x́ x, каждая из которых может рассматриваться как составной элемент стиха русских былин или причитаний.

Исследования по индоевропейской метрике, осуществленные на протяжении двух последних десятилетий, показали, что семи- и восьмисложная строка с метрически фиксированной клаузулой является, по-видимому, наиболее архаическим типом метрической организации[58]. Вместе с тем все шире выявляется распространенность обрядового восьмисложного стиха с членением 5+3 в славянском обрядовом фольклоре[59]. Расширение круга сравниваемых индоевропейских метрических традиций, включающих не только греческую и индийскую (на которые в основном опирался Мейе, чьи выводы поэтому относятся скорее к общегреческо-арийскому, чем к индоевропейскому), но также и кельтскую, латинскую, хеттскую (и позднеанатолийскую - лидийскую) позволяет уточнить типы метров, которые можно считать общеиндоевропейскими источниками славянских. В качестве таких архаических типов выступают преимущественно семисложники и восьмисложники со словоразделами после третьего или четвертого слогов и фиксированной клаузулой типа -ᴗ-x и ее вариациями. Из этих типов непосредственно выводима метрика древнейших ритуальных славянских песен. Поэтому выводы сравнительной метрики согласуются с другими приведенными выше фактами, позволяющими считать, что славянская традиция составления архаических мифопоэтических и обрядовых текстов прямо продолжала индоевропейскую. Истоки древнего литературного языка славян восходят к общеиндоевропейской поэтической речи, что весьма существенно для ранней культурной истории славянства.

---

[58] *Watkins C.* Indo-European metrics and archaic Irish verse. - Celtica, 1963, vol. 6, p. 194-249; *Cole T.* The Saturnian verse. In: Studies in Latin poetry (Yale Classical studies, v. XXI), Cambridge, Mass., 1969, p. 1-75; *Nagy G.* Comparative studies in Greek and Indic meter, Cambridge, Mass, 1974; *West M.L.* Indo-European metre. - Glotta, 1973, v. LI, N 3-4, p. 161-187.

[59] *Земцовский И.* Мелодика календарных песен. Л., 1975, с. 147, 163 и др.

В.Н. ТОПОРОВ

„ПРОГЛАС“ КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА КАК ОБРАЗЕЦ СТАРОСЛАВЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

"Проглас" Константина Философа привлек к себе внимание специалистов после того, как он был найден А.Ф. Гильфердингом (1858 г.) и издан тогда же по списку Печского Евангелия И.И. Срезневским и в том же году вторично Гильфердингом. По списку Хиландарского (Афонского) Евангелия "Проглас" был издан в 1868 г. архимандритом Леонидом и в 1895 г. - архимандритом Дучичем. В 1875 г. А.Н. Попов опубликовал третий вариант - по списку Хлудовского Евангелия. Все эти списки являются по происхождению сербскими (XIV в.). Они достаточно близки друг к другу и, видимо, восходят к единой и довольно поздней версии. В 1902 г. А.И. Соболевский издал русский список "Прогласа", входивший в состав сборника Троицкой Лавры (XVI в.) и отличающийся независимостью от сербских списков (к сожалению, от него сохранилось менее половины текста). В 1910 г. этот текст был перепечатан Соболевским снова, причем была сделана попытка реконструкции первоначального текста "Прогласа". Среди других изданий текста и попыток восстановления его древнейшей формы заслуживают внимания опыты Р. Нахтигаля и А. Вайяна, а также Е. Георгиева[1], не говоря о более ранних публикациях (см. литературу).

Полное название "Прогласа" меняется от списка к списку (ПРИГЛАСЪ ЕСМЬ СВАТОМОУ ЕУАНГЕЛІЮ. Троицк.; ПРОГЛАСЬ ЄСТЬ С(ВЕ)Т(А)ГО ЄУ(АН)Г(Е)ЛИА. Хиланд.; ПРОГЛАСЫЄ ... и т.д. Хлуд.). В реконструированном тексте, используемом в этой статье (Vaillant 1956), предлагается читать название, как ПРИГЛАСИЄ СВАТОУОУМОУ ЄВАНГЕЛІЮ, причем ПРИГЛАСИЄ является конъектурой, калькирующей греч. προσφώνησις[2]. Что касается авторства "Прогласа", то мнения ученых в этом вопросе расходятся решительно: одни, как Соболевский, Й. Иванов, Вайян или Кодов видят в авторе Константина Болгарского (Преславского, он же - епископ Константин), другие, как Голубинский, Франко, Георгиев, Якобсон и др., решают вопрос в пользу Св. Константина, славянского первоучителя (Константин Философ), третьи (Ягич, Нахтигаль и др.) или отвергают оба эти решения, или не уточняют своего выбора. В настоящее время вопрос об авторстве текста не может считаться праздным. Дело не столько в том, чтобы датировать "Проглас" 60-ми или 90-ми годами IX в.[3], сколько в выборе правильного отождествления автора э т о г о текста и ряда других стихотворных (и даже нестихотворных) старославянских текстов. Выявление текстов, принадлежащих Константину Философу (особенно таких, как "Похвала Григорию Богослову" и даже "Азбучная молитва" в форме акростиха, "Тайная служба" и т.п.)[4], позволяет расширить возможности сравнения "Прогласа" с точки зрения его принадлежности к указанному классу текстов. Действительно, анализ этих последних, кажется, позволяет выделить ряд элементов (словесных, фразеологических, стилистических и даже концептуальных), довольно точно соответствующих отдельным фрагментам "Прогласа" (об этом см. отчасти ниже и особенно в другом месте). Вместе с тем можно надеяться и на то, что и "Проглас" и "Похвала Григорию Богослову" объединяются некоторыми общими чертами стиля и содержания (слово - мудрость) с поэтикой и религиозно-философской доктриной Григория Назианзина (Богослова, ок. 329-390 гг.), одного из трех наиболее почитаемых святителей и одновременно великолепного писателя и непревзойденного стилиста своего времени (особенно в его стихотворных произведениях)[5]. Как бы ни обстояло дело с авторством "Прогласа", но общая тенденция в этом вопросе недвусмысленно определяется тем, что сейчас уже никто не решился бы повторить вслед за Брюкнером, что "Кирилл(-Константин) никогда ничего не писал по-славянски"[6]. В этом смысле современная оценка авторства "Про-

---

[1] См. Nahtigal 1943; Vaillant 1948, 1948a, 1956; Георгиев 1938. К истории изучения и публикаций "Прогласа" ср.: Соболевский 1902, 1910, с. 17-27; Георгиев 1938, с. 8-11; 1956, с. 165 и след. и др.

[2] Ср.: ц.-сл. ПРИГЛАСИТИ 'προσφωνεῖν', 'φωνεῖν', но ПРИГЛАСИЄ 'προσῳδία' при ПРОГЛАСИТИ 'προαναφωνεῖν', 'praedicere' (ПРОГЛАСЪ отсутствует в текстах).

[3] Впрочем, от этого выбора зависит дата перевода на старославянский язык Четвероевангелия, поскольку его существование предполагается "Прогласом". Ср. 14-15: МАТѲЄИ, МАРКЪ, ЛОУКА И ІОАНЪ || ОУЧАТЬ ВЬСЬ НАРОДЪ ГЛАГОЛАШТЕ...

[4] Ср.: Георгиев 1957. Вместе с тем ср. службу Св. Мефодию, приписываемую епископу Константину, см. Костић 1937.

[5] Здесь уместно напомнить, что "Паннонская легенда" свидетельствует о знакомстве Константина-Кирилла с трудами Григория Назианзина уже на седьмом году жизни. Он знал их ИЗЪОУСТЬ (Житие Конст. III, 17), а их автора, Григория Назианзина, избрал себе защитником и покровителем.

[6] Само знание Константином (как и Мефодием) славянского языка не ставится под сомнение (ср.: ВЪІ БО ЄСТА СЄЛОУНѢНИНА, ДА СЄЛОУНѢНЄ ВЬСИ ЧИСТО СЛОВѢНЬСКЪІ БЄСѢДОУЮТЪ. Житие Мефод. V, 8), и при этом, конечно, исключено предположение о том, что Константин мог составить "Проглас" сначала на греческом языке (в отличие от "Похвалы Григорию", см. Якобсон 1970, с. 334-335).

гласа" достаточно близка к точным указаниям старых списков: ПРЕДСЛОВИЕ ЄУАНГЄЛЛЬСКОЄ СВАТАГО КИРИЛА (Троицк.) или БЛ(А)ЖЄНАГО ОУЧИТЄЛЮ НАШЄГО КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА СЛОВО (Хиланд), которым не придавалось сколько-нибудь серьезного значения из-за действительной мифологизирующей тенденции к циклизации ряда старославянских текстов вокруг имени Константина Философа.

"Проглас" заслуживает особого внимания как один из самых ранних памятников славянской книжной поэзии. Среди старославянских стихотворных текстов он является наиболее значительным по объему, если иметь в виду оригинальные тексты (иное дело - Киевские листки, представляющие собой перевод миссала). Каковы бы ни были источники отдельных частей "Прогласа", как целое он является оригинальным памятником старославянской поэзии не только по языку, но и по композиции. В этом смысле "Проглас" менее зависит от греческих образцов, чем другие стихотворные тексты Константина и, в частности, чем его энкомий Григорию, предполагающий явную ориентацию на структуру семистиший Григория Назианзина[7]. С этой точки зрения "Проглас" - самый характерный и наиболее представительный памятник старославянской поэзии, тот "Slavic response to Byzantine Poetry", о котором писал Р.О. Якобсон, имея в виду "творческую автономию и суверенное полноправие славянских провинций византийского искусства, изобразительного и словесного" (Якобсон 1963, с. 166). И еще одно основание для обращения к "Прогласу" состоит в том, что структура этого текста как поэтического произведения, строго говоря, пока не была предметом сколько-нибудь подробного анализа, хотя в разной связи те или иные ее элементы описывались и изучались (ср. прежде всего Георгиев 1938, 1956)[8]. Так что и в этом отношении больше повезло "Похвале Григорию Богослову" (ср.: Trubetzkoy 1934, Якобсон 1957 и особенно 1970 и др.).

По необходимости и в этой статье придется ограничиться рассмотрением лишь некоторых аспектов структуры текста "Прогласа".

Дело в том, что некоторые места "Прогласа" ориентированы именно на славянский язык (тема *слова* и *словен* и т.п.), при переходе же на греческий снимается эффектнейшая парономасия, несколько раз появляющаяся в "Прогласе".

[7] См. Colaclides P. On the Sources of the Encomium to Gregory the Theologian by Saint Cyril (см. Якобсон, 1970, с. 335). Известно, что перед славянской миссией Константин сочинял греческие гимны и был связан с византийскими гимнографами, см. Якобсон 1963, с. 259-260).

[8] К сожалению, автору осталась недоступной статья - Jakobson 1954, с. 19-23.

ПРИГЛАСИЄ СВАТОУОУМОУ ЄВАНГ'ЄЛИЮ

ЮКО ПРОРОЦИ | ПРОРЕКЛИ СХТЪ ПРѢЖДЕ,
ХРЬСТЪ ГРАДЕТЪ | СЪБЬРАТИ ЯЗЫКЫ,
СВѢТЪ БО ЄСТЪ | ВЬСЕМОУ МИРОУ СЕМОУ[9].
5-6. РѢША БО ОНИ | СЛѢПИИ ПРОЗЬРАТЪ,
ГЛОУСИ СЛЬШАТЪ | СЛОВО БОУКЬВЬНОЄ.
БОГА ЖЕ ОУБО | ПОЗНАТИ ДОСТОИТЪ.
ТОГО ЖЕ ДѢЛ'ЮА | СЛЬШИТЕ, СЛОВѢНЕ, СИ.
10. ДАРЪ БО ЄСТЪ | ОТЪ БОГА СЬ ДАНЪ.
ДАРЪ БОЖИИ | ЄСТЪ ДЕСНЪІЮА ЧАСТИ.
ДАРЪ ДОУШАМЪ | НИКОЛИЖЕ ТЬЛѢЮА.
ДОУШАМЪ ТѢМЪ | ЯЖЕ И ПРИИМХТЪ.
МАТѲЕИ, МАРКЪ, | ЛОУКА И ІОАНЪ
15. ОУЧАТЬ ВЬСЬ | НАРОДЪ ГЛАГОЛ'ЮЩТЕ
ЄЛИКО ОУБО | ДОУШАМЪ СИ ЛѢПОТХ
РАДОУЄТЕ СА | ВИДѢТИ И Л'ЮБИТЕ,
ГРѢХОВЬНХЮ | ТЬМХ ОТЪГЪНАТИ
И МИРА СЕГО | ТЬЛ'ЮЩ ОТЪЛОЖИТИ,
20. И РАИСКОЮЕ | ЖИТИЮЕ ПРИОБРѢСТИ,
И ИЗБѢЖАТИ | ОТЪ ОГН'ЮА ГОРХЩТА,
ВЬНЬМѢТЕ МЪІ | ОТЪ СВОЮЕГО ОУМА.
СЛЬШИТЕ ОУБО, | НАРОДИ СЛОВѢНЬСТИ.
СЛЬШИТЕ СЛОВО, | ОТЬ БОГА БО ПРИДЕ.
25. СЛОВО ЖЕ КРЬМА | ЧЛОВѢЧЬСКЪІЮА ДОУША,
СЛОВО ЖЕ КРѢПА | И СРЪДЬЦЕ И ОУМЪ,
СЛОВО ГОТОВА | ВЬСА БОГА ПОЗНАТИ.
ЮКО БЕ-СВѢТА | РАДОСТЬ НЕ БХДЕТЬ
ОКОУ ВИДАШТОУ | БОЖИЮ ТВАРЬ ВЬСЮ.
30. НЪ БЕЗ ЛѢПОТЫ | НЕ ВИДИМОЮЕ ЄСТЪ,
ТАКО И ДОУША | ВЬСѢКА БЕЗ БОУКЪВЪ,
НЕ СЪВѢДХЩТИ | НИ ЗАКОНА БОЖИЮА,
ЗАКОНА ИЖЕ | НА ГРѢХОВЬНААГО,
ЗАКОНА РАИ | БОЖИИ ЮВЛ'ЮАЮЩТА.
35. КЬІИ БО СЛОУХЪ | ГРОМЬНЪІИ ТХТЬНЪ
СЛЬША МОЖЕТЪ | БОГА НЕ БОЮ ТИ СА;
НОЗДРИ ЖЕ ПАКЪІ | ЦВѢТА НЕ ХХАЮЩТА
КАКО БОЖИЮЕ | ЧОУДО РАЗОУМѢЮЩТЪ;
ОУСТА БО ЮЖЕ | СЛАДЬКА НЕ ЧОУЮЩТЪ
40. ЮКО КАМѢНА | ТВОРАТЪ ЧЬЛОВѢКА.
ПАЧЕ ЖЕ СЕГО | ДОУША БЕЗБОУКЪВЬНА
ЮВЛ'ЮЄТЪ СА | ВЪ ЧЛОВѢЦѢХЪ МРЪТВА.
СЕ ЖЕ ВЬСЕ МЪІ | БРАТИЮЕ, СЪМЪІСЛАШТЕ,
ГЛАГОЛ'ЕМЪ ВЪІ | СЪВѢТЬ ПОДОБЬНЪ,

---

[9] В русской редакции XVI в. после этого стиха следует еще один, который, однако, отсутствует в сербской редакции (СЕ СІЄ СБЫСТЬ СА В СЕДМЫИ ВѢКЪ СЬ; в реконструкции Nahtigal 1943, с. 53: СЕ СА СЪБЫСТЪ ВЪ СЕДМЫИ ВѢКЪ СЬ) и считается Vaillant 1956, с. 13 интерполяцией. Ср. показательное совпадение в Слове похвальном Кириллу и Мефодию: ЕЖЕ СА И СЪБЫСТЪ ВЪ СЕДМЫИ ВѢКЪ НАШЬ... и далее, хорошо известное специалистам, как и близкий фрагмент из "Жития Константина: И ВЬСЕ СА ЄСТЪ СЪБЪІЛО, ЕЖЕ СХТЪ ПРОРОЦИ ПРОРЕКЛИ... (X, 36).

45. ИЖЕ ЧЛОВѢКЪІ | ВЬСА ОТЪЛѪЧИТЪ
ОТЪ ЖИТИЮ | СКОТЬСКА И ПОХОТИ
ДА НЕ ИМѪШТЕ | ОУМЪ НЕРАЗОУМЬНЪ.
ТОУЖДЕМЬ ЮЗЫКОМЬ | СЛЬШАШТЕ СЛОВО,
ЮКО МѢДЬНА | ЗВОНА ГЛАСЪ СЛЬШИТЕ.
50. СЕ БО СВАТЫИ | ПАВЬЛЪ ОУЧА РЕЧЕ,
МОЛИТВѪ СВОИѪ | ВЪЗДАЮ ПРѢЖДЕ БОГОУ,
ЮКО ХОШТѪ СЛОВЕСЪ | ПАТЬ ИЗДРЕШТИ[10],
ДА И ВЬСѢ БРАТИЮ | РАЗОУМѢЮТЪ,
55. НЕЖЕ ТЬМѪ СЛОВЕСЪ | НЕРАЗОУМЬНЪ.
ЧЬЛОВѢКЪ БО | НЕ РАЗОУМѢВАЮ И
НЕ ПРИЛЕЖИТЪ | КЪ ПРИТЪЧИ МѪДРѢИ
СЪКАЗАЮШТИ | БЕСѢДЫ ПРАВЫ НАМЪ
ЮКО БО ТЬЛ'Ю | ПЛЪТЕХЪ НАСТОИТЪ,
60. ВЬСЕ ТЬЛАШТИ, | ПАЧЕ ГНОЮ ГНОЮАШТИ,
ЮГДА СВОЮГО | БРАШЬНА НЕ ИМАТЪ,
ТАКО ДОУША ВЬСѢКА | ОПАДАЮЕТЪ,
ЖИЗНИ БОЖИЮ | НЕ ИМѪШТИ ДО ВѢКА,
ЮГДА СЛОВЕСЕ | БОЖИЮ НЕ СЛЬШИТЪ.
65. ИНѪ ЖЕ ПАКЪІ | ПРИТЪЧѪ МѪДРѪ SѢЛО
ДА ГЛАГОЛ'ЕМЪ | ПОДОБАШТѪЮ СѢМА
ХОТАШТЕ РАСТИ | БОЖИЮЕМЬ РАСТОМЬ.
ИДЕ БО ВѢРЪІ | СѢМА И ЮСТЬ ПРАВЫ.
ЮКО СѢМЕНА | ПАДАЮШТА НА НИВѢ,
70. ТАКО НА СРЪДЬЦИХЪ | ЧЛОВѢЧЬСЦѢХЪ.
ДЪЖДА БОЖИИ | БОУКЪВЪ ТРѢБОУЮШТА
ДА ВЪЗДРАСТЕТЪ | ПЛОДЪ БОЖИИ ПАЧЕ.
КЪТО МОЖЕТЪ | ПРИТЪЧА ВЬСА РЕШТИ
ОБЛИЧАЮШТА | БЕС КЬНИГЬ ЮЗЫКЪІ,
75. НЕВѢГЛАСЬІ ЮА | СЪМЪІСЛЬНѢ ГЛАСАШТА:
НИ АШТЕ ВЬСА | ЮЗЫКЫ ОУМѢЮТЪ
МОЖЕТЪ СЪКАЗАТИ | НЕМОШТЬ СИХЪ.
ОБАЧЕ СВОИѪ | ПРИТЪЧѪ ДА ПРИСТАВЛ'ЮѪ,
МЪНОГЪ ОУМЪ | ВЪ МАЛѢ РЕЧИ КАЖА
80. НАSИ БО ВЬСИ | БЕС КЬНИГЬ ЮЗЪІЦИ.
БРАТИ СА НЕ МОГѪШТЕ | БЕЗ ОРѪЖИЮ
СЪ ПРОТИВЬНИКОМЬ | ДОУШЬ НАШИХЪ,
ГОТОВЪ ПЛѢНЪ | ВЪ МѪКЪІ ВѢЧЬНЪІЮА.
СУБО ЮЗЫЦИ | НЕ ЛЮБАШТЕИ ВРАГА.
85. БРАТИ ЖЕ СА СЪ Н'ИМЬ | МЪІСЛАШТЕ SѢЛО,
ОТВРѢСТИ ДВЬРИ | ОУМОМЪ ПРИЛЕЖИТЕ,
ТВРЪДОЮЕ НЬІН'Ю | ОРѪЖИЮЕ ИМѪШТЕ
ЮЖЕ КОВѪТЪ | ЮЪН'ИГЪІ ГОСПОДЬН'А,
ГЛАВѪ ТЪРѪШТЕ | НЕПРИЮАЗНИ ВЕЛЬМИ.
90. БОУКЪВИ СИЮА | ИМЬЖЕ ПРИИМЕТЕ,
МѪДРОСТЬ ИХЪ | ДОУША ВАША КРѢПИТЪ[11],

[10] Ср. пропущенный стих 53: СЬ РАЗОУМОМЬ | (СВОИМЬ ГЛАГОЛАТИ). Nahtigal 1943; Vaillant 1956, с. 16.

[11] В реконструкции Нахтигаля этому стиху соответствуют два:

МѪДРОСТЬ (ТОМОУ) | ХРИСТОСЪ ГЛАГОЛ'ЕТЪ
И ДОУША ВАША | (БОУКЪВАМИ) КРѢПИТЪ.

См. также Vaillant 1956, с. 18.

АПОСТОЛИ ЖЕ | СЪ ПРОРОКЪІ ВЪСѢМИ,
ИЖЕ БО СИХЪ | СЛОВЕСА ГЛАГОЛ'ЮШТЕ
95. ПОДОБЬНИ БѪДѪТЪ | ВРАГА ОУБИТИ,
ПОБѢДѪ ПРИНОСАШТЕ | КЪ БОГОУ ДОБРѪ.
ПЛЪТИ БѢЖАШТЕ | ТЬЛ'А ГНОЮЕВЬНЫЮА..
ПЛЪТИ ЮЕЮАЖЕ | ЖИВОТЪ ЮКО СѢНО.
НЕ ПАДАЮШТЕ, | КРЕПКО ЖЕ СТОЮАШТЕ.
100. КЪ БОГОУ ЮВЛ'ЬШЕ СА | ЮКО ХРАБЪРИ,
СТОЮАШТЕ О ДЕСНѪЮ | БОЖИЮ СТОЛА
ЮЕГДА ОГНЕМЬ | СѪДИТЪ ЮАЗЪІКОМЬ,
РАДОУЮШТЕ СА | СЪ АНГ'ЕЛЪІ ВЪ ВѢКЪІ,
ПРИСНО СЛАВАШТЕ | ПРѢМИЛОСТИВААГО,
105. ВЬСЕГДА АКЬІ | КЪН'ИЖЬНИ ПѢСНЬМИ
БОГОУ ПОЮШТЕ | ЧЛОВѢКЪІ МИЛОУЮШТОУ.
ЮКО ПОДОБАЮЕТЪ | ВЬСѢКА СЛАВА,
ЧЬСТЬ И ХВАЛА | БОГОУ, СЪІНОУ ВЪИНѪ
СЪ ОТЬЦЕМЬ | И СВАТОУОУМОУ ДОУХОУ,
110. ВЪ ВѢКЪІ ВѢКЪ | ОТЪ ВЬСЕЮА ТВАРИ.
АМИНЬ.

Не входя здесь в детали структуры стиха, существенно все-таки отметить, что подавляющее большинство строк в реконструкции убедительно свидетельствует о двенадцатисложном размере с цезурой после пятого слога (12=5+7). Независимо от правомерности сопоставления размера "Прогласа" с размерами других стихотворных текстов, следует указать, что двенадцатисложник представлен и в "Азбучной молитве" Константина и в "Похвале царю Симеону" в Изборнике 1073 г. Ср. соответственно:

АЗЪ СЛОВОМЬ СИМЬ МОЛѪСА БОГОУ:
БОЖЕ ВЬСЕЮА ТВАРИ И ЗИЖДИТЕЛЮ
ВИДИМЫИМЪ И НЕВИДИМЫИМЪ!
. . . . . .
КЪ КРЬЩЕНИЮ ОБРАТИШАСА ВЬСИ,
ЛЮДИЮЕ ТВОИ НАРЕЩИСА ХОТАЩЕ...

или:

ВЕЛИКЫИ ВЪ ЦЬСАРИХЪ СУМЕОН,
ВЪЖДЕЛАНИЮЕМЬ SѢЛО ВЪЖДЕЛАВЪ...

Вместе с тем реконструированный текст "Прогласа" содержит ряд стихов с формулой (7+5), ср. 48, 52, 54-55, 62, 70, 77, 81-82, 85, 95, 96, 100-101 и 107. Ср.: КЪ БОГОУ ЮВЛЬШЕ СА | ЮКО ХРАБЪРИ или: ЮКО ХОШТѪ СЛОВЕСЪ | ПАТЬ ИЗДРЕШТИ, или: НЕЖЕ ТЬМѪ СЛОВЕСЪ | НЕРАЗОУМЬНЪ и т.п. Однако в целом ряде случаев этого рода можно думать о перестановке полустиший, позволяющей вернуться к формуле 5+7. Ср.: БРАТИ СА НЕ МОГѪШТЕ | БЕЗ ОРѪЖИЮ или ПОДОБЬНИ БѪДѪТЪ | ВРАГА ОУБИТИ и др.[12] Характерно, что примеры такого типа отмечены, как правило,

[12] См. комментарии к некоторым из подобных стихов – Vaillant 1956 (а также с. 7-9).

во второй половине "Прогласа". Двенадцатисложная структура некоторых старославянских текстов (как, напр., "Азбучной молитвы") соотносима с ямбическим двенадцатисложником дидактической поэзии в классической древнегреческой традиции и его продолжением в византийскую эпоху, в частности у Григория Назианзина, с тем же членением - 5+7 или 7+5[13]. Интересно, что двенадцатисложник реконструируется, кажется, и для праславянского стиха (4+4+4 или 6+6), но, учитывая его тесную связь с праславянским десятисложником типа 5+5, можно, видимо, допустить возможность членения и двенадцатисложника на два полустишия в 5 и 7 слогов (напр., в номологических высказываниях, сопоставимых с греческим пароимическим стихом). Задача будущего исследования установить, насколько близко могли оказаться друг к другу во времени, пространстве и историко-культурном контексте метрические схемы, заимствованные из византийской поэзии, и схемы, продолжающие праславянское наследие.

Словесное заполнение пятисложного полустишия чаще всего реализует одну из следующих грамматических конфигураций: $Subst_{Nom.}$ & $Vb_{3.P.}$ (элементарные предикативные конструкции: ХРЬСТЪ ГРАДЕТЪ, СВѢТЪ БО ЄСТЪ, РѢША БО ОНИ, ДАРЪ БО ЄСТЪ, ср.: ГЛОУСИ СЛЫШАТЪ, КЪТО МОЖЕТЪ и т.п.), варианты, развивающие группу субъекта (ср.: ДАРЪ БОЖИИ, ДАРЪ ДОУШАМЪ, ЧЬСТЬ И ХВАЛА, МЪНОГЪ ОУМЪ и т.п.) или предиката (ГЛАГОЛЕМЪ ВЪІ, СЛЫШИТЕ СЛОВО), или объекта (/СЛЫШИТЕ/СЛОВО ЖЕ КРЪМА); причастия или соответствующие обороты (ОКОУ ВИДАШТОУ, НЕ СВѢДѢШТИ, СЪКАЗАНѢШТИ, ВЬСЕ ТЬЛАШТИ, ОГЛИЧАНѢШТА, ГЛАВѢ ТЬРѢШТЕ, ПЛЬТИ БѢЖАШТЕ, НЕ ПАДАНѢШТЕ, РАДОУНѢШТЕ СА, БОГОУ ПОНѢШТЕ); обороты с ЮКО, ЄГДА, ЄЖЕ, ИЖЕ, ЄЛИКО (ЮКО ПРОРОЦИ, ЮКО БЕ-СВѢТА, ЮКО КАМЬНА, ЮКО БО ТЬЛѢА, ЮКО СѢМЕНА; ЄГДА СЛОВЕСЕ, ЄГДА СВОНЄГО, ЄГДА ОГНЕМЬ; ЄЖЕ КОВѢТЪ, ИЖЕ БО СИХЪ, ЄЛИКО ОУБО, КАКО БОЖИНЄ) и др. Особенности распределения лексем и грамматических форм в первом полустишии требуют некоторого разъяснения. Прежде всего привлекает к себе внимание то обстоятельство, что первое полустишие очень

[13] Ср. также формулу 7+7 у того же Григория: Σὲ καὶ νῦν εὐλογοῦμεν, | Χριστέ μου λόγε θεοῦ и т.д. Заслуживает внимания тот факт, что в "Похвале Григорию", выдержанной в симметрично упорядоченных 16- и 17-сложниках, вычленяются семантически законченные последовательности, отвечающие формулам 5+7 (+4) и 7+5 (+5), ср., напр.: ПРИПАДАНѢШЬ | КЪ ТЕБѢ ЛЮБЪВИЕѢ (И ВѢРОѢ) или: ПРИИМИ И БѢДИ МИ | ПРОСВѢТИТЕЛЬ (И ОУЧИТЕЛЬ!); БОГА ПРОСЛАВЛѢНѢТЪ | И ВЬСЬ МИРЪ (ПРОСВѢШАНѢТЪ). Наряду с этим ср. 7+7 (+3) и 5+5 (+6). Если учесть, что все семь стихов "Похвалы" содержат одну из перечисленных формул, то можно говорить, видимо, о некоем "ядре", метрически соотносимым с указанными выше двенадцатисложниками в старославянских поэтических текстах.

неоднородно с точки зрения грамматической и семантической самостоятельности. С одной стороны, в первом полустишии встречаются практически законченные предложения или же их части, легко позволяющие достроить предложение до конца; лексически именно первое полустишие наиболее полнозначно: высшие ценности данной модели мира находят себе место здесь, а нередко и только здесь (ср.: БОГЪ, ХРЬСТЪ, СВѢТЪ, ДАРЪ, СЛОВО, МѢДРОСТЬ, ЗАКОНЪ, АПОСТОЛИ, ДОУША, ОУСТА и т.п.), при этом, как правило, в форме Nom., открывающей стих. С другой стороны, первое полустишие может характеризоваться максимальной незаконченностью грамматических конструкций и неполнотой, так сказать, периферийностью, второстепенностью реализуемых в нем смыслов. Это различие между типами первого полустишия объясняется структурой всего стиха (или - более узко - структурой второго полустишия). Полустишие первого рода появляется чаще всего тогда, когда им начинается все предложение или, по крайней мере, какая-то четко вычленяемая и относительно самостоятельная часть предложения (нередко повторенная в соседних стихах). Полустишие второго рода обычно в тех случаях, когда в предыдущем стихе фраза не окончена и ее конец переносится в следующий стих (другой вариант - когда первое полустишие начинается предложением сложноподчиненного типа, которое не укладывается в один стих[14]. Другая важная особенность первого полустишия (прежде всего первого типа), объясняемая старым индоевропейским правилом распределения энклитик во фразе, состоит в том, что именно здесь сосредоточиваются частицы всякого рода, занимая второе место в стихе (СВѢТЪ БО, РѢША БО, БОГА ЖЕ, ТОГО ЖЕ, ДАРЪ БО, ЄЛИКО ОУБО, РАДОУНЄТЕ СА, СЛЬШИТЕ ОУБО, СЛОВО ЖЕ, ТАКО И, КЪІИ БО, НОЗДРИ ЖЕ, ОУСТА БО, ПАЧЕ ЖЕ, ЮАВЛЕНЄТЪ СА, СЕ ЖЕ, СЕ БО, ЧЬЛОВѢКЪ БО, ЮКО БО, ИНѢ ЖЕ, ИДѢ БО, НАЗІ БО, БРАТИ СА, БРАТИ ЖЕ СА, АПОСТОЛИ ЖЕ, ИЖЕ БО, РАДОУНѢШТЕ СА). Помимо того, что эти энклитики с известной достоверностью позволяют судить о начале фразы и о ее связях с теми или иными элементами предыдущей фразы, они, видимо, используются и в чисто метрических целях, заполняя место в схеме стиха (подобно тому, как это делается в фольклорных стихотворных текстах, которые в ряде случаев прибегают к формулам, расширяемым или сокращаемым - в зависимости от требований метрической схемы - прежде всего за счет энклитик /или перестановки слов и т.п./)[15]. Структура и функ-

[14] Ср. начало : ЮКО ПРОРОЦИ | ПРОРЕКЛИ СѢТЪ ПРѢЖДЕ || ХРЬСТЪ ГРАДЕТЪ...

[15] Решение метрического задания в первом полустишии позволяло перейти к более легкой (видимо) задаче метрического упорядочения во втором семисложнике, где часто сосредоточивались глагольные формы - *И глагольных окончаний колокол | Мне вдали указывает путь*. Излюбленность семисложника, как и семистишия, как особой поэтической формы (ср., в частности, опыт самого Григория Назианзина, а также, видимо, и Константина Фи-

ция первого полустишия в известной степени предопределяют особенности второго полустишия. Принципиальная формула этой связи такова: первое полустишие первого типа (сильное) имплицирует такое второе полустишие, которое в грамматическом и смысловом отношениях является зависимым от первого полустишия; и наоборот – первое полустишие второго типа (слабое) предполагает более полнозначное в грамматическом и смысловом отношениях второе полустишие в том же стихе или в предыдущем[16]. Ср., с одной стороны, СВѢТЪ БО ЄСТЪ | ВЬСЕМОУ МИРОУ СЕМОУ, а с другой, – ТОГО ЖЕ ДѢЛЮ | СЛЬШИТЕ, СЛОВѢНЕ, СИ или: ГРѢХОВЬНЫХ | ТЬМЫ ОТЪГЪНАТИ, или: ...РАДОСТЬ НЕ БЫДЕТЪ || ОКОУ ВИДАШТОУ | и т.п. Из сказанного, в частности, вытекает, что концентрации ключевых имен существительных в первых полустишиях отвечает такая же концентрация глаголов во вторых полустишиях, чаще всего в самом конце стиха (= предложения), что также объясняется особенностями положения глагола в индоевропейской фразе. И если ключевые имена с у щ е с т в и т е л ь н ы е открывают первое полустишие (и, следовательно, весь стих) и образуют, так сказать, локальный словарь, построенный по изоколонному принципу, то г л а г о л ы замыкают второе полустишие (и, следовательно, весь стих) и образуют "глагольный" словарь, реализующий тот же изоколонный принцип. Ключевые имена существительные являются концептуально-оценочным фокусом всего текста и отражаемого им вероучения ("надъязыковая рифма"), высвечивая тем самым наиболее сокровенные и богатые содержанием смыслы и место (первое слово стиха), их реализующее. Этим объясняется сугубая отмеченность первой позиции в стихе, лишь отчасти уравновешиваемой последней в стихе глагольной позицией[17]. Хотя в "Прогласе" сплошные последовательности конечных глагольных форм, соответствующих одному и тому же сочетанию граммем, не часты (ср. 17-19: ...ОТЪГЪНАТИ || ...ОТЪЛОЖИТИ || ...ПРИОБРѢСТИ ||, которые могут расцениваться как некая "предрифма" или во всяком случае как грамматическая рифма), само количество глаголов, завершающих стих, очень велико (31 verbum finitum, полтора

лософа), дает основание для предположения о стандартных типах иерархизации семиэлементных структур – в поэзии и вне ее (ср. особую роль числа с е м ь в архаичных моделях мира и в характеристике структуры человеческой памяти).

16 Некоторые исключения объясняются включением в стих фрагментов из других, в принципе нестихотворных текстов (при этом существенно, что цитата не может быть прервана в л ю б о м месте). Ср.: РѢША БО ОНИ | СЛѢПИИ ПРОЗЬРАТЪ.

17 Весьма существенно, что эти конечные глаголы, как правило, не связаны (или связаны лишь косвенно) с ключевыми именами существительными. Характерные примеры: *ДАРЪ* ДОУШАМЪ | НИКОЛИ ЖЕ *ТЬЛѢНА* или: И *МИРА* СЕГО | ТЬЛЮ *ОТЪЛОЖИТИ* и т.п.

десятка причастий). Если учесть, что репертуар этих конечных глагольных форм весьма ограничен, то само их распределение в конце стиха исподволь приучает к понятию рифмы, которая, однако, связывает стихи, отстоящие друг от друга на расстояние, значительно большее, чем это допустимо обычно. Так образуются цепи, прошивающие весь текст (при этом они часто являются гомеотелевтами – ὁμοιοτέλευτα, столь излюбленными уже в ранневизантийской литературе): ДОСТОИТЪ – ОТЪЛЮЧИТЪ – НАСТОИТЪ – СЛЬШИТЪ; ОТЪЛОЖИТИ – ОУБИТИ – ЛЮБИТЕ – СЛЬШИТЕ – ПРИЛЕЖИТЕ; ОТЪГЪНАТИ – ПОЗНАТИ – БОЮТИ (СА); ПРИИМЫТЪ – РАЗОУМѢЮТЪ – ЧОУЮТЪ – РАЗОУМѢЮТЪ; ОПАДАЮТЪ – БЫДЕТЪ – ОУМѢЮТЪ; ИЗДРѢШТИ – РѢШТИ – ПРИОБРѢСТИ; ПРИДЕ – РЕЧЕ; ГОРЯШТА – ЮВЛЮЮШТА – ТРѢБОУЮШТА – ИМЫШТЕ – МИЛОУЮШТОУ – ГЛАГОЛЮШТЕ – ГЛАГОЛЮШТЕ – ЮХАЮШТА; СЪМЫСЛАШТЕ – ГНОЮШТИ – ГЛАСАШТА – СТОЮАШТЕ; ТЬЛѢНА – КАЖА, не считая одиночных форм в конце стиха (ИМАТЪ, ЄСТЪ, ПРОЗЬРАТЪ, ПРИСТАВЛЮ, ПРИИМЕТЕ, РАЗОУМѢВАЮАИ, ДАНЪ)[18]. Иначе говоря, структура большинства стихов в "Прогласе" определяется напряжением между двумя полюсами – смысловым и концептуальным началом стиха и более грамматичным, формальным и операционным концом стиха. При этом отношение имени в начале и глагола в конце часто оказывается сдвинутым по схеме:

1. Subst.Nom. . . . . .
2. . . . . Vb. fin.-infin.

или ассиметричным: И *МИРА* СЕГО | ТЬЛЮ *ОТЪЛОЖИТИ*, где ОТЪЛОЖИТИ связано не с МИРА СЕГО, а с ТЬЛЮ.

В связи со сказанным еще раз следует обратиться к роли начала стиха в том случае, когда оно является "сильным". Выделенность начальной позиции проявляется, в частности, в том, что именно здесь появляются слова, реализующие апеллятивную функцию (повелительное наклонение и звательная форма[19]). В "Прогласе" особенно выразительна игра императивных форм – тем более, что ее начало совпадает с введением главной темы – *слово у словѣнъ*. Двукратно повторенное СЛЬШИТЕ повелительно направляет читателя к этой основной теме, как бы продвигая его по горизонтали слева

18 Конечные глаголы чаще всего имеют перед собой Acc. (ТЬМЫ ОТЪГЪНАТИ, ТЬЛЮ ОТЪЛОЖИТИ (где ТЬМЫ и ТЬЛЮ также вступают в связь по смыслу и звучанию), ЖИТИЮ ПРИОБРѢСТИ, БОГА ПОЗНАТИ и т.п.) или имя в другом падеже, зависящем от глагола (БОГА НЕ БОЮТИ СА, БРАШЬНА НЕ ИМАТЪ, ОУМОМЪ ПРИЛЕЖИТЕ и т.п.).

19 Ср.: ѡ ГРИГОРЕ, ТѢЛОМЬ | ЧЛОВѢЧЕ, А ДОУШЕЮ | АНѢЕЛЕ! – в начале "Похвалы Григорию Богослову" или: "ВЕЛИКЫЙ ВЪ ЦЬСАРИХЪ СУМЕОН... – в начале "Похвалы царю Симеону". Впрочем, известны и инвертированные примеры, ср.: *Слави отбѣгнув, славу обрѣте, Саво* или: *Саво слову послѣдовав, Симеоне...* в "Славословиях" Силуана Савве и Симеону (см. Якобсон 1975, с. 76) и др.

направо и по вертикали сверху вниз. Звукоподобные комплексы обозначают эти два пути:

СЛЬШИТЕ ОУБО, | НАРОДИ СЛОВѢНЬСТИ.
СЛЬШИТЕ СЛОВО . . . . . .
СЛОВО . . . . . .
СЛОВО . . . . . .
СЛОВО . . . . . (23-27)[20].

Этой схеме непосредственно предшествует (22) вводное ВЪНЬМѢТЕ НЫІ; ср. далее: ДА ГЛАГОЛЕМЪ (66), ДА ВЪЗДРАСТЕТЪ (72) и более сложные случаи: ДА И ВЬСѢ БРАТИЮ | РАЗОУМѢЮТЪ (54), ДА НЕ ИМЮТЕ | ОУМЪ НЕРАЗОУМЬНЪ... (47). Императив СЛЬШИТЕ вводит и другую важную тему "Прогласа" - ДАРЪ БОЖИИ, которым, как следует из дальнейшего, и оказывается СЛОВО. Как ключевое слово ДАРЪ открывает стих, трижды повторяется в этой позиции (10-12), как и СЛОВО (25-27), перекликаясь, как и СЛОВО, с другими словами и по горизонтали и по вертикали:

ДАРЪ БО ЮЕСТЪ | ОТЪ БОГА СЬ Д А Н Ъ
ДАРЪ БОЖИИ | ЮЕСТЪ *ДЕСНЫЮ* ЧАСТИ
ДАРЪ ДОУШАМЪ... (10-12)[21]

Можно было бы привести и многие другие примеры из "Прогласа" и других древнеславянских стихотворных текстов, когда именно п е р в о е слово определяет звукоизобразительное поле всего стиха (или даже нескольких)[22]. Эта

---

[20] Соотнесение СЛЬШИТЕ и СЛОВО не вызывает сомнения ни в сравнительно-историческом, ни в синхронном плане, ср.: **slou-*: **slu-*, подобно ПЛОВЮ - ПЛЫІТИ и т.д. Конструкция, состоящая из однокоренных слов (или, по крайней мере, близких друг другу в звуковом отношении) и содержащая призыв с л у ш а т ь нечто воспринимаемое с л у х о м (слово, молву, славу и т.п.) к тем, кто связан с этим последним (со словом или славой), т.е. тип СЛЬШИТЕ ОУБО, | НАРОДИ СЛОВѢНЬСТИ.| СЛЬШИТЕ СЛОВО..., обнаруживает архаичные индоевропейские истоки. Ср.: *śrudhí śruta śraddhivâṃ*... 'слушай, славный, достойное веры...!' (Ригведа X, 125, в ключевом срединном месте гимна к богине Речи, Слова) или реконструкции типа др.-греч. κλῦθι, κλυτέ κλέ(F)ος 'слушай, славный, молву (славу)'.

[21] К БОЖИИ ср. в предыдущем стихе БО, ОТЪ БОГА. Сходный принцип введения встречается и в других местах, ср.:

НЕ СЪВѢДЮШТИ | НИ *ЗАКОНА БОЖИЮ*,
ЗАКОНА ИЖЕ . . . . . .
ЗАКОНА РАИ | *БОЖИИ* ЮАВЛ'ЮЮЩТА (32-34).

[22] Характерная для "Прогласа" звуковая увязка первого и последнего слова в стихе (СЛЬШИТЕ... СЛОВѢНЬСТИ или ДАРЪ... ДАНЪ и т.п.) находит убедительные параллели и в других текстах; более того, этот принцип иногда расширяется до рамок всего стихотворения, связывая его

отмеченность первого места, конечно, входит в тот же ряд, что и отмеченность первого элемента, предполагаемая аллитерацией, имеющей архаичные истоки, принципом акростиха, столь излюбленным в древнеславянской поэзии, практикой вынесения имени в начало текста (ср. гимн Агни в Ригведе I, 1: *Agním īḷe purôhitaṃ*... и т.п.). Сюда же, видимо, следует отнести и такое построение некоторых древнеславянских поэтических текстов, когда чтение по вертикали первых слов каждого стиха образует не только осмысленный текст, но и такой текст, смысл которого вторит смыслу всего текста в целом. Так, "Похвала Григорию", прочитанная в соответствии с этим принципом, дает: ѡ ГРИГОРЕ, - ТЫ БО - ОУСТА - БОГА - ПРАВЫЮ ВѢРЫ - ПРИПАДАЮЩЬ - ПРИИМИ И БЮДИ МИ ПРОСВѢТИТЕЛЬ И ОУЧИТЕЛЬ! Собственно говоря, и в "Прогласе" и сама тема его и ее основные лейтмотивы выявляются при анализе первых полустиший (сильных) или даже первых слов стиха. Можно сделать и еще одно наблюдение: в "Прогласе" лейтмотивы и общая тема не только связаны с реализацией на п е р в ы х местах, но и предполагают, как правило, отмеченность их звуковой формы. Хотя специально этот вопрос здесь не анализируется, но выше, в связи с ДАРЪ и СЛЬШИТЕ, СЛОВО, уже приводились наиболее очевидные примеры звуковой организации стиха. Можно указать лишь некоторые из других примеров. Пятикратное *Р* (трижды предшествуемое *П*) первого стиха не только сразу задает звуковую тему в ее мажорном варианте (ср. 49: ЮКО МѢДЬНА | ЗВОНА ГЛАСЪ СЛЬШИТЕ), но и предопределяет исходную ситуацию, описываемую во втором стихе (с той же темой *Р*, предшествуемого смычными):

ЮКО *ПРОРОЦИ* | *ПРОРЕКЛИ* СЮТЪ *ПРѢЖДЕ*[23],
ХРЬСТЪ ГРЮДЕТЪ | СЪБЬРАТИ ЮЗЫКЫ.

первое и последнее слово. Ср. основные звенья такой сети в "Славословии" Савве:

Слави..... славу ..... Саво,
..... слава ЮАВИ СЕ.....
..... светлость вѣри свѣтлость ...
..... свѣтило ЮАВИ СЕ ВСЕМУ
..... висота сана висоту свръже
..... выше .....

Слова слави Савѣ сплете Силуан

или в "Славословии" Симеону:

Савѣ слову послѣдовав Симеоне
Славу слова наслѣдова свѣтло...
Миродрьжство ..... славне,
Мѵроточство вишеславно прие славно.

[23] Обыгрывание того же звукового комплекса вообще свойственно Константину-Кириллу. Ср. в "Похвале Григорию": БОГА *ПРО*СЛАВЛЮЮТЪ И ВЬСЬ МИРЪ *ПРО*СВѢЩАЮТЪ || *ПРА*ВЫЮ ВѢРЫ КАЗАНИЕМЬ... || *ПРИ*ПАДАЮЩЬ... || *ПРИ*ИМИ И БЮДИ МИ *ПРО*СВѢТИТЕЛЬ... Интересно, что мотив первого стиха

Третий стих, разъясняющий тему второго, содержит архаичную формулу ВЬСЬ МИРЪ, известную и по другим древним текстам (ср. "Похвалу Григорию"). По контрасту с первыми двумя стихами в третьем тема *Р* отступает, зато обыгрываются все другие согласные этой формулы: *СВѢТЪ* БО ЕСТЬ | *ВЬСЕМОУ МИРОУ СЕМОУ*. Звуковая тема *С* через несколько звеньев (*СЛѢПИИ*, *ГЛОУСИ*, *СЛЬШАТЬ*, *СЛОВО*) приводит к лейтмотиву *СЛЬШИТЕ*, *СЛОВѢНЕ*, *СИ*, разворачивающемуся несколько позже. Другой пример сгущения звуковых тем (*П* - *Д* - *Б*, осложненные менее яркими мотивами), задаваемых консонантным каркасом начального слова, развертывается в стихах 95-99:

ПОДОБЬНИ БЖДЖТЪ | ВРАГА ОУБИТИ.
ПОБѢДЖ ПРИНОСАШТЕ | КЪ *БОГОУ ДОБРЖ*.
ПЛЬТИ БѢЖАШТЕ | ТЬЛА ГНОЕВЬНЬІЕА[24].
ПЛЬТИ ЕЕЕАЖЕ | ЖИВОТЪ ЕАКО СѢНО,
НЕ *ПАДАЖШТЕ* . . . . . .

Заслуживают внимания и сходные звуковые комплексы, образующие внутреннюю рифму (или ее подобие). Ср.: ВЬСЕ *ТЬЛАШТИ* | ПАЧЕ ГНОЮ *ГНОЕАШТИ* (60; в сочетании с figura etymologica ГНОЮ ГНОЕАШТИ и предшествующим ТЬЛА | ПЛЬТЕХЪ, 59); БОГОУ *ПОЖШТЕ* | ЧЛОВѢКЫ *МИЛОУЖШТОУ* (106; с противопоставлением *Бог-человеки*); ПОБѢДЖ *ПРИНОСАШТЕ* | ... || ПЛЬТИ *БѢЖАШТЕ* | ... || ... || НЕ *ПАДАЖШТЕ* | ... || *СТОЕАШТЕ*... (96-101); СЛОВО ЖЕ *КРЬМА* | ... || СЛОВО ЖЕ *КРѢПА* | ... || СЛОВО *ГОТОВА* ... (25-27) и др. Не говоря здесь о более частных случаях[25], стоит указать на особую отмеченность последнего стиха: *ВЪ ВѢКЫ ВѢКЬ* | ОТ *ВЬСЕЕА ТВАРИ* || АМИНЬ[26], где стандартная формула (ср. в одном из тропарей Григория Назианзина: εἰς τοὺς αἰῶνας. Ἀμήν) расширяется таким образом, чтобы продлить звуковую тему самой формулы.

"Прогласа" прямо соотносится с вопросом, заданным Константином иудеям: НЕ СЪВРЬШИЛА ЛИ СА СЖТЪ ВЬСѢХЪ *ПРОРОКЪ ПРОРЕЧЕНИѢ* ѢВѢ РЕЧЕНАѢ О ХРЬСТѢ ("Житие Конст." X, 58), ср. X, 36: И ВЬСЕ СА ЕСТЬ СЪБЫЛО, ЕЖЕ СЖТЪ *ПРОРОЦИ ПРОРЕКЛИ*.

[24] Игра ПЛЬТИ: ТЬЛА принадлежит к числу излюбленных *(lъt: tьl)* и находит себе опору в известном мотиве *тленной плоти*. Ср. 59: ЕАКО БО *ТЬЛЕА* | ПЛЬТЕХЪ НАСТОИТЬ... и т.п. В некоторых контекстах в игру вступает и ТѢЛО, по смыслу апеллирующее к ПЛЬТЬ, а в звуковом отношении к ТЬЛ-.

[25] Ср., напр.: ОТЪ ЖИТИЕА | СКОТЬСКА И ПОХОТИ (46); ДА НЕ *ИМЖШТЕ* | *ОУМЬ* НЕРАЗОУМЬНЬ (47); ХОТАШТЕ *РАСТИ* | БОЖИЕМЬ *РАСТОМЬ* (67); ИДЕ БО *ВѢРЫ* | *СѢЕА* ЛИ ЕЕСТЬ ПРАВЫ || ЕАКО *СѢМЕНА* | ПАДАЖШТА НА НИВѢ (68-69); ДЬЖДА *БОЖИИ* | *БОУКЪВЬ* ТРѢБОУЖШТА (71); *НЕВѢГЛАСЫ* ЕА | *СЪМЫСЛЬНѢ ГЛАСАШТА* (75); *МЬНОГЬ* ОУМЬ | ВЪ *МАЛѢ* РѢЧИ... (79); *СТОЕАШТЕ* О ДЕСНЖЕЖ | БОЖИЕА *СТОЛА* (101); *ПРИСНО СЛАВАШТЕ* | *ПРѢМИЛОСТИВАА*ГО (104) и т.п.

[26] Ср.: ВЬСЕА ТВАРЬ: ВЬСЬ МИРЪ.

Уже из того, что сказано, видно, что основной принцип построения "Прогласа" сближается с мозаичной (или "набивной") техникой, при которой художнику приходится иметь дело с исходными, от его воли не зависящими элементами, в той или иной степени определяющими и выбор соседних с ними элементов. Смирение художника перед материалом на низшем уровне и верность догматической стороне вероучения и избранному художественному канону на высшем уровне определяет ту ситуацию, при которой художник или поэт обращается к композиции как средству внешнего и внутреннего построения текста (соответственно сам текст и его тема, смысл). Если обратиться к самому составу "Прогласа", то оказывается, что он переполнен цитатами, реминисценциями, намеками, отсылками к многочисленным примерам из ветхо- и новозаветной литературы (и, вероятно, к текстам византийских писателей, хотя с этой точки зрения "Проглас" не был обследован). Ср. по стихам: 2 - Исайя LXVI, 18; 3 - Иоанн VIII, 12; IX, 5 (а также Захария VI, 12); 5-7 - Исайя XXIX, 18; 11 - Матфей XXV, 33; 12 - Иоанн IV, 10; 33-34 - Посл. к Римл. VII, 25; 46 - 1-ое Посл. к Фессал. IV, 5; 50 - Павел; 51 - 1-е Посл. к Коринф. XIV, 18; 52 - 1-е Посл. к Коринф. XIV, 19; 65 - Марк IV, 26-29; 67 - Марк IV, 28; 72 - Марк IV, 29; 75 - Матфей XIII 19; 98 - 1-е Посл. Петра I, 24; Исайя XL, 6; 99 - 1-е Посл. Петра I, 24; 100 - 2-е Посл. к Тимоф. IV, 3 и др.[27] Естественно, что эти "чужие" голоса так или иначе трансформируются, чтобы быть включенными в текст "Прогласа", но вместе с тем (особенно в условиях метрически организованного двенадцатисложника) они до известной степени ограничивают возможности автора, который вынужден допускать некоторые промежуточные позиции, позволяющие ему связать "чужое" и "свое", но не являющиеся обязательными сами по себе.

Разумеется, содержательной осью "Прогласа", его внутренним смыслом является образ с л о в а (ср. 7, 24-27, 48, 52, 55, 64, 94). Исходя из христологического указания Исайи ("... и вот приду собрать все народы и языки..." LXVI, 18)[28] и более позднего учения о Христе как воплощенном Логосе[29], Константин актуализирует два мотива: во-первых, приход с л о в а к "словѣнамъ" (СЛЬШИТЕ ОУБО, | НАРОДИ СЛОВѢНЬСТИ. || СЛЬШИТЕ СЛОВО, | ОТЪ БОГА БО ПРИДЕ...), сопоставляемый с приходом Христа (ХРЬСТЪ ГРАДЕТЬ), возвещенным древними пророками, и, во-вторых, письменное (БОУКЪВЬНОЕЕ) воплощение слова, снова отсылающее к теме "словенского" слова, "своего", а не "чужого", ибо ТОУЖДЕМЬ ЕАЗЫКОМЬ | СЛЬШАШТЕ СЛОВО, || ЕАКО МѢДЬНА | ЗВОНА ГЛАСЬ СЛЬШИТЕ. Важно не многословие, а с в о е слово, открывающее путь к м у д р о с т и: ХОШ-

---

[27] Ср.: Vaillant 1956, стр. 21-23.

[28] ХРЬСТЪ ГРАДЕТЬ | СЪБЬРАТИ ЕАЗЫКЫ в "Прологе" (2).

[29] Уже указывалось, что старославянская служба Кириллу ссылается на СЛОВО ВЪПЛЬЩЬШЕЕ СА. См. Лавров 1930, с. 109, 118; Якобсон 1970, с. 342.

ТѢ СЛОВЕСЪ | ПАТЬ ИЗДРЕШТИ, || ДА И ВЬСѢ БРАТИѢ | РАЗОУМѢѢТЬ, || НЕЖЕ ТЬМѢ СЛОВЕСЪ | НЕРАЗОУМЬНЪ[30]. || ЧЬЛОВѢКЪ БО | НЕ РАЗОУМѢВАѢАИ || НЕ ПРИЛЕЖИТЪ | КЪ ПРИТЬЧИ МѢДРѢИ. Без слова ("своего") - греховная тьма, тление плоти, опадание души. С помощью слова решаются три основные задачи, связанные с тремя космическими сферами. Оно делает возможным ГРѢХОВЬНѢѢ | ТЬМѢ ОТЪГЪНАТИ || И МИРА СЕГО ТЬЛѢѢ ОТЪЛОЖИТИ, || И РАИСКОѢЄ ЖИТИѢЄ ПРИОБРѢСТИ. Оно же выполняет три духовные задания - питает человеческие души, укрепляет сердце и ум, готовит к познанию Бога. Слово подобно с в е т у, и, как свет, оно открывает к р а с о т у и дает р а д о с т ь (28-30)[31]. Мудрость выражается в слове, и потому само слово софийно. Отсюда и сходство их атрибутов, ср.: *СЛОВО* ЖЕ КРЪМА | ЧЛОВѢЧЬСКЫѢА *ДОУША*, || *СЛОВО* ЖЕ *КРѢПА* | И СРЪДЦЕ И ОУМЪ при: *МѢДРОСТЬ* ИХЪ *ДОУША* ВАША *КРѢПИТЪ*[32]. Все эти мотивы предполагают понимание Константином Софии-Мудрости как смысловой наполненности мира, осознание ее связи со светом, красотой (ЛѢПОТА), радостью и художественным (в частности, словесным) творчеством. Вместе с тем они недвусмысленно отсылают к определенной традиции, которую, в частности, воплощал и избранник Константина Григорий Назианзин. В этой связи уместно обратить внимание на τροπαριον Григория, начало которого приводится ниже:

Σὲ καὶ νῦν εὐλογοῦμεν,
φῶς ἐκ φωτὸς ἀνάρχου
τριττοῦ φωτὸς εἰς μίαν

Χριστέ μου λόγε θεοῦ,
καὶ πνεῦμα ἐξ ἀνάρχου,
δόξαν ἀθροιζομένου·

ὃς ἔλυσας τὸ σκότος,
ἵν' ἐν φωτὶ κτίσῃς τὰ πάντα
στήσῃς μορφῶν εἰς κόσμον

ὃς ὑπέστησας τὸ φῶς,
καὶ τὴν ἄστατον ὕλην
καὶ τὴν νῦν εὐκοσμίαν

ὃς νοῦν ἐφώτισας ἀνθρώπου
λαμπρότητος τῆς ἄνω
ἵνα φωτὶ βλέπῃ τὸ φῶς

λόγῳ τε καὶ σοφίᾳ
καὶ κάτω θεὶς εἰκόνα,
καὶ γένηται φῶς ὁλόν[33].

С л о в о - с м ы с л приобщает человека к божественному и отличает его от скота. ИЖЕ ЧЛОВѢКЫ | ВЬСА ОТЪЛѢЧИТЪ || ОТ ЖИТИѢА *СКОТЬСКА* И *ПОХОТИ* из "Прогласа" (45-46) непосредственно перекликается с фрагментом из "Жития Константина" (VI, 25): ТВОРЬЦЬ... МЕЖЮ АНѢЕЛЫ И *СКОТЫ* ЕСТЬ СЪТВОРИЛЪ ЧЛОВѢКА, *СЛОВЕСЬМЬ* И *СЪМЫСЛОМЬ ОТЪЛѢЧИВЪ* И ОТ *СКОТА*, А ГНѢВОМЬ И *ПОХОТИѢ* ОТЬ АНѢЕЛЬ[34]. Древнейшие рукописи "Жития" обнаруживают примечательные схождения с тропарем Григория. Среди них - параллелизм между ὃς νοῦν ἐφώτισας ἀνθρώπου λόγῳ τε καὶ σοφίᾳ "который осветил (собств. - осветивший) ум человека словом и мудростью" и ИЖЕ ЕСИ СЪТВОРИЛЪ | ВЬСѢКАѢ *СЛОВОМЬ*, || И *ПРѢМѢДРОСТИѢ* СВОЕѢ | ЗЬДАВЪ ЧЛОВѢКА...[35] Таким образом, первоучитель славян был не только творцом славянской письменности: убежденный апологет софийного слова и выдающийся поэт (см. Георгиев 1938, с. 35 и след.) и философ, он заложил первый камень той традиции, которая эллинизировала русский язык и создала слово необык-

---

[30] Ср. другую вариацию темы: МЪНОГЪ ОУМЪ | ВЪ МАЛѢ РЕЧИ КАЖА (79).

[31] К последнему мотиву ср.: ЄЛИКО ОУБО | ДОУШАМЪ СИ ЛѢПОТѢ || РАДОУЄТЕ СА | ВИДѢТИ И ЛЮБИТЕ... (16-17); ЄАКО БЕ-СВѢТА | РАДОСТЬ НЕ БѢДЕТЪ || ОКОУ ВИДАШТОУ | БОЖИѢѢ ТВАРЬ ВЬСѢѢ, || НЪ БЕЗ ЛѢПОТЫ | НЕ ВИДИМОЄ ЄСТЬ... (28-30); РАДОУѢАШТЕ СА|СЪ АНГѢЛЫ ВЪ ВѢКЫ (103).

[32] В главе III Пространного Жития, говорится об избрании Константином еще в юности Софии-Мудрости своей невестой. Ср. здесь же стихотворную парафразу библейской притчи:

РЬЦИ ЖЕ ПРѢМѢДРОСТИ | СЕСТРА МИ БѢДИ
А МѢДРОСТЬ ЗНАЕМѢ | СЕБѢ СЪТВОРИ

(характерен сам двенадцатисложник: 7+5). См. Grivec 1935, с. 11; Якобсон 1957, с. 113; 1970, с. 353.

[33] Те же мотивы в "Гимне Христу" Григория: *Ты создатель, ты зиждитель.* | *Ты устав вещам даруешь* | *И порядок устрояешь,* | *Все свершая силой с л о в а,* | *С л о в а Божья - бога-сына...* (пер. С.С. Аверинцева).

[34] Не предносилось ли поэтическому сознанию Константина соотнесение двух символов тьмы - греч. τὸ σκότος 'тьма', 'царство тьмы' (ср. βλέπειν σκότον 'видеть тьму', т.е. 'быть слепым', 'не видеть' - к теме видимого-невидимого) у Григория и СКОТЪ в указанном месте "Прогласа" и "Жития"?

[35] Ср. слова Константина в "Житии", произнесенные за здравие во время его пребывания у хазар: ФИЛОСОФЬ ЖЕ ВЬЗЬМЬ ЧАШУ РЕЧЕ: ПИЮ ВЬ ИМЕ БОГА ЄДИНАГО, И С Л О В Е С Е ЄГО, СЬТВОРЬШАГО С Л О В О М Ь ВЬСОУ ТВАРЬ... и т.д. Ср. XIV, 14-15 о Константине, начавшем (по сложении славянских письмен) БЕСѢДѢ ПЬСАТИ ЕВАНѢЕЛЬСКѢ: ИСКОНИ БѢ СЛОВО, И СЛОВО БѢ ОУ БОГА, И БОГЪ БѢ СЛОВО... В другом месте "Жития" говорится о результатах моравской миссии Константина: И ОТЪВРЬЗОША СА ПО ПРОРОЧЬСКОУЄМОУ СЛОВЕСИ ОУШИ ГЛОУХЫИХЪ ОУСЛЬШАТИ КЪНИЖЬНАѢА СЛОВЕСА И ѢАЗЫКЪ ѢСЬНЪ БЫСТЪ ГѢГНИВЫИХЪ (см. Grivec-Tomšič 1960, с. 202) - ср. перекличку с началом "Прогласа". Ср. также тему слова в "Слове о Клименте Римском" Константина.

новенной бытийственной полноты и глубины[36]. СЛЬШИТЕ ОУБО | НАРОДИ СЛОВѢНЬСТИ, || СЛЬШИТЕ СЛОВО, | ОТЪ БОГА БО ПРИДЕ стало не только девизом, но и легло в основание мифологемы с долгой историей - с л о в о и с л а в я н е (как обладатели слова, смысла - в отличие от тех, кто не обладает словом, языком, ср. *немец, невеглас*)[37].

Другой важный мотив "Прогласа" - СЛОВО БОУКЪВЬНО, т.е. слово, воплощенное в буквы, в письмо, в книгу. Этот мотив сильно отличает Константина от его поэтических и философских учителей и чтимых им авторитетов. Как и мифологема "слово и славяне", этот мотив достаточно нов и оригинален и также вызван к жизни реальными обстоятельствами миссионерской деятельности Константина у славян. Не случайно, что тема письменного слова, книги дана в "Прогласе" наиболее полно, с особым личным участием и заинтересованностью. Образность "Прогласа" (метафоры, метонимии, развернутые сравнения) концентрируется именно в связи с этой темой. Подобно тому, как без света нет радости оку видеть красоту мира, ТАКО И ДОУША | ВЬСѢКА БЕЗ БОУКЪВЪ, ||НЕ СЪВѢДЖШТИ | НИ ЗАКОНА БОЖИЮ ... || ЗАКОНА РАИ | БОЖИИ ЮВЛЮЮЩТА (31-34). После ряда включенных в отрицательное сравнение синекдох, выступающих как персонифицированный деятель[38] (СЛОУХЪ = ухо, НОЗДРИ, ОУСТА[39], ср. 35-40), автор заключает: ПАЧЕ ЖЕ СЕГО | ДОУША БЕЗБОУКЪВЬНА || ЮВЛЮЮЩТЪ СА | ВЪ ЧЛОВѢЦѢХЪ МРЪТВА (41-42). В другой раз тот же мотив разыгрывается сравнением, данным в вегетативном коде (семя, сеятель, растение), после чего следует: ТАКО НА СРЪДЦИХЪ | ЧЛОВѢЧЬСЦѢХЪ || ДЪЖДА БОЖИИ | БОУКЪВЪ ТРѢБОУЮЩТА | ДА ВЪЗДРАСТЕТЪ | ПЛОДЪ БОЖИИ ПАЧЕ (70-73). Обращение в связи с книгой и письменами к растительному коду весьма характерно и предполагает достаточно архаичный круг ассоциаций, который не раз актуализировался и в более поздние времена. Речь идет о засеянном семенами поле как образе книги (с дальнейшей детализацией: борозда - строка, буква - семя, сеянье - писание, сбор урожая - чтение, разумение книги) и об урожае как образе духовных результатов чтения[40]. Эти образы (напр., в загадках и старой учительной литературе) сопрягаются с одним из мотивов основного мифа: младший сын Громовержца - поэт - наказывается отцом; он расчленяется на мелкие части и бросается в землю, но весной он возвращается в ипостаси обильной множественности (ср. Осирис, Дионис, урожай и т.п.), набирая поэтическую силу. Сам образ расчленения и собирания воедино реализуется не только в мифе, но, как показано в другом месте, и в практике древних поэтов, обучавшихся разъятию и собиранию текста, а также в языковых мотивировках понятия чтения (ср. лат. *lego* 'собирать' и 'читать' при др.-греч. λέγω 'собирать', 'выбирать', но и 'говорить', 'высказывать' и т.п.)[41]. В этом

---

36 "Отлучение от языка равносильно для нас отлучению от истории. У нас нет Акрополя. Наша культура до сих пор блуждает и не находит своих стен. Зато каждое слово словаря Даля есть орешек Акрополя, маленький Кремль, крылатая крепость номинализма, оснащенная эллинским духом на неутомимую борьбу с бесформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории" (О.Э. Мандельштам. О природе слова). Ср. также преемственность идеи Софии, о чем писал П.А. Флоренский.

37 КТО МОЖЕТЪ ПРИТЪЧА ВЬСА РЕШТИ || ОБЛИЧАЮЩТА | БЕС КЪНИГЪ ЮЗЫКЫ, || Н Е В Ѣ Г Л А С Н Ю | СЪМЫСЛЬНѢ ГЛАСАШТА: || НИ АШТЕ ВЬСА | ЮЗЫКЫ ОУМѢЮТЪ || МОЖЕТЪ СЪКАЗАТИ | НЕМОЩТЬ СИХЪ. Проглас, 73-77. Соотнесение евангельского слова и словенского племени намечается и в "Азбучной Молитве" (10-12). К связи названия славян и слова возвращается и научная этимология, ср. Maher 1974.

38 В связи с "Похвалой Григорию" об этом писал Якобсон 1970, с. 342 (ОУСТА БО ТВОѢ | ѢКО ЕДИНЪ | ОТЪ СЕРАФИМЪ, | БОГА ПРОСЛАВЛѢЮЩТЪ...).

39 Ср. особую выделенность этого слова (единственный Nom. Sg.) в "Похвале Григорию". Восходя в этом тексте к образному словоупотреблению в видении пророка Исайи (VI, 3), ОУСТА, по Якобсон 1970, с. 350, воплощают синтез тела и души; кроме того, с устами связано само СЛОВО, в ряде контекстов чередующееся с ОУСТА. Слово начинается с отверзания уст, ср. старый ирмос ОТЪВЬРЗЪ ОУСТА (Ἀνοίξω τὸ στόμα μου...), см. Svane 1960, с. 36. Другой общий архаизм - определение СЛАДЪКЪ и при ОУСТА и при СЛОВО. Ср. в "Прогласе" косвенное свидетельство: *ОУСТА* БО ЮЖЕ | *СЛАДЪКА* НЕ ЧОУЮЩТЪ (или: БЛАЖЕННИИ ТВОИ *ОУСТНѢ*, | О ПРѢБЛАЖЕННЫИ ОТЧЕ КИРИЛЕ, | ИМИ ЖЕ ВСЕМЬ СТРАНАМЪ | *СЛАДОСТЬ* ДОУХОВНАЮ ИСТОЧИ СА, ср. Станчев 1969, с. 525 и след.) при: СЛАДЪКЫИМИ СЛОВЕСЫ ОТГЛАГОЛАВЪ... в "Житии Константина" (XII, 20). Ср. частые случаи совмещения типа СЛАДЪКА СЛОВЕСА ТВОА ПАЧЕ МЕДА ОУСТОМЪ МОИМЪ (Дан. Заточн.), имеющие параллели и в других языках, ср.: *vácaḥ svādóḥ svādīyo* RV. I, 114, 6 "речь слаще сладкого" или: *vácaḥ ghṛtāt svādīyo mādhunas ca*. RV. VIII, 24, 20 "речь слаще жертвенного масла и меда (ср. др.-греч. μέλιτος γλυκίων или лат. *melle dulcior*, иногда в связи с словом; ср. уже у Платона: ἡδὺς ἀκοῦσαι λόγος). Интересно, что в службе св. Кирилу-Константину к нему обращаются сходным образом: *о язиче слажии медоу въ притъцахъ*. См. Лавров 1930, стр. 109. "Похвала царю Симеону" разъясняет генезис этого образа: *Ꙗже, аки б ъ ч е л а любодѣльна, | Съ всякааго цвѣта пьсанию | Събьравъ, аки в ѥдинъ сътъ, | Въ вельмисльноѥ срьдце своѥ | Проливаѥтъ аки стрьдь с л а д ъ к ѥ | Изъ у с т ъ своихъ*... См. Соболевский 1910, с. 11.

40 Ср. один из самых ранних итальянских текстов конца VIII - нач. IX в., так называемый "Indovinello veronese": *Boves se pareba | alla pratalia araba | et albo versorio teneba|et negro semen* (о странице, исписанной буквами) с богатой звуковой игрой.

41 Кажется, есть возможность предполагать, что эта языковая мотивировка имеет и реальное основание в древ-

контексте получает свое объяснение введение вегетативного кода в то место "Прогласа", где говорится о буквах и книгах. Если принять во внимание семантическое сталкивание образа книг и народов ("языков")[42], - ꙗзыци как обозначение язычников, т.е. тех, кто непросвещен светом истинной веры, лишен книг, бескнижен[43], - то возникает правдоподобная возможность соотнесения чтения книги как "собирания" письмен, букв с образом обращения разрозненных "языков" (язычников) в истинную веру и превращения их в единый христианский народ. Поэтому открывающее "Прогласа" утверждение ХРЬСТЪ ГРАДЕТЪ | СЪБЬРАТИ ꙗзыкы (2), восходящее к Исайе (LXVI, 18) и откликнувшееся, в частности, в "Житии Константина" (ГРАДѪ АЗЪ СЪБЬРАТИ ВЬСѢ ПЛЕМЕНА И ВЬСА ꙗзыкы... XII, 18), есть лишь часть сложной поэтической конструкции, уподобляющей чтение и разумение книги и просвещение язычников (ДОУШЬ БЕЗБОУКЪВЬНЫХЪ) через обращение их в истинную веру с помощью БОУКЬВЫ, СЛОВА, КЪНИГЫ, образу сеянья и сбора урожая. И в этом случае Константину удается в узких рамках канона по-новому осветить старый образ.

ЛИТЕРАТУРА

Franko 1915 - *Franko I.* Kleine Beiträge zur Geschichte der kirchenslavischen Literatur. - AfslPh 36, 1915, c. 209-219.

Георгиев 1938 - *Георгиев Е.* Два произведения на Св. Кирила. София, 1938.

Георгиев 1956 - *Георгиев Е.* Кирил и Методий основоположници на славянските литератури. София, 1956.

Георгиев 1957 - *Георгиев Е.* "Книгите" на славянския просветител Константин-Кирил, преведени на неговия брат Методий на славянски (старобългарски) език. - Slavistična Revija X, 1957, c. 119-128.

Grivec 1935 - *Grivec F.* Zaroka sv. Cirila s Sofijo-Modrostjo.- Bogoslovni Vestnik XV. Ljubljana, 1935.

Grivec-Tomšič 1960 - *Grivec F., Tomšič F.* Constantinus et Methodus Thessalonicenses. Fontes. - Radovi Staroslovenskog Instituta IV, 1960.

Иванов 1908, 1931 - *Иванов Й.* Български старини из Македония. София. 1908 (2-е изд. - 1931).

Якобсон 1922 - *Якобсон Р.О.* Заметка о древнеболгарском стихосложении. - ИОРЯС XXIV, № 2, 1922, с. 351-358.

Jakobson 1954 - *Jakobson R.* St. Constantine's Prologue to the Gospels. - St. Vladimir's Seminary Quarterly. New York. 1954. Summer, 19-23.

ней практике составления текста и его чтении (ср. обучение детей чтению с помощью собирания из букв слов).

[42] Ср.: НАСИ БО ВЬСИ | БЕС КЪНИГЪ ꙗзыци.

[43] Ср.: *Быти ми слоухителю Іс҃ъ Хв҃оу въ* ꙗ з ы ц ѣ х ъ, *служащю* ѥоуангелию *Бж҃ию* (εἰς τὰ ἔθνη). Римл. XV, 16. Апост. по списку 1220 г. Ср. в "Прогласе": ꙗгда огнемь | сѫдитъ ꙗзыкомъ (102).

Якобсон 1957 - *Якобсон Р.О.* Стихотворные цитаты в великоморавской агиографии. - Slavistična Revija X, 1957, c. 111-118.

Jakobson 1963 - *Jakobson R.* The Slavic Response to Byzantine Poetry. - XIIme Congrès International des Études Byzantines, Ochride. 1961. T. I. Belgrade, 1963, p. 249-265.

Якобсон 1963а - *Якобсон Р.О.* ТАИНАЯ СЛОУЖЬБА Константина Философа и дальнейшее развитие старославянской поэзии. - Зборник радова Византолошког института. Кн. VIII (Mélanges Georges Ostrogorsky). Београд, 1963, с. 153-166.

Jakobson 1965 - *Jakobson R.* Methodius' Canon to Demetrius of Thessalonica and the Old Church Slavonic Hirmoi. - Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university F9, 1965, p. 115-121.

Якобсон 1970 - *Якобсон Р.О.* Похвала Константина Философа Григорию Богослову. - Slavia, XXXIX, 1970, c. 334-361.

Якобсон 1975 - *Якобсон Р.О.* Славословие Силуана Симеону. - Xenia Slavica. Papers Presented to Gojko Ružičić on the Occasion of His Seventy-fifth Birthday. The Hague-Paris, 1975, p. 75-83.

Kodov 1968 - *Kodov Ch.* L'oeuvre littéraire des disciples des Saints Cyrille et Méthode en Bulgarie. - Κυρίλλῳ καὶ Μεθοδίῳ τόμος ἑορτιος ἐπὶ τῇ χιλιοστῇ καὶ ἑκατοστῇ ἐτηρίδι. II. Ἐν Θεσσαλονίκῃ. 1968, c. 265-287.

Костић 1937 - *Костић Д.* Бугарски епископ Константин - писац службе Св. Методију. - Byzantinoslavica VII, 1937.

Krumbacher 1897 - *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Literatur. München 1897, 2. Aufl.

Лавров 1930 - *Лавров А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.

Liewehr 1956 - *Liewehr F.* Zum Vers der Kiewer Blätter. - ZfSl. 1, 1956, s. 35-48.

Maher 1974 - *Maher J.P.* Etymology of Common Slavic **Slověne* 'Slavs'. - The Journal of the Indo-European Studies, v. 2, pt. 2, 1974, p. 143-156.

Nahtigal 1943 - *Nahtigal R.* Rekonstrukcija treh starocerkvenoslovanskih izvirnih pesnitev. - Razprave Akad. znan. in umetn. Filoz-filol.-hist. razred. I, 1943, p. 45-75.

Sievers 1925 - *Sievers E.* Die altslavischen Verstexte von Kiew und Freising. - Berichte über die Verhadl. d. Sächs. Akad. d. Wiss. Phil-hist. Kl. 76. Bd. 2. Hf. Leipzig, 1924, s. 1-59.

Соболевский 1884 - *Соболевский А.И.* Стихотворения Константина Болгарского. - РФВ XII, 1884, с. 313-315.

Соболевский 1892 - *Соболевский А.И.* Церковнославянские стихотворения IX-X вв. и их значение для изучения церковнославянского языка. - Библиограф. VIII, 1892, с. 379 (см. СбНУ XVI-XVII, 1900, с. 314-320; Труды XI Археологического съезда II, 1902, с. 28-37).

Соболевский 1910 - *Соболевский А.И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. - СборЯС LXXXVIII, 3, 1910.

Станчев 1969 - *Станчев К.* Ритмичната структура в химничната поезия на Климент Охридски. - Бълг. език XIX, кн. 6, 1969, с. 523-531.

Svane 1968 - *Svane G.* Kilka prób rekonstrukcji cerkiewnosłowiańskiej poezji liturgicznej. - Roczn. Slawist. XXIX, 1, 1968, c. 29-38.

Trubetzkoy 1934 - *Trubetzkoy N.* Ein altkirchenslavisches Gedicht. - ZfslPh XI, 1934, S. 52-54.
Vaillant 1948 - *Vaillant A.* Manuel du vieux slave II. Paris, 1948.
Vaillant 1948a - *Vaillant A.* La préface de l'Évangéliaire vieux slave. - RESL. 24, 1948, p. 5-20.
Vaillant 1956 - *Vaillant A.* Une poésie vieux-slave: La *Préface de l'Évangile*. - RESL. 33, 1956, p. 7-25.
Vašica 1940 - *Vašica J.* Slovanská liturgie nové osvětlená Kijevskými listy. - Slovo a slovesnost VI, 1940, c.65-78.
Vavřínek 1962 - *Vavřínek V.* Staroslovenské životy Konstantina a Metoděje a panegyriky Řehoře z Nazianzu. - Listy filol. 85, 1962, c. 135-151.

А.А.ЗАЛИЗНЯК

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДРЕВНЕРУССКОЙ РУКОПИСИ XIV ВЕКА „МЕРИЛО ПРАВЕДНОЕ“

I. ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 1. Как было показано в двух других работах[1], в известной древнерусской рукописи XIV в. - Троицком Мериле Праведном[2] (далее - Мерило) буквы *о* и *ѡ* передают две разные фонемы "типа *о*" - предположительно /ɔ/ (открытое) и /ô/ (закрытое). Было показано также, что распределение этих двух фонем в Мериле определенным образом связано с акцентуацией (см. § 2). Это позволяет установить акцентуацию некоторой части словоформ, встречающихся в Мериле (хотя сама рукопись не акцентуирована).

Задачей настоящей работы является описание (с той степенью полноты, которую допускает материал) акцентологической системы, отразившейся в Мериле[3]. Эта система представляет исключительный интерес, поскольку Мерило относится приблизительно к тому же времени, что и древнейшая акцентуированная древнерусская рукопись - Чудовский Новый Завет XIV в. (далее - Чуд.).

§ 2. Ниже (§ 2-3) в сжатой форме изложены те положения предшествующих статей (Новые данные и Противоп.), на которые непосредственно опирается настоящая работа.

Как установлено акцентологическими исследованиями последних двадцати лет, в праславянском (а также в раннем[4] древнерусском) все полнозначные словоформы делились с акцентологической точки зрения на "ортотонические" и "эн-

---

[1] *Зализняк А.А.* Новые данные о русских памятниках XIV-XVII веков с различением двух фонем "типа *о*". - Сов. славяноведение, 1978, № 3 (далее - Новые данные); *Он же*. Противопоставление букв *о* и *ѡ* в древнерусской рукописи XIV века "Мерило Праведное". - Сов. славяноведение, 1978, № 5 (далее - Противоп.).

[2] Рукопись Гос. библиотеки им. В.И. Ленина, фонд 304 (Троицкое собрание), № 15. Фототипическое издание: Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961. Настоящая работа проведена по фототипическому изданию с проверкой всех вызывающих сомнение мест по рукописи.

[3] Приношу глубокую благодарность В.А. Дыбо за постоянные консультации и помощь и Е.А. Аксёновой, которая по моей просьбе сличила ряд темных и испорченных мест Мерила с другими его списками и с греческими оригиналами.

[4] Т.е. до падения редуцированных.

клиномены". Первые имели неотъемлемое ударение (так наз. автономное) на одном из слогов; вторые в составе фразы обычно были безударны, а в изолированном положении получали на начальном слоге так наз. автоматическое ударение (т.е. некоторое просодическое усиление, с фонологической точки зрения равнозначное безударности). Автономное и автоматическое ударения представляли собой два нетождественных способа просодического выделения. В ходе истории русского языка они совпали друг с другом, но в говоре Мерила это совпадение, возможно, еще не произошло.

Ниже мы обозначаем автономное ударение (при интерпретации данных Мерила и в реконструкциях) знаком '. Единое ударение более позднего времени обозначается знаком ´ (но при цитировании акцентуированных памятников сохраняются знаки оригинала).

Пусть *О* будет обобщающим обозначением для букв *о* и *ѡ*. В важнейшей части Мерила (так наз. зоне А)[5] основные правила распределения *о* и *ѡ* таковы.

1. Рефлекс раннедревнерусского *ъ* (там, где этот *ъ* не выпал) записывается как *о* - *ротъ, пѣсокъ, торгъ*[6].

2. Рефлексы раннедревнерусского *о* (в т.ч. в полногласных сочетаниях *оро, оло*) записываются как *ѡ* в следующих случаях: а) в ударном слоге ортотонической словоформы — *закѡнъ, холѡпи; хѡдѧть;* б) во втором заударном слоге ортотонической словоформы — *ꙗблокѡ, праведнѡѥ*[7]; в) независимо от акцентуации, в перестроенном[8] начальном слоге словоформы (а также сочетания "предлог + именная словоформа") — *дѡмъ, кѡвчегъ, пѡслати, пѡ два.*

3. В прочих случаях рефлексы раннедревнерусского *о* записываются как *о* - *слово, нога, старость, городъ, золото, голова.*

К основным правилам имеются следующие морфологические поправки: а) постоянно пишутся с *о* окончание Д. мн. *-Омъ* (только у существительных), аористные окончания *-Омъ, -Овѣ*, глагольный суффикс *-Ова-*, частица *-ждО*, окончание *-О* в морфемных сочетаниях *-Ов-О, -ав-О*, предлог и приставка *О (Об)*; б) постоянно пишутся с *ѡ* частица *бО*, элемент *гО* в составе окончаний Р.ед. *-ОгО, -егО, -агО*, окончания М.ед. *-Омь* и Д.М.ед. *-Ои*, корни *Огн-, Осм-, Остр-*.

Конкретное *о* или *ѡ* в составе встретившейся в Мериле конкретной словоформы называется н е с в о б о д н ы м, если оно подпадает под основное правило 1 или 2в или под морфологические поправки[9]; в противном случае оно называется с в о б о д н ы м. Понятно, что акцентуационно значимы только свободные *о* и *ѡ*.

§ 3. На указанные правила в Мериле накладывается принцип факультативности выражения /ô/ (общий для всех памятников, различающих две фонемы "типа *о*"): для передачи фонемы /ô/ вместо обычного ("полного") написания *ѡ* иногда может использоваться у п р о щ е н н о е (далее - упрощ.) написание *о* (буква *о* выступает в этом случае как общее обозначение "фонемы типа *о*"). Существенно, что противоположной замены (*о* на *ѡ*) практически не бывает.

Упрощенные написания встречаются с резко повышенной частотой в следующих о с о б ы х условиях: а) в киновари; б) на конце строки (точнее: на последнем месте любой строки и на трех последних местах строки, вышедшей за линию разметки) и в приписках между строк; в) в местах, где писец ужимал текст или писал небрежно, - 230 (строки 12-25), 230б (строки 1-14), 274б (строки 19-25), 337, 337б. Все прочие положения называются ниже н о р м а л ь н ы м и условиями.

В зоне А (за вычетом отрезка 332-348б) коэффициент выраженности /ô/[10] составляет в среднем в нормальных условиях около 97%, в особых условиях - 76% (на отрезке 332-348б, написанном в этом отношении менее тщательно, он составляет соответственно 83% и 48%).

Установление акцентуации словоформ по написаниям Мерила

§ 4. Опираясь на изложенное распределение *о* и *ѡ* как на уже установленный факт получаем следующее практическое правило, позволяющее определить акцентуацию словоформы по ее написанию в Мериле (правило сформулировано в предположении, что все /ô/, входящие в эту словоформу, записаны полно, а не упрощенно).

1. Заменить рассматриваемое написание "схемой его огласовки", а именно: слог, содержащий свободное *о* или *ѡ*, заменить соответственно символом *о* или *ѡ*; всякий другой

---

[5] Зона А (75% текста Мерила) - это почерки основных писцов Мерила (не менее трех), объединенные общей орфографией. Зона А включает: 1-188, 189б-208, 221-230б, 239-274б, 331б-348б (за вычетом примерно 50 вкраплений размером от нескольких слов до двух страниц), а также около 20 мелких вкраплений в других местах (подробнее см. Новые данные, § 9).

[6] Имеется несколько исключений, в частности, *плѡть, любѡвь, цр҃кѡвнаꙗ*; по-видимому, в этих словах произносилось /ô/ (появившееся вместо ожидаемого /ɔ/ по разным индивидуальным причинам, см. Противоп., § 8).

[7] Пункт 2б интерпретируется как эффект второстепенного (ритмического) ударения в заударной части ортотонической словоформы (см. Противоп., § 12, 18).

[8] Под "перестроенным" понимается слог, за гласной которого прежде (т.е. в раннем древнерусском) шел слог с редуцированным, впоследствии выпавшим.

[9] Даже если фактический выбор *о* или *ѡ* почему-либо не соответствует правилам; однако *ѡ* на месте *ъ* (не в перестроенном начальном слоге) - свободное (примеры: *любѡвь, цр҃кѡвнаꙗ*, см. сноску 6). Дополнительное указание: несвободно *О*, стоящее внутри словоформы после гласной буквы (в этой позиции *о* и *ѡ* могут писаться без соответствия с фонемами /ɔ/ и /ô/).

[10] Т.е. отношение числа *ѡ* (передающих /ô/) к общему числу точек текста, где предположительно выступала фонема /ô/ (подробнее см. Новые данные, § 18-21).

слог[11] (в частности, слог с несвободным *о* или *ѡ*) заменить символом *А*. Примеры: *готѡво* - *оѡо; дьꙗкони* - *АоА; дѡмъ* - *А; бѡлнѡму* - *АѡА; злагѡ, волкомь, кѡпиѥ* - *АА; невѣста* - *ААА*. Написания со схемой огласовок из одних *А* из дальнейшего рассмотрения выбывают: об акцентуации таких словоформ Мерило никаких сведений не дает.

2. Сравнить полученную схему огласовки с образцами (той же длины) в табл. 1. Если схема огласовки содержит более 4 символов, взять от нее только конечные 4 символа.

Таблица 1

Число символов	Словоформы-энклиномены	Ортотонические словоформы с ударением на слоге по счету от конца:			
		1-м	2-м	3-м	4-м
1	о	ѡ	-	-	-
2	оо	оѡ	ѡо	-	-
3	ооо	ооѡ	оѡо	ѡоѡ	-
4	оооо	ооѡ	ооѡо	оѡоѡ	ѡоѡо

При сравнении схемы огласовки с образцом символ *А* считается допустимой заменой как для *о*, так и для *ѡ* (на подчеркивания в табличных образцах можно не обращать внимания). Иначе говоря, образец считается подходящим для данной схемы огласовки, если эта схема совпадает с ним или может быть получена из него одними лишь заменами *о* или *ѡ* на *А*.

Поиск образца может дать один из трех результатов: 1) для данной схемы огласовки имеется ровно один табличный образец (это бывает при полном совпадении схемы с образцом, а также в случае, когда заменялись на *А* только такие *о* и *ѡ*, которые в таблице не подчеркнуты); например, для схемы *оо* образцом является *оо*, для схемы *Аѡ* - *оѡ*, для схем *ѡААА, ѡоАо, ѡоѡо* - *ѡоѡо;* 2) для данной схемы огласовки имеется более одного образца (это бывает тогда, когда заменялось на *А* хотя бы одно *о* или *ѡ*, которое в таблице подчеркнуто); например, для схемы *оА* образцами являются *оо* и *оѡ*, для *АоА* - *ооо, ооѡ* и *ѡоѡ*; 3) для данной схемы огласовки (например, *ѡѡ*) вообще нет табличного образца.

В случае 1 акцентуация словоформы определяется однозначно (она указана в табличном заголовке над соответствующим образцом). Приведем характерные примеры. Энклиномены: *то, кто; око, просто, городъ; золото, свободно, таково*. Ортотонические словоформы с ударением: на последнем слоге - *злѡ*; *добрѡ, порѡкъ, селѡ, закѡнъ; молокѡ, скоморѡхъ, прощенѡ; положенѡ, растворенѡ*; на предпоследнем слоге - *мнѡго, гѡнить, дѡбрыхъ; готѡво, подѡбно, икѡномъ, закѡни; дорогѡѥ, вощанѡю;* на 3-ем слоге от конца - *вѡиньствѡ, вѡлею, подѡбалѡ, рабѡтаѥть, оузакѡненѡ*; на 4-ом слоге от конца - *скрѡвенѡю, мнѡжицею, оумнѡженѡѥ*.

Примечание. Чтобы избежать излишней сложности, правило сформулировано так, что словоформы с ударением на 5-ом слоге от конца и далее в нем вообще не предусматриваются. В акцентологически значимом материале Мерила с подобным ударением встретились только: *вѡиньств-ении, -овати, -оваше* (ударение *вѡ́-*); *котѡрающегѡсѧ* (*-тѡ́-*); *назнаменовати, хрсто|знаменаноѥ* (*-зна́-*); *свѣдительств-овати, -оваю, -уѥмѡ* (*-ди́-*).

В случае 2 акцентуация словоформы определяется ее написанием в Мериле неоднозначно. Примеры: написания *оку, окомь, попа, попомь, голову, голова* в принципе могут соответствовать как энклиномена, так и конечноударным словоформам; написания *праведнѡ, истиньнѡ, студенѡ* могут передавать ударение как на последнем слоге, так и на третьем от конца. Для установления действительной акцентуации таких словоформ приходится привлекать дополнительные данные - написание в Мериле родственных словоформ, данные акцентуированных памятников, общие акцентологические закономерности. Разумеется, этим способом акцентуация устанавливается менее надежно, чем в случае 1.

В случае 3 написание признается аномальным. В Мериле таковы только: а) *за хѡлѡпъ* 340б, *по хѡлѡпьи рѣчи* 340, *такѡвѡѥ* 42б, 179, *отрѡкѡвицѧ* 169, *препѡдѡбиѥмь* 10; по-видимому, это просто результат предвосхищения на письме гласной буквы следующего слога; б) *прекѡслѡвьѥ* 125; та же причина, что выше, или след флексионного ударения у **прек-* (ср. *впрекѝ* в Чуд.), см. § 8, замеч.; в) *ипѡдрѡмьскоѥ* 201 (влияние орфограммы *пѡд* "под"); г) *госпѡдьствѡ* 274, *госпѡдствѡ* 239б bis, *оубѡркѡвъ* 341, *втѡрѡѥ* 173, *мнѡгѡ* 226б; эти написания скорее всего отражают колебание ударения.

Как уже указано, приведенное правило действительно лишь в предположении, что перед нами полное, а не упрощенное написание. Это значит, что его нельзя применять к первому встретившемуся в тексте написанию интересующей нас словоформы (по крайней мере, когда речь идет о написаниях с *о*), а необходимо вначале выявить все вхождения этой словоформы в текст и установить, насколько это возможно, какие ее написания являются полными и какие упрощенными[12]. Понятно, что результат этой операции тем надежнее,

---

[11] Разумеется, счет слогов должен соответствовать состоянию после падения редуцированных (т.е. реальному для Мерила). Специально отметим, что всякое *и (i)*, стоящее перед гласной буквой (принадлежащей той же словоформе), должно рассматриваться как не соответствующее отдельному слогу. В случаях, где счет слогов неясен, следует рассмотреть две альтернативные схемы огласовки.

[12] Заметим, что сходные затруднения возникают и при исследовании акцентуированных рукописей, поскольку здесь приходится решать, куда отнести знак ударения, кото-

чем чаще встречается данная словоформа. Максимально уязвимой оказывается акцентологическая интерпретация одиночных (или просто редких) написаний, основанная на наличии буквы *о* (а не *ѡ*) в некоторой точке словоформы.

Итак, возможности акцентуационной интерпретации данных Мерила по нескольким причинам ограниченны: доступны такой интерпретации только словоформы, содержащие свободные *о* или *ѡ*; результаты интерпретации в значительной части случаев неоднозначны; для редко встречающихся словоформ интерпретация может оказаться основанной на упрощенном написании. Но даже при всех этих ограничениях количество извлекаемых из Мерила надежных сведений об акцентуации оказывается весьма значительным.

Акцентные парадигмы и акцентные кривые

§ 5. В соответствии с работами Х. Станга, В.М. Иллич-Свитыча и В.А. Дыбо, мы исходим из того, что в праславянском (а также в раннем древнерусском) каждое изменяемое слово относилось к одной из трех так наз. акцентных парадигм[13]. Для раннего древнерусского эти акцентные парадигмы (далее - а.п.) можно охарактеризовать так:

1) слова а.п. *а* имели только ортотонические словоформы с постоянным ударением на определенном слоге основы[14];

2) слова а.п. *b* также имели только ортотонические словоформы, но ударение здесь падало в нормальном случае на первый слог окончания, в особых (строго определенных) случаях[15] - на последний слог основы;

3) у слов а.п. *с* одни словоформы были ортотоническими конечноударными[16], а другие - энклиноменами, причем распределение этих двух акцентных возможностей по грамматическим формам было индивидуальным в каждом морфологическом классе слов.

§ 6. Запись, показывающая, к какой из трех акцентных категорий (ортотоническая словоформа с ударением на основе, ортотоническая словоформа с ударением на окончании или энклиномен) относится каждая словоформа некоторого слова, образует так наз. акцентную кривую (или схему ударения) данного слова.

Для праславянского и раннего древнерусского предполагается "идеальное" состояние, при котором в любом морфологическом классе слов возможно не более трех разных акцентных кривых - по одной на каждую а.п. В более позднее время картина меняется: в одном и том же морфологическом классе может быть представлено уже более трех разных акцентных кривых. Например, в современном литературном языке у существительных женского рода на *-а*, *-я* с односложной основой представлено 7 разных акцентных кривых (схем ударения), причем распределение слов по этим кривым чисто списочное; ср. в качестве образцов слова *вéра*, *чертá*, *бедá*, *дóля*, *губá*, *спинá*, *ногá*. Характерной особенностью поздних систем являются также многочисленные колебания ударения.

При обследовании конкретного памятника или говора прежде всего необходимо дать чисто синхронический анализ наличных акцентных противопоставлений, в частности, выявить набор акцентных кривых в каждом морфологическом классе слов. Выявляемые таким образом "точечные" (по месту и времени) акцентные системы могут довольно сильно различаться между собой - как характером акцентных кривых, так и их числом. Настоящая работа посвящена описанию "точечной" системы Мерила.

Между некоторой "точечной" акцентной системой и исходной системой трех а.п. обычно можно выявить определенные отношения исторического наследования. Для памятников XIV-XVII вв. эти отношения, как правило, еще довольно прозрачны: одна и та же древняя а.п. может отражаться в подобной "точечной" системе в виде двух или более акцентных кривых (даже в одном и том же морфологическом классе), но разные а.п. при этом обычно не смешиваются. Соответственно, в диахроническом исследовании допустимо (и целесообразно) говорить просто о трех а.п. в "точечной" акцентной системе, относящейся к данной эпохе (в частности, в системе Мерила), понимая в этом случае под каждой а.п. определенную совокупность акцентных кривых. Тем самым становятся сопоставимыми показания разных "точечных" систем[17].

§ 7. Как показал В.А. Дыбо (Дыбо 1968), в праславянском акцентуация производных всегда (или почти всегда)

рый реально стоит над согласной буквой, а также выявлять ошибочные знаки ударения.

[3] Строго говоря, это утверждение непосредственно верно лишь для имен. У глаголов в принципе возможно расщепление морфологической парадигмы на части, относящиеся к разным акцентным парадигмам (см. Дыбо 1971).

[14] Здесь и в дальнейшем для древнерусского принимается разделение словоформ на основу и окончание, при котором рефлексы бывших основообразующих элементов **о*, **е*, **ā*, **u*, **i* в именах и **о*, **е*, **ī* в презенсе глаголов входят уже в состав окончания, а не основы; например: *город-ѣ*, *жен-а*, *кост-ию*, *нес-еть*, *лех-ить*.

[15] Важнейшие из этих случаев: а) все словоформы, где первый слог окончания содержит слабый *ъ* или *ь*; б) презенс глагола (кроме 1 ед.), членные формы прилагательных, М. ед. на *-ѣхъ* у существительных.

[16] Но если ортотоническая словоформа оканчивалась на *ъ* или *ь*, ударение падало на предпоследний слог. Кроме того, ударение падало на предпоследний (а не последний) слог в окончаниях *-ами*, *-ама*, в инфинитивах на *-ити*, *-ати* и в некоторых других случаях. В членных формах прилагательных а.п. *с*, по-видимому, рано обобщилось ударение на первом слоге окончания.

[17] В XVIII-XX вв. соотношение между синхронической картиной и древними а.п. становится гораздо более сложным; применительно к памятникам этой эпохи (и говорам) говорить просто о трех а.п. затруднительно.

зависела от а.п. исходного слова. Основные правила для суффиксальных производных здесь таковы.

Любые производные от слов а.п. *a* относятся тоже к а.п. *a* и сохраняют место ударения исходного слова. Производные ст слов а.п. *b* имеют ударение на первой гласной, не входящей в производящую основу; но если этой гласной оказывается слабый *ъ* или *ь*, ударение переходит на слог левее. У производных от слов а.п. *c* акцентуация различна при разных классах суффиксов. При суффиксах одного класса (например, **-ьn-*, **-ьsk-*, **-ov-*) производное тоже относится к а.п. *c*. При суффиксах другого класса производное имеет постоянное ударение - при одних суффиксах (например, **-at-*, **-iv-*) на самом суффиксе, при других (например, **-ьstv-*) - на окончаниях.

Ниже могут быть использованы введенные В.А. Дыбо обозначения a^a, a^b, c^c и т.д., символизирующие соотношение между а.п. производного слова (основной символ) и исходного слова (верхний символ). Например, b^c означает производное а.п. *b* от исходного слова а.п. *c*. Соответственно, акцентные свойства суффикса можно охарактеризовать формулой вида "x^a, y^b, z^c"; например, суффиксу *-ov-* отвечает формула "a^a, a^b, c^c".

Вспомогательные указания

§ 8. Почти весь акцентуационно значимый материал Мерила сосредоточен в зоне А (см. § 2); именно ее и отражает настоящая работа. Соответственно в дальнейшем под Мерилом фактически понимается (если не оговорено иное) его зона А; в частности, только к зоне А относятся все приводимые подсчеты. Из зоны Б (см. Новые данные, § 10) приведены только те (очень немногие) написания, которые существенно дополняют материал зоны А; они помечены знаком [Б].

В работе отражены практически все словоформы, акцентуация которых устанавливается по написаниям Мерила однозначно или с точностью до двух акцентных возможностей (из большего числа теоретически допустимых). Прочие словоформы представлены лишь выборочно.

Для всех отраженных в работе словоформ (кроме нескольких самых частых) учтены все их вхождения в зону А[18]. Однако из-за ограниченного объема работы при часто встречающихся словоформах большая часть ссылок на текст опущена и указано лишь общее число вхождений.

З а м е ч а н и е. В Мериле первая часть сложного слова (до соединительной гласной) как правило пишется с тем же набором *о* и *ѡ*, что косвенные словоформы соответствующего отдельного слова: ср., например, *закѡнъ*, *закѡна* и *закѡнодавець*, *дѡбръ*, *добра* и *добродѣтель*, **гѡсть*, *гости* и *гостолюбивы*. Соединительная гласная *-о-* почти всегда пишется в Мериле как *о* - как там, где первое слово относится к а.п. *a* (*мнѡгообразно*, *братолюбиѥ* и и т.п.) или *c* (*самовѡлно*, *блгорѡденъ* и т.п.), так и там, где оно относится к а.п. *b* (*виноградъ*, *грѣхолюбци*, *добродѣтель*, *заимодавець*, *злодѣи*, *злонравци*, *мьздоимци*, *прекослѡвьѥ* и т.п.). В последней группе, правда, несколько раз встретилось "реликтовое" *ѡ*: 2 раза *добрѡ-*, 2 раза *злѡ-* (см. сноску 49), *заимѡдавець* 266б, *прекѡслѡвьѥ* 125. (В *блгѡбоѩзнивыѩ* 66б *ѡ*, может быть, написано по ошибке). В настоящей работе полностью учтены первые части сложных слов, содержащие *ѡ* (типа *закѡно-*); прочие случаи отмечаются выборочно.

Относительно графики отметим следующее. Надстрочные знаки Мерила в настоящей работе не передаются (*і* "десятеричное" передается везде как *і*, независимо от наличия и числа точек или "ресничек" в тексте). Широкое и узкое *о*[19] передаются одинаково через *о*. Буквы ѧ, є, ѵ, ѕ, ѱ передаются как *а*, *е*, *у*, *ѕ*, *щ*. Различие между *и* и *і*, равно как между *у* и *оу* соблюдается только при цитировании одиночных словоформ. При наличии нескольких ссылок на страницы (а также при любых подсчетах) мы этими различиями как правило пренебрегаем; например, вместо записи *ірѡду* 81б, *ирѡду* 82 может быть дано: *ирѡду* 81б, 82.

При перечислении словоформ возможна сокращенная запись. Типовые примеры: а) *нарѡдъ*, *-а*, *-у* (= *нарѡда*, *нарѡду*); *полезно*, *-оѥ* (= *полезноѥ*); *дѡбр-ѥи*, *-агѡ* (= *дѡбрагѡ*); здесь дефис заменяет ближайшую слева выписанную целиком (и не заключенную в скобки) словоформу без ее последней буквы (а если в ней поставлен дефис, - без отделенной дефисом конечной части); б) *мнѡго*, *не-* (= *немнѡго*); *носити*, *из-* (= *износити*); здесь дефис заменяет всю ближайшую слева словоформу, выписанную целиком. Поскольку в тексте памятников дефисы отсутствуют, эти приемы не ведут к двусмысленности.

Цифры (без знака ×) при словоформах представляют собой ссылки на рукопись Мерила. При этом страница, составляющая лицевую сторону листа, обозначается просто номером листа, страница на обороте - тем же номером с буквой "б"[20]. Знак × заменяет слово "раз". Так, запись *прѡче* (21×: 78, 107, 139б и др.) означает, что данное написание встретилось в зоне А 21 раз, в частности, на указанных страницах. Запись типа (17×: 171б-175) означает, что все 17 случаев рассматриваемого написания заключены в указанном отрезке текста. Если подсчет дан после серии словоформ, при которых нет ссылок на страницы (или под-

[18] Не включены в разбор и в подсчеты некоторые искаженные написания.

[19] В Мериле они строго распределены позиционно: широкое *о* в начале слова и после гласной буквы (или *ъ*), узкое *о* - после согласной (в составе диграфа *оу* *о* всегда узкое).

[20] Словоформы, переходящие с одной страницы на другую, помечаются номером первой из этих страниц.

счетов), то он относится сразу ко всей серии, т.е. указывает общую сумму, например: *залѡгъ, -а, -у, -омь, -и, залѡзѣ* (23×: 120, 163, 251 и др.). Ссылки на страницы относятся при этом к разным словоформам данной серии.

При цитировании словоформ знаки | (конец строки), || (конец страницы) и помета "кин." (киноварь) даются не систематически, а только там, где, с нашей точки зрения, это может быть существенно для разбираемого вопроса (см. § 3). Запись вида *сложенъ* 345б (*о*|), 346 есть сокращение от *сло*|*женъ* 345б, *сложенъ* 346.

Не систематически, а выборочно даются также грамматические пометы при словоформах[21]. В частности, мы не считаем необходимым различать омонимию многих грамматических форм, которые всегда совпадают в Мериле по написанию (И.ед. и В.ед. на *-ъ, -ь*, Д.ед. и М.ед. на *-ѣ*, омонимичные членные формы прилагательных и др.). Для уменьшения грамматической двусмысленности всегда снабжаются пометой: Р.мн., омонимичный И.ед.; Т.мн., омонимичный В.мн.; любые словоформы дв. числа, омонимичные словоформам ед. или мн.

В качестве наименования лексемы в работе используется либо ее исходная словоформа в написании Мерила (например, *дѡмъ, рабѡта, лѣпъ*), либо, если это почему-либо удобнее, ее современное русское соответствие (пусть даже фактически не употребляемое), взятое в кавычки, например, "дом", "работа", "лепый".

§ 9. Как показывает наблюдение, наличие при полнозначной словоформе проклитик или энклитик никак не изменяет в Мериле ее обычного написания. Разумеется, для ортотонических словоформ ничего иного и нельзя ожидать, ср. *закѡнъ - закѡнъ же, и закѡнъ, на закѡнъ* и т.п. Но в Мериле это верно и для энклиноменов[22]: ср. *слово - слово бѡ, не слово* и т.п. и, что особенно важно, *дѡмъ* (часто) - *на дѡмъ* 175, *лѡвъ* 34 - *на лѡвъ* 33б, *нѡщь* 25б и др. - *ни нѡщь* 209 [Б], *прѡстъ* 140б, 265 - *и прѡстъ* 25, *не прѡстъ бѡ* 7; также *за вѡзъ* 340, *на бѡлна* 28б и т.п. (если бы сочетание с клитиками вело себя как единая словоформа, ожидалось бы **на домъ, *на ловъ, *и простъ* и т.д.).

Написания типа *на дѡмъ* отражают либо обобщение фонемы /ô/ во всех случаях употребления данной словоформы, либо просто обобщение орфограммы *дѡмъ* (без связи с фонемным составом). Но независимо от решения этой дилеммы, описанный факт дает нам право в дальнейшем опускать проклитики и энклитики при цитировании словоформ; из-за недостатка места мы вынуждены пользоваться этим правом очень широко.

§ 10. Помета "упрощ." означает упрощенное написание (см. § 3). Упрощенные написания (на месте свободных ѡ), встретившиеся в нормальных условиях, приводятся в работе после соответствующей части основного материала. Упрощенные написания, встретившиеся в особых условиях, малопоказательны и, чтобы не затемнять общей картины, при разборе материала не приводятся[23] (кроме спорных случаев).

---

[21] Из самих этих помет отметим: обозначения падежей - И., Р., Д., В., Т., М., Зв.; записи типа 1 ед., 3 мн. для обозначения лиц и чисел глагола.

[22] Исключение составляют только *никтѡ же, ничтѡ же* при *никто, ничто* (см. § 69). Отметим, что отрицание *не* может вести себя и как отдельное служебное слово (при свободном употреблении, ср. *не прѡстъ же, да не мѡщно будеть звѣремъ входити*) и как часть слова (при устойчивой тесной связи с основой, ср. *немощь, немощнии* и т.д.); впрочем, других примеров, когда это отразилось бы на выборе ѡ или *о*, в Мериле не встретилось.

[23] Ради полноты информации приводим все эти упрощенные написания здесь (в порядке параграфов, к которым они относятся). § 15: *браковъ* 219 кин., *послуховъ* 336б (*-слуховъ* приписано под строкой); § 18: *холопъ* 337, 337б bis, *-а* 337б; § 19: *въ ско*|*тѣхъ* 31; § 22: *амфилохию* 110б кин., *григорию* 109б кин., 114 кин., *къ ѥвлогью* 70 кин., *к литою* 109б кин., *в халкидонѣ* 106б кин.; § 23: *залозѣ* 185 кин., *-ѣ*^{х} 232 кин., *свода*| 335 (тесно), *зако*|*нъ* 54б, 125б кин., *-а* 69б, *законѣ*| 54 (тесно), *законо*|*мь* 267 (тесно), *закона* (5× в киновари: 118-125), *зако*^{н} 229б кин., *ѡ*^{т} *исхода* (9× в кинори: 120-124б), *разбои*| 332б кин., *сбора, -ѣ, сбо*^{р} (16× в киновари: 78-131б, 344), *оурокъ* 340б (исправлено по подтертому), *оурокъ*| 343б (тесно), *оуроци* 33б кин.; § 25: *безако*|*ники* 48, *разбо*|*иникъ* 259, *о разбоініцѣ*^{х} 192 кин.; § 28: *село*| 249; § 29: *достоіньствѣ* 25б кин., *свѣдительство* 187 кин., *рж*^{с}*тво*| 100б; § 31: *мѣрило* 2 кин., *правило*| 107, *правило* (7× в киновари: 83-117); § 32: *въ словосло*|*вьи* 10б, *скро*|*вище* 242; § 38: *пристр-о*|*ю* 175 кин., *-оі* 174б кин. bis; § 39: *ѡ*^{т} *работы* 230; § 41: *мно*|*жицею* 266; § 50: *второму* 169б кин., *кото*|*роѣ* 335б, *мно*|*го* 61, *-а* 61, *-и* 13б, 132б, *мно*|*зи* 20, *про*|*ч-еѥ* 170б, *-ихъ* 113б; § 51: *добро*| 81б, *зло*| 15б, 16; § 52: *должьному*| 184б (тесно); §57: *праведноѥ* 2 кин.; §58: *досто*|*ино* 11б, *не-* 20б, *законьны*^{х} 219 кин.; §61: *ап*^{с}*лкоѥ* 91 кин., 99б кин., 105б кин., *вѡиничьско*|*ѥ* 113, *халкидонскаго* 91 кин.; §69: *ничто же* 274б; §72: *инако*| 8, 50б; § 73: *ибо*| 91; §77: *смо*|*трить* 31, *ізво*|*дѧще* 53_2б, *оуводѧщихъ* 193б кин., *приносѧщимъ* 187 кин., *смоть*|*рѧщему* 78 (тесно); §79: *въсхоще*|*ть* 251б (тесно); §82: *мо*|*жеть* 341б, *можеть* 178 кин., 231 кин., *мо*|*гуть* 113, *возмо*|*жеть* 156б, 264б, *помо*|*гуть* 251б; §83: *възнесохъ*| 12б (тесно), *рекохо*|*мъ* 242б (тесно); §86 (также §48): *истѧзаѥмо*|*мъ* 206б, *сбираѥмо*|*ѥ* 263, *свершаѥм-о*|*ѥ* 347, *-омъ*| 161 (тесно), *недвижимо*| 8, *скрѡвено*|*ѥ* 261б, *оставлен-о*|*му* 116, *-оѥ* || 132 (тесно); §88: *ѡ*^{т}*ре*^{ч}*но ѥсть*| 106б (очень тесно), *възбранено* 178 кин.

II. АНАЛИЗ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ МЕРИЛА

§ 11. В соответствии с § 6, мы будем говорить о трех акцентных парадигмах *(a, b, c)* в Мериле. Система Мерила еще очень близка к "идеальной": в большинстве морфологических классов каждой а.п. соответствует не более одной акцентной кривой. Это положение нарушено лишь у существительных на *-а*, *-ѧ*, где в а.п. *b* различаются акц. кривые b_1 и b_2 (§ 35), и в адъективном склонении, где в а.п. *c* различаются акц. кривые c_1 и c_2 (§ 49).

Слова а.п. *a* разделены на группы в зависимости от места ударения внутри основы: номер группы соответствует номеру ударного слова по счету от конца основы. Основными являются группа 1 (ударение на последнем слоге основы, например, *закѡнъ, рабѡта, оубѡгъ*) и 2 (ударение на предпоследнем слоге основы, например, *дьѧконъ, позѡрище*); группы 3 и 4 представлены всего несколькими словами.

Для слов, у которых число слогов основы при склонении меняется (т.е. для слов с беглой гласной), условимся определять группу по той основе, которая выступает перед гласными; например, слово а.п. *a григѡрии, григѡрьѧ* относится к группе 1.

> Примечание. У слов с беглой гласной ударение обычно находится во всей парадигме на одном и том же слоге по счету от начала. Однако в рамках а.п. *a* в принципе возможен также особый случай, когда в словоформе с беглой гласной ударение стоит на этой беглой гласной, а в прочих словоформах сдвигается на слог левее. Мы будем обозначать слова с такой акцентуацией как подгруппу 1* (внутри группы 1).

Как обобщающее название для акцентных парадигм и групп внутри а.п. *a* ниже используется термин "акцентная группа".

§ 12. Материал разбирается по морфологическим классам. Поскольку при описании акцентуации мы стремимся подходить к говору Мерила как к некоторому синхроническому целому, морфологическая классификация тоже ориентирована на язык XIV века (а не на праславянский). В частности, выделяются главное субстантивное склонение (исторически основы на **o, *u, *ā*) и второстепенное субстантивное склонение (исторически основы на **i* и на согласную). Используется деление существительных на морфологические роды (а не просто на роды), с тем, чтобы, например, *владыка* рассматривалось вместе со словами женского рода, *михаило* - со словами среднего рода и т.п.

В начале крупных морфологических разделов даются таблицы, показывающие, как проявляется в написаниях Мерила противопоставление акцентных парадигм в соответствующем морфологическом классе. Таблица, озаглавленная "Окончания с *O*", демонстрирует противопоставление а.п. в формах с окончанием, содержащим свободное *O* (при основе любого вида). Таблица "Основы с *O*" демонстрирует противопоставление а.п. у слов с основой, содержащей хотя бы одно свободное *O* (при любых окончаниях); в качестве образцов здесь из имеющегося материала выбираются слова с наибольшим количеством свободных *O* в основе.

Акцентно непоказательные словоформы, включенные в таблицу лишь ради полноты парадигмы, приводятся в скобках. Прочерк означает "нет примеров", прочерк в скобках - "нет надежных примеров".

§ 13. Внутри минимальной морфологической рубрики материал разделен по акцентологическим признакам. Используются следующие стандартные формы записи (преследующие цель четко различить разные степени надежности сообщаемой акцентологической информации).

Если перед серией примеров стоит просто название акцентной группы (без дополнительных указаний), например, а.п. *a* (гр. 1), а.п. *b*, а.п. *c*, это значит, что приводимые слова по написаниям Мерила должны быть однозначно отнесены к данной акцентной группе[24].

Формула вида "формально акцентная группа *x* или *y*, по косвенным данным *x*" означает следующее: 1) написания Мерила в принципе допускают отнесение рассматриваемого слова к любой из указанных двух групп (но ни к какой другой); 2) судя по акцентуации однокоренных слов в самом Мериле и/или по данным акцентуированных памятников XIV-XVII вв., рассматриваемое слово относилось к акцентной группе *x*.

Формула "дополнительный список слов, вероятно, относившихся к акцентной группе *x*" означает, что для приводимых слов написания Мерила в принципе допускают не только *x*, но и другие акцентные группы (однако все же не все возможные), тогда как косвенные данные указывают именно на *x*.

Из-за ограниченного объема работы "косвенные данные", на которые мы часто ссылаемся, в большинстве случаев пришлось оставить нераскрытыми. Важнейшим источником этих "косвенных данных" служил Чуд., с материалами которого были последовательно сравнены все показания Мерила. Основные результаты этого сравнения в работе изложены (но без полной документации по Чуд., которая удвоила бы объем работы). Помимо Чуд., в "косвенные данные" входят материалы Л.Л.Васильева, показания нескольких исследованных нами рукописей и старопечатных книг XVI и XVII в., а также сведения, содержащиеся в акцентологической литературе.

---

[24] Впрочем, и здесь остается некоторый риск ошибки в отношении тех слов, акцентологическая интерпретация которых основана на написаниях с *о* (а не с *ѡ*), а именно, эти написания могут оказаться упрощенными. Случаи, где такая опасность представляется нам реальной, отмечены особо.

ГЛАВНОЕ СУБСТАНТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ

МУЖСКОЙ МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ РОД

§ 14.

Таблица 2

Окончания с *О*

А.п. / Окончания	*a* группа 1	*a* группа 2	*b*	*c*
-Ови (Д.ед.)	климови	федорѡви	петрѡви	мирови
-Ове (И.мн.)	оудове(?)	–	попѡве	дарове
-Овъ (Р.мн.)	завѣтовъ	дьꙗконѡвъ	попѡвъ	даровъ
-Ома (Д.Т.дв.)	братома	–	–	послухома

Таблица 3

Основы с *О**

А.п. / Формы	*a* группа 1		*a* группа 2	*b*		*c*	
ед.							
И. (В.)	(сбѡръ)	закѡнъ	икѡномъ	(пѡпъ)	отрѡкъ	(дѡмъ)	городъ
Р. (В.)	сбѡра	закѡна	икѡнома	попа	отрока	дому	города
Д.	сбѡру	закѡну	икѡному	попу	отроку	дому	городу
Т.	сбѡромь	закѡномь	–	попомь	отрокомь	домомь	норовомь**
М.	сбѡрѣ	закѡнѣ	клиросѣ	дворѣ	животѣ	дому	городѣ
мн.							
И.	сбѡри	закѡни	дьꙗкони	попѡве	отроци	домове	волоси
Р.-*ъ*	(вхѡдъ)	закѡнъ	икѡномъ	(пѡпъ)	видѡкъ	(вѡзъ)	послухъ
-*Овъ*	–	–	икѡномѡвъ	попѡвъ	–	домѡвъ	послухѡвъ
Д.	–	закѡномъ	икѡномомъ	попомъ	видокомъ	домомъ	послухомъ
В.	сбѡры	закѡны	дьꙗконы	попы	комары	домы	городы
Т.	–	закѡны	дьꙗконы	попы	животы	–	послухи
М.	сбѡрѣхъ	закѡнѣхъ	оугѡньницѣхъ	пѡпѣхъ	отроцѣхъ	домѣхъ	послусѣхъ
дв.							
И.В.	–	–	–	–	видока	рода	послуха
Р.М.	–	–	–	коню	–	роду	–
Д.Т.	–	–	–	–	–	–	послухома

* Отдельными образцами представлены односложные и неодносложные основы (то же и в последующих таблицах).

** В тексте Мерила *норовомъ*.

§ 15. Приводим для большей обозримости сводку материала по окончаниям[25].

Д.ед. *-Ови:* а.п. *a* (гр. 1) – *ахарови, климови;* *a* (гр.2) – *федорѡви;* *b* – *петрѡви;* *c* – *бо|ви* (= *богови*), *мирови* (3×), *сно|ви* (= *сынови*); относительно *слонови* см. §20.

И.мн. (в нескольких случаях также В.мн.) *-Ове:* а.п. *b* – *волѡве, попѡве* (4×); *c* – *дарове* (14×), *долгове, домове* (6×), *пирове* (2×), *сно|ве, чинове* (2×). А.п. *a* или *c* (§21) – *жидове* (6×), *стеркове* "аисты", *оудове, щюрове* (птицы).

Р.мн. *-Овъ:* а.п. *a* (гр. 1) – *завѣтовъ;* *a* (гр. 2) – *дьꙗконѡвъ, икѡномѡвъ;* *b* – *грѣхѡвъ* (4×), *плодѡвъ* (2×), *по|пѡвъ;* *c* – *бракѡвъ* (5×), *градѡвъ* "городов" (2×), *даровъ* (9×), *долгѡвъ, домѡвъ* (9×), *образѡвъ, послухѡвъ*. Неясные случаи (§21): *хлѣбѡвъ* и *хлѣбовъ, оуборкѡвъ* (мера зерна) и *оубѡркѡвъ*.

Д.Т.дв. *-Ома:* а.п. *a* (гр. 1) – *братома* (3×), *члвкома;* *c* – *образома, послухома*.

Упрощ.: *попови|* 129, *волове* 194б, *послуховъ* 333; вероятно, также *клопотовъ* 7, *оуборковъ||* 332б (тесно).

Особый случай составляет *домѡвъ* "домой" 39 (с ударением, исторически не вполне ясным, но соответствующим нынешнему *домо́й*); ср. §92.

§ 16. Как и следует ожидать, в Т.ед. в Мериле всегда выступает *-омь* (*закѡномь, попомь, домомь* и т.д.), поскольку здесь прежде было *-ъмь*. Интереснее то, что в Мериле, как и в рукописях, изученных Л.Л.Васильевым (Васильев, с. 123), точно такая же огласовка обнаруживается у существительных и в окончании Д.мн. *-омъ* (около 220×), хотя здесь в раннем древнерусском нормой было *-омъ* (а не *-ъмъ*). Примеры: а.п. *a* (гр. 1) – *вѣтромъ, закѡномъ, канѡномъ, предѣломъ, ꙗзыкомъ* и многие др.; *a* (гр. 2) – *грѣшникомъ, дьꙗкономъ, икѡномомъ, клиросомъ, приставникомъ* и многие др.; *b* – *видокомъ, врагомъ, клеветникомъ, попомъ, псомъ, рабомъ, скотомъ* и др.; *c* – *бракомъ, волкомъ, градомъ, долгомъ, домомъ, другомъ, послухомъ, чиномъ* и др. Аналогично для среднего рода: *мѣстомъ, правиломъ, селомъ, словомъ* и др.

На этом фоне *члвкѡмъ* Д.мн. 196б (единственное написание со свободным ѡ) выглядит скорее как ошибка писца; ср. *че|ловѣкомъ* 200б, *члвкомъ* 6, 23, 55, 57, 100б, 161б, 175б, 191б.

Судя по тому, что в Мериле *мь* и *мъ* в окончаниях нередко смешиваются, прежнее *мь* в окончаниях здесь уже отвердело; таким образом, в данном морфологическом классе существительных окончания Т.ед. и Д.мн. в говоре Мерила были просто одинаковы: /-ɔм/. Возможно, что взаимное уподобление этих двух окончаний и было причиной (или одной из причин) нефонетической замены /ð/ на /ɔ/ в Д.мн. (Иначе обстояло дело у прилагательных, см. § 48). О диалектологическом аспекте данного вопроса см. Противоп., § 28.

§ 17. Извлекаемые из Мерила сведения об акцентных кривых у слов мужского рода хорошо согласуются с данными исторической акцентологии. В а.п. *a* ударение неподвижно. В а.п. *b* ударение на основе только в И.В.ед. и Р.мн. (при нулевом окончании), а также в М.мн. при односложной основе. В прочих формах ударение на первом слоге окончания; это непосредственно видно в случаях типа *петрѡви, попѡве, попѡвъ*, а в остальных случаях (*попа, попу, попомь, попомъ*,

25 Ссылки на страницы см. в разборе материала; словоформы, при которых число раз не указано, встретились по одному разу. То же и в § 34, 47, 48, 67.

попи и т.д.)[26] это можно заключить, опираясь на общий принцип, согласно которому в а.п. *b* нет энклиноменов (§4). В отношении акцентной кривой для а.п. *c* Мерило дает довольно мало: И.В.ед. здесь энклиномен (*городъ*), Р.мн. на *-овъ* имеет конечное ударение (*домωвъ, послухωвъ*). Во всех прочих случаях нельзя отличить энклиномен от конечноударной словоформы. Заметим, что если окончание Д.Т.дв. *-ома* здесь было ударным (что наиболее вероятно), то оно несло ударение на конечном слоге, ср. *послухома*.

Особую ценность имеют данные Мерила по М.мн. у слов а.п. *b* (в Чуд. такие словоформы не встретились). Приводим материал: односложные основы – *о вωлѣхъ* 194б, *въ двωрѣхъ* 134б, *о ... пωпѣхъ* 213б [Б], 217 [Б] (написание с *о* встретилось только один раз в конце строки, т.е. скорее всего оно упрощенное: *въ ско|тѣхъ* 31); неодносложные основы – *о животѣхъ* 31 кин., *о отроцѣхъ* 162б. К а.п. *b* или *a* относится *о стрωихъ* 42б (§21). Для сравнения приводим М.мн. от слов а.п. *c* с односложной основой: *въ ... домѣхъ* 115, *в домѣхъ* 18б, *въ гробѣхъ* 137б, 193б (чтение *на родѣхъ* 10б сомнительно; вероятнее чтение *народѣхъ*, с *о* вместо ω). Ср. в Чуд. *в гробѣ*[x] 31а, *о ... подвизьхъ* 132б.

Разбор материала

Непроизводные и опростившиеся слова

§ 18. Рассмотрим вначале основную группу слов, включающую исконно русские слова, заимствования дохристианской эпохи и церковнославянизмы.

А.п. *a* (гр. 1): *порωги* В.мн. 9; *холωпъ* (16×: 333–343б), *-а* 80б, 343, *-у* 59, 340, *-омь* 342б, *-ѣ* 340б, *-и* 336 bis (особый случай: *за хωлωпъ* 340б, см. § 3); также *прωкъ*[27] (1×), *прωка* 335б, *въ прωцѣ* 340. Упрощ.: *гороху* Р.ед. 332б. Написание *прока* 335 – либо упрощенное, либо отражает акцентный вариант с конечным ударением (последнее менее вероятно).

Формально а.п. *a* (гр. 1) или *b*, по косвенным данным а.п. *a*: *скоморωхъ* 78б, *в хорωмъ* 337б, *чертωгъ* 2б. Формально а.п. *a* (гр. 1) или *c*, по косвенным данным а.п. *a*: *братома* 198 (*о|*), 203б, 224, *чл҃вкома* 52 (относительно *чл҃вкωмъ* 196б см. § 16).

Дополнительный список слов, вероятно, относившихся к а.п. *a* (гр. 1): *боранъ* 336, *бо|ꙗре* 22б, *боꙗръ* Р.мн. 77б, *в боꙗрехъ* 340б, *скомраси* "скоморохи" 79, *товаръ* (10×: 336б–343б), *-а* 64, *-у* 339б.

[26] В этом отношении специальный интерес могут представлять данные по Т.мн. В Мериле встретились: *попи* 84б, 100б, *скоти* 106б, *животи* 106б.

[27] Здесь и далее подобные акцентно непоказательные словоформы приводятся (обычно без ссылок на страницы) только ради полноты парадигмы.

§ 19. А.п. *b*: *вωлъ* (3×), *волу* Д.ед. 26б, *волωве* 32б (упрощ. *волове* 194б), *о вωлѣхъ* 194б; *двωръ* (4×), *дворѣ* 7б, 261б, 342 bis, *дворомъ* 312, *въ двωрѣхъ* 134б; *пωпъ* И.ед. и Р.мн. (4×), *попа* 95, *попу* 70б, 85б, *попомь* 100б, *попωве* 86, 103 bis, 345б, *по|пωвъ* 94б, *попи* В.мн. 95б, 155б, Т.мн. 84б, 100б, *попомъ* 103б bis, 154, 154б, 155б (*попом же* 153), *пωпѣхъ* 213б [Б], 217 [Б] (также упрощ. *попови|* Д.ед. 129). Слово "отрок" см. в § 23.

Формально а.п. *b* или *c*, по косвенным данным а.п. *b*: *воѥмъ* "воинам" 25б, 268; *вωхъ* (3×), *вожеве* 33; *грѣхωвъ* 20, 45б, 62, 166б (ср. *грѣхωвнии*[28]); *кωнь* (22×), *конꙗ* 195, *коню* Д.ед. 326б, М.дв. 339, 341б, *коневи* 26б, *кони* И.мн. 333, 346, В.мн. 341, *конѣ* В.мн. 26, *конемъ* 333 (ср. *кωньноѥ*); *плωдъ* И.В.ед. и Р.мн. (6×), *плода* 35, 66, 346б, *плоду* 33б, *плоди* В.мн. 9, 134б, 151б, 248, 269 (ср. *плωдатьсꙗ* и др.); *пωстъ* (3×), *поста* 128б, 135 (*пос* Р.ед. 128б), *посту* 127б bis, *постомь* 345 (ср. *пωстничьскωму*); *скωтъ* (6×), *скота* 248, 341б, *скоту* 36б, 119, 336, *скотомъ* 26б, *скоти* Т.мн. 106б, также упрощ. *въ ско|тѣхъ* 31, см. § 17 (ср. *скωтьскоѥ|*); *снопи* 68; *топори* 346б. Все эти слова, кроме "сноп" и "топор", представлены и в Чуд., причем именно с а.п. *b*. Специально отметим, что в Мериле, как и в Чуд., слово "конь" имеет последовательное флексионное ударение (а не наосновное с корневым /ô/, как во многих более поздних памятниках).

Формально а.п. *b* или *a*, по косвенным данным а.п. *b*: *сокωлъ* 2, 339б.

Особую группу составляют слова с беглой гласной: *овенъ* 332б, 339, *овесъ* 333, 339, *орелъ* 33, *оселъ* 108, 118б. Ударение косвенных словоформ (*ωвни* 194б, *-ѣхъ* 194б, *ωвса* 341, 341б, *ωрлу* 32б, *-и* 33) неизвестно, поскольку ω в них несвободное. В Чуд. "орел" и "осел" засвидельствованы с а.п. *b*. В Мериле *ωлгωва* "Олегова" Р.ед. 338 указывает на а.п. *b* слова "Олег". Таким образом, для приведенных слов вероятна а.п. *b*; однако нельзя полностью исключить и подгруппу 1* (§ 11, примеч.).

Дополнительный список слов, вероятно, относившихся к а.п. *b*: *батогомь* 333б; *комаръ* 25, *-и* 57, 60; *корабль*, *-ю*, *-и* (9×: 267б [5×] и др.).

§ 20. А.п. *c*: *грωбъ* 210 [Б], *въ гробѣ* 130, *гроби* 60б, 137б, *в гробѣхъ* 137б, 193б; *дарове* (14×: 27, 146, 168б и др.), *даρωвъ* (9×: 145б, 168б и др.; ср. *даровнаго|*); *долгове* 263, *долгωвъ* 133 (ср. *должьнωму*); *дωмъ* (20×), *дому* (Р.ед. 35×, Д.ед. 17×, М.ед. 23×), *домомь* (2×), *домове* И.мн. 133, 148б bis, 182, 348, В.мн. 42б, *доми* И.мн. 16, 181б bis, *домωвъ* (8×: 133, 133б и др.), *доми* В.мн. (9×), *домомъ* (11×), *домѣхъ* 115, 186 (ср. *домовныхъ*; относительно словоформы *домωвь* 39 см. § 15); далее *ворогъ* 66, *-у* 5; *городъ* 341 bis, *-а* 7, 29, 335б, 338б, *-у* 25,

[28] Акцентуация производного *грѣхωвнии* указывает на а.п. *b* исходного слова. Вообще в дальнейшем, если приводится производное, это значит, что оно указывает на предполагаемую нами а.п. исходного слова.

42, -ѣ 42, 84, 104, 334б bis, 343, -и 331б (ср. *городьскиі*); *норовъ* 25, 29, 29б, -*у* 29б, -*омъ* Т.ед. (sic) 22б bis, 27б, -*и* 31б ter, 34, 34б. Сюда же попадают *слонови* Д.ед. 31б, *за соромъ* 337б; однако ввиду единичности этих написаний к ним следует относиться с некоторой осторожностью.

Формально а.п. *c* или *b*, по косвенным данным а.п. *c*: *ѡ*[т] *бока* 243б; *бракѡвъ* 208, 221 bis, 245б, 246 (ср. *брачнѡѥ*); *вѡскъ* (2×), *воску* Р.ед. 100 (ср. *вощанѡю*); *гѡдъ* (5×), *года* 55, 336б, 343, *о ... годѣ* 35б (отметим также *годѣ* "годится, уместно" 9×), *в годы* 64б; *градѡвъ* "городов" 96б, 107, 98б [Б] (ср. *градьскѡѥ*); *моста* 341; *нѡсъ* (3×), *носа* 106, 194; *пѡлъ* "половина, sexus" (10×), *полу* (Р.ед. 10×, Д.ед. 3×, М.ед. 1×), *поломь* 106б, 124б, *в полы* 6б, *на полы* 41, 105 (ср. *половина*); *ѡ*[т] *поту* 179б, *потомь* Т.ед. 28б, *поти* И.мн. 28б; *рогомь* 333б, *з розѣ* 31б, *рога* И.дв. (или И.мн.?) 31б; *рѡдъ* (5×), *рода* Р.ед. (9×), *роду* (Р.ед. 2×, Д.ед. 6×), *родоу* М.ед. 223б, *роди* 53_2, 129б, *роды* В.мн. 5, 34, 34б, 224б, И.мн. 225, *оба рода* 222б, *два рода* 224б, 225, *два роду* (sic) 224б, *роду* Р.дв. 221б, 222, 223, относительно *на родѣхъ* (?) 10б см. § 17; далее *волоса* Р.ед. 31б, *волоси* 67; *в ... островѣ* 35; *солоду* Р.ед. 332б, 341. Возможно, сюда же надо отнести *о полонѣ* 126б кин. (ср. *полонѧть*). В Чуд. засвидетельствованы с а.п. *c* "брак" "град", "род", "остров" (менее ясны данные для слов "пол", "пот", "рог").

Формально а.п. *c* или *a*, по косвенным данным а.п. *c*: *бо*|*ви* Д.ед. 87 (= *богови*; ср. *бж*[с]*твѡ*); *мирови* Д.ед. 6б, 54, 55 (ср. *мирнѡѥ*, *мирьскѡѥ*); *пирове* И.мн. 56б, В.мн. 107б; *сно*|*ви* Д.ед. 1, *сно*|*ве* И.мн. 44 (= *сын-ови*, *-ове*); *чинове* И.мн. 93, 13б. В Чуд. засвидетельствованы с а.п. *c* "бог", "мир", "чин".

§ 21. Более сложные случаи. Неясно, а.п. *a* или *b*: *стрѡи* В.ед. 264, 129б [Б], *о стрѡихъ* 42б; *собѡль* 31б. Неясно, а.п. *a* или *c*: *жидове* 39, 58, 60, 60б, 63, 135б; *стерковe* "аисты" 32б; *оудове* 53_2; *щюрове* (птицы) 33. Неясно, а.п. *b* или *c*: *болѧ* "больного" Р.ед. 29, *болеви* Д.ед. 33; *рока* "числа" Р.ед. 72, 126б bis; *сторожа* В.ед. 7, -*и* В.мн. 33 (-*а* В.мн. 38). Всех этих слов в Чуд. нет, а прочие косвенные данные не дают однозначного решения. К числу сомнительных (*b* или *c*) следует отнести также *долу* "вниз" 3, *долѣ* "внизу" 31б, 118б.

Неясно, как интерпретировать данные Мерила по слову "хлеб": *хлѣбовъ* 341, *хлѣбѡвъ* 332б (ср. Чуд., где строго а.п. *a*). Написание -*ѡвъ* либо передает, как обычно, флексионное ударение (и, следовательно, отражает колебание данного слова в сторону а.п. *b* или *c*), либо возникло в силу обобщения (фонетического или графического) наиболее частого вида данного окончания, ср. обобщение ѡ в окончаниях -*Омь* и -*Ои* (Противоп., § 29). Для решения этого вопроса материала слишком мало: -*Овъ*, стоящее заведомо в первом заударном слоге, представлено в Мериле единственным примером *завѣтовъ*| 301б (и то ненадежным, так как -*овъ* здесь в конце строки). Написание *клопотовъ* Р.мн. 7 – вероятно, упрощенное (вместо **клопотѡвъ*); ср., в частности, в Коншинском списке Домостроя *хлопотóвъ* 51б.

К сожалению, не дают никакой акцентологической информации те случаи, когда у слова встретились только односложные словоформы: *бѡбръ*, *вѡзъ* (ср. *за вѡзъ* 340), *гнѡи*, *знѡи*, *крѡвъ*, *крѡпъ*, *лѡвъ* (ср. *на лѡвъ* 33б), *нѡжь*, *нѡръ*, *ѡдръ*, *стѡлъ*; также *дн҃ѡвъ* Р.мн. "дней" 15б. То же относится ко всей парадигме слова *ѡгнь*: *ѡгнѧ*, *ѡгню* и т.д. (см. Противоп., § 24).

§ 22. Перейдем к заимствованиям христианской эпохи из греческого и латыни. Важной особенностью этой группы слов является то, что у них практически отсутствует а.п. *c*[29]. С типологической точки зрения это обстоятельство не составляет ничего странного, поскольку просодическое разнообразие в подсистеме заимствований очень часто бывает меньшим, чем в исконной лексике.

А.п. *a* (гр. 1): имена нарицательные – *канѡна*, -*у*, -*омь*, -*и*, -*ы*, -*омъ*, -*ѣхъ*, *канѡнъ* Р.мн. (15×: 92, 143, 143б и др.), *о*|*стрѡѥви* Д.ед. "устрице" 34, *филосѡфа* Р.ед. 69б, 72б, 201б; имена собственные – *къ амъ*|*мѡну* 111б, *ко амфилѡю* 22б, *вавилѡна* 39, -*ѣ* 38б, 49, *гомѡра* Р.ед. 56, *ѥнѡха* Р.ед. 36, *ирѡду* Д.ед. 81б, 82, *кукѥстѡра* Р. ед. 168б, *пентапѡли* М.ед. 93б, 95б, *сикевѡта* Р.ед. 345б, *содѡма* Р.ед. 56, *в халкидѡнѣ* (6×: 77б, 96б и др.). Упрощ.: *содома* В.ед. 46б.

Сюда же примыкают имена собственные с субморфом -*j*- (-*ij*-): *амфилѡхию* Д.ед. 69 (*амфилѡфью* 70), *внестѡрии* 150б (вместо *нестѡрии*), *григѡр-ии* 213б [Б], -*ьѧ* 53, 69б bis, *ѥвлѡгию* Д.ед. 69, *прокѡп-ии* 224, -*ьѥмь* 224 (также -*ью* В.ед. 338), *софрѡнии* 43. Беглое *и*, возможно, содержало также имя *самѡилъ* 46, 46б bis, 59.

Формально а.п. *a* (гр. 1) или *c*, фактически явно а.п. *a* (ср. выше): имена собственные *климови* Д.ед. 56б, *ахарови* Д.ед. 59.

Формально а.п. *a* (гр. 1) или *b*, по косвенным данным а.п. *a*: *алконѡстъ* 32, *самсѡнъ* 229б, *филимѡнъ* 49, *Ѥѥленпѡнтъ* (sic) "Геллеспонт" 131. Сюда же можно отнести неизвестное слово *молѡтръ* (какое-то растение) 32.

Дополнительный список слов, вероятно, относившихся к а.п. *a* (гр. 1): *комитъ* (должностное лицо) 165, -*у* 164б, *коркодилъ* 31б, *митрополитъ*, -*а*, -*у*, -*и* и т.д. (более 15×: 71, 92 и др.), *потирь* 104; имена собственные *офонасьѧ* Р.ед. 346б, *романъ* 221б, 222 bis, 222б bis, -*ѣ* 212, *тимофѣѧ* Р.ед. 109б, -*ю* 230, -*ѥви* 71.

А.п. *a* (гр. 2): *икѡномъ* И.ед. 135б, 138б, 150, 263, Р.мн. 151б, -*а* 132б, 98 [Б], 99б bis [Б], -*у* 148б, 158, 99 [Б], -*ѡвъ* 158б, -*омъ* Д.мн. 160; имена собственные *солѡмонъ* 21, 25б, 43б, 67б, 167б, -*у* 45, 62б, 168, *федоръ* 224 bis, -*ѡви* Д.ед. 224 (*феѡдора* Р.ед. 345б). Упрощ.: *иконома* 86, -*у* 164б, -*и* 138б.

[29] Так, в Чуд., по-видимому, единственным исключением из этого правила является слово "ересь": *ѐреси* Д.ед. 76б, *о ѥреси* 80а.

Формально а.п. *а* (гр. 2) или *с* (но последнее практически исключено, см. выше): *дьꙗволъ* 1, 4б, *-а* 345б, *дьꙗконъ* И.ед. (7×: 84, 88 и др.), Р.мн. 84б, 86, 101, 131, *-а* (8×: 52, 77б и др.), *-и* 83б, 86, 103 bis, *-ы* В.мн. 95б, 131, 155б, Т.мн. 84б, *-ѡвъ* 94б, *-омъ* 153, 154, 155б, *архидьꙗконъ* 153, *идолъ* Р.мн. 60, *-а* 118б, *-омъ* 49б, 114, 344б; имена собственные *иꙗковъ* 46, 229б, *-ѣ* 12б (*ꙗковъ* 47б, 224б, *-а* 224б), *никифоръ* 198, 203б, 332.

Заметим, что в Чуд., в отличие от Мерила, только *и́конóмъ, -а, -оу, -и, -ы, -ѣхъ* и *и́дѡ́лоу, ѡ^т и́дѡ́лъ*. У слов "Соломон", "дьявол", "Иаков" в Чуд. при основной акцентовке по а.п. *а* (гр. 2) обнаруживаются некоторые колебания в сторону а.п. *а* (гр. 1), например, *соломо́он же* 63б, *діа́вóлоу* 48в, 92б, *іа́кóова* 12в, *-у* 31в.

Дополнительный список слов, вероятно, относившихся к а.п. *а* (гр. 2): *гѣмо|номъ* "игемонам" 27, *клироса* Р.ед. (5×: 146, 147б и др.), *-ѣ* 155, *-омъ* 148б. Ср. в Чуд.: *гéмѡнъ, сéмона* и др.; *крі́лосо^м* 85г.

А.п. *b*: только *петрѡви* Д.ед. 223 (в Чуд. тоже а.п. *b*).

Неясные случаи. Имя "Ной": *нѡи* И.ед. 59, *при нои* 46; последнее написание скорее упрощенное, чем отражающее флексионное ударение. Слово "иподьякон": *ипѡдьꙗкѡ^н* Р.мн. 131, *ипѡдьꙗконы* В.мн. 131 (*ипѡдьꙗко|ны* 95); также *ипѡдьꙗкомъ* Д.мн. 153, без элемента *-Он-*. При этом в примерах на лл. 95 и 153 (менее вероятно - на л. 131) *и* может быть союзом, т.е. возможно чтение *пѡдьꙗконы, пѡдьꙗкомъ*. Написание *ипѡдьꙗкѡ^н*, если второе ѡ не описка, отражает ударение на *-пѡ-*. Написания с *-кон-* либо упрощенные, либо отражают основу *пѡдьꙗкон-* с несвободным ѡ и с ударением на *дьꙗ-*, как в *дьꙗконъ, архидьꙗконъ*; относительно утраты начального *и* ср. выше *гѣмо|номъ*.

Бессуффиксальные[30] производные

§ 23. А.п. *а* (гр. 1)[31]: *залѡгъ, -а, -у, -омъ, -и, залѡзѣ* (23×: 120, 163, 251 и др.), *прилѡги* 7б, *свѡдъ, -а, -ѣ* (7×: 334б и др.), *нарѡд-у, -омъ, -ѣ, -ы, -ѣхъ* (5×: 18б, 62 и др.), *ѡ^трѡды* 35б, *оурѡде* Зв.ед. 60б, *захѡдоу* 120, *вхѡдъ* В.ед. 4, Р.мн. 9, *-ы* 210б [Б], *въ въхѡдѣхъ* 9, *прехѡдѣ* 159, *прохѡда* 264, *на всхѡдѣ* 244б, *исхѡдъ, -а, -ы* (9×: 4, 17 и др.), *пѡдъбѡꙗ* В.мн. 9, *покѡи* В.ед. 32, *-ꙗ* Р.ед. 38б, 345б, *нарѡкомъ* 106б, *обрѡка* 161, *-у* 127, *порѡкъ* 79, 124б, *-а* 4б, *оурѡкъ, -а, -и, оурѡци* (18×: 51, 127, 178 и др.), *престѡлъ* И.В.ед. и Р.мн., *-а, -у, -ѣ, -и* (14×: 3б, 10, 12 и др.), *закѡнъ* (И.В.ед. 52×, Р.мн. 2×: 78б, 131б), *-а* (44×), *-у* (44×), *-омъ* (14×, *-омъ* вместо *-омъ* еще 2×), *-ѣ* (15×), *-и* 24б, 203, *-ы* (В.мн. 3×, Т.мн. 6×), *-омъ* (3×, *-омъ* вместо *-омъ* еще 4×), *-ѣхъ* 253б, 257[32], *поклѡномъ* 345, *попѡномъ воднымъ* "ряской" 34б, *потѡпа* 36, *сбѡръ* (19×), *-а* (48×), *-у* (15×), *-омъ* (6×), *-ѣ* 11б, 69б, *-и* 91б, *-ы* 92б, 93, 136, *-ѣхъ* 331б (также *сбѡ^Рвъ* Р.мн. 81 кин.), *притвѡр-а* 107б, *-ѣхъ* 134б, *зазѡръ, -а, -ы* (7×: 50, 114 и др.) *позѡры* 135б, *принѡсу* 149, *впрѡсъ* 70б (*въпрѡсъ* 345б, *въпрѡ^с* 225б), *въпрѡсы* 38, *завѣтовъ|* 301б, *погѡсты* 331б; также *во просѡпъ* 336б (см. Противоп., §8). Сюда же сложное слово *нѡздрорѡгу* 31б.

Формально а.п. *а* (гр. 1) или *b*, по косвенным данным а.п. *а*: *налѡгъ* 28, *прихѡдъ* 98б [Б], *разбѡи* И.В.ед. и Р.мн. (10×: 5, 253 и др.), *ізгѡи* И.ед. 332, *на потѡкъ* 332б, 334б, 340, *оукѡръ* 340б (подтерто и исправлено на *оурокъ*), *протѡръ* 335б, *перенѡсъ* 346, также *инърѡгъ* 31б.

Упрощ.: *залога* 263б, *свода* 335, *-у* 335, *народи* 116, *-ѣхъ*(?) 10б, *на разбои* 332б, *оуро-ци* 341, *-ки* 179б, *по законоу* 127б, *позоръ* 63б, *-ы* 256; вероятно, также *покони* "установления, обычаи" 332б, *потворы* 108, имя собственное *ратибора* В.ед. 338. Менее ясно *въ скровѣ* 50. Поскольку процент таких написаний никак не выше среднего по Мерилу, нет достаточных оснований предполагать, что за ними стоят акцентные варианты типа Чуд. *ѡ^т зако|нá же* 121в, *народѝ* В.мн. 9а.

К а.п. *а* (гр. 1), по-видимому, относилось также значительное число сложных слов, для которых Мерило формально гарантирует лишь безударность соединительной гласной (ср. §8, замеч.), в частности, *вертоградъ, виноградъ, любодѣи*, имена собственные (из Русской Правды) *ꙗрославъ, ст҃ославъ, мирослава* В.ед., *по ст҃ополцѣ*. Особо отметим *злодѣи* И.ед. 105б, *-ихъ* М.мн. 49 (в Чуд. другое ударение: *злóдѣꙗ* В.ед. 40б).

К а.п. *а* (гр. 2), вероятно, относилось имя собственное *володимѣръ* 338, *-а* 80б.

А.п. *b*: только слово *отрѡкъ*[33] 79б, 169б, 343, *отрока* 40б, 46, *-у* 333б, 339, *-омъ* 333, 339, 341б, *отроци* М.ед. (sic) 333, И.мн. 162, *о отроцѣхъ* 162б. В Чуд. тоже а.п. *b* (тогда как во многих более поздних памятниках это слово уже акцентуируется по а.п. *с*). Относительно *заимѡ-* в *заимѡдавець* 266б см. §8, замеч.

А.п. *с*: *послухъ* (И.ед. 7×, Р.мн. 31×), *-а* (10×), *послуси* (И.мн. 15×, В.мн. 1×: 33б), *послухи* (В.мн. 5×, Т.мн. 14×), *-омъ* (15×), *послусѣхъ* (8×: 69б, 70б, 72 и др.), *послух-ѡвъ* 181, 336б (также упрощ. *-овъ* 333), *два послуха* 71, *послухома* Т.дв. 108 (ср. *послушьствѡ*); *образъ* (И.В. ед. 22×, Р.мн. 1×: 182б), *-а* (10×), *-у* (13×), *-омъ* (31×, также *-ом же* 167 и *-омъ* вместо *-омъ* 155б), *-ѣ* 150, 170б, *-и* 259, 260, *-ы* (В.мн. 1×, Т.мн. 6×), *-омъ* 70, *образѡвъ* 162, *двѣма образома* Т.дв. 262б. В Чуд. "послух" явно относится к а.п. *с*, а "образ", по-видимому, колеблется меж-

[30] По крайней мере часть слов данной группы (и аналогичных групп в других разделах) целесообразно описывать как содержащие нулевой суффикс, но для нашего разбора это несущественно.

[31] Слова приводятся в инверсионном алфавитном порядке основ.

[32] Кроме того, 18 раз *закѡно-* в качестве первой части сложного слова, например, *закѡноположеник*.

[33] К XIV в. это слово явно уже опростилось; однако удобнее разбирать его в данном разделе.

ду а.п. *c* и *a* (гр. 1); заметим, что такое колебание не исключено и для Мерила.

Любая акцентуация, кроме а.п. *a* (гр. 2), формально возможна для слов: *облаци* И.мн. 28б, *подвигъ* 9б, 127, *помыслъ* И.В.ед. и Р.мн., *-а*, *-омь*, *-ы*, *-ѣхъ* (13×: 2, 54, 158 и др.), *промыслъ* 33, 202б, *-а* 7, 61б, *в поварѣ* 333, *пожаръ* 267б, *-а* 270, *помоса* Р.ед. 77, 154, 159б, *продухи* И.мн. 32б. Определить их фактическую акцентуацию затруднительно.

Трудный случай: *всеволодъ* 332. Из нескольких возможностей наиболее вероятной представляется а.п. *a* (гр. 3), т.е. ударение на *все-*, с упрощенным *ло* вместо *лѡ* (ср. *всеволѡдичь* 338).

Суффикс *-ец-ь*

§ 24. А.п. *a* (гр. 1): *самобѡрець* 64б, 67 *бгослѡвець* 213б [Б], *чаротвѡрци* И.мн. 191б, *ратохѡтьцю* 5.

Другая акцентная группа представлена здесь написаниями типа *конець*, *кѡнца* (ср. *овесъ*, *ѡвса* и т.п. в §19): *конець* (9×: 13, 68 и др.), *ловець* 2, *оц҃ь*[34] И.ед. (12×: 22, 49, 67б и др.), Р.мн. 37б, 94б, 95б (= *отець*), *простець* 78б, 146, *творець* 2б, 31, 55б, 165б. Словоформы с ненулевым окончанием - *кѡнца* Р.ед., В.мн., *-и* М.ед. (9×), *лѡвца* В.ед. 7, *лѡвь|ци* И.мн. 26, *ѡц҃а*, *-ю*, *-и*, *ѡц҃мъ*, *ѡц҃е* (65×), *прѡстьци* И.мн. 109, *твѡрца* В.ед. 37б - акцентуационно непоказательны. В Чуд. "конец", "ловец", "отец", "творец" относятся к а.п *b* (например, *конéць*, *конца̀*), но есть некоторые колебания: *до кóнца́* 48в, *до кóнца̀* 116г. Таким образом, как и у слов "овес", "орел" и т.д., мы можем предполагать здесь для Мерила а.п. *b* или подгруппу 1* внутри а.п. *a*.

Суффикс *-ник-ъ*

§ 25. А.п. *a* (гр. 2): *члвкооугѡдникъ* Р.мн. 14б, *нарѡдникъ* И.ед. 61б bis, Р.мн. 61б, *ѥдинорѡдники* Т.мн. 47б, *разбѡини-къ* И.ед. и Р.мн. (7×: 49 bis, 253 и др.), *-ку* 5, *-ци* 110б, 135, 267, *за разбѡіника* 332б, *разбѡики* 273б (пропущено *ни*), *потвѡрникъ* 181б, *истѡчни-къ* 2б, *-ку* 51б, *-цѣ* 33, *о оугѡньницѣхъ* 192, *безакѡньникъ* 110. По косвенным данным сюда же нужно отнести *обещни-къ* (7×: 272б-273), *-ка* 272б, *-ку* 272б, *-ци* 62, 62б, *-комъ* 154. Упрощ.: *художника* 17.

Формально а.п. *b*, а.п. *a* (гр. 1) или а.п. *c*, по косвенным данным а.п. *b*: *головникъ* 332б, *-а* 332 bis, *-у* 332б bis (ср. *головничьство*), *городнику* 341, *помощь|никъ* 24, *с помощники* Т.мн. 216б [Б], *похотници* И.мн. 6, *свободникъ* 129б. Вероятно, к а.п. *b* относится также *сановникъ* 136$_2$, *-у* 138 (а, может быть, и *пакостникъ* 272б)[35]. В Чуд. слова, однотипные с этими, т.е. производные от имен а.п. *c* (например, "должник", "квасник"), относятся к а.п. *b* (см. Дыбо 1968, с. 210).

Таким образом, в Мериле для суффикса *-ник-ъ* можно предполагать ту же формулу (см. §7), что в Чуд.: "a^a, a^b, b^c".

Прочие суффиксы

§ 26. Определенно к а.п. *b* относятся два слова с суффиксами *-Ок-ъ* и *-От-ъ*: *видѡкъ* Р.мн. 334, *видока* Р.ед. 334, В.дв. 334 bis, *видо|комъ* 335; *живѡтъ* И.В.ед. (15×: 1б, 3, 4б и др.), *живота* (6×: 5б, 136б и др.), *-у* (6×: 24б, 28 и др.), *-омь* 34б, *-ѣ* (7×: 29б, 84б и др.), *-ы* Т.мн. 106б, *о животѣхъ* 31 кин. Упрощ.: *животъ* Р.мн. 26б. Один раз встретилось также Р.ед. *живѡта* 122б; по-видимому, это написание отражает побочный акцентный вариант с суффиксальным ударением.

Определенно имеет неподвижное начальное ударение слово *вѡинъ* И.ед. 140, 160, Р.мн. 140б, 179б, *-а* 28б, 140б, *-у* 22б, *-и* 178, 257, *-ы* Т.мн. 65б, *-омъ* 268. Не исключено, что в косвенных словоформах *и* становится здесь неслоговым (см. Противоп., § 22). Упрощ.: *воину* Д.ед. 178б, *вои|ни* 268.

К а.п. *a* (гр. 2) относится *инѡчима* Р.ед. 342.

Во всех прочих случаях показания Мерила недостаточны для однозначного определения акцентуации.

Формально а.п. *a* (гр. 1), *b* или *c*: *волостель* 230б, *-а* В.ед. 64 bis, *-емъ* 161б. Наиболее вероятна а.п. *c*, ср. начальное ударение в *вѡлѡстели* (И.мн.) Фер. 757б bis. На это же косвенно указывает акцентуация неполногласного варианта *властель* и акцентно однотипных с ним слов *житель*, *датель* (*жити* и *дати* относятся, как и глагол *власти*, к а.п. *c*): против ударения на *-тель* говорят Фер. *влáстель*, *-а* и т.д. (регулярно), Чуд. *жи́тела* В.ед. 93г, *дáтела* В.ед. 119в, а также производное *властельскѡю* в самом Мериле; против автономного ударения на корне говорит современное ударение *властели́н*. Отметим также *жителѣ̀ствѣ* 61б в Апостоле 1564 (наряду с *жи́тельствѣ* 165б, *жи́телства* 226).

К а.п. *c*, возможно, относилось слово *горожане* 24б, *-омъ* 42, ср. в Чуд. *гр^a|жане жѐ* 37в.

По-видимому, к а.п. *a* (гр. 1) относились *животинъ* "животное" И.ед. 26б bis, *исполинъ* (форма неясна) 16б, к а.п. *a* (гр. 2) - *болярина* В.ед. 81, *-у* 138, *чело|вѣчину* Д.ед. 36б. Менее ясны *жидовинъ* 78б, 134, *-у* 110, *словѣнинъ* 332. По-видимому, а.п. *a* (гр. 1) или а.п. *b* (но неясно, что именно): *с могуты* "с владыками" 9б (ср. Чуд. *могоу́тъ* И.ед. 66б), *в конюсѣ* "за конюха" 333, *господаремь* 269.

Неясно, где ударение в *всеволѡдичь* 338: на *все-* или на *-лѡ-*. Написания *оуборкѡвъ* Р.мн. 332б (мера зерна),

---

[34] Наряду с написанием *ѡц҃ь* (И.В.ед. 22×, Р.мн. 8×), которое возникло в результате обобщения орфограммы *ѡц҃-*; см. Противоп., § 20, сноска 46.

[35] Ненадежно написание *коромолникомъ* 212б [Б].

оубѡркѡвъ 341 (также упрощ. *оуборковъ*|| 332б) отражают либо просто флексионное, либо колеблющееся ударение (в Фер. только *оу́бо́ркѡвъ* 989 и др.).

СРЕДНИЙ МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ РОД[36]

§ 27.

Таблица 4

Окончания с *О*

А.п. / Окончания	*a* группа 1	*a* группа 2	*b*	*c*
-*О* (И.В.ед.) -*Ома* (Д.Т.дв.)	колѣно мѣстома	правилѡ -	числѡ -	дерево (-)

Таблица 5

Основы с *О*

А.п. / Формы	*a* группа 1	*a* группа 2	*b*	*c*
ед. И.В.	холѡпьство	вѡиньствѡ	добрѡ, молокѡ	слово, золото
Р.	прозѡрьства	вѡиньства	добра, сиротьства	слова, золота
Д.	повѡдию	вѡиньству	добру	слову
Т.	оубѡжьствомь	закѡненикмь	молокомь	словомь
М.	холѡпьствѣ	вѡиньствѣ	-	словѣ
мн. И.В.	прекослѡвьм	позѡрища	-	словеса
Р.	-	позѡрищь	-	(слѡвъ), словесъ
Д.	-	позѡрищемъ	-	словомъ, словесемъ
Т.	-	-	-	словесы
М.	точилѣхъ	-	-	словесѣхъ
дв. И.В.	колѣнѣ	скрѡвищи	-	очи
Р.М.	-	-	-	-
Д.Т.	-	-	-	очима

[36] Для упрощения в данном разделе рассматриваются все словоформы слов среднего рода, в том числе такие, как *очи* или *словеса*, которые восходят к склонению на **i* или на согласную.

Окончание -*О* встречается очень часто; см. § 28-32. Окончание Д.Т.дв. -*Ома* встретилось только в *мѣстома* 115б, *братучадома* 222б, 224 (а.п. *a*, гр. 1) и *вѣнома* 251 (а.п. *a* или *c*). Относительно окончания -*Омъ* в Д.мн. см. § 16.

Данные об акцентных кривых в данном классе слов неполны; противопоставление а.п. лучше всего проявляется в исходной форме: *холѡпьство* (или *вѡиньствѡ*) - *молокѡ* - *золото*. К сожалению, интересная форма М.мн. представлена слишком бедно; с односложной основой встретилось только *на ложихъ* 66б (а.п. не вполне ясна, см. § 28).

Разбор материала

Непроизводные и опростившиеся слова

§ 28. Слов, однозначно попадающих в а.п. *a*, не встретилось. Формально а.п. *a* или *c*, по косвенным данным а.п. *a*: *блюдо* 104, *дѣло* (25×: 6б, 19, 25, 37 и др.), *жито* 263, 335б, 336б, *масло* 11, 39б, 100, *мѣсто* (45×: 4, 32, 36б, 37 и др.), -*ома* 115б, *стадо* 8, 43б, 166, 168, 257, *чадо* 52, 177, 177б (также *братучадо* 224б, 332 В. вместо Д. , -*ома* 222б, 224); *желѣзо* 333б bis, 340, 340б, *колѣно* 224 ter, -*омь* 224, -*а* В.мн. 244, -*ѣ* И.дв. 224. Сюда же имена собственные мужского рода *марко* 222 bis, *михаило* (16×: 219-223). В Чуд. из этих слов определенно с а.п. *a* засвидетельствованы "блюдо", "дело", "масло", "место", "стадо", "чадо", "колено", "Марко"; ср. также Чуд. *жи́*|*та* В.мн. 119в.

По косвенным данным а.п. *a* (гр. 2): *ꙗблокѡ* 111.

К а.п. *b* следует в первую очередь отнести: *молокѡ* 11, 33б, -*омь* 5б, *селѡ* (12×: 16, 86б, 248б ter и др.), *сребрѡ* (8×: 15б, 37, 120 bis и др.), а также субстантивированные прилагательные *добрѡ*, *злѡ*, *теплѡ* (см. § 51). Упрощ.: *село* 248б. Ср. а.п. *b* у слов "село", "сребро", "добро", "зло", также "млеко" в Чуд.

Далее, имеется группа слов а.п. *b*, у которых, по-видимому, были возможны некоторые колебания ударения (по крайней мере, в И.В.ед.), Написания с *ѡ*: *винѡ* 15б, 16 quater, 16б, 62, 348, *гнѣздѡ* 19б, *гоумнѡ* 121б, *числѡ* 3б, 12б, 131, 169, 239, 244б. Написания с *о*: *бервьно* 60, *вино* 62, 348 (также *вино*| 268б), *гнѣздо* 33б, *гумно* 335б, 340, *число* 248, 250б. В Чуд. "бревно" и "число" имеют устойчивое флексионное ударение, "вино" - с небольшими колебаниями (ср. *ви́ноу* 136г); для "гумно" находим только *гу́мно* 4а; словоформа *гнѣ́зда* В.мн. 32б непоказательна.

Отметим, что в группу слов а.п. *b* с устойчивым ударением попали, помимо односложного *злѡ*, слова с корневым *о* или *е* (в открытом слоге), в группу с неустойчивым ударением - все прочие (ср. такое же положение у прилагательных, § 51).

А.п. *c*: *золото* 6, 28б, 46, -*а* 333б; "коло", судя по *около* 23б, 347б; *око* (9×: 2, 3б, 74б bis и др.), *ока*, *оку*, *окомь*, *во оцѣ*, *очеса*, *очи*, *очима* (22×: 2, 4, 7б, 14б, 38 и др.); *слово* (38×: 2б, 4, 21б ter и др.), *слова*, -*у*,

-омь, -ѣ (26×: 2, 10, 29б, 30б и др.), *слово|мъ* Д.мн. 10, *слωвъ* 118б; *словесе, -и, -а, -ъ, -ꙗ, -емъ, -ѣхъ* (31×: 2, 4, 5б, 10б, 52, 227 и др.). Отметим также трудное место *занеже кму въ боло|го дѣлъ*[37] *и хоронилъ товаръ тогѡ* 33бб (по-видимому: "поскольку ему во благо действовал, храня товар его"); здесь выявляется *болого* "благо" (словоформа или, по крайней мере, часть сложного слова). В Чуд. определенно к а.п. *с* относятся "око", "слово"; однако *колд* В.ед. "круг" 82а.

Формально а.п. *с* или *а*, по косвенным данным а.п. *с: за дерево* 339, *древо* 111 (*дрѣво* 194б, 346б); *злато* (11×: 37, 58б, 105 и др.; ср. *золото* и *златωю*); *мѧсо* 69, 339; *нбо* (11×: 3б bis, 4б bis, 8 и др.); *озера* В.мн. 331б; *тѣло* (16×: 4, 5, 21б и др.); *оухо* 3б; также *блго* (см. § 52). Формально а.п. *с* или *b*, по косвенным данным а.п. *с: море* 3б, 35, *-ѧ* Р.ед. 103, 273б, *-ю* 11б, 25б, *-и* М.ед. 60, 69, 70, 183б bis; *на поли* М.ед. 115, 123, 229б, 335б, 337. В Чуд. определенно с а.п. *с* засвидетельствованы "древо", "озеро", "тело", "ухо", "благо", "море".

В нескольких других случаях выбор а.п. менее очевиден. А.п. *а* или *с: въ ведро* "serenum" 33; *вѣно* (34×: 141, 248-257 и др.), *-ома* 251; *жало* 63, 68 (*о|*); *иго* 37б; *тѣсто* 7; *черево* 339, *чрево* 191 (*чрѣво* 34б). А.п. *b* или *с: горе* (16×: 6, 8б, 15б, 16 [6×], 21 и др.; ср. *горе* "хуже" 112); *ложе* 124, 124б (*о|*), *ложа* Р.ед. 21, 52б, В.мн. 34, *на ложихъ* 66б. А.п. *b* или *с* или *а* (гр. 1): *оу ... ворωтъ* 38, *развѣ ворωтъ* 209 [Б].

Суффикс *-ств-О*

§ 29. А.п. *а* (гр. 1): *блгорωдьства* Р.ед. 210 [Б], *-ѣ* 307, *ωт неистωвьства* 81б, *прозωрьства* Р.ед. 51б, *оубωжьствомь* 272, *холωпьство* 342б ter, *-ѣ* 342б.

Такую же акцентуацию отражают *близωчьства* Р.ед. 221, 222б bis и *количьство* 179, 184б, 187б (*количство* 187б, *къличьство* 75). Однако наряду с этими написаниями представлены также *близочьство* 24б, *-а* 220б, *-омь* 24б, *-ѣ* 246б (скорее всего они отражают вариант с ударением на *бли-*, причем в *близочьство* какое-то из двух *О* записано упрощенно; ср. в Фер. *блізочьство, -а* и т.д.) и *количьствω* 153 (вероятно, единичное колебание в сторону а.п. *b*).

Формально а.п. *а* (гр. 1) или *с*, фактически почти наверное а.п. *а* (поскольку а.п. *с* у слов с данным суффиксом нигде в славянских языках не встречается, см. Дыбо 1968, с. 191): *блговѣрьство* 22б, *батьство* (9×: 24, 29, 47 и др.; = *богатьство*), *головничьство* 332б, *гостиньноприимьство* 8б, *двство* 5, 10б (= *дѣвьство*), *злодѣіство* 88, *коварьство* 9, *лихоимьство* 47, *лукавьство* 71б bis, 82, 123, 125 bis, *мнωжьство* 17б, 25, 26б (упрощ. *множьство* 115б кин.), *напрасньство* 100, *невѣжьство* 181, *невѣрьство* 22б, 110, *прелюбодѣиство* 45б, 60б, 190, 194б, 256б, *пьяньство* 5, 56б, *равеньство* 57б, *разденьство|* "различие" 36, *свωиство* 124, 24б, *торжьство* 347, *оубиство* 36б, 111 bis, 111б, 121, 189б, *црь|ство* 143б, *црство* (10×: 7б, 66б, 141 и др.). Вероятно, к а.п. *а* (гр. 1) относится также *ѻчьства* Р.ед. 150б, *-ꙗ* Т.мн. 35 (= *отечьства, -ꙗ*).

А.п. *а* (гр. 2): *вωиньствω* 139, 14б, 159б, 179, 257б, *-а* (7×: 109, 179 ter и др.), *-у* 14б, *-ѣ* 178б, 257б; *достωиньства* Р.ед. 50б, *-у* 1б, 3б, *подстωиньству* 53б, *недостωиньству* 61.

Формально а.п. *а* (гр. 2) или *b*, по косвенным данным а.п. *а: дѣлательствω* 155б (ср. регулярное *дѣлатель, -ѧ* и т.д. в Чуд.), *приставничьствω* 153, *свѣдительствω* 80, *тиоуньствω* 153 (ср. в Фер. *тівжньство* 991 и регулярное *тівжнъ, -а* и т.д.). Упрощ.: *свѣдительство* 258, *свѣдитьльство* 145 (*ь* вместо *е*), *тивуньство* 342б; по-видимому, также *старечьство* 40б (ср. Чуд. *старечство* 74г).

К а.п. *а* (гр. 2), вероятно, относились также: *храборьствω* 111б, 127, *ωт сватовьства* 221б.

В слове "старейшинство" ударение, по-видимому, колебалось: *старѣишиньство* 95б, 16б отражает древнее ударение на *ста-* (ср. Чуд. *старѣйшинъ* Р.мн. 72г), *старѣишиньствω* 181б, 201б - более новое ударение на *-рѣ-* (ср. Фер. *старѣйшиньство* 958б).

А.п. *b: бхствω* 5б, *ѥстьствω* 133б (*ѥствω* 43б), *мужьствω* 25, 45, *срωдьствω* 243б, *чювьствω* 49б, *послушьствω* (12×: 71 bis, 78 bis, 80б и др.)[38]. Упрощ.: *послушьство* 77. Написания *ѥстьство* 27, 168, *срωдьство|* 223 - либо упрощенные, либо отражают акцентные варианты по а.п. *а*.

Формально а.п. *b* или *а* (гр. 2), по косвенным данным (акцентуация исходных слов, см. §§ 39 и 88) а.п. *b: сиротьства* Р.ед. 229, *свершеньствω* 6б.

А.п. *b*, по-видимому, отражает также *ѥдиньствω* 2б. Написание *ѥдиньство* 116б - либо упрощенное, либо отражает ударение на *-ди-*.

Для слова "господство" находим *гъствω* 255б, 25б, 257б, 265б и *гъство* 240б, *гъство|* 239б, 240, а также аномальные написания *госпωдь|ствω* 274, *госпωдствω* 239б bis. Наиболее вероятная интерпретация состоит здесь в том, что в говоре Мерила сосуществовали более старое ударение на *-ствω* и более новое на *-пω-*.

Неясно, а.п. *а* (гр. 2) или *b: меншиньствω* 36б, *ѧремьствω* 161б.

§ 30. Как видно из материала, в Мериле ударение производных с суффиксом *-ств-О* в целом подчиняется формуле "a^a, a^b, c^c" (см. §7). Наиболее надежные примеры: a^a (выборочно) - *двство, мнωжьство, холωпьство, батьство, зло-*

[37] *ъ* после *дѣл* подтерт и выглядит как *ь*.

[38] В Мериле слабый *ь* перед *ств* ни в одном слове не проясняется в *е*; таким образом, для всех этих примеров возможность а.п. *а* (гр. 2) исключается. Написание *ѥствω*, вероятно, отражает упрощение последовательности *стьств* (*ѥство* встречается во многих памятниках XIII-XIV вв., см.: *Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907, с. 111).

дѣіство, коварьство, лукавьство, пьяньство, оубѡжьствомь; вѡиньствѡ, достѡиньства, приставничьствѡ, свѣдительствѡ; a^b - *свѡиство, торжьство, головничьство,* вероятно, также *ц*^{c}*рь|ство;* b^c - *бж*^{c}*твѡ, мужьствѡ, чювьствѡ, послушьствѡ, свершеньствѡ, сиротьства,* также *госпѡдьствѡ* в конечноударном варианте. Отметим, что производные на *-ств-О* от основ с беглой гласной одинаково акцентуированы при исходной а.п. *b* и при исходной а.п. *a* (подгруппа 1*); ср. *равеньство, разденьство, отечьства;* подробнее см. § 59.

Важное отклонение от общей формулы - "незаконное" флексионное ударение в *ѥдиньствѡ* и *количьствѡ* (оба по одному разу), может быть, также в *ѥремьствѡ*.

Флексионное ударение в *срѡдьствѡ* скорее представляет собой архаичный тип акцентовки слов подобной структуры, чем инновацию (ср. *бещестнѡѥ, бѣлогородьскѡгѡ* и др., § 59).

Сдвиг ударения вправо в *неистѡвьства, старѣишиньствѡ, дѣлательствѡ,* по-видимому, не связан специально с суффиксом *-ств-О* (он мог происходить и в производящих словах).

Интересно сравнить акцентуацию производных на *-ств-О* в Мериле и Чуд. В большинстве случаев она совпадает; отметим лишь наиболее интересные примеры: Чуд. *тѡржьствоу, оубийство, ѥстество̀, чювствѣ̀, послоушство̀* (правда, наряду с *послоушство*). В Чуд., как и в Мериле, важнейшим отклонением от основной формулы является "незаконная" а.п. *b: вдовьствѣ̀* 108а, *свойство̀* 142в, *-оу̂* 88б, *по дѣйствоу̂* 134б, *по дѣй|ствоу̂* 130г, сюда же *разньства̀* Р.ед. 100в, 104б. Однако конкретные слова, в которых нарушается основная формула, в Чуд. и в Мериле различны. Отсюда серия акцентных несовпадений: ср. Чуд. *свойство̀, разньства̀, срѡдьство,* также *войнствомь, ней|стовство.* Таким образом, одних лишь слов на *-ств-О* было бы достаточно, чтобы убедиться, что в Чуд. и Мериле представлены разные, хотя и близкие, "точечные" акцентные системы.

Суффикс *-л-О*

§ 31. Формально а.п. *a* (гр. 1) или *c*, по косвенным данным а.п. *a: за*^{ч}*ало, за*^{ч}*ло* (8×: 179-188), *зерцало* 2 кин., *начало* (10×: 6, 13б, 68 и др.), *порекло* "прозвище, имя" 198 bis, 203б, *-омь* 203б, *свѣтило* 2 кин., 49б, *хранило* "нечто охраняющее" 23. Вероятно, сюда же *в точилѣ* 347, *в точилѣхъ* 348.

Формально а.п. *a* (гр. 2) или *b*, по косвенным данным а.п. *a: зеркалѡ* 29, *мѣрилѡ* 37, 44, 167б, *постризалѡ* 345, *правилѡ* (18×: 71, 81, 84 и др., также *пра*^{в}*лѡ* 105, 229), *ставилѡ* "весы, гиря" 37 bis, 38б. Упрощ.: *мѣрило* 10б, *правило* 348, *пра*^{в}*ло* 229.

Отметим совпадения с Чуд.: в Чуд. представлены *зерца̀лѣ, -омь, нача̀ло, -а, -ꙋ̀, свѣтѝла* И.мн. и, с другой стороны, *мѣрило*. Примечательно, что в Мериле уже отразилось хорошо известное в более позднюю эпоху акцентное противопоставление собственно русского *зѐркало* и церковнославянизма *зерца̀ло*.

Прочие суффиксы

§ 32. Суффикс *-j-е* (*-ij-е*). А.п. *a* (гр. 1)[39]: *въ здорѡвьи* 31; *безакѡн-иѥ, -ьѥ, -иѧ, -ьѧ, -ию* (14×: 5, 41, 70, 124 и др.), *в безгѡдьи* 13, *безлѡбиѥ* 66б, *бесплѡдьѥ* 268б, *благорѡдиѥ* 239, *добровѡниѧ* В.мн. 345б, *звѣздослѡвьѥмь* 100б, *извѣстослѡвиѥ* 226б, *повѡдию* "незамерзшей воде" 32б, *пѡднѡжиѥ* 3б, *посѡбиѥ* 45, 331б, *преко|слѡвьѥ* 71б, *прекослѡвьѧ* В.мн. 17б, *прѣкослѡв-иѧ* Р.ед. 242б, *-ьи* 120б (также *прекѡслѡвьѥ* 125, см. §4 и §8, замеч.), *препѡдѡбиѥмь* 10 (о *-пѡ-* см. §4), *приплѡд-иѥ* 243, *-ьѧ* 272б, *сщеньнослѡв-ьѥ* 19б, *-ьѧ* 205б, 206, *-ьѥмь* 205б, *оугѡд-иѥ* 204, *-иѧ* 345, *оудѡбьѥ* 89б.

Суффикс *-ищ-е*. А.п. *a* (гр. 2): *позѡрище* 135, *-и* М.ед. 29б, *-а* В.мн. 25б, *-ь* Р.мн. 135б; *сбѡрище* 53, 114б, *-а* 91б; *скрѡвище* (8×: 2б, 37 и др.), *-а* 136$_2$б, *-ю* 242, *-и* М.ед. 242, И.дв. 165б.

Отметим, наконец: *коснѧчько* 332 (имя собственное); *отрочати* Р.ед. 168, 198, М.ед. 114; *за пороса* 336. О словах на *-еньѥ, -аньѥ* см. § 86-89.

ЖЕНСКИЙ МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ РОД

§ 33. В Мериле в данном морфологическом классе необходимо различать две акцентных кривых в рамках а.п. *b*; они обозначены ниже как b_1 и b_2.

Таблица 6

Окончания с *О*

А.п. / Окончания	*a*		*b* (акц. кривая b_1)	*c*
	группа 1	группа 2		
-Ою (Т.ед.)	силою	истиною, мачехѡю (см. §35)	женою	рукою
-О (Зв.ед.)	вл^{д}ко (= владыко)	-	жено	-

[39] Для части приводимых здесь слов (например, *безакѡниѥ, благорѡдиѥ*) формально допустима также а.п. *a* (гр. 3); однако этой формальной возможностью можно пренебречь, как нереальной.

Таблица 7

Основы с *0*

Формы \ А.п.	*a*		
	группа 1		группа 2
ед. И.	злѡба	добрѡта	отрокѡвицѧ
Р.	злѡбы	добрѡты	грамоты
Д.М.	злѡбѣ	добрѡтѣ	грамотѣ
В.	злѡбу	добрѡту	отрокѡвицю
Т.	злѡбою	теплѡтою	отрокѡвицею
мн. И.В.	фѡки	ворѡны	отрокѡвицѣ
Р.	(злѡбъ)	рабѡтъ	грамотъ
Д.	-	ворѡнамъ	-
Т.	-	молитвами	грамотами
М.	-	-	грамотахъ
дв. И.В.	-	ногатѣ	отрокѡвици
Р.М.	-	-	-
Д.Т.	-	-	отрокѡвицама

Таблица 7 (окончание)

Формы	*b*		*c***	
	акц. кривая b_2	акц. кривая b_1**		
ед. И.	волѧ	вдова	нога	голова
Р.	волѧ, вѡли*	вдовы	ноги	головы
Д.М.	вѡли	робѣ	водѣ	свободѣ
В.	вѡлю	вдову	ногу	голову
Т.	вѡлею	ротою	ногою	головою
мн. И.В.	вонѧ (?)	вдовы	ноги	стороны
Р.	-	(стѡпъ)	(нѡгъ)	сирѡтъ
Д.	-	-	-	сиротамъ
Т.	вонами (?)	-	ногами	головами
М.	-	-	горахъ	сиротахъ
дв. И.В.	-	-	нозѣ	-
Р.М.	-	-	ногу	-
Д.Т.	-	-	ногама	-

* Разная огласовка при разных окончаниях Р.ед.

** По написаниям Мерила акц. кривую b_1 и а.п. *c* различить нельзя. Примеры отнесены к а.п. *b* или *c* по косвенным данным.

§ 34. Окончание Зв.ед. *-0* представлено только в словоформах: а.п. *a* (гр. 1) - *влдко* (5×); *a* (гр. 3) - *старѣишино; b - жено.*

Окончание Т.ед. *-0ю* в а.п. *a* (гр. 1), *b* и *c* у существительных всегда записывается как *-ою*. А.п. *a* (гр. 1) - *бабою, вѣрою* (3×), *влдкою, внукою, гешною, дѣвою* (= *дѣвою;* 2×), *державою, жертвою, женитвою, злѡбою, незлѡбою, клѧтвою* (9×), *мѣрою* (4×), *млтвою* (2×), *мукою* "мучением", *правдою* (8×), *неправдою* (2×), *рабичною* (3×), *ризою* (2×), *сестричною* (2×), *силою* (8×), *скотиною, супругою, теплѡтою, теткою* (также *тѥткою*), *оутѣхою, хламидою;* вероятно, сюда же *чересминою*. А.п. *b* и *c* (из-за трудностей разграничения - вместе, ср. § 35): *бѣдою* (3×), *виною* (11×), *враждою, головою, горою, женою* (27×), *кумою* (3×), *мьздою, ногою, похвалою, рабою, ротою* (2×), *рукою* (18×), *сестрою, слезою, снохою, оуздою* (2×), *цѣною;* вероятно, сюда же *мѣною*.

В а.п. *a* (гр. 2) находим, с одной стороны, *мачехѡю* 190б, с другой - *истиною* 11б, 20б, 145, 148 (ср. также наречие *мнѡгиждою* 60б); см. § 35.

Акцентуация неясна (но не исключена а.п. *a*, гр. 2) в случаях: *нищетою* 42, *чстотою* 6б, 344б, *сѹѥтою* 347; см. § 39.

К женскому морфологическому роду субстантивного склонения относятся также Д., М. и Т. падежи местоимений "я", "ты", "себя". Показания Мерила по словоформам с *0* здесь таковы: Д.М. *тобѣ, собѣ* - регулярно (ср. Р.В. *тобе, собе*); Т. *мною* 5б, 9, 9б bis, 13, 14, 24б (но один раз *со мнѡю* 223б), *тобою* (14×: 5б, 10, 12 и др.), *собою* (20×: 16, 20, 27, 29 и др.).

§ 35. Акцентные кривые. В а.п. *a*, как обычно, ударение неподвижно. Что касается а.п. *b* и *c*, то в данном морфологическом классе написания Мерила не позволяют их различить (если отвлечься от слов типа "воля", см. ниже). Лишь в Р.мн. *сирѡтъ* несомненно конечное ударение, но такое ударение ожидается в Р.мн. в обеих этих а.п.; во всех прочих случаях нельзя отличить энклиномен от конечноударной словоформы.

Правда, в одной форме, а именно, в Т.ед. мы ожидали бы, исходя из обычной акцентологической реконструкции (**golvojǫ́* в а.п. *c*, но **ženójǫ* в а.п. *b*, см. Станг, с. 62), разных рефлексов в Мериле: *головою* и **женѡю*. Однако, как видно из § 34, в обоих случаях выступает *-ою;* ср. хотя бы такие надежные примеры а.п. *b*, как *женою, рабою, сестрою, похвалою*.

Сам факт аналогического выравнивания окончаний **-ojǫ́* и **-ójǫ* в этом морфологическом классе, по-видимому, является общим для всех реально засвидетельствованных славянских "точечных" систем. Индивидуальной особенностью Мерила является только то, что здесь обобщилось именно **-ojǫ́*. Ср. этот же вариант обобщения в более широком масштабе в местоименном склонении, § 67.

Данные Мерила об окончании *-ою* представляют большой интерес, поскольку в настоящее время еще недостаточно

ясна история становления нынешнего ударения *-óю* (одинакового в *женóю* и *головóю*). Можно предполагать либо 1) существование уже в древнерусском "точечных" систем, обобщивших здесь, в отличие от Мерила, ударение а.п. *b*, а не *c*, либо 2) относительно поздний (XIV-XVI вв.) переход от системы типа Мерила к нынешней[40]; ср. первый симптом такого перехода в единичном *мнѡю* (при *мною* 7×). Не исключено также какое-то соединение первого и второго; в частности, наличие /-ôjу/, /-ôj/ в одних говорах и памятниках и /-ɔ́jу/, /-ɔ́j/ в других может указывать на то, что переакцентовка данного окончания происходила в разных говорах различными путями и/или неодновременно.

В Мериле варианту /-ɔjу́/, представленному (при флексионном ударении) у существительных и местоимений (ср. §67), противостоит вариант /-ôjу/ в членных формах прилагательных (§ 49); ср. характерные примеры: *властельскѡю рукою* 88, *горою стѡю* 13, *с таковѡю женою* 160б bis.

З а м е ч а н и е. К сожалению, Чуд. в вопросе об окончании Т.ед. *-ою* дает очень мало: здесь почти всегда пишется *-оѝ* или *-оѝ* (акцентно незначимое). С надежными акцентными знаками у существительных встретились только *главоѝ* 5а, *женоѝ* 153г, *роукоѝ* 123а, *жендѝ* 26г, *лїхвдѝ* 14а, *лоукдѝ* 121в, *лѣпотдѝ* 136г, *простотдѝ* 127а, *рукдѝ* 132а, *цѣндѝ* 110в - все с варией; у прилагательных *дрꙋгоѝ* 36б, *ѝльінóѝ* 26а, *свѣ|тлоѝ* 40а (также *чюжеѝ* 146б) - все с оксией (однако в М.дв. *ѡ бѣсндѝ* 6б). У местоимений находим *с неѝ* 47в, 150а, 156в, *с неѝ* 43а, *тоѝ бо* 29в, *со всеѝ* 69б, *со мноѝ* 36а, 129г, *мноѝ* 49а, *мноѝ* 40в, 138г, *со мнѝ* 14г, *со мнѝ* 14г и, с другой стороны, *со мнóѝ* 33б bis, 95в, *со мнóѝ* 23г, *со мнѝ|ю* 73г. Следует учитывать, что в Чуд. практически во всех случаях, когда ударение в конечном сочетании "гласная + *ю, ꙗ, ѥ*" определенно падает на предпоследний слог, мы находим (если ударение вообще обозначено) оксию, а не варию, например, *а*[3] *покóю вы, не знáю, вѣчнóѥ, дроугоýю* и т.п. С другой стороны, изредка встречаются такие написания с варией, как *грѣ|сѝ твѝ* 28г, *ѐꙗ* 31б, *ѝльѝ* 25а (при обычных *твоѝ, твоѝ, еꙗ, ѝльꙗ*). Легко заметить, что в Т.ед. написанию *-ѡю* в Мериле (*златѡю, какѡю* и т.п.) соответствует *-óю* в Чуд., а написанию *-ою* в Мериле (*женою, рукою, тою* и т.п.) — *-оѝ* и *-дѝ* в Чуд.; словосочетание *со мнОю* в обоих памятниках колеблется. По-видимому, *-дѝ* в Чуд. могло передавать то же, что *-оѝ*, т.е. конечное ударение. Таким образом, несмотря на ограниченность материала, для Чуд. допустимо предполагать такую же акцентовку словоформ с *-ою*, как и в Мериле (или близкую к ней).

Что касается окончания *-Ою* у слов а.п. *a* (гр. 2), то в говоре Мерила здесь, по-видимому, колебалось место второстепенного ударения: оно могло падать либо на *-О-* (в силу обычного ритмического принципа), либо на *-ю* (т.е. туда же, куда падает главное ударение в *головою, женою* и т.д.); отсюда написания *-ѡю* и *-ою*, ср. *мачехѡю* и *истиною*; подробнее см. Противоп., § 18.

Особая акцентная кривая представлена в Мериле у слова "воля". Приводим материал: *волѧ* И.ед. 85б, 338б bis, *волѧ* Р.ед. (15×: 49б, 93б bis, 94б, 113 bis и др.), *вѡли* Р.ед. 342, Д.М.ед. 28, 87, 274, 97б [Б], *по вѡлѣ* 142, *вѡлю* (10×: 6, 54, 87, 128, 128б и др.), *вѡлею* 111 bis, 184б, 199, 239, 248, 274; также *из невѡли* 333б, *невѡлею* 76б, 78б bis, 154, 185, 189б. Можно предполагать, что сюда же относятся: *кѡжю* 33б, *вонѧ* И.мн. 53, *вонѧми* 344б (см. также § 41 о слове "утроба").

Это необычное распределение *о* и *ѡ* с поразительной точностью соответствует данным Чуд.: *волѧ, -ѧ* И.ед. (10×), *волѧ* Р.ед. 43г bis, *вóли* Д.М.ед. (6×), *вóлю* (12×, но один раз *волю* 18а)[41]; аналогично *вонѧ* И.ед. 117а bis, *вóню* 126в, 129в (но также *вонѝ* 117а). Совпадение с Чуд. гарантирует надежность показаний Мерила. Представленная здесь особая акцентная кривая предполагает только ортотонические словоформы; ударение - флексионное в И.ед. и в Р.ед. на *-ѧ* (возможно, также во мн. числе, но это менее надежно), корневое в Д.ед., М.ед., В.ед., Т.ед., а также в Р.ед. на *-и*. Судя по Чуд., в В.ед. могло быть колебание.

Эта акцентная кривая резко отличается от а.п. *a* подвижностью ударения, а от а.п. *c* - наличием ортотонических начальноударных словоформ и отсутствием энклиноменов. Между тем она принципиально сходна, например, с акц. кривой слова "поп", а именно, здесь представлены те же акцентные классы словоформ, ср. *попа, попꙗ* и *волѧ, пѡпѣхъ* и *вѡли*. Таким образом, с синхронической (для говора Мерила) точки зрения данная акц. кривая должна быть отнесена к а.п. *b*. Соответственно она обозначена как b_2, а основная акц. кривая акц. парадигмы *b* (представленная у слов *жена, вдова* и т.д.) - как b_1.

Как уже указано, написания Мерила не позволяют доказать, что в Мериле b_1 и *c* действительно различались; однако показания Чуд. и других памятников делают подобное совпадение невероятным.

Отметим, что в акц. кривой b_1 Зв.ед., по-видимому, имел наосновное ударение, ср. *жено* (Чуд. *жéно*).

Разбор материала

Непроизводные и опростившиеся слова

§ 36. Приводим вначале исконные слова. А.п. *a* (гр. 1): *за волѡгу* 341, *ворѡны* И.мн. 32б, *-амъ* 2, *колѡды* Р.ед. 6б, *-у* 57б, *за корѡву* 336. Отметим также *за кобылу* 336.

---

[40] Именно такой переход предполагал Л.Л.Васильев (Васильев, с. 138-139).

[41] В примере *не бо бо|лею* 86г оксия скорее относится к *бо*, чем к *во*.

Формально акц. кривая b_1 или а.п. *c*: *бород-оу* 337б, *-ы* В.мн. 344б; *борону* 338б; *вдова* 70б, 225б, *-ы* Р.ед. 23б, И.мн. 23б, 119б, *-у* 99б; *вода* 346, *воды* Р.ед. 32, 127б, 260б, *водѣ* Д.ед. 348б, *о водѣ* 127б, *воду* 15б, 35, 346 bis, 346б (*на воду* 333б), *ѡт вѡдъ* 3; *голова* 332, *-ы* Р.ед. 33б, 230б, 342б, *-у* 41, 58б, 68, 230б (*за голову* 332 bis, 333), *-ою* 333б, *-ами* 230б; *гора* 35, *горѣ* "вверх", 3, 65б, 118б, *в гору* 41, *горы* В.мн. 33, *на горахъ* 7б; *в зорю* 32; *козы* В.мн. 335б; *нога* 9, 260б, 333б, *из но|ги* 28б, *ноги* И.мн. 31б (*о|*), 53б, *нѡгъ* 15б, *ногами* 346, *нозѣ* В.дв. 9 (*пѡд нозѣ* 66), *ѡт ногу* 16, *до ногу* 16б, *ногама* 11, 51; *роба* 333, 343, *робу* 342б (*за робу* 333, 340б, 343), *в робѣ* 340б (также *рабою* 195б); *роса* 3б, 4б, *росѣ* Д.ед. 32; *ротѣ* Д.ед. (6×: 333б-343б), *на роту* 22б (*о|*), 334, 335, 336 (*о|*), *ротою* 71 (*рото|ю* 22б); *скопа* 32б (птица); *на соху* 192; *стѡпъ* Р.мн. 49; *сто|роны* Р.ед. 224, *стороны* В.мн. 63б; *строка* 28. Кроме того, *ѡт господы* 338б, *свобода* 337, 341б, *ѡт свободы* 342б, *о сво|бодѣ* 195, *на свободу* 195б, 197б, *свободоу* "свободного человека" 130, 130б. Отметим также Зв.ед. *жено||* 226б. Данные других памятников надежно указывают на а.п. *b* по крайней мере для слов "вдова", "жена", "раба", на а.п. *c* - по крайней мере для слов "борода", "вода" "голова", "нога", "сторона". В самом Мериле производные *головникъ, головничьство* и *свободнѡму, свободить* указывают на а.п. *c* слов "голова", "свобода".

З а м е ч а н и е. В Чуд., как и в Мериле, производные от слова "свобода" (например, *свободна̀* И.ед., *сво́бодни, свободи́тсѧ* и др.) указывают на а.п. *c*. Между тем в В.ед. находим только *въ свободоу̂* 103б, *на свободоу̂* 124а (с акцентовкой по а.п. *b*). Существенно, однако, что для слов на *-а*, *-ѧ* с неодносложной основой в Чуд. нет ни одного примера перехода ударения на начальный слог в В.ед., Д.ед. или И.В.мн. (т.е. в формах, где в а.п. *c* выступают энклиномены). Не только "свобода", но и все другие слова этой структуры, которые можно было бы подозревать в принадлежности к а.п. *c*, обнаруживают в Чуд. конечное ударение: *сироты̀* В.мн. 81в (ср. данные Мерила § 39-40), *срамотоу̂* 155г, *тѧготы́* В.мн. 124б (и некоторые другие с суффиксами *-от-а*, *-ин-а*), возможно, также *клеветы̀* И.мн. 121б (ср. Чуд. *клеветни-ка̀, -цѝ*), *побѣдо̂* 7г, *-оу̂* 115в (ср. *побѣднѡѥ* в Мериле, *пóбѣдоу* Фер. 527)[42]. Можно предположить, таким образом, что в говоре Чуд. в этой группе слов энклиномены были заменены конечноударными словоформами (как в современных белорусских и юго-западных великорусских говорах).

Акц. кривая b_2: слово "воля"; вероятно, также "неволя", "воня" и "кожа". Материал см. в § 35.

У слова "овца" показательна только словоформа Р.мн. *овець* 248, 273 (Чуд. *о́вѣц* 25в). Прочие словоформы - *ѡвцѧ* И.ед., В.мн., *-ѣ* В.мн., *-ѧмъ*, *за ѡвцю* (9×) - содержат несвободное ѡ. Таким образом, формально возможны а.п. *b*, *c*, а также *a* (подгруппа 1*). В Чуд. *о́вца̀* И.ед., И.мн., В.мн., *-а̀мъ*, *-а́х*, *о́вѣц*, однако *о́вци* И.мн. 84в (заметим, что И.мн. *о́вца̀*, но *о́вци* напоминает Р.ед. *волѧ*, но *вѡли* в Мериле).

Формально любая акцентуация, кроме а.п. *a* (гр. 1): *за лалоку* "за шею" 34.

§ 37. Заимствованные слова. А.п. *a* (гр. 1): *ікѡны* В.мн. 331б, *мюрѡну* "мурену" 34, *субѡта* 118б, *-ы* Р.ед. 57, *-ѣ* 55б, *-у* 59, 135б, *тѡта* 32б (название птицы), *фѡки* "тюлени" 33б. Сюда же имена собственные (муж. рода) *никѡла* 224 bis, *фѡка* 61. Отметим также *ногата*, *-у*, *-ѣ* Д.М.ед., В.дв. (9×: 332б, 342б и др.), *полаты* Р.ед. 198, 207б, *олена* 224.

Сюда же примыкают имена собственные с субморфом *-j-* (*-uj-*): *кѥхѡнию* В.ед. (муж.) 18, *федѡсьѧ* И.ед. 224. Это же *-j-* близко к статусу суффикса в словах: *митропѡл-ьѧ* И.ед. 98, Р.ед. 101, *-ию* 96б, *-ии* М.ед. 98; *по филосѡфьи* 55б; также *пафлагѡниѧ* 131. Написание *кападокиѧ* 131 либо упрощенное, либо отражает ударение на *-ки-* (в Чуд. колебание).

А.п. *a* (гр. 2): *грамота*, *-ы* Р.ед., И.В.мн., *-ѣ*, *-у*, *-ами*, *-ахъ* (19×: 89б, 96б, 135б, 163б, 195б, 252 и др.), *грамотъ* Р.мн. 250. Ср. Чуд. *гра́моту* 36а.

Формально b_1 или *c* (но последнее нереально, см. § 22): *сотонѣ* Д.ед. 19, 56, 59б bis и имена собственные *козмы* Р.ед. 230 кин., *фома* 222б кин.

Бессуффиксальные производные

§ 38. А.п. *a* (гр. 1): *во оснѡву* 5б; *подѡба* 35б; *пристрѡѧ* "имущество, снаряжение" И.ед., Р.ед., И.В.мн., *-и* Д.ед., *-ю* В.ед. (17×: 171-175); *велмѡжѣ* И.мн. 9б, *вокѥвѡда* 127, *-у* 28б. Упрощ.: *основу* 6б.

А.п. *a* (гр. 3 или 1): *паволѡки* Р.ед. 100.

Отметим также *не надобѣ* 336б (*о|*), 341, 342, 344 (вероятно, а.п. *a*, гр. 2).

Суффикс *-От-а*

§ 39. А.п. *a* (гр. 1): *добрѡта* 41, *-ы* Р.ед. 10, В.мн. 50, *-ѣ* 32, *-у* 3, 40; *рабѡты* Р.ед., И.В.мн. (8×: 79, 118б, 253 и др.), *-ѣ* 182б, *-у* (9×: 76, 113, 131б bis и др.), *рабѡтъ* Р.мн. 135б; *теплѡту* 35б, *-ою* 8; *щедрѡт-оу* 48, *-ы* И.В.мн. 5, 13б, 18.

Все прочие слова с этим суффиксом пишутся в Мериле с *-ота* (*-оты* и т.д.). Для двух из них формально допустимы b_1 или *c* (но не *a*)[43]: *простоты* Р.ед. 138; *сирота* 271, *-ы* Р.ед. 17б (*о|*), 18, 23б, 53, 247, И.В.мн. 86б, 119б, 181б, *-ѣ* 14б, 24, 37, 37б, *-у* 23б, *-амъ* 15б, 23б, 262б, 331б,

[42] Иное, но явно не первичное ударение в случаях: *за клеве́тоу̂* 85а (значок над *у* неясен), *побѣ́до|ю* 115в.

[43] Что касается словоформ Т.ед. *цѥстотою, нищетою, сѹетою*, то, как видно из § 34-35, написание *-ою* не дает здесь никаких надежных сведений об акцентной парадигме.

-ахъ 23б, *сирωтъ* Р.мн. 24, 64, 151, 331б. Для остальных слов формально допустимы b_1, *c* и *a* (гр. 2): *блгота* 54б, *высоты* Р.ед. 19б, *-ѣ* 3, 6, *-у* 19б, 65, 219, *красота* 25, 29, *-ы* Р.ед. 27б, *скудоты* Р.ед. 114, *слѣпотѣ* 2, 49б, *срамоты* Р.ед. 120, 124 ter, *-оу* 114, 124, *по тѣснотѣ* 172б, *тѧготы* Р.ед. 47, *тѧго|ты* В.мн. 47, *чстота* (= *чистота*) 142б, *-и* Р.ед. 50б, 145, *-ѣ* 14б, *-у* 5, 28б, 47, 112, 145, *-ою* 6б, 344б (см. сноску 43), *нечстота* 124, *-ы* Р.ед. 136б.

Некоторые дополнительные сведения об акцентуации слов на *-От-а* могут дать производные от них. Так, *сиротьства* Р.ед., *чстотни* и *нелѣпотнω* свидетельствуют против а.п. *b* у слов *сирота, чистота, лѣпота* (ср. *-ωт-* в *живωтнаѧ* от слова а.п. *b живωтъ, живота*). Производное *оунωтки* свидетельствует против а.п. *a* (гр. 2) у **оунОта*. Таким образом, для слова *сирота* совокупность данных (*сирота, сирωтъ, сиротьства*) однозначно указывает на а.п. *c*, для *чистота* и **лѣпота* - на а.п. *a* (гр. 2) или *c*. Следует, однако, иметь в виду, что акцентуация производных соотносится с первоначальной а.п. соответствующего слова на *-От-а*, тогда как в говоре Мерила само это слово могло уже изменить акцентовку. Например, не исключено, что слово *сирота* уже получило в И.В.мн. ударение *сироты*, как в Чуд. (ср. § 36, замечание).

§ 40. Слова на *-ωта* (*добрωта, рабωту, теплωту, щедрωтоу*) - это производные от слов а.п. *b*. Слова на *-ота* - это в основном производные от слов а.п. *a* (*чистота, нечистота*) и а.п. *c* (*благота, *лѣпота, простоты, сирота, слѣпотѣ, срамотоу, тѧготы*). Исключение составляет *красота* (при исходном слове а.п. *b краса*). А.п. исходного слова недостаточно ясна в случаях *высоту, скудоты, тѣснотѣ, сукта*.

Исходя из того, что показано выше для слов *сирота, *лѣпота* и *чистота*, мы можем предполагать для *-От-а* формулу "a^a, a^b, c^c" (актуальную либо для самого говора Мерила, либо по крайней мере для его предшествующего состояния), т.е. такую же, как в южнославянском (см. Дыбо 1968, с.161). В Чуд. представлена другая формула: "a^a, a^b, b^c" (там же, с. 163). Показания Мерила делают весьма вероятным, что положение в Чуд. вторично; ср. также § 35, замечание.

Для суффикса *-От-а* тенденция развития, общая для всего русского языка, состоит в экспансии акцентной модели, соответствующей исходным словам а.п. *c*. В Мериле эта тенденция успела захватить слово *красота* (а, может быть, также слова первоначальной модели a^a, например, *чистота*).

Прочие суффиксы

§ 41. А.п. *a* (гр. 1): *злωба* 4, 62б, 68, *-и* Р.ед. (8×: 7, 8, 18 и др.), *-ѣ* 45, 61, 68 bis, *-у* 15, 44б, *-ою* 53_2, ωт *злωбъ* 15б; *незлωбѣ* 14, *-ою* 14б; *оунωтки* "девицы" И.мн. 8. Кроме того, случаи, где в принципе не исключена также акц. кривая b_2: *оутрωбу* 32б (ср. Чуд. *оутробá ѥго* 119а, *въ оутрóбоу* 131б), *горωднѣ* Р.ед. 341, В.мн.(?) 341, *-ю* 341.

А.п. *a* (гр. 2): *с мачехωю* 190б; *колωдици* И.мн. 26б, *мнωжицею* (6×: 17б, 60б, 94б и др.), *мнωгонωжица* И.ед. 34; *налωжницю* 99б; *отрокωвица* И.ед. 229б, Р.ед. 169, 169б, 174б, 190б, *-ѣ* Д.ед. 169б bis, И.мн. 50, В.дв. 40, *-ю* 122б, 169, 245б, *-ею* 228б, *-и* В.дв. 39б, *-ѧма* Д.дв. 39б, Т.дв. 39, 40 (особо *отрωкωвица* И.ед. 169, см. §4); заметим, что в Чуд. уже более новая акцентовка: *ѻ́трокове́ица*, *-ю* и т.д. (однако *ѻ́трокóвiчiну* 31в).

А.п. *a* (гр. 2), *b* или *c*: *оуноша, -ю, -и* Д.ед. (8×: 17 bis, 40 bis и др.). Отметим несколько слов, акцентуация которых устанавливается по косвенным данным: а.п. *a* (гр.1)- *вдовица, -и, -ѣ, -ю, -ь, -ѧми* (15×: 12, 24, 37, 113 и др.), *воницами* 345б; *годинѣ* 182, *животину* В.ед. 194б, *-ъ* Р.мн. 87б, *половина, -ы, -ѣ, -у* (8×: 105, 249б, 262б и др.), *скотина, -у, -ою* (11×: 92б, 108, 124 и др.); *простыни* И.ед. 45, Р.ед. 70б; *мо|литвы* И.мн. 199б, *-ами* 204б; *влдко* Зв.ед. (5×: 8, 64 и др.; = *владыко*); *ко|сатки* И.мн. 32; а.п. *a* (гр. 3) - *старѣишино* Зв.ед. 207б; *ластовици* "ласточки" И.мн. 32; *милостини* Р.ед. 19б.

ВТОРОСТЕПЕННОЕ СУБСТАНТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 42. Окончаний с *О* в этом склонении нет.

Таблица 8

Основы с *О*

Формы \ А.п.		*a* группа 1	*a* группа 2	*c*	
ед.	И.В.	болѣзнь	милость	(нωщь)	волость
	Р.	-	радости	нощи	кротости
	Д.	-	-	гости	крѣпости
	М.	користи	тихости	нощи	волости
	Т.	болѣзнью	милостью	(сωлью)	волостью
мн.	И.В.	користи	-	нощи	волости
	Р.	болѣзнии	-	-	господии
	М.	-	-	костехъ	-
	Т.	-	хитростьми(?)	-	-

Примеры а.п. *a* формально неоднозначны и отнесены к этой а.п. лишь по косвенным данным. Достоверных примеров а.п. *b* нет. Показания Мерила по а.п. *c* в целом согласуются с данными исторической акцентологии. Однако имеется несколько случаев незакономерного конечного ударения в И.В.ед.: *госпωдь* И.ед. 338б; *на помωщь* 265, *пакωсть* В.ед. 87б, *ѩрωсть* В.ед. 21б (при гораздо более частых *помощь*,

пакость, ꙗрость). Из этих случаев один, а именно *госпѡдь*, соответствует ударению всех более поздних памятников. Прочие носят характер индивидуального колебания.

Разбор материала

§ 43. Рассмотрим вначале слова (разной морфологической структуры), не содержащие суффикса *-Ост-ь*.

А.п. *с: волость* 15, 62б, 64, *-и* М.ед. 53_2б, В.мн. 331б, *-ью* 27б bis; *помощь* 76, 82б, 83б, 196 [*на помощь* 165б, 201б (*мо|*), однако *на помѡщь* 265], *-и* Р.ед. 162б; *похоть* 41 (также *добру похоть* 6, где *по* подтерто писцом), *-и* Р.ед. 19, 28б, 30, 252, В.мн. 45.

Формально а.п. *с* или *b*, по косвенным данным а.п. *с: гости* Д.ед. 338б; *кости* В.мн. 14б, 137б, *по костехъ* 333; *нѡщь* (4×), *нѡчь* 25б, *нощи* Р.ед. 38б, В.мн. 13, *в нощи* М.ед. 130, 192б, (также *полунощи* М.ед. 13); *соль* 2 кин. (упрощ.), *соли* Р.ед. 333, *сѡлью* 56 (*сѡлию* 58 bis); *плѡть* (4×), *плоти* Р.ед. 33, 173б, М.ед. 3 (также *плъти* Р.ед. 4, 5б), *плѡтью* (5×); относительно ѡ в слове "плоть" см. Противоп., §8.

Прочие слова, где по косвенным данным а.п. *с:* женский род - *немощь* 192, *-и* Р.ед. 331б, *-ью* 91б; *осень* 32б; мужской род - *корень* 9, 24, 168б, *-и* Р.ед. 224б, 244; *локоть* Р.мн. 341, *полоть* 332б, 339 (< **полъть*); по-видимому, к этому же склонению относилось и *голубь* 339б, *-и* И.мн. 32. Особо: ѡ^т^ *господии* (видимо Р.мн.) 182б, однако И.ед. *госпѡдь* 338б, см. § 42.

Словоформы *любѡвь* В.ед. 42б, 45, *с любѡвию* 20 (при более обычных *любовь* 5×, *любовью* 5×; об ѡ в этом слове см. Противоп., §8) обнаруживают ударение на конечном слоге основы; но каково было ударение в словоформах *любве, любви* (более старое на *лю-* или более новое на окончаниях), неизвестно.

По косвенным данным а.п. *а* (гр. 1): *користи* М.ед. 188, В.мн. 8; *кровать* 29; *по|гань* 66; *болѣзнь* 16, 33б, 49б, *-и* Р.ед. 38б, 43, *-ью* 219, *-ии* 9б; *боꙗзнь* 6, 11, 57, 66б, *-и* Р.ед. 43, *-ью* 13, 42б; также *злѡбь* 57. Менее ясны: *болѣсти* В.мн. 346б, *ометь* 34, *два стопени* 244б.

Суффикс *-Ост-ь*

§ 44. А.п. *с: кротость* 5, 27, 37б, *-и* Р.ед. 30, *-ью* 25б (*то|*), 67б, *-ию* 168 (также *съ блгокротостию* 53б).

Все прочие слова с акцентной точки зрения формально неоднозначны. Формально а.п. *с* или *а* (гр. 2): *гордость* 19, *-и* Р.ед. 84, М.ед. 51, *-ью* 52б, 63, *-ии* Р.мн. 145; *крѣпость* 31б (*по|*), 76, 196, *-и* Д.ед. 66б; *лютость* 5, 58; *мерзость* 10б, 56б, 124б, 345, *-и* Р.ед. 126, М.ед. 81б; *милость* 5, 6б, *-ью* 70б (также *немилость* 5); *мудрость* 9б, 109 (*мудро^с^* 27б), *-и* Р.ед. 11; *скудость* 6б, *-и* Д.ед. 32б, *-ью* 81б; *скупость* 5; *старость* 6, 177, *-и* Р.ед. 6, 259, 331б; *несытость* 5, 31; *твердость* 204б, 263б, *-и* Р.ед. 5б, 198б; *тихость* 27, 165 (*хо|*), 267, *-и* М.ед. 58; *трезвость* 5; *тѧгость* 30б, 133, *-ью* 28б; *оуность* 209б [Б], ѡ^т^ *оуно|сти* 10; *хитрость* 6, 83, *-и* Р.ед. 10, 136_2б, Д.ед. 110б, *-ью* 21б (*-ию* 251б), *-ьми* 344. Формально а.п. *b: въ про|стости* М.ед. 61. Формально возможно всё, кроме а.п. *а* (гр. 1): *лѣности* Р.ед. 138б, 261, 267, 269, М.ед. 118, *-ью* 193 (*-ию* 206б bis, 267); *радости* Р.ед. 6б, *-ью* 27б; *ревностию* 146б; *цѣлости* Р.ед. 6. Формально возможно всё, кроме а.п. *а* (гр. 2): *горесть* 68, *-и* М.ед. 23б.

У двух слов отмечены единичные отклонения в И.В.ед.: *пакость* 20, 28, 62, 262, 263б (*пако|сть* 64б, 261), но *пакѡсть* В.ед. 87б, *ꙗрость* 14б, 18б, но *ꙗрѡсть* В.ед. 21б. Косвенные формы - только с *о: пакости* Р.ед. (13×: 92, 133 bis и др.), Д.ед. 7б, Д.ед.(?) 195б, В.мн. 36б, 64б, *-ию* 259б, *ꙗрости* Р.ед. 18, 25б, 84, Д.ед. 25б, *-ью* 18 (*ꙗро|стию* 119б).

§ 45. В Чуд. у слов на *-Ость* представлено два акцентных типа: а.п. *а* (гр. 2), например, *ра́дость, въ ра́дости*, и а.п. *с*, например, *кро́тость, в кротостѝ, бе́з лѣности* (Дыбо 1968, с. 160). Вероятно, эти же два типа противопоставлялись и в Мериле (хотя формально показать это не удается, поскольку нет ни одного слова с однозначно установленной а.п. *а*, гр. 2)[44].

Как показал В.А. Дыбо (там же, с. 161), производные с суффиксом *-Ост-ь* первоначально подчинялись формуле "a^a, a^b, c^c", причем a^b было представлено акцентовкой типа **mǫdr-ȯstь, -ȯsti*. В Мериле, как и в Чуд., мы находим уже другое состояние, при котором модель **mǫdr-ȯstь, -ȯsti* устранена. Надежными примерами этой инновации являются в Мериле *лютость* и *мудрость*. Заметим, что ни Чуд., ни Мерило не дают однозначных сведений о том, куда перешли слова типа *мудрость* - в а.п. *а* (гр. 2) или в а.п. *с*.

Наиболее надежные примеры производных от а.п. *а: милость, радость, старость, тихость;* от а.п. *с: гордость, крѣпость, лѣность, въ про|стости, скупость, твердость, тѧгость, цѣлости;* по-видимому, сюда же *кротость* (ср. §63). Далее, к типу c^c следует отнести *пакость* (ср. Чуд. *паки ли́* 121а и, с другой стороны, *пакоста́ть* 134б) и, по-видимому, также *ꙗрость* (ср. Берында *ꙗростивъ, -ий* 313; чеш., словац. *jarý* 'бодрый', чеш. *jaro*, словац. *jar* 'весна' с краткостью; показания Чуд. не совсем ясны). Таким образом, единичные *пакѡсть* и *ꙗрѡсть* в Мериле не имеют отношения к модели **mǫdrȯstь;* они входят в один ряд с други-

[44] Написание *радостно* 27, 58, формально соответствующее энклиномену, едва ли можно считать свидетельством того, что слово *радость* перешло в Мериле из исконной а.п. *а* (ср. Чуд.) в а.п. *с*. Более вероятно, что перед нами упрощенное написание или что *радостно* акцентно уподобилось исконным энклиноменам типа **сладостно, *лѣностно;* с другой стороны, не исключено, что морфемная последовательность *-Ост-н-О*, подобно *-Ов-О* и *-ав-О*, не принимала второстепенного ударения (ср. Противоп., § 18).

ми случаями, когда конечноударная словоформа выступает как факультативный вариант энклиномена (см. § 92).

АДЪЕКТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 46. К адъективному склонению относится основная масса прилагательных и все причастия[45]. Наречия на *-О* (*-е*) и на *-ѣ* рассматриваются ниже вместе с соответствующими прилагательными; при этом мы никак не разграничиваем наречия на *-О* (*-е*) и просто словоформы И.в.ед. сред. рода.

В Мериле праславянской а.п. *c* в адъективном склонении соответствуют две разных акцентных кривых (различающихся только в нечленных формах); они обозначены ниже как c_1 и c_2.

§ 47. Окончания *-О*, *-Оѥ*, *-Ому* встречаются очень часто, см. разбор материала. Приводим сводку материала по более редким окончаниям.

Р.ед. *-ОгО:* а.п. *a* (гр. 1) - *телесногѡ, переѧславьскогѡ, желѣзного* (*го* - упрощ.), *новгорѡдскоґ, иѥрусалимскоґ*; *a* (гр. 2) - *тысѧчьскѡго* (2×); *b* - *сложеногѡ*; *c* - *вереднѡго, бѣлогородьскѡгѡ*.

Т.ед. *-Ою:* а.п. *a* (гр. 1) - *великою* (5×), *вербьною, закѡньною, мнѡгою, мужатою* (2×), *обычною, первою, подѡбною,*

Таблица 9

Окончания с *О**

Окончания \ А.п.		a: группа 1	a: группа 2	b	c: акц. кривая c_1	c: акц. кривая c_2
Нечленные формы	*-О*	полезно	праведнѡ	добрѡ	просто	данѡ
	-Омъ	довѡлномъ	призываѥмѡмъ	предложеномъ	твердомъ	вочтенѡмъ
	-Ома	судимома	-	-	живома	-
Членные формы	*-Оѥ*	полезноѥ	праведнѡѥ	доброѥ**	простѡѥ, данѡѥ	
	-Оѥму	великому	праведнѡму	лютому	живѡму, проданѡму	
	-ОгО	телесногѡ	тысѧчьскѡго***	сложеногѡ	вереднѡго***	
	-Ою	великою	скрѡвенѡю	изложеною	златѡю	
	-Оѣ	первоѣ	цр҃квнѡѣ	-	мужьскѡѣ	

* Причастия с *-ен-*, взятые здесь для иллюстрации в одних случаях а.п. *b*, в других - акцентной кривой c_2, фактически колеблются между *b* и c_2 (см. §88). Это обстоятельство следует учитывать также в § 47-48.

** Но *злѡѥ* при неслоговой основе.

*** Написание *-ѡго* (а также *-ѡгѡ*), по-видимому, отражает главное (в а.п. *c*) или второстепенное (в а.п. *a*, гр. 2) ударение на предпоследнем слоге; см. Противоп., § 14 и 18.

[45] Отдельное причастие рассматривается в данном разделе как самостоятельная лексема, с собственной а.п. (которая может не совпадать с а.п. личных форм соответствующего глагола).

Таблица 10

Основы с *О*

Формы \ А.п.	a: группа 1	a: группа 2	b	c	
Примеры нечленных форм	(мнѡгъ)	готѡвъ	скрѡвенъ	(дѡбръ)	(прѡстъ) солонъ*
	сбѡренъ	подѡбенъ	-	обещь	кротокъ свободенъ
	мнѡго	готѡво	оузакѡненѡ	добрѡ	просто свободно
	мнѡга	подѡбна	оузакѡнена	добра	проста свободна
	мнѡзи	сдорѡви	оузакѡнени	-	прости свободни
Примеры членных форм	мнѡгоѥ	подѡбноѥ	оумнѡженѡѥ	дѡброѥ	простѡѥ дорогѡѥ
	прѡчии	оубѡзии	-	дѡбрии	простии свободнии
	прѡчихъ	порѡчныхъ	скрѡвеныхъ	дѡбрыхъ	простыхъ свободныхъ

* Словоформа *солонъ* отражает акц. кривую c_1; примером для c_2 может служить *такѡвъ* (§ 62). В прочих формах по написанию основы различить c_1 и c_2 нельзя.

равною, санѡвною, сбѡрною, смр҃тною (3×), *с убѡгою* и ряд других (всего 32 раза); *a* (гр. 2) - *бж҃ствѡнѡю, бе҃|ственѡю*; *b* - *изложеною* (2×), *реч҃ною*; *c* - *властельскѡю* (см. § 61), *вощанѡю, гс҃ьскѡю* (= *госпОдьскѡю*), *златѡю, ст҃ѡю* (= *свѧтѡю*), *таковѡю* (3×), *какѡю* (2×). Колебание: *новѡю* и *нѡвою*. Р.дв. *-Ою:* а.п. *a* (гр. 2) - *скрѡвенѡю*; *b* - *спраженою*.

Р.ед. *-Оѣ:* а.п. *a* (гр. 1) - *бортноѣ* (*бортьноѣ*), *котороѣ* (*то* - упрощ.), *невѡлноѣ, первоѣ, ролеиноѣ*; *a* (гр. 2) *цр҃квнѡѣ*; *c* - *мужьскѡѣ*.

Д.дв. *-Ома:* а.п. *a* (гр. 1) - *судимома* (3×); *c* - *живома*.

В некоторых случаях в первом слоге окончания вместо ожидаемого *ѡ* находим *о*. Таковы прежде всего: *тысѧчьскогѡ, оукраденогѡ, невидимою* (а.п. а, гр. 2). Прочие примеры этого рода менее надежны, поскольку их акцентуация не вполне ясна: *гѡркогѡ* (см. § 63); *свобо|дною* (§ 56), *ѩро|стною* (§ 57), *крѣпкою* (§ 63), *судиною* (§ 65), *поданою* (§ 89); *бѣсовьскоѣ* (§ 61). Следует учитывать, что для ряда двусложных окончаний, в том числе *-ОгО, -Ою, -Оѣ*, в говоре Мерила в принципе возможны (в подударном положении) две акцентовки: *-ѡ́го, -ѡ́ю, -ѡ́ѣ* и т.д. в адъективном склонении и *-огѡ́, -ою́, -оѣ́* и т.д. в местоименном склонении (см. § 67). У некоторых слов (так наз. "смешанная" группа местоименного склонения, § 71-72) встречаются обе акцентовки. По-видимому, подобное смешение могло в какой-то мере затрагивать и слова адъективного склонения.

Такое предположение позволяет объяснить тот факт, что примеров с *о* вместо *ѡ* (приведенных выше) заметно больше, чем следовало бы ожидать, если бы речь шла лишь об упрощенных написаниях. Что касается пар типа *тысѧчьскѡго* – *тисѧчьскогѡ*, то здесь мы скорее всего имеем дело с колебанием в месте второстепенного ударения (см. Противоп., § 18).

§ 48. Особый интерес представляет окончание Д.мн. *-Омъ*. В отличие от существительных (§ 16), у прилагательных это окончание обнаруживает правильные рефлексы прежнего *о* (т.е. *ѡ* или *о* сообразно с ударением, §2). Таким образом, *-Омъ* у существительных и *-Омъ* у прилагательных имеют в говоре Мерила (в позициях различения /ɔ/ и /ô/) разный фонемный состав; очевидно, у прилагательных /ô/ здесь сохранилось в силу парадигматической поддержки со стороны окончаний *-Оѥ*, *-ОгО*, *-Ому*, *-Ою* и т.д.

З а м е ч а н и е. Внешнему различию здесь сопутствует и некоторое различие в грамматическом значении: форма Д.мн. на *-Омъ* у прилагательных (используемая в Мериле только в предикативной функции – при глаголе-связке *бити* и в составе оборота dativus absolutus) обслуживает все три рода, а не только мужской и средний. Той же особенностью обладает и Д.дв. на *-Ома*. Постепенная утрата родовых различий в нечленных формах Д.мн. и Д.дв., выступающих в предикативной функции, прослеживается начиная со старославянских памятников. Не имея возможности разбирать здесь этот вопрос подробно, ограничимся немногими примерами. Супрасльская рукопись: *ꙗкоже плѣномъ бити вьсѣмъ стъгнам'* 68, строка 6. Успенский сборник: *вьсѣмъ странамъ пограблѥномъ* 65а, *текущема же женама* 244в (и еще ряд примеров). Лаврентьевский список "Повести временных лет": *волнамъ вельмъ въставшемъ* с. 14, строка 27. Чуд.: *двѣмà вещмà непрелбжнома* 144г. Мерило: *даѥмѡм же недвижимѡмъ вещемъ* 266, *службамъ свершаѥмомъ* 161, *женамъ ихъ оумирающимъ оуномъ* 237б (зона В), *ѡ^т плѣна рабынамъ сущемъ* 304 (зона В) и другие примеры. Ср. также оборот *двьремъ затвореномъ*, встречающийся в самых разных памятниках, начиная со старославянских.

Приводим сводку материала. А.п. *а* (гр. 1) – *довѡлномъ*, *по^д^бномъ*, *самовластномъ*, *повелѣномъ* (2×); *а* (гр. 2) – *призываѥмѡмъ*, *причитаѥмѡмъ*, *недвижимѡмъ*, *ненави^д^мѡмъ*, *неоправданѡмъ*, *окраденѡмъ*, *пѡсланѡмъ*; *b* – *предложеномъ*, *неоуцѣненомъ*, *схранено|мъ* (возможно, сюда же *обдержимомъ*, *повлачимомъ*, *хранимомъ* 2×, см. § 88); акц. кривая c_1 – *твердомъ* (возможно, также *крѣпкомъ*); акц. кривая c_2 – *даѥмѡм же*, *ѡ^т^даѥмѡмъ*, *вочтенѡмъ*. Упрощ.: *мучимомъ|* 67б, *неподвижимомъ* 98 (относительно *незваномъ же* 95 см. § 89).

Насколько можно судить по имеющемуся ограниченному материалу, в а.п. *b* форма Д.мн. на *-Омъ* акцентно примкнула (вопреки своему происхождению) к членным формам; ср. Чуд. *рожéно|ма* Д.дв. 103г (с ударением членных форм).

С другой стороны, в акц. кривой c_1 *твердомъ* (если это не упрощенное написание), по-видимому, является энклиноменом. Отметим в этой связи, что в Апостоле 1564 Д.мн. на *-омъ* у прилагательных а.п. *с* представлен так: *крóткомъ* 110, 205б (ср. *кротк-áго* 65б, *-úмъ* Д.мн. 65), *нáгомъ* 36, *нéмощномъ* 96 (ср., в частности, *немощнымъ* Д.мн. 122), *плóтаномъ* 115.

§ 49. Акцентные кривые. В а.п. *а* ударение неподвижно, за исключением подгруппы 1*, существование которой в говоре Мерила устанавливается, впрочем, не вполне надежно (см. § 56 о паре *равно* – *ровенъ*). В а.п. *b* выявляется хорошо известное противоположение флексионного ударения в нечленных формах наосновному ударению в членных формах (к последним примыкает также Д.мн. на *-Омъ*, см. выше).

Особый интерес представляют акцентные кривые (c_1 и c_2) слов, относившихся в праславянском к а.п. *с*. В соответствии с §6, мы объединяем эти кривые просто под именем "а.п. *с*". В членных формах как c_1, так и c_2 дают флексионное ударение. В нечленных формах c_1 соответствует тому, что теоретически ожидается для а.п. *с*: энклиномены в муж.ед. и сред.ед., например, *солонъ*, *просто* (для прочих форм показания Мерила неоднозначны). Кривая c_2 дает конечное ударение в сред.ед., например, *данѡ*; можно предполагать, что такое же ударение здесь имели и прочие нечленные формы (ср. в Чуд. *данò*, *данà*, *даноỳ*, *данѝ* и т.п.).

Кривые c_1 и c_2 в принципе распределены морфологически: c_2 выступает у причастий с суффиксами *-н-*, *-ен-*, *-ем-*, c_1 – в прочих случаях. Имеется, однако, несколько случаев, когда c_2 проникает (хотя бы в качестве варианта) за пределы указанной сферы, а именно: *цѣлѡ ѥмоу да сблюдеть^с^* 97 (при *цѣло* 3×); *несвободнѡ ѥ^с^* 31 (при *свободно* 2×); *такѡвъ* 223 (при *таково* 8×); по-видимому, также *властельскѡ ꙗвиса* 57 (§ 61); менее надежно *нелѣпотнѡ* 222б (§ 57). Недостаток материала не позволяет выяснить, нет ли здесь каких-то контекстных условий, способствующих таким колебаниям.

Не исключено, что в Мериле в рамках а.п. *с* была возможна еще одна акцентная кривая (c_3): то же, что c_1 в нечленных формах, но наосновное ударение в членных. Дело в том, что такая кривая есть в Чуд., где она возникла, по-видимому, в силу относительно позднего перехода некоторых прилагательных а.п. *с* от флексионного ударения членных форм к наосновному. Так, кривая c_3 представлена в Чуд. у слова "ветхий", в качестве варианта к c_1 – также у слов "новый", "вечный", "мирный", "немощный", "свободный" (см. § 53 и 60). Исторически "незаконное" наосновное ударение в членных формах встречается у некоторых слов ("ветхий", "новый", "нощный", "родной", "сановный" и др.) и в Мериле, но ни для одного из них не удается выяснить акцентуацию нечленных форм. Таким образом, мы не можем быть уверены в том, что указанные слова образовали в Мериле именно акц. кривую c_3, а не просто перешли, например, в а.п. *а* или *b*.

Разбор материала[46]

Непроизводные и опростившиеся слова

§ 50. А.п. *а* (гр. 1): *мало, не-* (14×: 9б, 31, 44, 199 и др.), *малоѥ* 45, 138, 243; *мнѡго, не-* (22×: 7, 12, 29, 90б и др.)[47], *мнѡг-оѥ* 49, *-ому* 10, *-ою* 20б, *мнѡгъ* И.ед., Р.мн. (4×), прочие словоформы с основой *мнѡг-, мнѡз-, немнѡг-* (например, *мнѡга, -аѩ; -ихъ, мнѡзи*) - еще 83×; *право, не-* (17×: 6, 10б, 11, 19, 19б и др.), *правоѥ* 44, 45, *не-* 23; *го|тѡвъ* 34, *готѡво* 331б, *-ымъ* 185б; *сдорѡви* 6, ср. *сдраво|му* 50б; *худѡ-зи* "искусны" 167б, *-ги* 17б. Упрощ.: *готово* 150б, *здоровому* 6.

Особый случай составляет аномальное написание *мнѡгѡ* 226б. Это едва ли описка, поскольку данная словоформа неоднократно встречается с двумя знаками для /ô/ (например, в виде *мнôгô*) в рукописях XVI в., различающих /ɔ/ и /ô/. Возможно, ударение этой словоформы было не вполне устойчиво; ср. [mnaγó], отмеченное в современных говорах[48].

На а.п. *а* (гр. 1) указывают словоформы *хитро* 33б, 67б, *-оѥ* 32 (хотя в памятниках XVI-XVII вв. это слово обычно относится к а.п. *b*). Возможно, Мерило отражает здесь архаичное состояние, ср. праславянскую а.п. *а* у глагола "хитить".

Далее, имеется группа слов, у которых нечленные формы неупотребительны (и тем самым здесь неразличимы а.п. *а* и *b*): *перв-оѥ* (24×: 25б, 27б, 41б, 60 и др.), *-ому* (8×: 10б, 149б, 197б и др.), *-ою* 207б; *втѡроѥ* (13×: 27б, 58, 82, 89 и др.), *втѡр-ыи, -агѡ, -ѣмь, -аѩ, -ыѩ, -ѣи* (16×: 17б, 89б, 131, 150б, 173 и др.); *десѧтоѥ* 331б; *котѡр-оѥ* 4, 8, *-ому* 202, *котѡр-ыи, -агѡ, -аѩ, -ыѩ, -ыѣ* (24×: 1б, 31б, 139, 244б, 252 и др.), также *никотѡр-ыи же* 136, *-ымь же* 98б, *ни по котѡрѣи же* 78б; *прѡч-еѥ, -егѡ, -емь, -аѩ, -ею, -ии, -имъ, -ихъ* (53×: 24б, 78, 103, 146б, 177, 268 и др.). Упрощ.: *второѥ* 173, *котори|ѩ* 132б. Написание *проче* "кроме" 227 - либо упрощенное, либо указывает на первоначальную а.п. *b* слова "прочий".

Написание *втѡрѡѥ* 173, вероятно, отражает начатки того акцентного колебания, которое в конечном счете привело к нынешнему ударению *второ́й*. Интересно написание *в котурѡмь* 136, с *урѡ* вместо *ѡрѡ* (см. Противоп., § 29).

Формально а.п. *а* (гр. 1) или *b*, по косвенным данным а.п. *а: слабо|ѥ* 58; *стар-оѥ* 198, *-ому* 4б.

Формально а.п. *а* (гр. 1) или *с*, по косвенным данным а.п. *а: долго* 20б, 29, 100; *исто* "начальная сумма, капитал" 338 (субстантивир. прилаг.); *полно* 5б; *чсто* (= *чисто*), *не-* (13×: 4б, 6, 47б, 136б и др.). По-видимому, сюда же *ѥтеро* 37б, 129, 130.

А.п. *а* (гр. 2): *скаредѡ* 114б (ср. в Чуд. *ска́ред-ый* Р.ед. 87б, *-ый* М.ед. 87а). По-видимому, сюда же *нѣкотѡрыми* 212б [Б] (однако *по нѣкоторѡи* 240б написано с *то*); ср. также § 70, конец.

§ 51. А.п. *b: добрѡ, не-* (прилаг. и существ.; 19×: 2, 15б, 16, 44 и др.)[49], *дѡброѥ* 25, 38, прочие словоформы - *дѡбръ, не-* (3×), *добра* И.ед., Р.ед., И.мн., *добру* Д.ед., В.ед. (11×: 6, 16, 23б, 28, 30б и др.) *добрѣ, не-* нареч. (22×: 5б, 7б, 16, 17б и др.), *дѡбр-ыи, -ымь, -ии, -аѩ, -ыѩ, -ыѣ, -ымъ, -ыми, -ихъ* (13×: 10, 11, 20, 31б, 35б, 45 и др.); *злѡ* (прилаг. и существ.; 27×: 7, 11б, 16б, 28 и др.)[49], *злѡѥ* 141б, 141 [Б]; *ѡстрѡ* 31, *ѡстр-ыи* 50, *-аѩ* В.мн. 17б, *ѡстръ* 29; *теплѡ* 348б. Упрощ.: *добро* 66б, *недобрымь* 151. В Чуд. "добрый", "злой", "острый" относятся к а.п. *b*; отметим также *ни тéплъ же* 150в bis.

У нескольких слов ударение, по-видимому, было не вполне устойчиво (ср. положение у существительных, § 28). Написания с *ѡ: лютѡ* 29, *мудрѡ* 25, сюда же наречие *зѣлѡ* (10×: 13, 25б, 39б и др.). Написания с *о: люто* 28б, 30б, 67б (также *люто|* 30б), *мдро* 33б, *зѣло* 12б, 51б, 67, 226. В Чуд. в этих случаях представлено флексионное ударение (но один раз *зѣло* 95а). В членных формах в Мериле находим закономерное ударение на корне: *лютому* 26б, *премудро|ѥ* 8.

У слова "общий" (в Чуд. а.п. *b*) в Мериле показательна только словоформа И.ед. *обещь* 274б; прочие словоформы - *ѡбще, -а, -ю, -и, -ии, -аѩ, -агѡ* и т.д. (21×) - содержат несвободное *ѡ*. По-видимому, в *обещь* ударение было на беглой гласной, и все слово относилось в Мериле либо к а.п. *b*, либо к а.п. *а* (подгруппа 1*).

§ 52. А.п. *с*[50]: *блго* (прилаг. и существ.) 20б, 51, 95, 119, 166б, 177б, *блгѡѥ* 2б; *дорогѡѥ* 331б, *драгѡѥ* 9; *живо* 53_2б, *живѡму* 258, *живома* 180; *золота* И.ед.жен. 29, *златѡю* 198; *лихѡѥ* 64; *молода* И.ед. 40, *-ыѣ* И.мн. 33б; *просто* (10×: 36, 107, 244 и др.), *не-* 57, 62, 131б, 254, *простѡѥ* 72б bis, 88, 175, 348, прочие словоформы - *прѡстъ* (4×), *проста* В.ед. 60б, *с проста* нареч. 42б, 45, 64б, *прости* 26б, *прост-ыи, -аго, -ии, -ыѩ, -ымъ, -ихъ* (18×: 27, 108, 127 и др.); *свѣтлѡѥ* 53; *сто* 9б (= *свѧто*), *стѡѥ* 42б, 149б, 203, *стѡю* 13; *скоро* (15×: 19, 24, 42 и др.), *не-* 244, *скѡръ* (1×), *скора* И.ед. 26б, *въ скорѣ* (13×: 20б, 71, 80б и др.); *солонъ* 5б; *сухѡѥ* 58; *твердо* (9×: 19б, 85б, 240б и др.), *не-* (8×: 73, 113, 240б и др.), *твердѡѥ* 62, *твердомъ* Д.мн. 257; *цѣло* 8, 199, *всецѣло* 200б, *не все же*

[46] Здесь разбираются только собственно прилагательные; материал по причастиям помещен в глагольный раздел (§ 74-91).

[47] Кроме того, 9 раз в качестве первой части сложного слова, например, *мнѡгонѡжица* 34.

[48] См.: *Брок О.* Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916, с. 31 и 126.

[49] Также *добрѡразумивыи* 50, *добрѡзернобережь* 50, *на злѡтворениѥ* 81б bis; однако гораздо чаще при словосложении выступает *добро-, зло-*, ср. §8, замеч.

[50] Здесь и далее в § 52-72 а.п. *с* (без уточнений) означает акц. кривую c_1 (или случай, когда различие между c_1 и c_2 не видно).

цѣло 240б (относительно *цѣлѡ* 97 см. § 49), *цѣлѡѥ* 89б[51]. В Чуд. из этих слов определенно с а.п. *с* засвидетельствованы "благой", "драгой", "златой", "лихой", "светлый", "сухой", "твердый", "целый".

К а.п. *с* относилось также неизменяемое *свободь* 129б bis [Б]. Ср. в Чуд. *ни́ свободь* 123б, *сво́|бодь* 127б.

Формально а.п. *с* или *а*, по косвенным данным а.п. *с*: *борзо* 159б, *ни на десно* 11, *криво* 230, *ни на лѣво* 11, *лѣпо* (9×: 24б, 111б и др.), *нелѣпо* 30, 63б, *любо* (88×: 30б, 75б, 94 и др., в т.ч. очень часто в составе сочетаний типа *что любо, кто любо*), *прѧмо* 19б, 27б, *пусто* 4, 133, *туго* 345, 345б, *худо* 63б, *часто* 4б, 132, 257, *ꙗво* 49, 50, 54, 61, 73. В Чуд. определенно с а.п. *с* засвидетельствованы "десной", "левый", "лепый", "пустой", "худой". Отметим, что слово *любо* обнаруживает в Мериле ту же акцентуацию, что современное *любо́й*, и не соответствует акцентовке (в Чуд. и других памятниках) слов "любить", "любовь".

§ 53. У нескольких прилагательных в членных формах обнаруживается (иногда или всегда) наосновное ударение вместо ожидаемого флексионного.

Слово "новый". Нечленные формы малопоказательны: *из нова* нареч. 103 (ср. *новороженыхъ* 248), *нѡвъ* 97б [Б]. Членные формы: с наосновным ударением – *нѡв-ыи* 270б, *-омоу* 206б, *-ыѧ* Р.ед. 142б, *-ую* 201б, *-ою* 205, *-ыхъ* 131, 131б, 134, *-ыми* 205; с флексионным ударением – *новѡѥ* 200, *новѡю* 198б (бесспорные случаи), далее *нов-аѧ* И.ед., *-агѡ*, *-ѣи*, *-ыѣ* (*-ыѧ*) Р.ед. и И.мн., *-ыхъ* (26×: 69б, 75б, 131, 131б, 150б и др.; какую-то часть из этих 26 случаев, разумеется, небольшую, могут составлять упрощенные написания)[52]. Наиболее наглядной иллюстрацией колебания могут служить *нѡвою* и *новѡю*. Аналогичное колебание обнаруживается и в Чуд.: при обычных *но́вый* 39б, *но́воѥ* 17а, *но̀воѥ* 29а, *но̂воѥ* 17в, *но́ваѩ* В.мн. 8г встретилось и *нов̂моу* 117б. При этом нечленные формы идут по а.п. *с* (*но́во, но́вы* В.мн., *нова̀* И.ед.жен., И.мн. сред., *но́воу* В.ед., при одном отклонении: *нову̂* В.ед. 49а), т.е. в Чуд. представлено колебание между акц. кривыми c_3 (см. § 49) и c_1. В рукописях, изученных Л.Л. Васильевым, уже только c_3: *но̂выи, но̂воѥ* при *но́въ, но́вꙋ* (Васильев, с. 45). Таким образом, наиболее вероятен исторический переход от флексионного ударения членных форм к наосновному (а не наоборот). Мерило отражает одну из начальных стадий этого перехода, Чуд. – более продвинутую, рукописи Васильева (равно как современный язык) – конечную.

Заметим, что для слова "скорый" ни в Мериле, ни в Чуд. не встретилось членных форм. Между тем в рукописях Васильева представлено c_3: *скѡ́ро* (с /ɔ/), но *ско̂рое* (Васильев, с. 45). Не исключено, таким образом, что это слово уже и в XIV в. акцентуировалось как "новый".

[51] О словоформах *инѡѥ* и т.д., *самѡѥ, какѡю* см. § 71–72.

[52] Имеется также одно заведомо упрощенное написание: *новому* 95б.

Слово "ветхий": *ветх-оѥ* 198, *-ому* 202, 204б, 205б свидетельствует о наосновном ударении членных форм. Это согласуется с Чуд.: *ве́тх-ый* 110а, *-оѥ* 29а, *-аго* 117в, 131б, *ве́тсѣй* 29а (двусмысленно *ве́тсѣмь* 127в). Однако нечленные формы идут в Чуд. в основном по а.п. *с* (ср. в особенности *не́ в ветсѣ писме́ни* 102в), т.е. это слово имеет акц. кривую c_3. На а.п. *с* указывает также ударение *ветхи́и, ветха́го* и т.д., широко представленное в рукописях и изданиях XVI в. Таким образом, для слова "ветхий" можно предполагать такой же сдвиг ударения в членных формах, как в "новый".

Для слова "другой"[53] акцентуационно значимый материал Мерила таков: *другоѥ* 81б, 110б, 169, 205, 245, 271, *другому* 16б, 107, *другѡму* 17б, 184б, 226б, 249, 251, 271б bis (менее показательно *другѡи* Р.ед. 224). Невозможно предполагать, что все написания с *-оѥ*, *-ому* – упрощенные. По-видимому, ударение этого слова в Мериле колебалось (в Чуд. флексионное ударение, но один раз *дро́уго|-мꙋ* 51в). Отклонение от исконного ударения (представленного, например, в современном русском *друго́й*), направлено в Мериле в сторону акцентовки, характерной для юга восточнославянской области; ср. у Берынды *дрꙋгїй* 27, *на дрꙋг-омъ* 88, *-ом* 58 (однако *дрꙋго́мꙋ* 58), соврем. укр. *дру́гий*. Следует отметить акцентное различие между И.ед. *другоѥ* и Д.ед. преимущественно *другѡму* (может быть, это можно сравнить с Чуд. *са́моѥ* 3× при отсутствии **само́ѥ*).

Бессуффиксальные производные

§ 54. А.п. *а* (гр. 1): *охвѡчь* И.ед. "охоч" 31; *оубѡгъ* 25, 31, 191, 249, *-ому* 34б, 252, *с убѡгою* 172б, прочие словоформы – *оубѡга* Р.В.ед., И.ед., *-у* Д.ед., В.ед., *-агѡ*, *-имъ*, *-ихъ*, *оубѡзи*, *оубѡзии* (28×: 10б, 12, 52, 82б, 87 и др.); *четвероншгими* 106б, *д҃.нѡгихъ* 124б. Сюда же неизменяемые прилагательные и наречия: *осѡбь* 90, 159, 178 bis, 259б, *оусѡбь* "между собой" 190б bis, *оудѡбь* 83, 253б, *неоудѡбь* 144б, 166б, 167б (*неоудѡбь носима* 57). По косвенным данным такую же акцентуацию имели *извѣсто* 71б, 82, 125, 179, *соугоубо* 121 (*сугубо|* 23), *лютосердому* 4б. Упрощ.: *особь* 178б.

Особую группу составляют притяжательные прилагательные типа *кнѧжь*. А.п. *а* (гр. 1): *авиршнь* 46б; отметим также *ꙗрославль* 69б, 332 кин., *митрополича* Р.ед. 87. А.п. *а* (гр. 2): *инѡчимлѧ* Р.ед. 342, *солѡмонѧ* Р.ед.жен. 8б; отметим также *володімер* "Владимиров" 69б (*волдимѣр* 338 кин.), *дьꙗволе* 58, – И.ед. 19, Р.ед. 58, *ишковлѧ* Р.ед. 12.

[53] Судя по регулярному написанию *другагѡ* (8×: 41, 106 и др.), писцы Мерила не объединяли это слово с местоименными прилагательными (у которых они всегда пишут *-Огѡ*, *-егѡ*).

Сравнительные степени

§ 55. Ударение на корне: *мнѡжаѥ* 87б, 113, *мнѡжаиш-е* 239, 263, *-и* 263, *-аѧ* 133б, *премнѡжаишю* 44; *оубѡжаиш-ии* 132б, *-и* 272, *-ему* 120; *подѡбнѣиши* И.ед. 9б, *оудѡбнѣѥ* 244б, *неоудѡбнѣѥ* 244. Упрощ.: *оудобнѣѥ* 244; вероятно, также *множаиша* 115б.

Ударение на суффиксе: *горѣѥ* 22, 346б, *добрѣишии* 161б, *немощнѣишаѧ* 34б, *простѣѥ* 244, *простѣишихъ* 344 (написания *ѡстрѣѥ* 53_2б и *острѣишю* В.ед. 166 непоказательны).

Словоформы *боле* (23×: 2б, 23, 29, 36б и др.) *наи|боле* 34б, судя по Чуд. *болѐ* (регулярно), были конечноударны; однако один раз *бѡле* 149б. Отметим также *да не горе что будеть* "чтобы не было чего-либо худшего" 112, ср. *горе* "несчастье" (16×). Словоформы с *-ш-* (*бѡлше, -ю, -ии, -еѥ, -агѡ* и т.д., *гѡрше, -а, -и, гѡрьшаѧ*) акцентно непоказательны; отметим *пребѡлшемь* Т.ед. 154.

Корневое ударение представлено в *бѡлии* И.ед. 75б, 188, *пребѡлии* И.ед. 3б (в отличие от Чуд. *болѝй* В.ед. 51б). В этих случаях, как и в единичном *бѡле*, обнаруживается ударение, которое позднее становится господствующим.

Суффикс *-н-*

§ 56. Рассмотрим вначале случай, когда исходное слово непроизводно.

А.п. *а* (гр. 1): *вѣрно* 136_2б, *-оѥ* 166, *невѣрно* 186; *вѡлно* 27, *-оѥ* 111, 111б, *невѡлн-о|ѥ* 111, *-ою* 70б, *-оѣ* 27б; *мрамѡренъ*[54] 269; *нужно* 44б (*о|*), 82б, 103, *-о||ю* 253б; *равно* (22×: 45, 98, 115б и др.), *-оѥ* 167, 170б, *-ою* 178б, *неравно* 44б, также *ровенъ ѥсть всѣмъ чл҃вѣкмъ* 27б; *см҃ртно* 30б, *-оѥ* 63, *-ою* 253 ter; *несмыслно* 198б, *-оѥ* 54; *хулно* 230б, *-оѥ* 25. Ввиду опрощения слова "польза" сюда же присоединим *полезно* 22б, 167, 197, *-оѥ* 62, 147.

Ударение в словоформах с беглой гласной известно только в двух случаях: в *мрамѡренъ* оно на *-мѡ-*; в *ровенъ*, напротив, автономное ударение может быть только на беглой гласной. Таким образом, если варианты с основами *равн-* и *рОвн-* акцентуировались одинаково (что́ не бесспорно), то данное слово относится к подгруппе 1* (§ 11, примеч.).

Формально а.п. *а* (гр. 1) или *b*, по косвенным данным а.п. *а: желѣзн-о|ѥ* 340б, *-ого* 340; *книжному* 6б; *славному* 42б; *соубѡтныи* 118б.

То же, но фактическая акцентуация менее ясна: *бѣдному* 37; *бортноѣ* 342б (*бортьноѣ* 342б); *вербьною* 33; *кѡньноѥ* 256; *кр^{с}тьноѥ* 230б; *мутноѥ* 51б; *нѡщьному* 133б, *нощноѥ* 340б (*нощ* - упрощ.); *обелноѥ* 342б; *рѡдноѥ* 243б; *ролеиноѣ* 342б; *столпьноѥ* 6б; *суднoѥ* "судебное" 37, 37б; сюда же *нб^{с}ноѥ* 7б, 66б (= *неоеснoѥ*) и *телесн-оѥ* 56, *-огѡ* 345б. Ненадежно написание *таино|ѥ* 110.

[54] Ср. у Берынды (123) *мрамо́ръ: ма́рморъ. мрамо́рный: ма́рморовый*. Но в Чуд. *мра́|морна* Р.ед. 156в.

Формально а.п. *а* (гр. 1) или *с*, по косвенным данным а.п. *а: ключно* 180б; *прм҃дрьно* 200 (= *премудрьно*); *печално* 51б; *противно* 46, 89б, 118, 227б; *пресилно* 56; *скербьно* 37б; *трудно* 147. Отметим также *обещну* Д.ед. 274б, *-ѣ* нареч. 39.

То же, но фактическая акцентуация менее ясна: *купно* (10×: 29б, 35, 107, 167 и др.); *лестно* 118б, 258, *не-* 183; *скудно* 167б, 182, *не-* 184; *стропотно* 4б, 9; *тѣсно* 39б. Ненадежны написания *праздно|* 85, *нещадно|* 111б.

Формально а.п. *а* (гр. 2) или *с*, по косвенным данным а.п. *а: ѡгнен-ѡѥ* 68, *-ѡму* 60б; *мѣсѧчнѡѥ* 179; *цр҃ко|вн-ѡѥ* 78, *-ѡму* 94, 198б, *цр҃квьн-ѡѥ* 86б, 213 [Б], *-ѡмоу* 128, *цр҃квн-ѡѥ* (12×: 77, 84, 86 bis, 331б и др.), *-ѡму* (6×: 127б bis, 128б и др.), *-ѡѣ* Р.ед. 134. У слова "церковный" встретился, правда, и более новый акцентный вариант с ударением на *-кОв-* (и с заменой фонемы /ɔ/ на /ô/ по аналогии со словами, содержащими суффикс *-Ов-*): *цр҃кѡвнаѧ власть* 97. Соответственно, написания *цр҃квно|моу* 114б, *цр҃квн-оѥ* 153, *-ому* 199б - либо упрощенные, либо отражают этот побочный акцентный вариант. По косвенным данным к а.п. *а* (гр. 2) нужно отнести также *клиросныи* 103.

А.п. *b: краснѡ* 200; *разнѡ* 46, 151.

А.п. *с: блудно|* 114, *блуднѡѥ* 228б; *бѡлнѡму* 50б; *брачнѡѥ* 199б, 239б, 248б, 250, *-ѡму* 199, 203б, 204; *вередннѡго* 35б; *вѣчнѡѥ* 144; *городныѣ* Р.ед. 68; *должно* 192б, 201, *должьнѡму* 183, 199б; *земнѡѥ* 62; *мирно* 27, 116б, *мирнѡѥ* 166; *мѡщно* 143б, 211 [Б], *да не мѡщно будеть звѣремъ входити* 213 [Б], *мощно* (10×: 90, 92б и др.), *немощно* 49б, 59, *немочно* 67, *немощн-а* В.ед. 10б, *-ии* 5б, *-ымъ* (5×: 52б, 76 и др.)[55]; *присно* (10×: 2б, 9, 19 и др.), *приснѡѥ* 177; *ручнѡѥ* 211б [Б]; *свободно* 68 (*бо|*), 183б (особо *несвободнѡ ѥ^{с}* 31, см. § 49), *свободвнъ* (7×: 25б, 139, 155 и др.), *свободн-а* И.ед. 225б (*свободь|на* 230), В.ед. 337, В.дв. 335, *-у* Д.ед. 73б (*бо|*) В.ед. 122, 172б (*бо|*), *-и* (6×: 139, 144б и др., также *несвободни* 33б), *-ы* 91б (*и тѣ несвободны* 24б), *свободн-ѡму* 182б, также *-агѡ, -ыѧ, -ую, -ѣмь, -ии, -ыхъ, -ымъ, -ыми* (18×: 25, 80б, 193б и др.); *страшно* 21, 51б, 55, 114б, *страшнѡму* 214 [Б]; *ч^{с}тно* "честно" 28б, 143, *ч^{с}тнѡѥ* 66б, 196б, 197б, *ч^{с}тнѡму* 132б, 133 bis, 148б, 263. Упрощ.: *свобо|дною* 228 (неясно, впрочем, вместо **свободнѡю* или **свобѡдною*).

Формально а.п. *с* или *а* (гр. 1), по косвенным данным а.п. *с: гнусно* 44; *дивно* 59; *ладно* 110. Вероятно, сюда же *темно* 10б, *невредно* 203 (ср. *вередннѡго* выше).

§ 57. Далее приводятся производные от слов, содержащих суффикс (а также производные, имеющие вставной морф *-Ов-* перед суффиксом *-н-*)[56].

[55] Заведомыми энклиноменами здесь являются *немощно, немочно;* отсюда можно заключить, что таково же и *мѡщно* (*мощно*).

[56] Здесь и в § 58 слова внутри группы приводятся в инверсионном алфавитном порядке частей, стоящих перед суффиксом *-н-* (*-ьн-, -ен-*).

А.п. *а* (гр. 1)[57]: *молебному* 132, *татебно* 335, *-ому* 273, *лѣчебноѥ* 334; *рабѡтн-оѥ* 184б, *-ымъ* 25, *рабѡтенъ* И.ед. 23, 191б; *живѡтнаꙗ* И.ед. 36б; *саншвною* 27б; *грѣхѡвн-ыи* 7, *-аꙗ* И.ед. 157, *-ѣи* 137, *-ыꙗ* В.мн. 71, *-ыхъ* 80; *дх҃вноѥ* 5б, (по-видимому, = *духѡвноѥ*); *дш҃евноѥ* 49б (= *душевноѥ*). Вероятно, сюда же *говѣино* 164б, *-ыхъ* 161б, *приꙗтно* 172. Написание ѡ^Т^ *живо|тенъ* 346 - скорее упрощенное, чем отражающее ударение на *-тенъ* (т.е. подгруппу 1*).

А.п. *а*, гр. 2 (по прямым показаниям Мерила или по косвенным данным): *ѥственѡ*[58] "естественное" 239, *-ѡѥ* 44б, 206б, *-ѡму* 206; *бж^С^твен-ѡму* 113б, 144б, *-ѡю* 196б (*бж҃ственѡму* 197б, *бж҃|ствен-ѡму* 143, *-ѡю* 197), *пребж^С^твенѡму* 157б (основа *божествен-*); *рж^С^твенѡѥ* 224б (по-видимому, = *рожественѡѥ*); *праведнѡ* (13×: 17б, 30б, 85, 143 и др.), *-ѡѥ* (10×: 47, 81, 143б и др.), *-ѡму* 272, *неправедн҃ѡ* 42, 154б, 250, 259б, *-ѡѥ* 167; *обычаинѡѥ* 226б; *искреньнѡму* 37б; *пастиньнѡ* 268б, *оскѡминьна* Р.ед. 50; *истиньнѡ* 255, *-ѡѥ* 43, 49б, 186б, 199б, 204 bis (также *ѥстиньнѡѥ* 198б вместо *ѥсть истиньнѡѥ*); *лѣствичнѡѥ* 49б; *недостаточнѡѥ* 184б; *ізбыточнѡѥ* 179. Сюда же *адовныꙗ* В.мн. 38. Упрощ.: *праведноѥ* 246б, *неправедно* 266б, *истиньно* 131б. Написание *ізбыточно|ѥ* 180б - либо упрощенное, либо отражает вариант с ударением на *-точ-*.

В слове *вѡиньствении* 178 ударение на *вѡ-*, в *немл^С^тивно* 168 (= *немилостивно*), по-видимому, на *-ми-*.

А.п. *с*: *дневнѡму* 133б, *домовн-ымъ* 200б, *-ыхъ* 149б, 265б.

А.п. *с* или а.п. *а*, гр. 2 (вероятнее первое): *даровнаго|* 258б; *сладо|стьнѡму* 25б; *лѣностн-ымъ* 12б кин., *-ѣ* нареч. 4б, *пакостн-аꙗ* В.мн. 24б, *-ыхъ* 59 (ср. § 45).

Более сложные случаи. Неясна акцентуация (а.п. *с* или а.п. *а*, гр. 2) прилагательного *вѣновн-ѡѥ* 248б, *-агѡ* 248б, *-а* И.мн. 248б (поскольку неизвестна а.п. исходного слова *вѣно*). Столь же двусмысленны *жало|стна* И.мн. 347б и *радост-но* 27, 58 (см. сноску 44), *-на* В.мн. 30б, *-енъ* 30. Написание *наро|стною* 111б - явно упрощенное, но неясно, каково здесь полное написание.

Написание *нелѣпотнѡ* 222б отражает либо автономное ударение на *-лѣ-* (что означало бы переход данного слова к той акцентуации, которую оно имеет в более поздних памятниках), либо акц. кривую c_2; а.п. *b*, по-видимому, исключена. Написание *сукѣтно* 199 - либо упрощенное, либо соответствует а.п. *с* (а.п. *а*, гр. 1 здесь едва ли возможна); Чуд. *соукѣтна* И.ед. 81в, возможно, отражает а.п. *с*, но ряд других фактов говорит в пользу автономного ударения на *су-* (см. Дыбо 1968, с. 162-163).

---

[57] Формальной допустимостью а.п. *b* (для части слов) мы здесь и в § 58 пренебрегаем, так как надежных примеров а.п. *b* в этой категории слов ни в Мериле, ни в других памятниках нет.

[58] После *-ств-* суффикс *-н-* регулярно представлен алломорфом *-ен-*. Относительно *ѥств-* вместо *ѥстьств-* или *ѥстеств-* ср. сноску 38.

§ 58. Наконец, весьма многочисленную группу составляют производные от основ, состоящих из приставки и корня, а также от сложных слов (см. также сноски 56 и 57).

А.п. *а* (гр. 1): *потребно* 83б, 161б, 245 (*не-* 249 bis, 269б), *-оѥ* 69, 70, 248б; *подѡбно* 7, 250б, 253б, 272, *-ою* 272б, *-а* 65б, *-и* 48, 64б, 67, *подѡбенъ* 15 (также *по^Д^бно* 27×: 78б, 133 и др., *по^Д^бн-ому* 158, *-ою* 159, *-омъ* 200б, *по^Д^бь|ноѥ* 117б), *неподѡбно* 271, *-а* 61 (также *непо^Д^бно* 5×: 114б, 223 и др., *-ому* 197б); *преподѡбныи* 211 [Б] (также *препо^Д^бному* 164б); *оудѡбна* И.ед. 210 [Б], *-ыꙗ* Р.ед. 92, *неоудѡбно* 228 (*неоу^Д^бно* 202б), *неоудѡбна* 19б, *-и* 146б: *осѡбно* 86 bis, 88, 137, 165б, 274б, *-оѥ* 145б, 261б, *-о|-му* 261б, также *-а*, *-агѡ*, *-ии* и т.д. (12×: 101, 135, 159 и др.); *пагубно* 110б (ср. Чуд. *пагоу҃бный* 93б); *сугубноѥ* 194 bis; *достѡинослѡвенъ* 226б; *оугѡдно* 10б, 106б (*не-* 182), *-оѥ* 198б, *-ымъ* 16б, *оугѡденъ* 261 (*не-* 88б), *неоугѡднаго* 345; *бл҃горѡд-ныхъ* 307, *-енъ* 131б, 155, *ѥдинорѡдн-аꙗ* 2б, *-ыꙗ* 115, *дѣторѡдн-ыи* 105б bis, *-ыꙗ* 106б; *прихѡдн-оѥ* 239б, 270б, *-а* 165, *-ымъ* 263, *прихѡденъ* 269б; *прохѡдныхъ* 134б; *бестудно|* 31, *-оѥ* 50б; *ненавѣжноѥ* 149б; *непрелѡ-жно* 204б, *-жьноѥ* 165б, *-жьну* 82, *-жны* 195б, *-жнымъ* 207б, *-жными* 82, *бл҃гоприлѡжно* 199б; *невъзмѡжно* 29б, 92; *набѡиную* 339б; *бо҃бѡинъ* "богобоязненный" 64, *-а* 64, *не-бо҃бѡины* 63; *пристрѡинымъ* 170; *достѡино*, *не-* (24×: 7б, 9, 27б, 60б и др., также *достѡинослѡвенъ* 226б), *достѡиноѥ* 184б (*но|*), 186б, *достѡинъ* (7×: 11б, 57б, 61б и др.), прочие словоформы с основой *достѡин-*, *недостѡин-* — 30×; *довѡлно* 19б, 32б, 84, 199, 203б, *-оѥ* 253, *-омъ* 92, *-а* 150, *-у* 251, *-ѣ* 201б, *-и* 263, *недовѡл-енъ* 228, *-ни* 241, *-на* И.дв. 71; *самовѡлно* 180б; *престѡлну* 45б; *бе||щисльно* 147; ѡ^Т^*ѥмноѥ* 273, *наимноѥ* 18б, *лихоимноѥ* 167; *пространьноѥ* 206б; *повиньно* 252б (*не-* 185), *-оѥ* 244, 244б, 245; *закѡньно* 111б, 140б, 255б, 258, *-оѥ* 203, *-омоу* 19б, *-ою* 163 (также *за^К^ньному* 30), прочие словоформы, например, *закѡньн-ии*, *-ую*, *-ыхъ*, *-ѣ* (наречие), - еще 28×, *безакѡньно* 20б, 28б, 84, 245б (*не-* 223), *-оѥ* 107б, *-и* 63б, *-агѡ* 40, *-ыꙗ* 63б, 136_2б, *-ии* 16; *ижекѡньныхъ* "исконных" 37б; *лицемѣрною* 20; *преклѡньно* 167, *не-* 45, *-и* 45, *неоуклѡньно* 66б; *бл҃голѣпно* 246б, *-оѥ* 246б, сюда же *бо҃лѣпно* 223 "боголепно"; *правовѣрною* 107б; *сбѡрно||* 199б, *-ою* 207, *-ому* 115б, 116 (*-о|му* 117б, *сбѡрь|ному* 91б), *сбѡренъ* 200б; *притвѡрн-ыꙗ* 148, *-ымъ* 148б; *зазѡрн-аꙗ* 202б, *незазѡрныхъ* 13б; *бесловесною* 254; *покѡсенъ* "удобный, подходящий" 39; *бо҃нѡсными* 69, 70; *.М҃.ноѥ* 87 (= *четыредесатноѥ*); *прозрачноѥ* 4; *порѡчно* 78, *не-* 142б, 143, 205б, *-ыꙗ* 78, 102б, *-ыхъ* 71, *-а* И.дв. 71, *беспорѡченъ* 27б; *оурѡчноѥ* 265; *неѡтърѡчна* 57б, *неѡ^Т^рѡчнагѡ* 91б; *въстѡчныхъ* 158б; *обычною* 198. Сюда же примыкают слова: *самовластно* 24б, 78 (*не-* 144), *-ою* 248, *-омъ* 78, *ненавистно* 45б. К этой же группе следует отнести *равномѡщно|му* 199. Упрощ.: *во особнѣ* 244б, *бл҃городенъ* 304б, *непреложны|* 203, *покоренъ* 24б; вероятно, также *равномощны* 203б.

Формально а.п. *а* (гр. 1) или *с*, по косвенным данным а.п. *а*: *безбѣдно* 243 *обидно* 58б, *вгѡдно* 83б, 90б, 92

(*вгѡдь|но* 83б), *неоскудно* 37, *нерасудно* 19, *израдно* 178б, 179; *прилѣжно* 174, 269, *неподвижно* 177, *мнѡгообразно* 166, *бездѣлно* 7б, *обилно* 93б, *оусилно* 27, *недомысльно* 43б, *разумно* 19б, *не-* 203, *взбраньно* 77б, *бещеленьно* "бесчленно, нерасчлененно" 31б, *непремѣньно* 204б, *несоблазнь||но* 170, *бескверньно|* 6; *нескверньно* 170б, *напрасно* 23б, 61б, 129, 193, *не-* 101, *различно* 197, *неразлучно* 222. Сюда же примыкают *напастно* 51б, *извѣстно* 112б bis, 219 кин.

А.п. *c*: *оружнѡѥ* 257б. Колебание между а.п. *c* и *a* можно предполагать в случаях: *побѣднѡѥ* 346, но *непобѣднoѥ* 346; *бещестнѡѥ* 193, но *бещестноѥ* 194, 195 bis. В случае *беспомощенъ* Р.мн. 5 акцентуация неясна; не исключена а.п. *c*.

В паре *полунѡщно|ѥ* 35, *полунощныѩ* Р.ед. 35б второе написание скорее всего упрощенное (ср. *нѡщьному*, § 56, 60). Написание *поприземно|ѥ* 32 ненадежно.

§ 59. Как показывает материал, ударение производных с суффиксом *-н-* в основном подчиняется в Мериле формуле "a^a, a^b, c^c". Характерные примеры a^a: *вѣрно, -оѥ, желѣзноѥ, закѡньно, -оѥ, книжному, прихѡденъ, рабѡт-ноѥ, -енъ, сбѡр-но, -енъ, славному; истиньнѡ, -ѡѥ, лѣствичнѡѥ, мѣсячнѡѥ, праведнѡ, -ѡѥ*. Характерные примеры c^c: *бѡлнѡму, брачнѡѥ, вереднѡго, вѣчнѡѥ, должьнѡму, земнѡѥ, мирнѡѥ, свободнѡму, сладостьнѡму, страшнѡму, ч^стнѡѥ*. Эти две группы вполне соответствуют данным Чуд.

Особый интерес представляют производные от слов а.п. *b*. В Чуд. здесь две модели: a^b и b^b. Модель b^b характерна для производных с односложной (в косвенных формах) основой: *бѣднò* 73а, *волнò* 85г, *к грѣшноу* 37в, *грѣшнû* 101г и др., *кр^а|снò* 147в, *краснû* 13а, *-ѝ* И.мн. 104в, *в роуднѣ одéжи* 81в, *хоулнâ* Р.ед. 92в, также существ. *в ножнû* 50г; сюда же нужно отнести несколько производных от основ с неизвестной акцентуацией - *клоснû* "увечному" 21б, *неклоснâ* Р.ед. 84а, *праздни* 137в и др., *-оу* Д.ед. 116а, 127в (но также *прáздни* 137в), *равѐнъ* 66б, *равнó* 24б, *-ò* 38б, *-и́ бо* 38в, *-ò* В.ед. 43в, В.мн. 29в (но также *рáвна* И.мн. 24б). Модель a^b выступает у прилагательных с неоднослойной основой (например, *живóтноу* Д.ед. 151б, 151в, *срéбрени* 139б).

В Мериле положение иное. Модель b^b представлена только двумя примерами: *краснѡ* и *разнѡ*. Во всех прочих случаях находим модель a^b: *вѡлно, ключно, трудно, хулно, татебно*; сюда же *равно, праздно|*. При этом пример *равно, ровенъ* указывает на подгруппу 1*. По-видимому, Мерило еще весьма близко к реконструируемому В.А. Дыбо состоянию с акцентовкой типа **grěšьnъ, *grěšьno* (Дыбо 1968, с. 155, 212). Процесс замены **grěšьno* на **grěšьnó* в Мериле едва начался, тогда как в Чуд. в сфере односложных основ он уже почти завершился (остались лишь реликты типа *прáздни, рáвна*).

В членных формах модели a^b и b^b совпадают, поэтому здесь нет никаких расхождений: ср. например, *бѣдному, вѡлноѥ, живѡтнаѩ, кѡньноѥ, кр^стьноѥ, столпьноѥ, соудноѥ, хулноѥ* и Чуд. *вúннаго* 156в (от "вино"), *грѣшному* 37а, *живóтн-ый, -оѥ* и др. (часто), *непрáздною* 26г, *сапóжноую* 41в, *соýдный* 87а, 87в и т.п.

Отметим, что *е* из **ь*, прояснившегося в слабой позиции после группы согласных, остается безударным: *ѡгненѡѥ, ѥственѡму, бе|ственѡму, рж^ственѡѥ*, ср. Чуд. *мéртвеномоу* 115б, *срéбрен-аѩ* И.мн. 72в, *-имъ* 153а.

И в Мериле, и в Чуд. отчетливо противопоставлены по ударению: 1) *праведнѡ, -ѡѥ*, ср. Чуд. *прáведно, -а, -ый* и др. - ударение на корне; 2) *полезно, -оѥ, лѣчебноѥ, молебному, татебно, -оѥ, наимноѥ*, ср. Чуд. *полéзно, -а, -и, -оé, -имъ* и др., *слоужéбн-аѩ, -ий, -ыѩ* (также *молéбни^к* 93б, *наímни^к* 46г) - ударение на беглой гласной. Между тем исходные слова разделены по ударению иначе: Чуд. *прáзда, -ы* и др., *пóлза, -ы* и др. (11×, при единичном *ползá* 164в), *слоýжба, -ы* и др. и, с другой стороны, *молб-оу* 35в, *-ѝ* В.мн. 136в, *татбѝ* И.мн. 9в, *ѡ^т татé|бъ* 153а. Эти факты позволяют предположить, что здесь представлено три акцентных типа исходных слов, а именно, наряду с обычной а.п. *a* ("правда") и а.п. *b* ("татьба") здесь выступает подгруппа 1* ("служба", "польза")[59], т.е. слова с первоначальным ударением на **ь*, которое и сохранилось в производных *служéбный, полéзный*. По крайней мере для слова "служба" такая акцентная реконструкция полностью согласуется с теоретическими положениями (Дыбо 1968), ср. а.п. *b* у слов *слуга, служити*.

Таким образом, основную формулу "a^a, a^b, c^c", действующую у производных с *-н-*, следует дополнить указанием о том, что производные от слов подгруппы 1* имеют то же место ударения, что производные от слов а.п. *b*. Этот же самый механизм дает *равеньство* (ударение на *-ве-*) при *равно, ровенъ*, ср. *разденьство* при *разнѡ* (§ 30).

Основная формула верна также для производных с *-Ов-н-*. Она создает здесь наглядное тройное противопоставление: a^a - *адовныѩ*; a^b - *грѣхѡвныи*; c^c - *дневнѡму, домовнымь, даровнаго* (о случаях a^c см. ниже).

Производные от основ, состоящих из приставки и корня, и от сложных слов (§ 58) в Мериле, как и во всех других памятниках, почти всегда относятся к а.п. *a*, независимо от акцентных свойств корневой морфемы. Представляют особый интерес как раз те немногие случаи, где акцентуация иная (по-видимому, архаизмы): *оружнѡѥ* (в Чуд. уже *óроýжнѣ* М.ед.муж. 124г), *бещестнѡѥ*, наряду с *бещестноѥ* (в Чуд. *бещéстна* В.ед. 22в, *-и* 109г), возможно, также *беспомощенъ* Р.мн. Написание *побѣднѡѥ*, наряду с *непобѣднoѥ*, заставляет предположить, что слово "победа" по крайней мере допускало а.п. *c* (ср. Фер. *пóбѣдоу* 527; относительно Чуд. *побѣдô* см. § 36, замеч.).

Аналогичный архаизм с суффиксом *-ск-*: *бѣлогородьскѡгѡ* (в отличие от а.п. *a* в *новгорѡдско^г*), см. § 61.

§ 60. В нарушение формулы "a^a, a^b, c^c", в Мериле иногда выступает (по крайней мере в членных формах, ср. § 49) a^c вместо c^c: а) *нб^сноѥ, телеснoѥ, дѫвноѥ, дѫшевноѥ, синѡвною*; б) *рѡдноѥ, нѡщьному* (прочие примеры менее ясны).

[59] Слово "мольба"; вероятно, относилось сюда же (ср. *молити*, а.п. *b*), но в Чуд. уже изменило акцентовку.

В Чуд. для этих слов находим *телесн-ꙑм* Т.ед. 27г, *-ꙑѧ* В.мн. 53в, *-ѣ* 131а (с тем же ударением, что в Мериле) и *нощнꙑю* 26г (с двумя ударениями). Другие аналогичные случаи в Чуд.: *слове́с-енъ* 71г, *-ноѥ* 84б; колебания в членных формах *вѣчн-а́го, -о́му, -у́ю* и др. — *вѣчн-аѧ, -ую, -ѣй; мирн-а́го, -а́ѧ — ми́рн-ый, -ѣй; немощный* В.мн. 32в — *немощныѧ* 28б; *свободный* Р.ед. 123в, 123г bis, *о свободнѣй* 121г — *свободныѧ* Р.ед. 123в. Мы имеем здесь дело с рано начавшейся (и впоследствии далеко зашедшей) акцентной перестройкой прилагательных а.п. *с*, причины и механизм которой пока что недостаточно ясны. Исторический ход этой перестройки изучен очень слабо; известно, однако, что, по крайней мере у прилагательных с суффиксом *-н-*, этот процесс шел гораздо интенсивнее в южновеликорусской (а также украинской и белорусской) зоне, чем в северновеликорусской.

Суффикс *-ск-*

§ 61. А.п. *а* (гр. 1): *вавилѡньска* Р.ед. 18; *женьско* 124б, *-ому* 199; *крстьньско* 169, *-оѥ* 5б, *-ою* 82б, *хрстьньскому* 207б.

Формально а.п. *а* (гр. 1) или *b*[60], по косвенным данным а.п. *а:* производные от исконных слов - *блудничьскоѥ* 197, *новгорѡдско*[г] 110б кин., *переѧславьскогѡ* 338, *прорчкому* 165б (= *прорѡчьскому*), *сельскому*[61] 95, *скѡтьскоѥ* 72, *чл҃вчь|скому* 200б, *члвчск-оѥ* 142б, 204, *-ому* 31, 143, *оубиискоѥ* 108; производные от заимствованных имен нарицательных - *ѥретичьскою* 107б, *ипѡдрѡмьскоѥ* 201, *митрополиискому* 147б, *митрополитьскою* 96б bis, *митропѡльск-ии* 98, *-аѧ* 132, *мнишьск-оѥ* 139, 144, 161б, 162, 163, *-о|ѥ* 163б, *-ому* 165, 254б, *монастырьскоѥ* 161б (*манастырьскоѥ* 140), *цркоѥ* 203, 207, *-ому* 93б; производные от заимствованных имен собственных - *александрьскому* 95, *иѥрусалимскоѥ* 346б кин., *мелетиньскому* 109б кин., *никомидиискому* 226 кин., *памфилиіскому* 225б кин., *римьско|му* 56б кин., *халкидѡньскаго* 230 кин. По-видимому, сюда же нужно отнести *оцкихъ* 173б (= *отечьскихъ*).

А.п. *а* (гр. 2): *аплск-ѡѥ* 83б кин., 84 кин., 93 кин., *-ѡму* 107 (= *апѡстольск-ѡѥ, -ѡму*), *вѡиньск-агѡ* 143, *-имъ* 161б, *-ихъ* 140, *ѥуангл҃скѡму* 165б, *пѡстничьскѡму* 162б, *разбѡиничь-скии* 29, *-стѣ* М.ед. 50, *-скому* 108 (*ско* - упрощ.), *тысѧчьскѡго* 338 bis (наряду с *тысѧчьскогѡ* 338, см. § 47). Возможно, сюда же *оуношьски* 65. Упрощ.: *аплскому* 61. Написание *ѥуангл҃ль||скому* 106б - либо упрощенное, либо отражает вариант с ударением на *-гель-* (ср. в Чуд. *ева́нгелье* и др. 3× и *еvаггéлье* 25г).

А.п. *с: городьск-ии* И.ед. 69б, *-аѧ* И.ед. 24б, *-а*[г] 231 кин.. *городскихъ* 331б, также *бѣлогородьскѡгѡ* 338 (см. § 59); *градьск-ѡѥ* 147, *-ѡму* 76б, 154, 156б, 157 (*граоскѡму* 160б); *по гъскѡму* "по господскому" 346б, *гсьскѡю* 113б; *людьск-ѡѥ* 17, 136$_2$, 137 bis, 147б, 242, 255б (*людскѡѥ* 88, 171), *-ѡму* 127, 127б, 162, 242 (*людскѡму* 175); *мирьскѡѥ* 164 bis, 348; *мужьск-ѡму* 144, *-ѡѣ* Р.ед. 230б. Сюда же *полотьскии* И.ед. 64 (ср. *полоцкои* Космогр. 39). Упрощ.: *людьскоѥ* 165б.

Более сложные случаи. Написания *властельскѡ ѧзиса* 57, *властельскѡю* 88 (также менее показательное *властельскѡи* Д.ед. 62) формально соответствуют либо а.п. *а* (гр. 2), либо акц. кривой c_2. Гораздо вероятнее второе, поскольку для слова *властель* нужно предполагать а.п. *с*, а не *а*, гр. 2 (ср. современное ударение *властели́н* и представленный в Мериле полногласный вариант *волостель*, а не **волѡстель;* см. также § 26). Вполне возможно, впрочем, что здесь представлено всего лишь единичное отклонение от c_1 в сторону c_2, а не постоянная акцентовка; ср. другие примеры c_2 у собственно прилагательных (§ 49).

Если написания *дѣтьскому* 340 и *варварьскоѥ* 114б не упрощенные, они отражают ударение на последнем слоге основы. Слово "детский" примыкает в этом случае к § 60. Написание *бѣсовьскоѣ* Р.ед. 344б - явно упрощенное, но неизвестно, какое полное написание оно заменяет. Написание *киѥвьскѡ* Р.ед. 338 неясно; предполагать здесь стяжение окончания **-oho* или **-owo* рискованно, так как возможна простая описка.

Суффиксы *-Ов-* и *-ѧн-*

§ 62. А.п. *а* (гр. 1): *ѡлгѡва мужа* "Олегова человека" 338, *в дому попѡвѣ* 70б, *о попѡвѣ степени* 70б, сюда же *хсво* 1, 8, 176б, *хсвою* 346б (по-видимому, = *христѡво, -ою*). Опростившееся "готовый" см. в § 50.

Вероятно, к а.п. *а* (гр. 1) относились также: *ѥродѡво* 32, *радинѡвъ* 221б, *-а* Р.ед. 220б, *-оу* В.ед. 221б, *склирѡвъ* 221б - притяжательные от **ѥрОдъ* "цапля" (греч. ἐρωδιός) и имен собственных *радинъ* (Ῥαδηνός), *склиръ* (Σκληρός); сюда же *коневии* 334б. Написание *склирову* В.ед. 221б, по-видимому, упрощенное.

По косвенным данным а.п. *а* (гр. 2): *адовъ* И.ед. 22, *на берестовѣмь* "в Берестове" 338 (ср. *на берéстовѣм* Фер. 984), *неисто|въ* 261б, *неистово|* 271 (также *аки нестова пса* 63б); притяжательные от имен собственных - *дионисовъ* 347б, *-о* 347б, *-а* Р.ед. 348, *-и* В.мн. 347б, *иоустиньянова* И.ед. 112б, 227б, *костѧнтинова* И.ед. 226, *-у* В.ед. 226, *леѡнтовъ* 131, *павлова* Р.ед. 230, *сирахово* 18б кин., 167б, *феѡдоритово* 45б кин. Относительно написаний с *-во* см. Противоп., § 18 (сверх уже указанных отметим *васильѥво* 70 кин., *і҃во* 2б).

А.п. *с: таково* 54б, 57б (*во|*), 85б, 153, 205, 241б, 251, 263, *таков-ѡѥ* (32×: 57, 59б, 81б, 87 и др.)[62], *-ѡму* (13×: 51б, 61б, 132 и др.), *-ѡю* 160б bis, 243, *-ѡи* Д.ед.

[60] Формальной возможностью а.п. *а* (гр. 3) мы здесь пренебрегаем.

[61] Получено выскабливанием *ен* в *селеньскому*.

[62] Кроме того, *такѡвѡѥ* 42б, 179 (см. §4).

261, М.ед. 118, 156, 158, 252, -ѡмъ 154, 159, прочие словоформы с основой *таков-* — более 200 раз. Упрощ.: *таковоѥ* 106, *-ому* 106, 193б. К а.п. *c* относится также *вощанѡю* 197б (единственное акцентно значимое написание с суффиксом *-ан-*, *-ан-*).

Регулярное написание *таково* указывает на акц. кривую c_1 (ср. след такой акцентуации в *та́ковѡ* Фер. 822). Однако в И.ед. муж. в Мериле встретилось только *такѡвъ* 223, соответствующее акц. кривой c_2 (которая впоследствии становится здесь нормой, ср. современное *тако́в*, *таково́*, *таково́й*). В Чуд. уже только c_2: *таковà* В.ед. 145в, *-ѝ* 23б, *-и́* 120а, ср. также *каковѡ* 23а, *-а́* И.ед. 30в. Таким образом, в Мериле здесь представлено архаичное состояние, а единичное *такѡвъ* - это симптом последующего изменения.

А.п. *a* (гр. 2) или *c*: *сицев-ѡѥ* 252, *-ѡму* 207б; *сѧковыѧ* 16б.

Суффикс *-к-*

§ 63. А.п. *c*: *бриткѡѥ* 62; *сладко* 8, 16, 20, *сладкѡѥ* 16, 44б bis.

К а.п. *c*, по-видимому, относятся также "кроткий" и "горький". Написание *кротко* 30б, 31 исключает а.п. *b*; *кротокъ* 29, 145 исключает а.п. *a* (кроме подгруппы 1*); прочие словоформы (*кро|тку* Д.ед. 58, *крѡтк-иѧ* 14, *-ихъ* 22, *-имъ* 68, *кро|ткагѡ* 48, *кротки|хъ* 65) непоказательны. Косвенно на а.п. *c* указывают *кротость* и *оукротить*; ср. также показания Апостола 1564 (§ 48). У слова "горький" на а.п. *c* прямо указывает *гѡркѡѥ* 16, 44б bis; однако *гѡрекъ* И.ед. 9б, 58 формально соответствует а.п. *a*; *гѡрко* 16, 28б, 57б соответствует а.п. *c* или *a*. Можно предполагать, что в этом слове произошло аналогическое обобщение корневого /ô/ по всей парадигме; для энклиномена **горекъ* это должно было сопровождаться переводом его в разряд ортотонических словоформ (поскольку в открытых слогах энклиномены /ô/ было невозможно). Словоформы *гѡрци* 57, *гѡрк-агѡ* 173б, *-аѧ* 67б непоказательны; относительно двусмысленного написания *гѡркогѡ* 58б см. Противоп., сноска 37. В рукописях, изученных Васильевым,"кроткий" и "горький" всегда имеют /ɔ/ (аналогически даже в членных формах), что указывает на исходную а.п. *c* (Васильев, с. 46).

У слов "крепкий" и "тяжкий" (в Чуд. оба относятся к а.п. *c*) представлены следующие словоформы: *крѣпъко* 25б, 345, *крѣпкомъ* Д.мн. 207б, *крѣпкою* 168; *тѧжко* 37б, 181б, 202б (*тѧжько* 114), *тѧжкоѥ* 248б. Либо написания *крѣпкою* и *тѧжкоѥ* упрощенные, либо членные формы этих прилагательных уже получили в Мериле наосновное ударение, характерное для позднейших памятников и современного языка.

Формально а.п. *a* или *c*: *жестъко* 21б, 30б, *мѣлко* 35б, *мерзъко* 167б.

§ 64. Суффиксы *-ск-*, *-Ов-*, *-ан-* и *-к-* подчиняются в Мериле, как и суффикс *-н-*, формуле "a^a, a^b, c^c" (ср. Дыбо 1968). Характерные примеры: a^a - *прѡрчкому*, *члвчскоѥ*, *аплскѡѥ*, *тысѧчьскѡго*, *адовъ*, *павлова* и многие др.; a^b - *блудничьскоѥ*, *женьско*, *-оѥ*, *монастирьскоѥ*, *сельскому*, *скѡтьскоѥ*, *ѡлгѡва*, *попѡвѣ*; c^c - *городьскиі*, *людьскѡѥ*, *мирьскѡѥ*, *мужьскѡму*, *таково*, *-ѡѥ*, *вощанѡю*, *сладкѡѥ*. Как и при суффиксе *-н-*, здесь возможна замена c^c на a^c (по крайней мере в членных формах). Такую замену можно предполагать в *дѣтьскому*, *крѣпкою*, *тѧжкоѥ*; ср. § 60.

Прочие суффиксы

§ 65. Суффикс *-j-* (*-uj-*). А.п. *a* (гр. 1): *ворѡньѥ* 69, 70, *корѡвиѥ* 336, *по хѡлѡпьи рѣчи* 340 (о *хѡ-* см. §4). Ср. также *кобыльѧ* 58б. Особый случай составляет *бѡжии* И.ед. 126б [Б] (ожидалось бы **божи́и*, см. Дыбо 1968, с. 190); ср. § 92.

Суффикс *-н'-*. А.п. *a* (гр. 1): *ѡтень* "отцовский" И.ед. 341б (корневое ударение, по-видимому, сменило здесь более раннюю акцентовку **otěnь*), ср. *ѡтнею* 190б, где *ѡ* несвободное; *верхѡвн-ии* И.ед. 56б, 81, *-агѡ* 166, *-имъ* 110; *окѡлнаѧ* Р.ед. жен. 148; *осѡбн-ии* И.ед. 252, *-агѡ* 261б; по косвенным данным сюда же относятся: *конечн-еѥ* 74, 89, 93, 136, 137б, 186б, *-агѡ* 170б, 171, 335 (*кѡнечнеѥ* 260 - возможно, описка); *домачнаѧ* И.мн. сред. 32, *домашн-ии* И.ед. 39б, *-аѧ* И.мн. сред. 79б bis, *-ихъ* 79б, *-имъ* 338б. Написание *сѡновнею* 190б - скорее упрощенное, чем свидетельствующее о безударности *-Ое-*.

Суффикс *-ик-*. А.п. *a* (гр. 1): *велико* (7×: 3, 7б, 21б и др.), *-оѥ* 53, 196б, *-ому* (5×: 2, 5, 5б и др.), *-ою* (5×: 18, 27б, 52б и др.). По косвенным данным сюда же нужно отнести *ѥлико* (43×: 19б, 55, 65, 96б и др., также *ѥликождо* 87б).

Особый случай составляют *тѡлико* (11×: 44, 58б, 64 и др.) и *кѡлико* 58б, 332, 335б, 340, 341: судя по *ѡ* в начальном слоге и *о* в конечном, за этими написаниями стоит двусложное произношение (ср. нынешние *то́лько*, *ско́лько*). Это подтверждается написанием *тѡлко* 100. Такая же основа в *тѡлика*, *-у*, *-и*, *тѡли-цѣ*, *-цѣм же* (7×), *кѡлика* 33. Написания *толи-ко* 100, 184б (*то|*), 244, *-ко ж* 169, *-цѣ* 117, *колики* 65, вероятно, отражают более старый вариант с основой *толи́к-*, *коли́к-* (в Чуд. только такое ударение). Написание *кѡликѡ* 262б, может быть, отражает переходный вариант (трехсложный начальноударный). См. также Противоп., § 23.

Суффикс *-Ок-*. Ударение на суффиксе отражают: *инѡкъ* "одинок" 32б, *высѡк-ии* И.ед. 2б, *-ихъ* 8б, 133, *-имъ* 209 [Б], *высѡкъ* 44б и, что особенно интересно, *высѡка гора* 35. Прочие примеры: *высоко имѣти* 61б (вероятно, упрощ.), *широка* 13 (И.ед. или И.мн. - текст искажен).

Суффикс *-ин-*. Явно а.п. *a* (гр. 2): *июдинѡ* 41. Прочие примеры малопоказательны: *гостины куны* 338б, *сиротинѣ* М.ед. сред. 23б, *-иѧ* 182, *сотонини* 346б; написание *судиниѡю* 42б допускает различные истолкования (упрощ. *-но-*; ударение на *-ю*; ударение на *-ин-*), но все они ненадежны.

Суффикс *-ен-*. А.п. *b* или акц. кривая c_2: *студенѡ* 3.

Суффикс *-ав-*. А.п. *a* (гр. 2): *корѡставо* 7 (о конечном

о см. Противоп., § 18). По-видимому, а.п. *а* (гр. 1): *лукавому* 29.

Суффикс *-ив-*. А.п. *а* (гр. 2): *оурѡдивии* 40б. По-видимому, а.п. *а* (гр. 1): *быстроскочива* И.ед. 31б, *гостолюбивы* 32б, *лѣниво* 58б, *презоривъ* 1, *-ии* 19, *пронырывому* 34, *самолюбиво*| 31б, *стороживо* 32; сюда же *добропокорливо* 31б (с *-лив-*). Написание *бл҃гобоѧзнивому* 154, возможно, упрощенное, ср. Чуд. *бл҃гобоѧ́знїви* 59в.

Суффикс *-ат-*. По-видимому, а.п. *а* (гр. 1): *б҃атому* 252 (= *богатому*), *косматаѧ* 347б, *-ихъ* 347б, *мужатою* 128, 194, также *виноватъ*, *-ии* и т.д. (21, 60б bis и др.).

Суффикс *-ит-*. А.п. *а* (гр. 2): *нарѡчитъ* Р.мн. 126, *-ѣ* 196, *-ии* 89б. По-видимому, а.п. *а* (гр. 1): *ѣдо*|*витагѡ* 33б, *имовитъ* 191, *не-* 191, 193б, *сановитымъ*|| 179.

МЕСТОИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 66. Границы между словами местоименного и адъективного склонений не вполне строги. В настоящий раздел отнесены слова, у которых характерные местоименные окончания — прежде всего Р.ед. *-ОгО*, *-Оѣ* (*-Оѧ*), М.ед. *-Омь*, *-Ои* — выступают в Мериле достаточно регулярно (а не изредка, как у обычных прилагательных). Эти слова делятся на о с н о в н у ю группу, где в И.падеже адъективные окончания (*-Оѥ*, *-ии*, *-аѧ*, *-ии*, *-ѣ* и т.д.) невозможны, и с м е ш а н н у ю[63] группу, где такие окончания возможны.

Единственное окончание местоименного склонения, позволяющее различить разные акцентные группы, — *-О*. Словоформы с этим окончанием сведены в таблицу:

Т а б л и ц а 11

А.п.	*а*		*b*	*c*
	группа 1	группа 2		
-О	ино, нѣкто, нѣчто, всѧко, ѥдинако	инакѡ, нѣкакѡ	онѡ, одинѡ, ѥдинѡ	то, кто, что, ово, тако, како, ѩко, само

Прочие местоименные окончания с *О* имеют единый графический облик в а.п. *а* (гр. 1), *b* и *c* (для а.п. *а*, гр. 2 здесь нет материала), а именно: *-огѡ*, *-ому*, *-оѣ* (*-оѧ*), *-ою*, *-ѡмь*, *-ѡи*. Примеры: *всѧкогѡ*, *оногѡ*, *самогѡ*; *всѧкѡмь*, *онѡмь*, *самѡмь*.

§ 67. Акцентные кривые. В а.п. *а* ударение, как обычно, неподвижно. Написания *всѧкѡмь*, *всѧкѡи*, *нѣкѡи* (с несвободным ѡ, §2), по-видимому, не означают сдвига ударения на окончание: ср. *котурѡмь* (§ 50), а также *кѡѥмь*, *кѡѥи*, указывающие на корневое ударение.

[63] Имеется в виду смешение с адъективным склонением.

Для а.п. *b* и *c* доступные наблюдению факты таковы. Фо ма на *-О* в а.п. *b* конечноударна, в а.п. *c* — энклиномен В словоформах с окончаниями *-огѡ*, *-ому*, *-оѣ* (*-оѧ*), *-ою* ударение в обеих этих а.п. падает на конечный слог, чт следует из таких написаний, как *тогѡ*, *тому*, *тоѣ*, *тою*, *овому* (а.п. *c*) и *оногѡ*, *оному*, *онаѧ* (а.п. *b*). Это факт, полностью подтверждаемый материалом Чуд., означает, что в местоименном склонении а.п. *b* очень рано утра тила первоначальную акцентовку типа **-ȏgo*, **-ȏmu*, **-ȏjo* заменив ее акцентовкой, заимствованной из а.п. *c*. Для прочих форм данные Мерила менее показательны.

В то же время в Мериле имеются первые симптомы новой смены ударения в двусложных окончаниях, а именно, под влиянием адъективного склонения появляется *-ѡго* (или *-ѡг* вместо *-огѡ*, *-ѡму* вместо *-ому* и т.д. Естественно, такие случаи относятся в основном к смешанной группе (поскольку она теснее связана с адъективным склонением): *какѡму* (3×), *какѡю* (2×); также *инѡго*, *инѡгѡ* (3×), *инѡму* (4×) (с переходом из а.п. *а* в а.п. *c*); ср. *какому* (3×), *такому*, *иногѡ* (49×), *иному* (10×). Заметим, что для приведенных слов эти новые ударения впоследствии стали в русском языке нормой.

Гораздо реже такие случаи встречаются в основной группе: *тѡгѡ* 146б (при *тогѡ* 198×), *кѡму* 342б (при *кому* 27×) и несколько раз у отрицательных местоимений — *ни* ѡ[т] *кѡго же* (2×), *никѡму же* (2×), *никдинѡгѡ же* (ср. *никогѡ же* 3×, *ни* ѡ[т] *когѡ же*, *никому же* 6×, *никдиногѡ же* 8×, также *когѡ* 31×, *ѥдиногѡ* 29×). Ср. в Чуд. *то́го* 80б, *то́моу* 95а, *нико́гож* 51а (при обычных *тогȍ*, *томо̑у* и т.д.). Ударения типа *то́го*, *то́му*, *ко́го*, *ко́му* и в особенности *нико́го*, *нико́му* (хотя бы в качестве варианта к *того́*, *тому́*, *кого́*, *кому́*, *никого́*, *никому́*) характерны для юго-западных великорусских и для белорусских говоров и в особенности для украинского языка. Таким образом, данная акцентная особенность связывает Мерило (равно как и Чуд.) с юго-западной половиной восточнославянской области; см. также Новые данные, § 14.

Разбор материала

Основная группа

§ 68. Начнем с а.п. *b* и *c*, которые в местоименном склонении являются основными.

А.п. *b*. "Он(ый)": *онѡ* 117б, 244, *онѡ же* 145б, *оногѡ* (7×: 74, 105, 116 и др.), *оному* (14×: 22б, 70б, 109 и др.), *онаѧ* 113б, *онѡмь* 64, 243, *онѡи* 70б, *ѡнъ*, *ѡн(ъ) же*, *ѡн бѡ* (41×), прочие словоформы — *она*, *они*, *оны*, *онѣхъ*, *онѣмъ*, *онѣма* (более 20×). В Чуд. такая же акцентуация (*ȏнȍ*, *ȏно́ же*, *ȏногȍ* и т.д.).

"Один" ("един"). Без отрицания — *одинѡ* 23, 28, 340б, *-огѡ* 7, 103б, 122б, *-ому* 125, *-оѣ* 342, *-ою* 4б, 117; также *одинъ*, *-а*, *-у*, *-ѣмь* (12×: 4б, 27б, 341 и др.); *ѥдинѡ* (29×: 3, 4 bis, 36б, 45б и др.), *-огѡ* (29×), *-ому* (24×),

-ою (6×), *-ою* (13×), *-ѡмь* 115б, 134б, 152, *-ѡи* (6×: 85, 96, 272 и др.). С отрицанием – *никедин-огѡ* 241б, *-ому* 143б, 163, *ни въ кдинѡмь* 144; *никедин-ѡ же* 104, *-огѡ же* (8×: 54, 58б и др., однако *-ѡгѡ же* 159, см. § 67), *-ому же* (8×, также *ни по кдиному же* 149б), *-ою же* (6×: 160, 164 и др.), *-ѡи же* 157б, 267, *ни въ кдинѡмь же* 79, 79б. Упрощ.: *кдино* 115б, 270 (также для несвободных *О – одиномь* 344б, *-ои* Р.ед. 224, *кдинои* 274б). В Чуд., где встречается только *кдин-* (но не *один-*), необычная акцентная кривая: *кди́нъ, кдича̀, -о̀, -оѝ* в И. и В. падежах, но *кди́ного, -ому, -ою* и т.д. в прочих (по-видимому, под влиянием а.п. *b* адъективного склонения). Написания Мерила не исключают этой кривой. Не исключено также, что эта особая кривая была свойственна литературному *кдинъ*, но не народному *одинъ*.

Формально а.п. *b* или *c*, по косвенным данным а.п. *b*[64]: "свой", "твой", "мой". Словоформы с *о*: *своѥ, своѥ, свою, сво-кгѡ* (также *-кго*), *-кму, -кѣ* (*-кѥ*), *-кю, -ки, -кмь, -имь, -имъ, -ихъ* (около 600×), аналогично *твоѥ, твоѥ* и т.д. (113×), *моѥ, моѥ* и т.д. (75×). Словоформы с ѡ: 1) И.В.ед. муж. *свѡи* (35×), *твѡи* (22×), *мѡи* (24×) с ѡ, выступающим в силу заведомой односложности; 2) И.мн. (также В.мн.) муж., И.В.дв.жен. и сред. *свѡи* (3×), *твѡи* (12×), *мѡи* (3×), также *свѡими* (5×), *свѡима* (3×), *твѡима* (1×); здесь ѡ выступает в силу диалектной особенности Мерила, состоящей в том, что *и* в этих словоформах стало неслоговым (см. Противоп., § 22).

§ 69. А.п. *c*. "Овый": *ово* 30б bis, 78б bis, 136_2б bis, 142б bis, 157 bis, 260 (в т.ч. *ово же* 4×), *овому* 4б bis, 151б, 154, 212 bis, *ѡвъ* 36, прочие словоформы – *ова, ову, ови, ови, овѣмъ* и др.[65] (26×). "Тот" (сюда же включено "тот же"): *то* (более 250×, в т.ч. часто *то же;* отметим *про то* 338б, *за то* 62б, *на то* 176б bis, 182), *тогѡ* (198×, также *тѡгѡ* 146б, см. § 67), *тому* (71×), *тоѣ* Р.ед. 127, 129, 220б, В.ед. 124, *тоѥ* (29×), *тою* Т.ед. (5×: 149б, 161 и др.), Р.М.дв. (12×: 22б, 224 [7×] и др.); непоказательны *тѡмь, тѡм же* (74×, в основном в сочетании *по тѡмь*), *тѡи* (6×) и И.ед. *тѡтъ* (2×, ѡ "незаконное"). "Кто", "что": *кто* (236×, в т.ч. многократно *кто ли*), *когѡ* (31×), *кому* (27×, также *кѡму* 342б, см. § 67), *кѡмь* 80, 272; *что* (136×, в т.ч. многократно *что ли, пѡ что* 19, 61, 344б, 345, *о что* 3), *чегѡ* 33б, 345б; также с *-ждо: когѡждо* 74б, 187, *комуждо* (8×: 42, 43б, 50б и др.), *в кѡмьждо* 161б[66]. Чуд., как и Мерило, указывает на то, что словоформы *то, кто, что* – энклиномены (см. Дыбо 1975). Слово "овый", по-видимому, в Чуд. частично акцентно уподобилось слову "он(ый)"; старое состояние еще видно, например, в *о̀в жѐ* 12б, *о̀ви оу̀б* 45а.

Отрицательные местоимения "никто", "ничто" обнаруживают замечательную особенность: присоединение частицы *же* превращает здесь энклиномен в ортотоническую словоформу с ударением на *-тО-;* ср. *никто* 38, 69, 253б, *ничто* 121, 267 – *никтѡ же* (27×: 4б, 23б, 36б, 37 и др.), *ничтѡ же* (64×: 2б bis, 4б, 8б, 9, 10 и др.), *ни во чтѡ же* 199. Упрощ.: *никто же* 346б, *ничто же* 57б, 274б, 347, *ни во что же* 259б. Из прочих словоформ укажем: *никогѡ* 4б, 223б, *ни на когѡ* 79б, *ничегѡ* 53_2б, *никогѡ же* 39б, 41б, 94б, *ни ѡт когѡ же* 139б (однако *ни ѡт кѡго же* 43, 159, см. § 67), *ничегѡ же* 31б, *никому же* (6×: 43, 88 и др., однако *никѡму же* 43б, 159).

Ударение *никто́ же, ничто́ же* хорошо известно из Чуд. и всех позднейших памятников; ср. также *ничто̂ же* в XVI в. (Васильев, с. 128). Это ударение было перенесено и в словоформы без *же:* уже в Чуд. только *никто́, ничто́*. Таким образом, свидетельство Мерила о том, что *никто* и *ничто* – энклиномены, имеет уникальную ценность. Заметим, что исторически новая акцентовка *по что̂, за что̂* и т.п. (Васильев, там же) так же относится к более архаичной *по́ что, за́ что,* как *никто́, ничто́* в Чуд. к *никто, ничто* в Мериле.

Ударение **nikъto̍ že, *ničъto̍ že* выступает вместо **nikъto že̍, *ničъto že̍*, ожидаемого по общим правилам для энклиноменов. По-видимому, это один из ранних случаев той оттяжки ударения с энклитик, которая представлена, в частности, в **rodilo̍ sę, -i̍ sę* и т.п. (вместо **rodilo sę̍, -i sę̍*); см. Дыбо 1971, с. 94 о двух вариантах отражения закона Васильева-Долобко в сочетаниях с энклитиками.

Формально а.п. *c* или *b*, по косвенным данным а.п. *c: двою* Р.М. (13×: 39б, 52б, 71б и др.); *оба* (13×: 39, 40, 41 и др.), *обѣ* 34б, 202, 242, *обѣма* (7×: 115б, 137 и др.), *обою* Р.М. (11×: 109, 120б, 168 и др.); основы с элементом *-oj-* — *двоѥ* 81б, 195, 304б, *двоимь* Т.ед. "двояким" 6б; *троѥ* 224б, 243б, 342б, *троѥгѡ* "троякого" 27б; *обоѥ* (8×: 7, 44, 86, 113б и др.), *обоѥгѡ* 165б, *обоѥму* 195б, *обои* И.мн. 100б, 115б, *обоѥ части* И.мн. 115б.

§ 70. К а.п. *a* следует отнести местоимение "кой"; однако его акцентуация, по-видимому, была неустойчивой. Большинство написаний свидетельствуют о корневом ударении: *кѡѥ* 35, 72, 116, 126б, 158б, 159, *кѡѥгѡ* (18×: 35, 48, 64 bis и др.), *кѡѥму* 162, 185б, *кѡѥѣ* 214 [Б], *кѡю* В.ед. 164б, *кѡімь* Т.ед. 192б, *кѡѥмь* (5×: 133, 150 и др., *в кѡѥм же* 347), *по кѡѥи* 226б, также *никѡѥгѡ же* 107б, *никѡѥму же* 33б, 259, *кѡѥждо* (5×: 45б, 244 и др.), *кѡѥгѡждо* (8×: 45, 75, 93 и др.), *кѡѥмуждо* 143б, *кѡѥждо* 91б, 94б, 97, *кѡѥмьждо* 44б, 177б, *в кѡѥиждо* 92б bis (написание *кѡждо* [11×] малопоказательно). С другой стороны, имеются написания с *о*, которых слишком много (21 *о* против 59 ѡ), чтобы они могли быть все упрощенными: *коѥму* 133, *коѥю* 133, 140, *коѥмь* 73, 89, *никоѥму* 105б, *никоѥю* 134, *ни-*

---

[64] В частности, на а.п. *b* указывают производные *свѡиство, свѡить, оусвѡить*.

[65] В т.ч. адъективное *овии* 21б и субстантивное *овомъ* Д.мн. 62.

[66] Упрощенные написания для несвободных ѡ (*того, томь, кого*) не приводятся.

коѥю 91б, *нико|ѥгѡ же* 255, *никоѥму же* 347, *никоѥѣ же* 42, 43, *никоѥѧ же* 126, 133 (*ко|*), 239б, *коѥгѡждо* 165б, *коѥмуждо* 136_2б, *коѥѧждо* 90б, 91б, 96б (*ко|*), *коѥмьждо* 85. По крайней мере часть этих написаний отражает ударение на флексии (по образцу "свой"). Колебание ударения у слова "кой" наблюдается также во многих памятниках XVI-XVII вв.

Местоимения, сложенные с *нѣ-*, по-видимому, имели во всех формах автономное ударение на *нѣ*. Материал: *нѣкто* (14×: 61, 82 bis, 89б, 140 и др.), *нѣчто* (12×: 44б, 86, 92б и др.); основа *нѣк-* — *нѣкогѡ* "некоего" (7×: 79б, 82, 121 и др.), *нѣ* ѡ^т *когѡ* "от некоего" 229б, *нѣкому* "некоему" 61б, *нѣкою* Т.ед. 199, *нѣкѡи* Д.ед. 185; основа *нѣкоj-* — *нѣкоѥ* (10×: 116б, 139б, 158 и др.), *нѣко-ѥгѡ* (24×, также *нѣкоѥго* 111), *-ѥму* (13×), *-ѥѧ* 175, *-ѥю* 133, *-ѥмь* 84б, 89, 102, *-ѥи* 88б, 299. Впрочем, изредка встречаются написания с *ѡ*: *на нѣкѡѥи* 262б (также *нѣкѡѥго|* 101 [Б], *по некѡѥи* 97б [Б], с *е* вместо *ѣ*); они либо отражают более расчлененное произношение, при котором *кѡj-* не полностью теряет ударение, либо возникают по чисто орфографическим причинам (сохранение привычной буквенной последовательности *кѡѥ-*). О *нѣкакѡ* см. § 72.

Смешанная группа

§ 71. Колебание между а.п. *а* (по-видимому, основной) и *с*: слово "иной". Словоформы адъективного типа: по а.п. *а* - *иноѥ* 97, 159, 240б, 255б ter, по а.п. *с* - *инѡѥ* 117б, *інѡго* 32, *инѡгѡ* 60, 95, *інѡгѡ* 34, *инѡму* 117б, 154, 162, 258 (ср. § 67). Прочие словоформы: *ино* (36×: 2б, 29б bis, 74, 96 и др.), *иногѡ* (49×, в т.ч. *ино|гѡ* 4×; также *иного* 230), *иному* (10×, в т.ч. *ино|му* 2×), *иноѣ* 69б, *иноѧ* (7×: 88б, 96, 106 и др.), *иною* Т.ед. 141б, 228, 257 bis, М.дв. 262, *инѡмь* (6×: 79, 105, 136б и др.), *инѡи* 44, 74, 155б; все эти словоформы могут отражать как а.п. *а*, так и а.п. *с*. В Чуд. а.п. *а* с небольшими колебаниями, например, *ѝнѣмъ* и *ѝнѣмъ*; отметим Чуд. *ѝно́моу же* 113б (и рядом *ѝномоу́ же*).

А.п. *с*: "сам(ый)". Заведомо адъективное окончание - только в *то самѡѥ* 83. Прочие словоформы: *само* 35, 207, *самогѡ* (7×: 3б, 60б, 74 и др., также *-ого* 3×), *самому* (9×: 84б, 202б, 334 bis и др.), *самоѣ* 331б, *самѡмь* 80, 262, *самѡи* 62. В Чуд. а.п. *с* (однако при адъективном окончании *-оѥ* — только *са́моѥ* 96а, 103г, 127б, ср. § 53 о слове "другой").

§ 72. Суффикс *-ак-*. А.п. *а* (гр. 1): *всѧкоѥ* 144 (адъективная словоформа), *всѧко* (19×: 9, 12б, 13, 16 и др.), *-огѡ* (24×, также *-ого* 2×), *-ому* (10×), *-оѧ* (9×), *-ою* 25б, *-ѡмь* 30б, 62, 120б, 272, *-ѡи* (9×: 27, 30б, 62 и др., также *-ои* 72). По косвенным данным сюда же *ѥдинако* 194, *ни* 58б (ср. *одинаку* В.ед. 60б).

По косвенным данным а.п. *а* (гр. 2): *инакѡ* (21×: 4, 50б [6×], 78, 95 и др.); *нѣкакѡ* 133б, 143, 214б [Б]. Упрощ.: *инако* 227.

А.п. *с*: *какѡму* 168б, 173 bis, *какѡю* 149б, 192 (адъективные словоформы); прочие словоформы - *тако*, *како*, *ѧко* (очень часто, многократно также *ѧко же*, *тако же*, *никако же*), *такогѡ* 25б, *такогѡ же* 30б, *какогѡ* 157б, *такому же* 192, *какому* 34 bis, 75б, *какоѧ* 192, *никакоѧ же* 167б, *какѡмь* 83, 183б, *какѡи* 156, 179.

Неизменяемые слова

§ 73. Укажем (без подробного разбора), как пишутся в Мериле некоторые группы неизменяемых слов, содержащих *О* (об отадъективных наречиях на *-О* и *-ѣ* см. § 46). Наречия на *-Олѣ*: *докѡлѣ* 14б, 32б, ѡ^м*кѡлѣ* 32б, *дотѡлѣ* 224, ѡ^м*тѡлѣ* (15×: 12, 32б, 42б и др.); на *-Оли*: *коли* 39, 159, *николи же* 39б, 67, 204б, *нѣколи* 52, 246б, *колиждо* 91б, 257б; также *колижды* 48б, *толижды* 313; на *-амО*: *тамо* 8, 52б, 124б, *онамо* 62, *ѥдинамо* 39, также *сѣмо* 62; на *-гда*: *коѥгда* 153б, *овогда* 130б ter, 137 ter. Прочие наречия: *искони* 2б, 4, *мнѡгажды* 50, 177, *мнѡгиждою* 60б, *обаче* (9×: 57, 89, 100б и др.), *токмо* (77×: 6б, 7, 23б и др., также *тъкмо* 3×). Отыменные предлоги: *кромѣ* (16×: 21, 56, 94б и др.), *сквозѣ* 3б, 137б, *противу* (7×: 5, 7б, 53 и др., также *противо* 195б), *супротивь* 50 (о простых предлогах см. Противоп., § 25-27). Союзы: *оже* (20×: 72б, 80б, 332б-345б), *ожели* 335б, *доже* 197б, *оли* 230б, 333б, *тоти* (7×: 224 bis, 333-340).

Частица *бО* пишется *бѡ* (291×: упрощ. *бо* в нормальных условиях 10×); *ѡ* здесь несвободное, см. §2. Но в "ибо" и "убо" *О* уже свободное, и отчетливо видна разница в акцентуации: *ибѡ* (15×: 23б, 58б, 100 и др.; упрощ. *ибо* 58б); *оубо* (60×: 16б, 44б, 45, 61б и др.; написание *оубѡ* 82, 150б либо отражает вариант с другим ударением, либо возникло просто под влиянием орфограммы *бѡ*).

СПРЯЖЕНИЕ

§ 74. С акцентологической точки зрения оказалось целесообразным рассматривать по отдельности: 1) основную часть глагольной парадигмы (включая действительные причастия); 2) страдательные причастия[67].

При цитировании словоформ частицы *не* и *да* как правило ради краткости опускаются (поскольку в Мериле они не оказывают никакого влияния на написание глагольных словоформ). Наличие возвратной частицы при ссылках на страницы может отмечаться записями (*сѧ*), (^{c})[68]; например, *порабѡтить* 130, 130б (^{c}) означает: *порабѡтить* 130, *порабѡтить*^{c} 130б.

---

[67] Действительные причастия обозначаются далее как "прич. наст." и "прич. прош.", страдательные - как "прич. страд. наст." и "прич. страд. прош.".

[68] Разницей между *сѧ* и ^{c} мы в некоторых случаях пренебрегаем.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ГЛАГОЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Глаголы на *-ити*

§ 75. Противопоставление трех а.п. у глаголов на *-ити* (в основной части глагольной парадигмы) показано в таблице 12.

Акцентные кривые. В а.п. *a* ударение неподвижно. В а.п. *b* по написаниям Мерила четко выделяются формы с оттяжкой ударения на корень: презенс (кроме 1 ед.), прич. наст.. (кроме И.ед. на *-ѧ*, *-ѧи*), прич. прош. без *-ив-*. Прочие формы должны интерпретироваться как имеющие ударение на послекорневом слоге. Из этих фактов особый интерес представляет корневое ударение в прич. наст., поскольку в этом пункте Мерило систематически расходится с Чуд. (где ударение регулярно на суффиксе, например, *гонѧ̀*, *гонѧ́й*, *гонѧ́ще*, *гонѧ́щий*), ср. § 91.

В отношении а.п. *c* показания Мерила, как обычно, неоднозначны. Важно то, что они нигде не противоречат Чуд. (см. Дыбо 1969 и 1971). Особо отметим прич. прош. без *-ив-*. В Чуд. здесь обычно корневое ударение (например, *полóжь*, *полóжшю*, *-е*, *ствóрше*, *ствóршемоу* и т.д.) и лишь изредка флексионное (в частности, *ство|ршѐ* 28в, *створшéму* 143в). В Мериле те же два варианта, но в ином количественном соотношении: 1) *порѡжьши*; 2) *положьшю*, *обновльшему*, *свобожьша*, *-аѧ* (словоформы *прилѡжь*, *поклѡньсѧ* соотносятся с обоими вариантами).

§ 76. Переходим к разбору материала.

А.п. *a* (гр. 1): *готѡвить* 32б; *закѡнить* 136б, *взакѡнить* 173б, *-ити* 174, *оузакѡн-ити* 207б, *-и* аор. 204б, 201б (*сѧ*); *озлѡб-ите* буд. 23, *-ити* 82, 111б, *-и же сѧ* аор. 4[69]; *мнѡжиши* 11, *оумнѡж-ить*[c] 31, *-иша* 14б, *-илъ вы ѥсть* 17б; *подѡбѧтсѧ* 29б, *оуподѡб-ишисѧ* 7б, *-ити*[c] 344; *робѡтѧть* 343, *порабѡт-ить* 130, 130б ([c]), *-ѧще* 58б, *-ивъ* 130б. Сюда же *измѡлвити* 29б (см. Противоп., §8).

§ 77. А.п. *b*: глаголы *водити*, *воротити*, *гонити*, *молити*, *носити*, *плодити*, *просити*, *своити*, *скочити*, *смотрити*, *томити* (ср. § 87), *точити* (ср. § 87), *ходити* (и их производные). Приводим материал.

Словоформы с ударением на корне. Презенс (кроме 1 ед.): *вѡдиши* 17, *вѡдить* 67б, *на-* 16б, 71, 87б, 148б ([c]), *при-* 48б, 187б, 207б, 147 ([c]), *въвѡдѧть* 263, *извѡдѧть* 109, *привѡдѧть* 75, 187б; *ворѡтить* 341б, *въз-* 342, *заворѡтитсѧ* 28б; *гѡнить* 11б, *из-* 346б, *по-* 35; *мѡлить* 14, 65б, 96б ([c]), 250б ([c]), *измѡлит ны* 38, *оумѡлить*[c] 12, *мѡлимъ* 167, 345б, *мѡлѧть* 142б; *нѡсиши* 51б, *нѡсить* 11, 26, 5б (*сѧ*), *в-* 272, *въз-* 11, 156б, 157б, *на-* 199, *при-* 92, 157, *нѡсимъ* 31, *при-* 148; *приплѡдить*[c] 203, *плѡдѧтьсѧ* 34б, *ис-* 35б; *прѡсить* 14, 38, 90, 104, *въ-* 257б, *въс-* 156, *ис-* 120б, *прѡсѧть* 15б, 144, 167б; *свѡить* 169,

[69] Имперфект *озлѡблѧше* 117 может относиться как к *озлѡблѧти*, так и к *озлѡбити*.

Таблица 12

Формы \ А.п.			*a* (гр.1)	*b*	*c*
Презенс		ед. 1	-	молю	створю
		2	мнѡжиши	вѡдиши	твориши
		3	готѡвить	мѡлить	творить
		мн. 1	-	мѡлимъ	творимъ
		2	озлѡбите	-	створите
		3	робѡтѧть	мѡлѧть	творѧть
Повел.		ед. 2	-	ходи	твори,(дѡи)
		мн. 2	-	ходите	творите
Прич.наст.		И.ед. на-*ѧ*	-	ходѧ	творѧ
		И.ед. на-*ѧи*	-	входѧи	творѧи
		Примеры прочих форм	порабѡтѧще	хѡдѧща	творѧще
Инфинитив			оузакѡнити	ходити	творити
Аорист		ед. 1	-	ходихъ	родихъ
		2-3	оузакѡни	оумоли	створи
		мн. 3	оумнѡжиша	въпросиша	створиша
Имперфект		ед. 2-3	(-)	хожаше	творѧше
		мн. 3	-	исхожаху	творѧху
л-причастие		ед. муж.	оумнѡжилъ	-	створилъ
		жен.	-	расточила	родила
		сред.	-	-	оутаіло
		мн. муж.	-	-	положили
Прич. прош.	с *-ив-*	И.ед. на *-ивъ*	порабѡтивъ	носивъ	створивъ
		И.ед. на *-ивши*	-	въпросивыи	створивыи
		Примеры прочих форм	-	ходивше	створивши
	без *-ив-*	И.ед. на *-ъ*	-	-	(ствѡрь), прилѡжь
		И.ед. на *-ии*	-	-	затвории
		Примеры прочих форм	-	испрѡшьшю	(ствѡрше), положьшю*

* Другой акцентный вариант представлен в единичном *порѡжьши*.

оу- 31; *скѡчить* 193; *смѡтрить* 68, 223 (^{c}), *расмѡтрить* 12, 136$_2$, 268б, *смѡтр-имъ* 55б, *-ѧть* 16; *хѡдишь* 28, *хѡдить* 3б, 338б, *в-* 145б, *въс-* 195б, 245, 261, *на-* 264б, ѡ^{т}- 4б, 30б, 343 bis, *по-* 124б, *при-* 7, 67, 117б, *проис-* 151, *с-* 220б, *хѡдѧть* 6б, 14б, *до-* 343, *ис-* 32б, ѡ^{т}- 103, 112б, 121б, 144, *при-* 219, 248б, *перехѡдѧ^{т}* 35б, *схѡдѧтьсѧ* 197. Упрощ.: *молишисѧ* 20, *приносѧть* 266б, *плодить* 34б, *въпросить* 248, *смотри|ши* 54б (тесно).

Прич. наст. (кроме И.ед. на *-ѧ*, *-ѧи*): *гѡнѧщ-е* 15б, 46б, *-ихъ* 14, *-имъ* 16, ѡ^{т}*гѡнѧщимъ* 149б; *мѡлѧщесѧ* 82б; *нѡсѧще* 107, 139, *взнѡсѧщихъсѧ* 52б, *принѡсѧщ-е* 51, *-имъ* 171; *прѡсѧщему* 251; *смѡтрѧщ-е* 63, *-имъ* 45б, 56б, 151, *-ими* 143б; *хѡдѧщ-а* 91б, *-ема* 40, причастия с основами *вхѡдѧщ-*, *въсхѡдѧщ-*, *исхѡдѧщ-*, *низъхѡдѧщ-*, ѡ^{т}*хѡдѧщ-*, *прехѡдѧщ-*, *прихѡдѧщ-*, *происхѡдѧщ-*, *схѡдѧщ-* (членные и нечленные формы) - 52× (32б, 35, 86, 147б, 224б, 242, 252б и др.).

Прич. прош. (без *-ив-*): *испрѡшьшю* Д.ед. 130 [Б].

Словоформы с безударным корнем. 1 ед. презенса: *молю* 9, 202 (^{c}), *не прошю* 268б. Повел.: *моли* 6б, *не поноси* 30б, *смотри* 24б, 143, 220б, 222, *-ите* 19, 221б, *расмо|три* 60б, *ходи* 28, 40б, *-ите* 56. Причастные словоформы на *-ѧ*, *-ѧи* (И.ед.): *възводѧ* 62б, *ізводѧ* 66б, *наводѧ* 117б, ѡ^{м}*водѧ* 142б, 344б, *приводѧ* 194, *-ѧи* 75, 187б, *гонѧ* 343, *молѧ^{c}* 250б, *носѧ* 44, 230б, *из-* 33, *на-* 77, *по-* 57, *просѧ* 90, 104, *смотрѧ* 1б, 229б, *точа* "источая" 33б, *ходѧ* 73, 177б, *вос-* 143, *ис-* 254, *на-* 180б, *при-* 77б, 136, *про-* 53$_2$б, *проис-* 44, 142б, 221, *входѧи* 192б, *отъходѧи* 274 (начальное *о* киноварное). Инфинитив: *водити* 29, 79, *въз-* 219 bis, *из-* 159, *при-* 94б, 136$_2$, 186б, *воротити* 337 bis, 339б, *гонити* 145б, *молити* 65 bis, 86б (*сѧ*), *носити* (7×: 17б, 29б и др., также *носитисѧ* 62), *в-* 179, *воз-* 143б, *по-* 30б, 57б, *при-* (5×: 167, 171б и др.), *просити* 82б, 83, 182, 263б, *ис-* 82б, 83, 83б bis, *присвоити^{c}* 144, *смотрити* 69, 70, 215б, *заточити* 189б, 229, *поточити* 340, *ходити* 83, 347, *в-* 153б, 200, 207, *въс-* 244б, *ис-* 161б, *на-* 95, 95б, ѡ^{м}- 78, *пре-* 74, 167, 186б, *при-* (7×: 76б, 86б и др.), *схо|дитисѧ* 92б[70]. Аорист: *помолихъсѧ* 10, *оумоли мѧ* 2 ед. 48б, 57б, *приплодиша^{c}* 179, *въпросиша* 345б, *въспроси* 219б, *въскочиша* 39б, *оускочи* 40, *расмотри* 199, *заточи* 52б, *ходихъ* 14б, 230б, *ходисте* 19. Имперфект: *приводѧху* 344б, ѡ^{м}*гонѧше* 22б, *молѧше* 48, 47 (*сѧ*), *мо|лѧхусѧ* 42, *смотрѧста* 3 дв. 39, *хожаше* 39, *въс-* 53, *при-* 132, *исхожахѹ* 41б, 39 (*сѧ*). Перфект: *расточила ѥсть* 252. Прич. прош. с *-ив-*: *молившемъ же сѧ* 201, *оумо|ливъ* 50, *носивъ* 73б, 192б, *по-* 42б, *просившю* 48б, *въпросивъи* 249, *смотрившагѡ* 78, *расмо̀тр-ивъ* 88б, 136$_2$, *-ивше* 166б, *истомивъ* 8, *ходивше* 343б.

Формально а.п. *b* или *a*, по косвенным данным а.п. *b*: *рѡбѧть* "порабощают" 338б, *досѡчитьсѧ* 343, ѡ^{м}*сѡчать* 339б, *оутѡлить* 116б (ср. Чуд. *оутоли́ти* 80б).

[70] Неправильное написание: *схѡдити^{c}*| 200 (позднее переправлено на *схѡдитисѧ*); вероятно, писец начал писать словоформу *схѡдить^{c}*, которая уместна по контексту.

Глагол *строити*, по-видимому, колеблется между а.п. *b* (основной для него) и а.п. *c*. По а.п. *b* идут: *стрѡиши* 67б, *стрѡить* 10, 33б, 131, 152, 178, 197 (^{c}), *оу-* 264, 268, 137б (*сѧ*), *стрѡѧть* 33б, 348, *оу-* 242б. По а.п. *c* идут: *строѧть^{c}* 117, *оустро-ить* 7б, *-ѧть* 43, *строѧще* 58б, *строѧщю* 132б, *строѧщимъ* 165 (маловероятно, что все эти написания упрощенные). Аналогичное колебание и в прич. страд. прош. (см. § 87). Не позволяют различить а.п. *b* и *c* словоформы: *строити* (11×: 84б, 86, 90 и др., также *строитисѧ* 57б), *при-* 130б, *оу-* 7б, 166, 168, 195, *оустроивъ* 10, 150. Аорист *оустрѡи* 58б, 168 обнаруживает такой же переход *и* > *j*, как в повел. типа *дѡи*, *въспѡи*.

Глагол *изволити:* презенс *извѡлить* 28, но также *изволить^{c}* 169, *-ита* 78б. Таким образом, здесь либо просто а.п. *b*, либо колебание как у *строити*. Прочие словоформы: аорист *извол-ихъ*, *-и*, *-исѧ*, *-ихомъ*, *-иша* (12×: 13б, 28, 10б, 166б и др.), *извол-ивъше* 53б, *-ившема* 163б, *произвол-ити* 167, *-ивше* 166.

§ 78. А.п. *c:* глаголы *годити*, *-городити*, *-гостити*, *-клонити*, *-корити*, *оукротити*, *ловити*, *-ложити*, *-морити*, *разорити*, *полонити*, *постити*, *простити*, *родити*, *свободити*, *скопити* 'castrare', *творити*, *-топити* 'mergere', *трошити* 'тратить' (и их производные).

Приводим вначале формы, в которых написания Мерила позволяют отличить а.п. *c* от *b*.

Презенс (кроме 1 ед.): *оугодимъ* 47б; *перего|родить* 339; *пригостить* 341б; *поклонишисѧ* 118б; *покоритьсѧ* 117, 158, *оукорить* 81, 230б; *оукротить* 11, 31б (^{c}); *преложиши* 140, *приложиши* 34б, *-ложить*, *-ложить^{c}* с приставками *в-*, *въз-*, *на-*, *об-*, *по-*, *пре-*, *при-* (30×: 21б, 33, 66, 103, 259б и др.), *положать* 103, *прилохать^{c}* 118, *сложать* 26б; *изморить* 194б, *оумор-ить* 110б, *-ѧть* 108, 111, *обновить* 253, 273б, 33 (^{c}); *разорить* 185б; *полонѧть* 229; *постить^{c}* 130; *простить* 89б, 268, 81б (*сѧ*), 111б (^{c}) (также *просьтить* 86б), *простимъ* 48; *родить* 51, 112б, 247, 177 (^{c}); *свобод-иши* 270б, *-ить* 259б, 263б, *-ить^{c}* 130б, 139б, 143; *скопить* 'castrat' 88 (*ко|*), 130б; *твориши* 54б bis, *с-* (9×: 43, 48, 119 и др.), *творить* (34×: 5, 7, 10б и др.), *за-* 337 (также *затворить бѡ сѧ* 36б), *с-* (42×: 37б, 46, 48 и др., также *створить^{c}* 6×), *творимъ* 34б, *створите* 38, *творѧть* (24×: 10, 20, 22 и др.), *с-* (9×: 6б, 82б и др.), *створита* 178б bis, 179; *истопить^{c}* (о корабле) 267б, 273б, 338 bis.

Прич. наст. (кроме И.ед. на *-ѧ*, *-ѧи*): *годѧче* 34; *клонѧщасѧ* 26б; *покорѧщесѧ* 42б; *ловѧче* 62, *ловѧщихъ* 9б; *разорѧщихъ* 188; *постѧщемусѧ* 56б; *творѧщ-е*, *-а*, *-ю*, *-агѡ*, *-еи*, *-ѧмъ*, *-имъ*, *-ихъ* (37×: 5б, 40б, 56б, 65 и др.); *троша|шаще* 6 (вместо *трошаще*).

Прич. прош. без *-ив-* (кроме И.ед. на *-ъ*, *-ии*): *положьшю* Д.ед. 158, *обновльшему* 274, *свобохьша* Р.ед. (?) 324б, *-ѧмъ* В.мн. муж. 183. Другой акцентный вариант - *порѡхьши* 5б (см. § 75). Словоформы *рѡхьши*, *-е*, *-хсѧ*, *-агѡсѧ* и т.д. (21×), *ствѡрше*, *-ю*, *-агѡ* и т.д. (17×) акцентологически непоказательны.

Далее приводятся формы, в которых по написаниям Мерила нельзя отличить а.п. *c* от *b*.

Предполагаемые э н к л и н о м е н ы (см. Дыбо 1971). 1 ед. презенса: *положю* 15б, 17, 37, *прелоѫ* 3б, *прощю* 230б, *створю* 39б, *не створю* 39б. И.ед. прич. наст. (на *-ѧ*): *творѧ* (24×: 11б, 12, 27, 30 и др.); *л*-причастие: (кроме ед. жен. и мн. сред.): *оукорилъ ѥси* 60б, *вложилъ* 31б, *възложилъ* 341, *положилъ* 184, 336б, *-и* 35, *прилоѫилъ* 267б, *-и* 331б, *сѧ не родилъ* 38, *свободилъ* 306б, *скопилъ будеть* 'castrabit' 130б, *творѣли ѥсте* 41 (*ѣ* вместо *и*), *створилъ* (10×: 12, 15, 44б, 19 и др.). И.ед. прич. прош. (на *-ивъ*): *изложивъ* 200, *положивъ* (7×: 6б, 42б, 57б и др.), *прилоѫивъ* 245, *не прилоѫивъ* 132, *створивъ* (11×: 45, 45б, 68 bis и др.). Особо: *въсклонивъсѧ* 41б (ударение, вероятно, на *сѧ*), *въсклонивъ же сѧ* 41б.

Предполагаемые о р т о т о н и ч е с к и е словоформы. Повел.: *оуклонисѧ* 11, *приклони* 47, *налоѫи* 120, *положи* 65, *прилоѫите* 9, *разори* 1, *прости* 48б, *твори, створи* (7×: 11, 12б, 18б и др.), *творите, створите* (12×: 20б, 41, 48 и др.), *затворита* 39б. И.ед. прич. наст. (на *-ѧи*): *творѧи* 36б, 63, 129, 193б. Инфинитив: *оугодити* 25б, 30б, 66, 143б, *оуклонити* 21, 10б (*сѧ*), 118 (*c*), *покорити* 14б, 23б (*c*), 117 (*c*), *оукорити* 64, *-лоѫити, -лоѫити*^{c} с приставками *в-, въз-, на-, низ-,* ѡ^{т}*-, по-, пред-, при-, с-* (37×: 8, 25, 74б, 76б, 80б и др.), *оуморити* 40, *разорити* 82, *постити* 227, *простити* 164, 239, *творити, с-* (102×: 28б, 43, 45 и др.). Аорист: *оуклонихъсѧ* 13б, *покори* 36б, *-лоѫи* с приставками *в-, въз-, из-,* ѡ^{т}*-, по-, с-* (12×: 3, 5б, 17, 43б и др.), *възложиша* 40, *оумори* 46б, *обнови* 26б, 142б (*сѧ*), *родихъ* 225б, 244б, *роди* (17×: 220б–22б, 244б–24б), *родиша* 244, 244 (^{c}), *затвори* 40, 46 (*сѧ*), *-ишаc* 39б, *-иста* 39б, *створи, -иша, -иста* (42×: 2б, 4, 113, 220б и др.), *потопи* 46, 60, 174. Имперфект: *творѧ-ше* 58, *-ху* 111, 347б. Ед. жен. перфекта: *родила ѥсть* 246. Прич. прош. с *-ив-: положивши* 270б, 273б, *створивши* 10, 50б, 128, 206б (также *створевши* 246, с *е* вместо *и*), *оукорившa* 177, *оуловивъ|ше* 21б, *положивши* 248б, *-еи* 265б, *-ему* 185б, *прилоѫивъше* 8б, *изморившa* 194б, *родивш-имъ* 128, *-имъ|сѧ* 141 (*-имсѧ* 141, 141б), *свободившаѧ* 79 bis, *створивши* 39б, *затворившимъ* М.ед. (sic) 194б, *истопившюсѧ* "утонувшему" 267б. Прич. прош. на *-ии: затвории* 130 [Б], *прилоѫисѧ* 128 quater, 128б (по-видимому, *-исѧ* вместо *-иисѧ*). Прич. прош. на *-ь: поклѡньсѧ* 41б bis, *прилѡжь* 198б (непоказательны *рѡжьсѧ* 38, *ствѡрь* 19б).

Отметим несколько глаголов, а.п. которых по данным Мерила нельзя установить однозначно. А.п. *c* или *b: бл҃говоли* повел. 13б, *помостивше* 341, *нанози* аор. 19б, *ротитисѧ* 81б bis, *хоронилъ* 336б, *-и* 344 bis. А.п. *c* или *a* (гр. 2): *пакост-ить* 22, 36б, 251б, 31б (*c*), *-ѧщагѡ* 66, *-ѧщему* 65, *-илъ* 26б (в Чуд. а.п. *c*). Малопоказательны *даровити* 85, *дѡи* повел. 11. См. также § 84 о словоформах на *-лО*.

В полном согласии с данными исторической акцентологии, акцентуация отыменных глаголов на *-ити* подчиняется в Мериле формуле "a^{a}, b^{b}, c^{c}". Важнейшие примеры: a^{a} - *готѡвить, оузакѡнити, озлѡбити, оумнѡжилъ, робѡтать;* b^{b} - *свѡить;* вероятно, сюда же *плѡдаться, рѡбать, извѡлить;* c^{c} - *перего|родить, пригостить, оукротить, простить, родить, свободить;* вероятно, сюда же *полонать, помостивше.* Исключение: *поститьc* относится в Мериле (так же, как и в Чуд.) к а.п. *c*, хотя "пост" - слово а.п. *b*.

Глаголы на *-ѣти, ѩти* (с презенсом на *-ить*)

§ 79. В системе презенса различаются три а.п. - по-видимому, с такими же акцентными кривыми, как у глаголов на *-ити*. Вне презенса ударение в а.п. *b* и *c*, вероятно, всегда на элементе *-ѣ-* (*-ѧ-*).

Принадлежность нескольких глаголов ("видеть", "слышать" и др.) к а.п. *a* устанавливается лишь по страд. причастиям, см. § 86, 89.

А.п. *b: достѡить* (19×: 20, 71б, 72 bis и др.), *достоѩ* прич. 149, ср. также *достоѩниѥ* (§ 89). В двух случаях, по-видимому, представлены лишь единичные колебания в сторону а.п. *b* (при обычной а.п. *c*): *растѡить* 35 (при *растоѩщ-аѩсѧ* 3, 198, 205, *-имъсѧ* 254б), *бѡлимъ* 1 мн. 47б (при *болить, болѧче* и т.д., см. ниже).

А.п. *c: боитьсѧ, боѧтьc* (6×: 27, 29б и др.), *оубоишисѧ* 20б, 121б, *бѡисѧ* повел. 22б bis, *боѩсѧ* (6×: 22, 30 и др.), *боѩчесѧ* 27б, *боѩщ-есѧ* 41, *-юсѧ* 26б, *-имсѧ* 147б, 195б, *боѧтисѧ* 58б, 196б, *оубоѩсѧ* аор. 12; *болить* 31 (относительно *бѡлимъ* 47б см. выше), *болѧ* 6, 124б, *болѧче* 6б, *болѧщимъ* 22б, *поболѣ-ти* 47б, *-въ* 4б; *изгорить* 268б, *разгоритьсѧ* 21б, *сгорить* 260б, *горѧщеѥ* 46б, *погорѣвшии* 253, *сгорѣвшагѡ* 128б; *въсполитьc* 68 (от *въсполѣтисѧ* 'загореться'); *стоиши* 'stas' 51, *стоить* (6×: 9, 47б и др.), *стоѩть* 24б, 26б (*о|*), *оустоѩть* 15б, *стоѩщи* 41б, *-ю* 53б, *-а* 38, *-ему* 133, *-ии* 228б, *-ихъ* 133, *настоѩщюю* 259, *стоѧти* 48б, 127, 127б, 340б, *достоѧти* 'отстоять до конца' 127б, *стоѧше* 44 (относительно *растѡить* 35 см. выше).

Глагол *хотѣти* в Мериле, как и в других памятниках, аномальным образом соединяет словоформы по образцу *болѣти* (а.п. *c*) со словоформами I спряжения по образцу *кѡлеть, мѡжеть* (а.п. *b*, § 82). Основная группа словоформ: *хощю* 80, *хотѧть* (17×: 84б, 107, 110б и др.), *въсхотѧть* (5×: 115б, 179 и др.), *не похочи* 119, *въсхощи* 29б, *хотѧ* 'volens', 'velut' (24×: 22б, 30, 51, 106 и др.), *хотѧи* 19б, 78б, 116, *хотѧщ-и, -ю, -е, -аго, -ему, -имь, -аѧ, -имъ, -ихъ, -ема* (35×: 35б, 42б, 43б, 170, 231 и др.), *въсхо|таще* 128, *хотѣти* 184, 337б, 342 bis, *хотѣ* 250б, *хотѣша* 83б, *въсхот-ѣ* (4×: 39, 82 и др.), *-ѣхомъ* 146б, *-ѣша* 168б, *хотѧ-ше* 141б, 257, *-ху* 267б, *хотѣлъ* 70б, *въсхотѣвшю* 107. Словоформы презенса с *ѡ: хѡще-ши* 122 (*-шь* 29б), *-ть* (49×: 10, 16б bis, 31, 53 и др.), *-мъ* (7×: 147, 151б, 168 и др.), *-те* 57, 345, *-та* 112, 191, *въсхѡще-ши* 122, *-ть* (18×: 80, 86б, 106 и др.), *-та* 3 дв. 102б, 107, 177б, *всхѡщеть* 250; отметим также сомнительные написания *ѩкоже хѡщь* 145б, *хѡще ли* 56б. Упрощ.: *въсхощеть* 169.

Глаголы на *-ати (-аіеть), -ѣти (-ѣіеть)*

§ 80. А.п. *а* (гр. 2): *ізготѡвающе же сѧ* 178, *оуготѡв-асѧ* 37, *-авшагѡ* 3б; *котѡрающегѡсѧ* 11б, *раскотѡр-авъсѧ* 113б, *-авшисѧ* 249б; *подѡба-еть* (14×: 19б, 30, 49 и др.), *-ше* 104б [Б], *-лѡ* 34б; *рабѡта-ѥть* 31, 121, *-ите* 13, *-ѩ* 25б, *-ющи* 230, *-ющихъ* 165, *-ти* 135, *-вше* 121б, *рабѡта ми* аор. 270б, *израбѡтаѥтьсѧ* 129б [Б][71]; группа вторичных имперфективов - *ворѡчати* 343, *взакѡнѧѥши* 60, *оузакѡнѧ-ѥть* 243, *-ѥмъ* (1 мн.) 255, 256, *озлѡблѧющими* 7, *озлѡблѧше* 117 (см. сноску 69); *порабѡща-ѥть* 139б, *-ютьᶜ* 183; глаголы на *-ѣти* - *сорѡмѣѥсѧ* 22, 50, *обурѡдѣша* 54. Упрощ.: *оуготова* 47, *подобаѥть* 136_2б.

По косвенным данным а.п. *а* (гр. 1): *иско|паѥть* 121б, *въскопающи* 137б; группа вторичных имперфективов - *изгонѧѩ* 346б, *иско|ренѧѥть* 171б, *свобожа-ѥтьᶜ* 270, *-ющимъᶜ* 195, *скоплѧ-ють* 'castrant' 130б, *-ти* 130б, *затворѧѥтьᶜ* 135, ср. *створѧѥму* 133б (обратить внимание на огласовку *о* вместо нормативной *а*), также *лобызахъ* 10; глаголы на *-ѣти* - *овдовѣвше* 11б, *одолѣ-ѥть* 27б, 30б, *-ти* 44б; отметим также *довлѣ-ѥть* (5×: 42 и др.), *-ѥта* 90, *-ти* 151б (см. Противоп., § 25, особый случай 2).

Таким образом, Мерило отражает архаичное состояние, когда вторичные имперфективы еще не обобщили ударение на *-а-* (*-ѧ-*): *оузакѡнѧѥть, озлѡблѧющими, порабѡщаѥть* сохраняют ударение исходного глагола. В Чуд. действует этот же принцип, но уже с заметными колебаниями.

Глаголы на *-овати*

§ 81. Данные Мерила по этим глаголам малопоказательны, поскольку суффикс *-Ова-* всегда пишется в Мериле через *о*, независимо от места ударения в словоформе (см. Противоп., § 18). Ср., например, *господовати, даровати, куповати, наимовати* и т.п. (ударение на *-ва-*), *вѣровати, покрадовати, помиловати, печаловати* и т.п. (главное ударение на 4-м слоге от конца) и *вѡіньствовати, назнаменовати, свѣдительствовати* (главное ударение на 5-м слоге от конца). С *ѡ* в корне в Мериле встретились: *вѡіньств-овати* 178б, *-уѥть* 178б, *вѡиньств-оваше* 140б, 257б, *-ующе* 183, *-уюцему* 179 bis; *изрѡвновахъ* 3б; *безакѡньн-овати* 49б, *-уѥть* 36б.

Глаголы с презенсом на *-еть* (после согласной)

§ 82. Рассмотрим по отдельности: а) систему презенса; б) аорист; в) прочие формы основной части парадигмы.

В презенсе, по-видимому, различались три а.п., но по материалу Мерила хорошо видны только а.п. *b* и *c* (акцентные кривые - такие же, как в § 75).

[71] Отметим также *глагѡлахомъ* 128 (см. § 83).

А.п. *b*: *могу* (8×: 223, 223б, 245б-246б), *въз-* 17б, *мѡже-ши* 225 (*-шь* 28б), *мѡжеть* (75×: 25, 26, 28 и др., также *мѡжетьᶜ* 261), *въз-* (6×: 50б, 122б и др.), *по-* 37б, 243б, *мѡжемъ* 53_2б, 66, *въз-* 3б, *мѡгуть* (15×: 3б, 28б, 35б и др.), *въз-*, *воз-* (6×: 3б, 5б и др.), *по-* 13б, 342б; повел. *не мози* 230б, *помозѣте* 37; прич. наст. *мога* (6×: 34 bis, 46, 47б и др.), *мѡгущ-и, -ю, -а, -ь* Р.мн., *-емъ, -ема, -еѥ, -ему, -ию, -имъ, -ихъ* (18×: 23, 157б, 169б, 174б, 347 и др.); словоформа *мѡгаи* 'могущий' 173б сомнительна, поскольку текст частично искажен.

По косвенным данным к а.п. *b* следует отнести также: *закѡлеть* 121, 122; *бѡрютьᶜ* 32б, 33б, *бѡрющимъсѧ* 14; *зобла* 50. Написание *прикоснетьᶜ* 180б, возможно, упрощенное (ср. Чуд. *кóснетсѧ* 148б).

А.п. *c*: *прободеть* 121б, 122 bis; *волокуть* 66б, *сволочеть* 33б; *зоветь* 34 bis, 230б ter, *по-* 89б, *при-* 92, 144б, 173б, 241 (ᶜ), *зови* 58, *зовущю* 7б; *разореть* 'распашет' 339; *пловуща* 35, *-имъ* 32б; *въспою* 14, *поѥтьᶜ* 9, *поють* 32, *въс-* 33, *въспѡи* повел. 8, *поюще* 143; *ростеть* 30б, 56б, *въз-* 68.

§ 83. В аористе с элементом *-Ох-* (*-Ош-*, *-Ос-*) в Мериле четко противопоставлены две акцентные модели:

Таблица 13

	Ударение на корне	Ударение на показателе аориста
ед. 1	обрѣтохъ	придѡхъ
мн. 1	обрѣтохомъ	рекѡхомъ
2	-	придѡсте
3	обрѣтоша	придѡша
дв. 1	мѡгоховѣ	текѡховѣ
3	излѣзоста	придѡста

Ударение на корне: *погибоша* 22, *въздвиго-хъ* 15, *-шасѧ* 12б, *складохъ* 36, *излѣзоста* 39б, *падоша* 8б, *обрѣто-хъ* 61, 122б, *-хомъ* 253б, *-ша* 203, *сѣдо-хъ* 14б, *-ша* 12б, 14; также *мѡгоховѣ* 40.

Ударение на показателе аориста: *приведѡша* 41б, 136_2, *погребѡша* 23, *внидѡша* 162б, *преидѡша* 172, *придѡ-хъ* 37б, *-сте* 5б, *-ша* 53б, 138б, 139б, 143б, *-ста* 39, 39б, *разидѡстасѧ* 39, *снидѡхъ* 38, *оумрѡша* 113, 248, *изнесѡша* 85, *принесѡша* 92б, *сопрѧгѡстасѧ* 222, *рекѡ-хомъ* 149, 254б, 265б, *-ша* 41б, 101, *-ста* 39б, *текѡховѣ* 40, *ищезѡша* 50. Упрощ.: *рекохомъ* 242б.

Отметим также *пробо|де* 59 (вероятно, с конечным ударением).

Об общем соотношении акцентуации аориста и презенса см. Дыбо 1971, с. 97-106. В материале Мерила ударение в аористе на корне практически представлено у глаголов с презенсом а.п. *a*, ударение на показателе аориста — у глаголов с презенсом а.п. *b* и *c*. Исключение составляет *мѡгоховѣ* (при презенсе а.п. *b*): здесь корневое ударение явно по аналогии с презенсом *мѡжеть, мѡжевѣ* и т.д.; ср. в Чуд. *не мо́же* 20а, 35в, *не мо́же* 29г, *взмо́же* 101б, *не взмо́же* 31б (наряду с *могоша, могосте* и др.). Глагол "исчезнуть", по-видимому, относился к а.п. *b*.

Архаичной особенностью Мерила является строгое сохранение древнего корневого ударения аориста в а.п. *a*. В Чуд. это древнее ударение тоже в основном сохранено; однако с ним уже явно начинает конкурировать более новое ударение на показателе аориста (например, встречаются *вздвиго́ша, влѣзо́ша, достігохомъ, навыко́сте, падо́ша, обрѣто́ша* и др.).

Аорист без соединительного *-О-/-е-: глагѡлахомъ* 128 (что указывает на а.п. *a*, ср. также § 86, 89); *прикоснуса* 47, 114б.

§ 84. Прочие формы. Глагол "мочь": инфинитив *мощи* (6×: 89, 115б и др.), *въз-* 174б, *по-* 37, 82б, *можаше* 40, 43б, *не мѡглъ боудеть* 129, *мѡгии* прич. прош. (7×: 128, 147б, 198б bis и др.), *помѡг-ии* 128, *-шихъ* 164б bis (*-ъшихъ* 106), *не възмѡгъ* 270б, *не възмѡгъшю* 266б.

Форма на *-лО*. По-видимому, а.п. *a* (гр. 1): *погибло* (8×: 273 bis, 334б-336б), *крало* 335б, *остало* 261б, *недостало* 161б; а.п. *c: было* 12б кин., 229б, 208б [Б]. Приведем здесь для обозримости также все словоформы на *-лО* от глаголов других типов: *подѡбалѡ* 34б (а.п. *a*, гр. 2), *оутаило* 27, *въобразилоса* 123б [Б] (по-видимому, а.п. *c*; последнее написание ненадежно). Ср. также прилагательное *оуныло* 31б (а.п. *a*, гр. 1).

Отметим *поимъ* 108, 122б, *поимш-ему* 195, *-емь* 195, *покмш-и* 249б, *-иса* И.мн. 252б (ударение, по-видимому, на *-им-, -ѥм-*); однако один раз *пѡимъ* 137б (ударение на *пѡ-*, если это не описка). Написание *прободъ* 8, вероятно, упрощенное.

СТРАДАТЕЛЬНЫЕ ПРИЧАСТИЯ

§ 85. Акцентуация страд. причастий описывается ниже той же техникой, что акцентуация производных, а именно, указывается связь между а.п. глагола и а.п. причастия (рассматриваемого как отдельное слово). В настоящий раздел помещены также отпричастные производные на *-еньн-, -аньн-, -еньѥ, -аньѥ*.

Причастия с суффиксами *-Ом- (-ем-), -им-, -ен-*

Страд. причастия с суффиксами, содержащими гласную, обнаруживают значительное акцентное сходство между собой. Их акцентуация в Мериле обобщена в таблице 14.

Таблица 14

Суффикс \ А.п. глагола	*a*	*b*	*c*
-Ом-	а.п. *a* (с тем же ударением, что в глаголе)	-	акц. кривая c_1
-ем-		-	акц. кривая c_2 (?)
-им-		колебание: а.п. *a* с предсуффиксальным и а.п. *a* с суффиксальным ударением	а.п. *b* (?)
-ен-			колебание: а.п. *b* и акц. кривая c_2

Ниже приводится материал. Отметим, что в § 86-90 а.п. глаголов и причастий во многих случаях установлены лишь по косвенным данным (далее этот факт уже не оговаривается).

§ 86. Причастия от глаголов а.п. *a*. Суффикс *-Ом-: видомъ* "видимый" 3, *невидомъ* 3. Суффикс *-ем-: бивакмѡѥ* 107б, *взискакмѡѥ* 224б, 244, *начинакемѡму* 2, *низълагакмѡѥ* 185б, *обладакмѡѥ* 7, *попиракмѡ* 58б, *призыванмѡмъ* 153, *неприсазакмѡмоу* 43, *причитакмѡмъ* 153, *свершакмѡ* 206, *-ѡѥ* 198б, 206, *стваракмѡ* 203б, *-ѡму* 204, *оукаракмѡ* 34б, *навлакмѡму* 199б; также *глемѡѥ* 167б, 168б (по-видимому, = *глагѡлемѡѥ*, ср. *глагѡлахомъ*). Особо: *свѣдительствуѥмѡ* 21 (вероятно, здесь два второстепенных ударения: на 2-м заударном слоге *-ству-* и на 4-м заударном слоге *-мѡ*). Суффикс *-им-: видимѡѥ* 5б, *невидимѡѥ* 43б, *ненавидмѡмъ* 143б, *обидимѡму* 37б, *движимѡѥ* 250б, *недвижим-ѡѥ* 262б, 265б, 266 bis, 266б, *-ѡмъ* 266, *неподвижимѡѥ* 185б, *непостижимѡ* 143. Упрощ.: *оклеветакмому* 22, *невидимою* 5б, *неподвижимомъ* 98, *мучимомъ*| 67б.

Суффикс *-ен-*. От глаголов I спряжения: *вверженѡму* 193, *краденѡѥ* 137, *окраденѡмъ* 145, *оукраденѡ* 120, 334б, *-ѡѥ* 100, *-ѡму* 194, *скрѡвенѡю* Р.дв. 39б (также *скрѡвенъ* 2, 52, *-у* В.ед. 53_2б, *-ѣмь* 45, *-аѧ* 11б, *-ихъ* 40, *-о|ѥ* 261 с *о* упрощ.)[72], $ѡ^{т}$*търженѡ* 112. От глаголов II спряжения: *оузакѡненѡ* 206б, 345 (также *оузакѡнено* 206, *но* - упрощ.), *оузакѡньнѡму* 205 (*ь* написано вместо *е*), также *оузакѡнени, -а, -агѡ, -ѩмь, -ѩмъ, -ѩхъ* (13×: 203-207б), *взакѡненагѡ* 200, *-ѩхъ* 170, *взакѡньнаѧ* 166б (*ь* вместо *е*); *оумаленѡ* 53, *-ѡѥ* 167, *оумнѡженѡѥ* 45, *оуправленѡѥ* 50, *порабѡщенъ* 108, *оставленѡ* 91, *-ѡѥ* 132, 181, 241б (*о||*), *поставленѡму* 94б, 195б, *съставленѡѥ* 205б, *оуставленѡ* 203б,

[72] Относительно *ѡ* в *скрѡвенъ* см. Противоп., §8.

-ѡѥ 198б, *прооуставленѡму* 175, 185б, *оуѧзвенѡѥ* 7. Упрощ.: *изверженому* 85б, *оукрадено* 340 (также *-огѡ* 121, см. § 47).

Вероятно, корневое ударение имело также *изъѣденѡ* 268, 120б [Б] (ср. Чуд. *снѣденъ* 67а, *снѣденьѥ* 137а).

Производные на *-еньѥ*: *закѡнениѥмь* 174, *о взакѡненьи* 69б, 208, *озлѡблен-ьѩ* Р.ед. 82б (*-иѩ* 82б), *о порабѡщеньи* 183.

§ 87. Причастия от глаголов а.п. *b*. Вариант с предсуффиксальным ударением. Суффикс *-им-*: *вѡдимъ* 65б, *-ы* В.мн. 94б, *въвѡдиму* Д.ед. 204б, *привѡдим-агѡ* 147, *-ыхъ*| 156б (также *привѡ^{д}ми* И.мн. 186б)[73], *ѡ^{т}гѡнима* Р.ед. 114б, *нѡсимъ* 269, *внѡсимъ* 19б, *принѡсима* 155, *тѡмими* 8б. Суффикс *-ен-*: *купленѡму* 183, *совкупленѡ* 205б, *искушенѡ* 15б, *расмѡтренѡѥ* 244, *оустрѡѥно* 24б (*но* - упрощ.), *-и* 348б, *неоутѡмлена* В.ед. 167, *затѡченъ* (6×: 189б-194б), *-а* И.ед. 191, *-и* 190б, 191б.

Вариант с суффиксальным ударением[74]. Суффикс *-им-*: *пригоними* 202б, *неоудѡбь носима* В.мн. 57, *приносимѣ* Д.ед. 191, *-ыѩ* 170б, *любимоѥ* 266б, *судимома* 44, 52, 167. Суффикс *-ен-*: *оумоленъ* 44, *въпрошенъ* 80, *-и* 265, *испрошенѡѥ* 157, *строѥны* 91б, *-ыхъ* 95, *пристроѥныхъ* 171, *оустроѥни* 79.

Производные на *-еньѥ* обнаруживают такую же двойственность. Без колебаний - *затѡчен-иѥ* (7×: 106, 137 bis и др.), *-ьѥ* 84, 192б; однако *расточениѩ* 147б. Случаи *нахѡжениѥ* 114б, *смѡтрен-иѥ* 186, 207, *-иѩ* 117, *оустрѡѥниѥ* 129б - редкие варианты к гораздо более многочисленным *-хожениѥ* (с разными приставками в разных формах 9×), *-смотрениѥ* (16×), *-строѥниѥ* (43×). Только с *о* встретились *-ношениѥ* (6×), *въвожениѩ* 146б, *моленіѩ* 24, *прошениѥ*, *въ-* (5×), *своѥниѥ* 170, *присвоѥниѩ* 221б, *изволениѥ* (7×). Производное на *-еньн-*: *расуженьно* 19б.

Отметим особо *дерзнѡвениѥ* 61, 142б, 230, *-ѩ* 146, *-ѥмь* 29б, 116 (но *дерзновениѥ* 4, *дерзно*||*вениѥ* 42б), *дерзнѡвень*|*но* 202б (*ньно* - упрощ.); кроме того, *ѡ^{т}ринѡвенъ* 97 [Б] (но *ѡ^{т}риновенъ* 114б), ср. колебание в Чуд., где для глаголов на *-риноути* обычна а.п. *a*, но встретились также *йзрині* 153б, *йзриноу* аор. 63а.

§ 88. Причастия от глаголов а.п. *c*. При суффиксе *-Ом-* наблюдается акц. кривая c_1: *блю*||*дому* Д.ед. 207б, *неблюдоми* 134; *небрегомъ* 138; *ведомѣ* Д.ед. 40б; *вѣдомо* 45б, 122, 254, *вѣдомо же* 223, *невѣдомо* 12б кин., *вѣдому* Д.ед. 149б, *превѣдоми* "хорошо известны" 53_2б, *оувѣдому* "узнанному" 191, *невѣдомымъ* 5; *влекомъ* 58б, *-и* 58б, *влѣкомѣ* Д.ед. 143б.

При суффиксе *-ем-* выступает, по-видимому, акц. кривая c_2: *даѥмѡѥ* 240б, 270, *даѥмѡм же* 266, *продаѥмѡѥ* 260, 261б, *ѡ^{т}даѥмѡмъ* 145б (автономное ударение на корне менее вероятно, ср. Чуд. *под^{а}*|*ѥмо* 131а). Возможно, сюда же *чаѥмѡѥ же* 28, *нечаѥмѡ* 28 (в Чуд. глагол "чаять" в части случаев акцентован по а.п. *c*).

При суффиксе *-им-* находим: *нераздрѣшимѡ* 202, *обдержимомъ* 226б, *хранимомъ* 147 (*мо*|), 242; вероятно, сюда же *повлачимомъ* 158б; этот небольшой материал формально соответствует а.п. *b*. Малопоказательны *неразорима* 38б, *творими* 222б, *-аѩ* 208, *-ымъ* 24б, 165б. Не исключено, что здесь, помимо а.п. *b*, были возможны и какие-то другие акцентные варианты.

При суффиксе *-ен-* наблюдается систематическое колебание (у одних и тех же причастий) между а.п. *b* и акц. кривой c_2. В нечленных формах *b* и c_2 совпадают, т.е. здесь устойчивое флексионное ударение. Словоформы на *-енО*: от глаголов I спряжения - *сведенѡ* 11б, *погребенѡ* 68, *испасенѡ* 121б, *попасенѡ* 121б, *съпражденѡ* 43б, *реченѡ* 64б, 95б, 115б, 151б (*реч҃нѡ* 10×: 20б, 56б, 142б и др.), *нареч҃нѡ* 56б, *ѡ^{т}реченѡ* 78б, 151б, (*ѡ^{т}реч҃нѡ* 131), *оуреч҃нѡ* 183, *пѡчтенѡ* 200б; от глаголов II спряжения - *взбраненѡ* 79 (*възбраненѡ* 76, 89, 252б, *возбраненѡ* 196, 205, 222), *свершенѡ* 60б, 116, 202, 207, *развращенѡ* 9, *ѡ^{т}ло*|*женѡ* 93, *ѡ^{т}лученѡ* 35, *вмѣненѡ* 205б, *ѡ^{т}мщенѡ* 208б [Б], *прощенѡ* 130б, 204, 207, *пущенѡ* 212 [Б], *ѡ^{т}пущенѡ* 72б, 175б, 203, *порученѡ* 133б, 208, *расоленѡ* 58, *затворенѡ* 33б, *растворенѡ* 56, 58, *оутворенѡ* 7б, *оутверженѡ* 204, 274, *наоученѡ* 56, *схраненѡ* 115б, 181б, 188 (*съхраненѡ* 208б [Б]), *ѩвленѡ* 110, 176, 338б. Сюда же *блс҃нѡ* 45б (по-видимому, = *благословленѡ*, ср. *бл҃гословлен-иѥ* 203, *-иѩ* 172б)[75]. Упрощ.: *ѡ^{т}речено* 60б, *възбранено* 170, *ловлено* 339, *ѩвлено* 332б.

Прочие нечленные формы (кроме Д.мн.): *прободенъ* 194б, *ѡгороженъ* 209 [Б][76], *раздвоѥнъ* 30, *преклонени* 44, *оукоренъ* 92, *вложени* 264б, *възложена* И.В.мн. 100, 109, *изложена*, *-у*, *-ы* (6×: 76, 206 и др.), *положена* И.мн. 243, *ѡ^{т}ло*|*женъ* 224, *сложенъ* 345б (*о*|), 346, *прощенъ*, *-и* (6×: 48, 138 и др.), *рожени* 224б, *порожени* 171б, *свобоженъ* 108, 270б, *-и* 304б, *скопленъ* 'castratus' 130 bis, *творена* И.ед. 246, *затворенъ* 49б, 228, *-и* 32б (*о*|), *-а* И.мн. 33б, *створенъ* 230б.

Единичное отклонение в сторону корневого ударения (по образцу причастий от глаголов а.п. *b*): *свобѡженъ* 131б.

Колебание между *b* и c_2 проявляется в членных формах (и в Д.мн. на *-Омъ*). Вариант с флексионным ударением (т.е. акц. кривая c_2): *спс҃енѡѥ* 2б, *реченѡѥ* 210 [Б] (*реч҃нѡѥ* 251), *реченѡму* 175б (*реч҃нѡму* 43б), *вреченѡѥ* 306б, *нареченѡѥ* 98, *вочтенѡмъ* 160, *пѡчтенѡму* 97; *свершенѡѥ* 205б, *вреженѡму* 195, *изложенѡѥ* 203б, *обрученѡму* 169, *порученѡѥ* 158.

Вариант с суффиксальным ударением[77] (т.е. а.п. *b*): *спражено́ю* Р.дв. 174, *речно́ѥ* 199б, *реченому* 6б (*реч҃ному* 175б, 260), *реч*|*ною* 207, *вочтеному* 159б bis; *свершен-*

[73] Кроме того, *привѡдим-и* (или *-ии*?) 253б в искаженном тексте.

[74] Следует учитывать, однако, что какие-то из приводимых написаний могут быть упрощенными.

[75] Ср. также прилагательное *студенѡ* (§ 65).

[76] Начальное *ѡ* здесь отражает одну из орфографических особенностей зоны Б (см. Новые данные, §8 и 24).

[77] Какие-то из приводимых написаний могут быть упрощенными.

ое (8×: 6б, 145, 170 и др.), *-ому* 205, *изложеною* 205, 207б, *низложеное* 199, *поло|женое* 271, *предложеномъ* 258, *сложеногѡ* 145б, *твореное* 16, *тво|реномоу* 223б, *навленому* 173; вероятно, сюда же *неоцѣненомъ* 248, *оубиенное* 195. Малопоказательны написания с *о* в особых условиях: *речено|е* 140б, *наречено|е* 152, *свѣршено|му* 175 (*ѣ* вместо *е*), *схранено|мъ* 254б.

В прочих нечленных формах написания Мерила не позволяют отличить *ь* от c_2. Таковы: *изложенихъ, положен-агѡ, -ую, -аа, -иа, -ихъ, предложенимъ, преложенна, приложенагѡ, сложенихъ* (14×), *рожении* 244, *новорожениихъ* 248, *свобожен-ии, -ии, -иа, -ихъ* (8×), *творен-ии, -агѡ, -ѣи, -иа* (8×), *притвореную* 151, *створен-ую, -аа, -иа* (4×).

Производные на *-еньє* здесь всегда пишутся с *о: наводнениє, вгожениє, преклонениє, покореньє, -ложеньє, обновленьє, разореньє, пощениє, прощениє, рожениє, свобожениє, блгословлениє, истопленьє* (в разных формах более 100 раз). Неизвестно, однако, какое в них ударение - суффиксальное или флексионное. Производные на *-еньн-: неизреченьно* 203, *сщньно* 195б, 206 (= *священьно*), *-ое* 198б, 203, *-о|е* 199 (а.п. *а*, гр. 1).

Особо отметим *помановена* И.ед. 136б, *-ии* 199б, *въспомановенъ* 117б, 160, *-ихъ* 156б, 157; также *повиновениє* 36б.

Причастия с суффиксом *-н-*

§ 89. В Мериле встречаются следующие типы акцентуации таких причастий: а.п. *а* (гр. 2) - *писанѡ, -ѡе*; а.п. *а* (гр. 1) - *повелѣно, -ое*; акц. кривая c_2 - *данѡ, -ѡе*[78].

А.п. *а* (гр. 2). Случай, когда причастие имеет ударение, общее для всей парадигмы: *глнѡ* 127 (по-видимому, = *глагѡланѡ*, ср. *глагѡлахомъ*), *неизглаланѡе* 211 [Б], *оглаланѡе* 157; *оуготѡванъ* 28 *-агѡ* 3б; *несдѣланѡе* 4; *неоправданѡмъ* 98б [Б]; *слышанѡ* 197. По-видимому, этот же случай представлен в *кѡнчанѡ* 207, *не вѣданѡ на нь* 336 (от *вѣдати*). Случай, когда в причастии ударение на слог левее, чем в инфинитиве: *сзѣщанѡ* 249, 267, 268б; *писанѡ* (11×: 20б, 22, 63 и др.), *-ѡе* 132, 200б, *-ѡму* 171б, 174б, *написанѡ* (9×: 85б, 86, 90, 149 и др.), *-ѡе* (5×: 175, 184б, 258 и др.), *пѡдъписанѡ* 208; *испытанѡ* 77б; *поруганѡ* 346. Неясно, к какому из двух случаев относятся *заповѣдан-ѡе* 74б, 173, 197, *-ѡму* 175, *исповѣданѡму* 186, *оувѣданѡ* 229.

По-видимому, к а.п. *а* (гр. 2) относятся также *солганѡ* 165б, *необолганѡ* 214б [Б], *пѡсланѡмъ* 201.

А.п. *а* (гр. 1): *повелѣно* (8×: 7б, 93, 205б и др.), *-ое* 168, *-о|е* 147б, *-омъ* 151б (также *-омъ* Д.мн. 167); *растлѣно* 106. Из причастий на *-анъ* сюда, вероятно, относятся: *держаному* 184б, *оудержаномоу* 94б; *истощано* 252б; *притаханое* 178б. Ср. Чуд. *оудержáн-оу* Д.ед. 78г, *-и* 102в.

---

[78] В одном случае: *хрсто|знаменаное* 168 - можно предполагать а.п. *а* (гр. 3).

Акц. кривая c_2: *данѡ* 7б, 10б, 26б, 243, 253, 254 bis, *данѡе* 43б, 253, 268, *вданѡ* 176, 250, 274, *-ѡе* 114, 162б, 257, *изданѡ* 248б, *ѡтданѡ* 250б, *поданѡ* 183б, *-ѡе* 143, 179, 183б, *преданѡ* 197б, 240б, *-ѡму* 95б, *продан-ѡе* 193б, 240, 260 bis, *-ѡму* 261б; *избранѡ* 21б, 24, 27, 31 bis. Упрощ.: *дано* 249б.

Трудные случаи. Неясно, являются ли упрощенными (при а.п. *а*, гр. 2) или отражают а.п. *а* (гр. 1) написания: *писаному* 95, *написано* 170, *-ому* 169б кин., 170б; *свѣщаное* 175б, *взискано|* 116, *оугнано|е* 192б. Неясно также, являются ли упрощенными или отражают акцентный вариант, относящийся к а.п. *ь*, написания *поданою* Т.ед. (?) 171б, *незваномъ же* 95 (ср. Чуд. *продáное*, *звáний* и т.п.).

Материал по причастиям на *-ОванО* недостаточен для того, чтобы сделать надежные выводы: *послушьствов-анѡ* 175б (явно конечное ударение), но *-ано* 72б; также *даровано* 51. Вероятна неустойчивость ударения.

Отпричастные производные: *оуготѡваниє* 12; *стоманиа* Р.ед. 200б, *блгостоманиє* 166, *достоман-иє* 38б, 162, *-ью* 79, *растоман-иє* 258, *-ьи* 201б; *грохотаниемь* 348, *копаниє* 133б, 137б bis, *в локании* 125б ter (опускаем слова на *-ованиє*); *непрестаньно* 82б, *несочтаньное* 173б. По-видимому, ударение колебалось в случае: *написа-ньнѡ* 153б (*не-* 154), *-ннѡ* 154 — *написа-ньно* 76б, *-нно* 154, *ненаписаньно* 76б (*но||*), 172б bis.

Причастия с суффиксом *-т-*

§ 90. А.п. *а* (гр. 1): *покрито* 26. А.п. *с*: *натѡе* 167б, *взато* 117, 134, 163б, *взатѡе* 115, *ѡтато* 261, *приато* 10б, 104, 116б.

Сравнение акцентуации причастий в Мериле и в Чуд.

§ 91. С диахронической точки зрения данные Мерила по причастиям представляют исключительный интерес. В 1968 г. В.А. Дыбо теоретическим путем пришел к выводу о том, что "акцентная кривая *ь* в причастиях на *-епъ* возникла в результате выравнивания из первичной акцентной кривой *с*" (Дыбо 1968, с. 209), притом что не только древнерусские, но и южнославянские памятники фактически отражают а.п. *ь*. Мерило оказалось памятником (единственным из ныне известных), в котором непосредственно представлено постулированное В.А. Дыбо состояние, ср. *свершенѡе, реченѡе* и т.п. (а также, с другими суффиксами, *вѣдомо, даемѡе, данѡе* и т.п.).

Таблица 15 демонстрирует на типовых примерах различия в акцентуации ряда причастий от глаголов а.п. *с* в Мериле и в Чуд.

Мерило еще сохраняет здесь (хотя бы в качестве варианта) флексионное ударение членных форм, тогда как в Чуд. оно уже заменено наосновным ударением, характерным для

Таблица 15

Суффикс	Мерило	Чуд.
-ом-	c_1: влекомъ, вѣдомо	*a:* влеко́мъ, пасо́мо, зово́мый
-ем-	c_2(?): даѥмѡм же, даѥмѡѥ	*b*(?): подаѥмо̂
-ен-	c_2 ‖ *b:* свершенѡ, -ѡѥ ‖ -оѥ	*b:* рожѐнъ, свершено̂, свершéний
-н-	c_2: поданѡ, поданѡѥ	*b:* прода́нъ, продано́, прода́ноѥ

Таблица 16

Суффикс		Мерило	Чуд.*
-ущ-	"мочь"	мога, мѡгуще, мѡгущеѥ	могоу́щю, могоу́щемоу
	прочиз	зобла, бѡрющимъса	іща̀, мѐлюще, мéчющихъ
-ащ-		гона, гѡнаще, гѡнащихъ	гона̀, гона́ще, гона́щий
-им-		*колебание:* нѡсимъ, ѡ^{т}гѡнима, привѡдимагѡ (*чаще*) *и* приносимѣ, пригоними, любимоѥ (*реже*)	*колебание:* соу́димъ, поно́сими, ѡ^{т}во́дими (*реже*) *и* соуди́мъ, поносимъ, води́ми, гони́ми, люби́маа (*чаще*)
-ен-		*колебание:* затѡченъ, неоутѡмлена, оустрѡѥни, купленѡму (*чаще*) *и* оумоленъ, оустроѥни, испрошеноѥ (*реже*)	*колебани́е:* и̇зо́стренъ, соу́жено, оуто́млени, коу́плени, ѡ^{т}про́шена, взлю́бленый *и* и̇скоуше́нъ, оумоле́ни, о̇соуже́на, расоуже́наа

* Единичные отклонения не отражены.

всех более поздних памятников. Таким образом, в этом пункте Мерило архаичнее, чем Чуд. Заметим, что действительные причастия от глаголов а.п. *c* находятся в Чуд. на более архаичной стадии, чем страдательные: здесь еще встречается флексионное ударение членных форм (*градоущю́ю, створше́му*), хотя гораздо чаще выступает новое ударение (*градоу́щюю, створшемоу* и т.п.).

Сравним теперь ударение в Мериле и в Чуд. у некоторых причастий (не только страд.) от глаголов а.п. *b* (таблица 16); возможные различия сводятся здесь лишь к выбору между предсуффиксальным и суффиксальным ударением.

Как можно видеть, в Мериле гораздо шире, чем в Чуд., представлено предсуффиксальное ударение. Однако систематическое расхождение между Мерилом и Чуд. здесь только в причастиях с *-ащ-*; в прочих случаях разница лишь в количественных соотношениях. Вопрос о том, какой из двух типов акцентуации здесь более архаичен, нуждается в дополнительном исследовании.

Причастия на *-анъ* от глаголов на *-ати* в части случаев обнаруживают в Мериле, как и в Чуд., сдвиг ударения влево (§ 89); однако из-за ограниченности материала точно выявить условия, при которых этот сдвиг происходит, не удается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 92. Акцентологическая система, открывающаяся (вернее, приоткрывающаяся) при анализе Мерила, - едва ли не самая архаичная из засвидетельствованных в восточнославянской области.

Как было указано в другой работе (Противоп., § 19), в говоре Мерила, возможно, еще сохранялось просодическое различие между энклиноменами и начальноударными ортотоническими словоформами.

Из более частных акцентологических а р х а и з м о в выделяются: 1) сохранение а.п. *c* у страд. причастий (§ 88, 89); 2) сохранение корневого ударения у аористов а.п. *a* (§ 83); 3) то же у вторичных имперфективов от глаголов а.п. *a* (§ 80); 4) а.п. *a* у прилагательных с суффиксом *-н-*, производных от имен а.п. *b* с односложной основой (§ 59); 5) сохранение у слова "воля" акцентуации, отличной от а.п. *a* (§ 35); 6) статус энклиноменов (а не конечное ударение) у словоформ *никто, ничто, ово, таково*.

Яркую особенность Мерила составляет наличие второстепенного (ритмического) ударения в заударной части ортотонической словоформы. "Возраст" и зону распространения этого явления еще предстоит исследовать.

Основные и н н о в а ц и и по сравнению с реконструируемым праславянским состоянием: 1) переход причастий с суффиксами *-н-, -ен-, -ем-*, от глаголов а.п. *c* к флексионному ударению в нечленных формах (§ 88, 89); эта инновация охватила в Мериле не только морфологические модели *сведенѡ, прощенѡ* и бесприставочное *данѡ* (как в современном литературном языке), но и модели *избранѡ, поданѡ* (в отличие от современных литературных *и́збрано, по́дано*); 2) обобщение конечного ударения в ударных двусложных окончаниях местоименного склонения (§ 67); 3) то же в Т.ед. жен. на **-oją* у существительных (§ 35); 4) по-

явление у слова "воля" (и нескольких сходных с ним) особой акц. кривой (§ 35); 5) устранение модели *mądr-ȯstъ, -ȯsti у слов на *-ostъ (§ 45); 6) *nikъto že, *ničъto že на месте *nikъto žě, *ničъto žě (§ 69).

Продолжим этот список инновациями, которые в Мериле еще не осуществились, а только наметились: 7) в адъективном склонении внутри а.п. *с* некоторые морфологические группы (прежде всего причастия с *-ен-*) и просто отдельные слова имеют тенденцию к замене флексионного ударения членных форм наосновным (§ 53, 60, 88); 8) у нескольких местоимений, в особенности отрицательных, изредка выступает ударение адъективного типа (*-ȯму* вместо *-ому* и т.д., § 67); 9) в двух-трех случаях ударение *-ств-ȯ* вышло за свои первоначальные рамки (§ 30); 10) в нескольких случаях ударение перенесено с бывшего сильного редуцированного влево - *бѡлии, пребѡлии* (§ 55), *мѡгии, помѡгии* (§ 84), *бѡжии, ѡтень* (§ 65), хотя в большинстве случаев старое ударение сохраняется (ср. *конець, орелъ, обещь*, Р.мн. *господии* и т.п.); может быть, сюда же единичные *пѡимъ, кѡнечнеѥ* при обычных *поимъ, конечнеѥ*.

Инновация 1 состоит в замене энклиноменов конечноударными словоформами, например, **положено* заменяется на *положенѡ*; та же замена представлена и в случаях появления акц. кривой c_2 у обычных прилагательных: *цѣлѡ* вместо *цѣло, такѡвъ* вместо **таковъ* и т.п. (§ 49). В Мериле имеется еще несколько примеров такой замены: *госпѡдь, на помѡщь, мѧрѡсть, пакѡсть* (§ 42); возможно, сюда же *домѡвь* (§ 15). Из-за ограниченности материала трудно решить, лежит ли в основе всех этих замен какая-то единая причина.

По своей акцентологической системе Мерило весьма близко к Чуд. Так, из названных выше особенностей Чуд. разделяет с Мерилом архаизмы 2, 3, 5, инновации 1, 2, 4-9 (возможно, также 3, см. § 35, замеч.). При этом список морфологических моделей, охваченных инновацией 1, в Мериле и в Чуд. в точности одинаков. Особо отметим полное совпадение в Мериле и Чуд. аномальной акц. кривой слова "воля" (§ 35). Почти полностью совпадает распределение непроизводных слов по акцентным парадигмам.

Важнейшее различие между Мерилом и Чуд. состоит в том, что в Чуд. отсутствует архаизм 1; практически отсутствуют также архаизмы 4 и 6. Кроме того, архаизмы 2 и 3 соблюдены в Чуд. менее последовательно, чем в Мериле. С другой стороны, в Чуд. почти не представлена инновация 10. Систематические расхождения между Мерилом и Чуд. затрагивают в основном сферу причастий, см. § 91. Имеются также некоторые расхождения в акцентуации отдельных слов (например, "свойство", "сродство", "злодеи", "отроковица", "иконом", "мраморный" и др.).

Таким образом, Мерило и Чуд. отражают разные, хотя и близкие, говоры древнерусского языка XIV в., причем акцентологическая система Мерила в целом несколько архаичнее.

* * *

Чтобы облегчить использование настоящей работы для справок, приводим краткие сведения о распределении материала по параграфам (дать полный указатель в рамках статьи не представляется возможным).

Общие вопросы § 1-13.

Главное субстантивное склонение.

Мужской морфологический род. Общее § 14-17. Непроизводные и опростившиеся слова: исконные § 18-21, заимствованные § 22. Бессуффиксальные производные § 23. Суффиксы: *-ец-ъ* § 24, *-ник-ъ* § 25, прочие § 26.

Средний морфологический род. Общее § 27. Непроизводные и опростившиеся слова § 28. Суффиксы: *-ств-О* § 29-30, *-л-О* § 31, прочие § 32.

Женский морфологический род. Общее § 33-35. Непроизводные и опростившиеся слова: исконные § 36, заимствованные § 37. Бессуффиксальные производные § 38. Суффиксы: *-От-а* § 39-40, прочие § 41.

Второстепенное субстантивное склонение. Общее § 42. Слова без суффикса *-Ост-ь* § 43. Суффикс *-Ост-ь* § 44-45.

Адъективное склонение. Общее § 46-49. Непроизводные и опростившиеся слова § 50-53. Бессуффиксальные производные § 54. Сравнительные степени § 55. Суффиксы: *-н-* § 56-60, *-ск-* § 61, *-Ов-*, *-ѧн-* § 62, *-к-* § 63 (общее о *-ск-*, *-Ов-*, *-ѧн-*, *-к-* § 64), прочие § 65.

Местоименное склонение. Общее § 66-67. Основная группа § 68-70. Смешанная группа § 71-72.

Неизменяемые слова § 73.

Спряжение. Общее § 74.

Основная часть глагольной парадигмы. Глаголы: на *-ити* § 75-78, на *-ѣти*, *-ѧти* (с презенсом на *-ить*) § 79, на *-ати* (*-аѥть*), *-ѣти* (*-ѣѥть*) § 80, на *-Овати* § 81, с презенсом на *-еть* (после согласной) § 82-84.

Страдательные причастия. Причастия с суффиксами: *-Ом-* (*-ем-*), *-им-*, *-ен-* § 85-88, *-н-* § 89, *-т-* § 90. Сравнение акцентуации причастий в Мериле и в Чуд. § 91.

Заключение § 92.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Апостол 1564 - Апостол. М., 1564 (старопечатная книга).

Берында - Лексикон словенороський Памви Беринди. Київ, 1961 (ссылки даются на столбцы оригинала).

Васильев - *Васильев Л.Л.* О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI-XVII вв. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии. Л., 1929.

Дыбо 1968 - *Дыбо В.А.* Акцентология и словообразование в славянском. - В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. М., 1968.

Дыбо 1969 - *Дыбо В.А.* Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (praesens). - ВЯ, 1969, № 6.

Дыбо 1971 - *Дыбо В.А.* Закон Васильева-Долобко и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском. - ВЯ, 1971, № 2.

Дыбо 1975 - *Дыбо В.А.* Закон Васильева-Долобко в древнерусском (на материале Чудовского Нового Завета). International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, v. XVIII, 1975.
Космогр. - Космография Мартина Бельского. Рукопись Гос. библ. им. В.И. Ленина, ф. 152, № 2. Посл. четв. XVI в., южновеликорусские черты. Акцентуирована, акцентуация русская.
Мерило - Мерило Праведное. Рукопись Гос. библ. им. В.И. Ленина, ф. 304, № 15 (см. также §1).
Новые данные - *Зализняк А.А.* Новые данные о русских памятниках XIV-XVII веков с различением двух фонем "типа *о*". - Сов. славяноведение, 1978, № 3.
Противоп. - *Зализняк А.А.* Противопоставление букв *о* и *ω* в древнерусской рукописи XIV века "Мерило Праведное". - Сов. славяноведение, 1978, № 5.
Станг - *Stang Chr.* Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
Фер. - Ферапонтовская Кормчая. Рукопись Гос. библ. им. В.И.Ленина, ф. 98, № 248. Середина XVI в., южновеликорусские черты. Бо́льшая часть слов акцентуирована, акцентуация русская. Содержит значительную часть статей, входящих в Мерило.
Чуд. - Новый Завет господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси (фототипическое издание Леонтия, митрополита Московского). М., 1892 (ссылки даются на листы и столбцы оригинала).

а.п. - акцентная парадигма (см. § 5).
кин. - киноварь.
упрощ. - упрощенное написание (см. § 3).

Е.И.ДЕМИНА

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ОДНОЙ ИЗ РУКОПИСЕЙ ТРОЯНСКОГО МОНАСТЫРЯ В БОЛГАРИИ (ТРОЯНСКИЙ Б ДАМАСКИН)

В 1968 г., вскоре после выхода в свет нашего исследования, посвященного сравнительному текстологическому изучению рукописных памятников болгарской словесности XVI-XVIII вв., принадлежащих к кругу так называемых дамаскинов, старшие из которых написаны на традиционном книжнославянском литературном языке, а более поздние, восходящие к первооригиналам XVII в., - ярко отражают народный болгарский язык того времени в территориальном варьировании его структуры и представляют собой первые опыты создания новоболгарского книжного языка на народной основе[1], в печати появилось сообщение о ранее не привлекавшей к себе внимание исследователей, знакомых с собранием Троянского монастыря[2], рукописи (инвентарный номер

[1] *Демина Е.И.* Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Ч. I. Филологическое введение в изучение болгарских дамаскинов. София, 1968. - В монографии на основании сравнительного исследования состава и структуры дамаскинов и текста входящих в них произведений сформулированы текстологические критерии выделения круга дамаскинов, смоделированы типы характерного для них устойчивого состава статей, установлен характер взаимоотношений между типами дамаскинов и внутри типов, изучены редакции текста и основные этапы в движении состава и текста дамаскинов новоболгарских типов, определены генетические истоки новоболгарского текста в его соотношении с книжнославянским, выявлен состав списков разных редакций, прошедших независимый путь развития от общих первооригиналов, что может послужить критерием при реконструкции особенностей текста первоначальных болгарских переводов. На данных этого исследования и базируется предлагаемый ниже текстологический анализ. Здесь же см. сведения о дамаскинах, упоминаемых в тексте статьи, месте их хранения, изданиях, а также полную библиографию трудов по проблеме.

[2] Сведения об отдельных рукописях собрания Троянского монастыря см.: *Мутафчиев П.* Из нашите старопланински манастири. - Сб. БАН, XXVII, 1931, с. 103-121; Епископ *Харитон*. Троянският ставропигиален манастир. София, 1935, с. 44-45; *Пандурски В.* Троянският манастир. София, 1968, с. 31-50.

15)[3]. Рукопись была охарактеризована как "дамаскин, неожиданно старинный, который может войти в число самых важных представителей первых новоболгарских дамаскиновых редакций, таких как Протопопинский дамаскин, Троянский, Люблянский, Тихонравовский, Тревненский"[4]. В сообщении давался перечень основных вошедших в состав сборника произведений и был опубликован из него текст "Чуда о мальчике и сфунгато", входящий в Слово о мучении и чудесах св. Георгия в сопоставлении с аналогичным текстом по Тихонравовскому, № 117 Пловдивской Народной библиотеки, № 435 Софийской Народной библиотеки, Тревненскому, Дряновскому Б, Котленскому и Луковитскому дамаскинам.

По мнению автора, указанные новоболгарские списки образуют в текстуальном отношении две группы. К одной из них принадлежит Тихонравовский дамаскин, рукописи № 117 ПНБ и № 435 СНБ и Свиштовский дамаскин, а также и вновь открытый дамаскин из Троянского монастыря, к другой - Тревненский, Люблянский и оба Дряновских дамаскина (А и Б). При этом найденная рукопись сравнительно точно отражает правописную и языковую систему новоболгарских оригиналов слов Дамаскина Студита и поэтому, как подчеркивается в сообщении, может явиться одним из наиболее важных источников для восстановления этой системы, в некоторых отношениях источником более важным, чем Тихонравовский дамаскин[5]. В частности, в нем, судя по сравниваемому отрывку текста, более выдержанно употребляется система надстрочных знаков, регулярнее и правильнее ставится ударение, последовательнее отражены написания с буквой ѣ. Наряду с Тихонравовским дамаскином этот памятник, очевидно, относится к самым старшим представителям первой группы списков[6].

Вскоре в печати появилось еще одно сообщение об этой рукописи, охарактеризованной как очень важный новоболгарский дамаскин второй половины XVII в.: "Это самый старший и самый ценный памятник, который хранится в библиотеке Троянского монастыря. Благодаря своим исключительно красивым миниатюрам, прекрасному почерку и орнаменту, выдержанному и последовательному правописанию этот памятник по праву входит в число самых старших и самых важных новоболгарских дамаскинов круга Протопопинского, Люблянского, Тихонравовского и второго (уже опубликованного) Троянского дамаскинов"[7]. Включая памятник под № 18 (15) в свое описание Троянского монастыря, авторы приводят основные археографические и палеографические данные о рукописи[8], а также заглавия всех включенных в сборник статей и начальные строки основного текста[9]. Язык

[3] *Велчева Б.* Един неизвестен български дамаскин. - Български език, год. XVIII, 1968, кн. 2-3, с. 225-243.
[4] Там же, с. 225.
[5] *Велчева Б.* Указ. соч., с. 227.
[6] Там же, с. 227.
[7] *Велчева Б., Кочева Е., Кожухаров Ст.* Ръкописната сбирка на Троянския манастир. - В кн.: Старобългарска литература. Изследвания и материали. Книга първа, София, 1971, с. 462-463.

[8] Хотелось бы в дополнение к описанию отметить, что на некоторых листах рукописи, там, где оканчивается текст той или иной статьи, находим какие-то числа, видимо, даты. А именно, на л. 90 об. „*аѹо* (= 1470); на л. 149 об. - „*ахла* (= 1631). Две такие записи: на л. 170 об. *аѹой* и на л. 162 „*аѹог* отмечены и в указ. описании рукописи, однако они расшифровываются соответственно как 1670, 1673 вм. 1470, 1473 (ѹ, *оу* как числовой знак в кириллице означал 400). По-видимому, наибольший интерес могла бы представлять неотмеченная в описании дата на л. 149 об. „*ахла* (1631), однако в ряду остальных встретившихся в рукописи числовых обозначений она, видимо, теряет датирующее данный памятник значение. Заметим также, что знакомство с рукописью во время нашего пребывания в Троянском монастыре в октябре 1972 г. позволило нам установить, что на бумаге этой рукописи отмечаются две разновидности знака "три полумесяца", что не отмечено в описании. Во-первых это три небольших, правильных округлых очертаний полумесяца один меньше другого почти соприкасаясь один над другим и, во-вторых, три изящных почти круглых полумесяца один меньше другого и один под другим. Контрамаркой к этому знаку служат буквы *вд* в сочетании с трилистником. Эти филиграни не могут быть строго идентифицированы ни с одной из многочисленных разновидностей этого знака, приведенных в альбоме Вс. Николаева (см.: *Николаев Вс.* Водяные знаки Оттоманской империи. Т. I. Водяные знаки на бумаге средневековых документов болгарских книгохранилищ. София, 1954) и в других альбомах. Подчеркнем, однако, что обе эти филиграни находим на бумаге Тихонравовского дамаскина, отнесенного нами по совокупности показаний всех водяных знаков и контрамарок к ним, а также ряду других палеографических примет к периоду между 1659-1668 гг. (*Демина Е.И.* Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Ч. II. Палеографическое описание и текст. София, 1971, с. 36-37). Первый из указанных знаков отмечен в Тихонр. в тетрадях 38-39, 41 (с. 379, рис.4), второй - в тетрадях 47 и 48 (см. с. 380, рис. 6).

[9] Заметим, впрочем, что в описании пропущено небольшое, но самостоятельное произведение, текст которого (без окончания) помещен после слова 8 (Поучения о вреде пьянства). Поскольку это произведение не находим ни в одном из дамаскинов новоболгарских типов и в то же время поскольку оно обладает языковыми и орфографическими особенностями, присущими первооригиналам начала XVII в., считаем целесообразным привести здесь весь сохранившийся текст (л. 114 об.):

Сказа́нїе въкра́тцѣ. Ка́зоваха ѿцы. е҆то проминоваше нѣ́кой калоґерь прѣзь е҆дна по́стынѧ, и҆ дои́де до е҆дно-

дамаскина определяется как новоболгарский, северовосточное наречие, причем указывается, что важные языковые черты, в частности, система указательных местоимений отличают его от ранее опубликованного Троянского дамаскина (далее - Троян.Б)[10]. А именно, в новом Троянском дамаскине (далее - Троян.Б), как и в Протопопинском и Люблянском дамаскинах, находим указательные местоимения *тойзи, тази, това, тїа*, а в Троян.А - *тоѩа, таѩ, това, тїа*, т.е. систему западноболгарского типа[11]. Вместе с тем авторы описания сочли возможным высказать мнение, что "сопоставление письма и украшений рукописи со сходными памятниками XVII в.[12] дает основание связать дамаскин (т.е. Троян.Б. - *Е.Д.*) с литературной деятельностью известного книжника второй половины XVII в. - Авраама Димитриевича"[13]. Поскольку незадолго до этого аналогичное мнение

го̑ хекемѡїа. и̇ видѣ̀ та́мо мнѡ̑го че̑ прихо́ждать, и̇ и̇мать разли́чныи сѣ̀какви бо́лести, и̇ є̇дно̑мꙋ̀ по є̇дномꙋ̀ сѣ̀комꙋ̀ да́ваше ѿнѣ̀зи хекемѡїа лѣ̀кова́нїе. и̇ влѣ̀зе нѣ̀кои та сѐ приближѝ при хекимѡ̑ватого, и̇ попи́та го ѿнѣ̀зи хекемѡїа та мꙋ̀ ка́же. зара̑ди̇ коа̑ потрѣ́ба дойдѐ при на̑с ѻ̑ч̑е. и̇ калꙋ̀герать ре́ч̑. дали̇ и̇ма би́лїе за исцѣле́нїе ѿ мнѡ̑г̑ грѣ̀хѡве. и ре́ч̑е вра́ча̑г̑ и̇ма. Пойдѝ ре́ч̑е и̇ земѝ ко́рень ѿ дꙋ̀ховнаго, сыромашїа. И̇ трьпѣ́нїе, ли́ствїето. И̇ смѣре́нїе, цвѣтѣ́ть. И̇ мл̑твы, кло́нїето. И̇ сторѝ та̑ смѣсѝ въ коте́ль послꙋ̀ша́нїето. И̇ и̇сипы̀ и̇х въ раше́то добры̑тѣ и̇х, помышле́нїа. И̇ на́напоко̑н и̇сипѝ въ грѣне́ць, сла́дкые зго́воре. И̇ прилѣ̀и вода̑, ѿ слѣ̀зы. И̇ въсклопѝ съ̑с любо́вь. И̇ ѿи̇здолꙋ̀ въ̑зжежѝ пла́мень, бж̑ствнаго жела́нїа. И̇ кога̑ ѿврѝ добрѣ̀. а̑ ты̑ и̇сипѝ въ сѣда ра̑зтькмѝ... (Последние две строки на л. 114 об. не читаются в нашей фотокопии).

Здесь и далее при цитации целостных отрывков из отдельных произведений текст рукописи разбивается на слова; остальные особенности системы письма сохраняются без изменений. В тексте самой нашей статьи при анализе разночтений между списками не принимаются в расчет и снимаются надстрочные знаки, кроме титл, паерков, букв.

10 *Иванова А.* Троянски дамаскин. Български паметник от XVII век. София, 1967.

11 *Велчева Б., Кочева Е., Кожухаров Ст.* Указ. соч., с.492.

12 Авторы имеют в виду рукописи № 115 (138) Пловдивской Народной библиотеки (см.: *Цонев Б.* Славянски ръкописи и старопечатни книги в Народната библиотека в Пловдив. София, 1920, с. 173-181, табл. XXXIII), № 922 Софийской Народной библиотеки (см.: *Стоянов М.* и *Кодов Хр.* Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна библиотека, т. III. София, 1964, с. 146, табл. XXXIV), № 601 СНБ (см.: *Цонев Б.* Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна библиотека, т. II. София, 1923, с. 110-112, табл. XXVIII).

13 *Велчева Б., Кочева Е., Кожухаров Ст.* Указ. соч., с.487.

было высказано и о Троян.А дамаскине[14], а авторы описания не определили своего к нему отношения, перед будущими исследователями встает проблема отождествления Троян.А и Троян.Б дамаскинов не только с тремя упомянутыми выше бесспорными рукописями Авраама Димитриевича, относящимися к 1656, 1666 и 1674 гг., в которых он оставил записи с указанием своего имени и других сведений о себе, но и между собой.

По-видимому, такая работа уже проводится[15]. Во всяком случае, в статье популярного характера, опубликованной в ж. "Славяне" за 1976 г., говорится (без приведения, впрочем, доказывающего данное утверждение материала) следующее: "Произведенное нами полное сопоставление палеографических, орфографических и языковых особенностей двух бесспорных рукописей Аврама (Канонов богородице и Авраамова сборника 1674 г.) с Троянским дамаскином (хранящимся в библиотеке БАН) и с Новым Троянским дамаскином (библиотеки Троянского монастыря) в значительной мере подтверждает мнение, что их автором является Авраам Димитриевич из Карлово. Этот вывод полностью относится к Новому Троянскому дамаскину. В пользу авторства иерея относительно Троянского дамаскина свидетельствуют и наблюдения над языком "Слова об Алексее человеке божием", календарными заметками и записями в Авраамовом сборнике 1674 г."[16] В статье высказывается также предположение,

14 Ср.: "По почерку, письму и украшениям можно установить с полной уверенностью, что этот дамаскин написан рукой известного карловского книжника Авраама Димитриева. А это отождествление дает возможность точнее определить время написания - вероятно где-то в 60-х годах XVII в." (*Кодов Хр.* Опис на славянските ръкописи в библиотеката на Българската академия на науките. София, 1969. с. 220).

15 Мы не имели возможности ознакомиться со статьей Б. Ангелова, в заглавии которой упомянуто имя Авраама Димитриевича (см.: *Ангелов Б.* Старобългарски книжовни средища. Аджар (Свежен), Карловско. Карлово. (Книжовната дейност на иерей Авраам Димитриевич). - Известия на Народната библиотека "Кирил и Методий", т. XIX (XX). София, 1977, с. 35-53), но в упоминаемой в следующей сноске статье В. Василева (с. 29). Б. Ангелов называется в числе ученых, связывающих Троян. А и Б дамаскины с деятельностью этого книжника из Карлова.

16 *Василев В.* Книжовникът от Карлово. - Славяни, 1976, № 10, с. 29. Поясним, что в слова "автор", "авторство" В. Василев вкладывает, видимо, смысл 'писец, создатель данной рукописи', 'создание, переписка или редактирование рукописи', поскольку произведения, входящие в состав упомянутых рукописей, принадлежат другим авторам. Заметим попутно, что обе приложенные к статье в качестве иллюстрации мысли автора фотокопии рукописных страниц взяты им из Троян.Б дамаскина (это л. 115 и 103 об. рукописи) а не одна из Троян Б.; а

что и известный Еленский дамаскин XVII в. на книжнославянском языке - выполнен Авраамом Димитриевичем. В то же время из слов автора, что 1474 страницы рукописного текста трех названных дамаскинов "прибавляются к 2450 б е с с п о р н ы м (разрядка наша. -*Е.Д.*) страницам из рукописных книг знаменитого карловского переписчика и весьма талантливого художника-каллиграфа", можно заключить, что и ему вопрос о принадлежности указанных дамаскинов руке этого книжника не представляется окончательно решенным. Вопрос же об отождествлении писца-создателя обоих Троянских дамаскинов им вообще специально не ставится, хотя уже наличие отмеченных выше серьезных языковых различий между этими памятниками делает постановку данного вопроса весьма актуальной.

Таким образом, открытие ранее неизвестной исследователям рукописи в библиотеке Троянского монастыря ставит перед исследователем-текстологом в частности следующие задачи: обоснование возможности и целесообразности включения вновь открытого сборника в число болгарских дамаскинов; определение места этого сборника по особенностям состава и редакции текста всех совпадающих с другими дамаскинами статей среди других новоболгарских дамаскинов различных типов, включение его в корпус уже изученных в текстологическом аспекте дамаскинов в свете их формальной и генетической классификаций. Особую задачу составляет рассмотрение вопроса о соотношении Троян.А и Б дамаскинов, поскольку оно может пролить свет на проблему связи этих рукописей с деятельностью карловского книжника XVII в. Авраама Димитриевича.

Этому кругу вопросов и посвящена данная статья.

В состав вновь открытого в Троянском монастыре сборника входит 14 статей, из них только 4 произведения принадлежат Дамаскину Студиту: Слово о втором пришествии (1; здесь и далее в скобках указываем порядковый номер статьи в Троян.Б рукописи), Мучение и чудеса св. Георгия (10), Слово о посте (14) и Слово о десяти заповедях (6). Из них первые три (1, 10, 14) входили и в печатный текст "Сокровища", Слово о десяти заповедях (6), как известно, в состав греческого сборника "Сокровище" при его публикациях не входило и до 1630 г. не издавалось[17]. Таким образом, сборник может быть причислен к кругу дамаскинов, если удастся обнаружить связь остальных вошедших в него произведений с исторически сложившимся, устойчивым составом статей, включавшихся в дамаскины различных типов[18].

другая - из Авраамова сборника, как это утверждается в подписях к фотокопиям. Отсюда и действительно полное сходство почерка на обоих листах.

[17] Состав статей "Сокровища" см.: *Демина Е.И.* Тихонравовский дамаскин..., I, с. 43, 50.

[18] "Дамаскины - это рукописные сборники поучительных слов, житий, апокрифов, проповедей, распространявшие-

Сопоставление с данными описания устойчивого состава статей, включавшихся в дамаскины четырех старших новоболгарских типов, восходящих к первооригиналам XVII в.[19], позволяет не только придти к заключению, что перед нами действительно дамаскин, но и в первом приближении решить вопрос об его принадлежности к определенному типу новоболгарских дамаскинов по устойчивому составу статей, а именно, к III новоболгарскому (далее - н.б.) типу[20].

Действительно, в этот сборник помимо указанных выше произведений Дамаскина Студита, которые обычно (кроме Слова о посте) включались в дамаскины III н.б. типа, вошли следующие произведения, характерные для этого типа дамаскинов: Слово Иоанна Златоуста о покаянии душевном (3), Апокриф об видении апостола Павла (4), Слово о женах добрых и молчаливых (5), Слово на введение богородицы во храм (7), Поучение о вреде пьянства (8), Избранные речи первых мужей (12). Характерно, что в некоторых фрагментах в Троян.Б сохранена и принятая в дамаскинах III н.б. типа последовательность взаимного расположения этих статей.

Относительно устойчивый состав статей дамаскинов III н.б. типа в Троян.Б расширен следующими произведениями: Почему враги человеку домашние его (2), Сказание вкратце (9), Мучение Кирика и Юлиты (11), Поучение о вере ритора Феофана (13). При этом статьи 2,9 по Троян.Б не встретились ни в одном из рассмотренных в нашем исследовании дамаскинов всех новоболгарских типов, статья 11 известна по Беленскому и Берлинскому дамаскинам IV н.б. типа[21], Поучение о вере ритора Феофана входило в устойчивый состав статей в дамаскинах среднегорского типа на книжнославянском языке: Рыльском, Белградском № 218, Еленском, Дриновском дамаскинах этого типа[22]. Новоболгарский перевод этого произведения находим только в Троян.Б дамаскине. Наличие в Троян.Б двух других неизвестных по новоболгарским дамаскинам текстов и особого перевода Слова о десяти заповедях, привлекает к найденной рукописи пристальное внимание.

При определении отношения Троян.Б дамаскина по составу входящих в него статей к дамаскинам I н.б. типа[23]

ся в Болгарии с конца XVI по начало XIX в., в которых в полном, расширенном или редуцированном виде представлен какой-либо из характерных типов исторически сложившегося устойчивого состава статей, содержащего, в частности, произведения Дамаскина Студита" (*Демина Е.И.* Тихонравовский дамаскин..., I, с. 40).

[19] Там же, с. 53-64, табл. 11.

[20] Там же, с. 59-60, табл. 9.

[21] Там же, с. 60-63, табл. 10.

[22] Там же, с. 44-50, табл. 2, 3.

[23] Там же, с. 54-57, табл. 5,6,7. Дамаскины I н.б. типа представлены Тихонравовским, Протопопинским, Копринштенским, Троян.А и др. дамаскинами второй половины XVII в.

прежде всего необходимо иметь в виду, что за исключением Слова на введение богородицы во храм (7 по Троян.Б), все общие между Троян.Б и дамаскинами I н.б. типа статьи являются в последних дополнительно включенными в состав первоначального новоболгарского сборника, содержавшего жития святых, сказания о праздниках, различные поучения и слова на отдельные дни сентябрьской половины года, расположенные в календарной последовательности начиная с начала индикта 1 сентября, а далее по дням и неделям Великого поста (ср. русские Торжественники) и принадлежат в отличие от статей "группы *тогази*" этого протосборника к статьям "группы *тогива*"[24]. Поэтому они представлены только в отдельных дамаскинах I н.б. типа. Так, Слово Иоанна Златоуста о покаянии душевном (3 по Троян.Б) и Видение апостола Павла (4) отмечены только в Тихонр. дамаскине I н.б. типа; Поучение о вреде пьянства (8) - в Тихонравовском и Коприштенском; Слово о десяти заповедях Дамаскина Студита - в Тихонр. и Троян.А, Мучение и чудеса св. Георгия (10) - в Тихонр., Пловдивском № 117 и № 1073 СНБ дамаскинах I н.б. типа.

Специально проведенное нами обследование всех 14 статей Троян.Б дамаскина показало, что за исключением Слова на введение богородицы во храм во всех них употребляется наречие времени *тогива*. Этот факт хотелось бы специально подчеркнуть, поскольку он, в частности, подкрепляет высказанную в нашем исследовании гипотезу о вероятном существовании сборника, включавшего в свой состав только статьи группы *тогива*, возникшие в одном балканском центре письменности ("центре *тогива*")[25].

Установление соотношения текста статей группы *тогива* в Троян.Б и в дамаскинах I н.б. типа может, видимо, дать материал для суждения об источнике проникновения статей группы *тогива* в состав первоначального сборника, легшего в основу Тихонр., Прот., Копр., Троян.А и других дамаскинов XVII в.

Сопоставление состава статей в Троян.Б дамаскине и в дамаскинах II н.б. типа[26] - Люблянском, Тревненском, Дряновских А и Б, Котленском - сразу же позволяет установить, что в последних не встречается большинство статей из Троян.Б (а именно 2-9, 11-14 статьи). Только Слово о

[24] Употребление форм наречия времени *тогази* или *тогива* было избрано нами в качестве наиболее глобальной, независящей от содержания текстологической приметы, позволяющей разграничить в дамаскинах I н.б. типа различные по своему первоначальному происхождению статьи. Следует иметь в виду, что употребление той или иной из указанных форм сопровождается совокупностью других различительных особенностей языка и стиля. См.: *Демина Е.И.* Тихонравовский дамаскин..., I, с. 76-80

[25] Там же, с. 217-218.

[26] Там же, с. 57-58, табл. 8.

Дамаскины	Порядковые номера статей													
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Троян. Б	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Тихонр.	18	-	31	32	-	1	13	20	-	39	-	-	-	-
Троян. А	-	-	-	-	-	1	13	-	-	-	-	-	-	-
Прот.	17	-	-	-	-	-	14	-	-	-	-	-	-	-
Копр.	11	-	-	-	-	-	7	13	-	-	-	-	-	-
Пловд. 117	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-
1073 СНБ	23	-	-	-	-	-	14	-	-	26	-	-	-	-
Дрян. Б	1	-	-	-	-	-	-	-	-	14	-	-	-	-
Дрян. А	1	-	-	-	-	-	-	-	-	14	-	-	-	-
Тревн.	1	-	-	-	-	-	-	-	-	14	-	-	-	-
Любл.	1	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-
712 СНБ	1	-	3	5	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-
714 СНБ	1	-	2	7	3	-	5	-	-	-	-	-	-	-
36(62) Григ.	1	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
37(63) Григ.	-	-	4	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Барят.	-	-	-	5	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-
742 СНБ	-	-	-	1	3	-	-	2	-	-	-	-	-	-
13.6.17 Сырку	2	-	-	1	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-
Свиштов.	-	-	-	-	-	-	-	19	-	17	-	-	-	-
39(65) Григ.	12	-	19	9	-	20	-	10	-	-	-	-	-	-
Белен.	6	-	8	11	-	-	4	-	-	-	5	-	-	7
Берл.	32	-	-	35	-	36	26	-	-	10	33	44	-	45
133 ЦМ	10	-	-	-	-	8	-	-	-	11	-	-	-	1
1067 СНБ	2	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

втором пришествии [1] и Мучение и чудеса св. Георгия [10] являются общими для сравниваемых памятников и должны быть подвергнуты дополнительному сличению для установления соотношения этих памятников по редакциям текста данных произведений.

Наконец, с дамаскинами IV н.б. типа Троян.Б объединяют статьи 1, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 11, 12 и 14, т.е. почти все входящие в него произведения за исключением Почему враги человеку домашние его (2), Слова о женах добрых и молчаливых (5), Сказания вкратце (9) и Слова о вере ритора Феофана (13). При этом такие произведения, как Мучение Кирика и Юлиты (11), Избранные речи первых мужей (12) и Слово Дамаскина Студита о посте (14) встречаются только в Троян.Б и в дамаскинах IV н.б. типа. Это указывает на несомненную связь дамаскинов III и IV н.б. типов, на которую мы и ранее обращали внимание при анализе текста общих для этих сборников произведений.

Итоги наших наблюдений над составом Троян.Б и других

новоболгарских дамаскинов представлены в таблице, где с порядковыми номерами статей Троян.Б дамаскина сопоставлены порядковые номера аналогичных по сюжету статей в дамаскинах, представляющих четыре основных типа этих новоболгарских сборников.

Из таблицы видно, что при решении вопроса о возможности идентификации книжников, создавших Троян.А и Б дамаскины, следует иметь в виду, что эти сборники представляют собой дамаскины разных (I и III) н.б. типов, причем общими для них являются только два произведения Слово о десяти заповедях Дамаскина Студита и Слово на введение богородицы во храм.

Мнение о принадлежности Троян.Б сборника к дамаскинам III н.б. типа, сложившееся у нас на основании сравнительного анализа состава включенных в этот сборник произведений, необходимо подтвердить данными сравнительного анализа самого текста этих произведений. Поскольку при этом прежде всего важно найти место Троян.Б дамаскина в кругу других старших новоболгарских дамаскинов, восходящих к первооригиналам начала XVII в., специальному сравнительному анализу будет подвергнут текст тех произведений, которым есть соответствие в дамаскинах I и II н.б. типов. Это, во-первых, Мучение и чудеса св. Георгия и Слово о втором пришествии Дамаскина Студита группы *тогива*, общие с дамаскинами I и II н.б. типов, во-вторых, Слово о покаянии душевном, Поучение о вреде пьянства, Видение апостола Павла и Слово о десяти заповедях Дамаскина Студита группы *тогива*, а также Слово на введение богородицы во храм группы *тогази*, которым есть соответствие в дамаскинах I н.б. типа.

Поскольку все эти произведения уже были ранее изучены нами (см. "Филологическое введение в изучение болгарских дамаскинов") в сравнительно-текстологическом аспекте с приведением из них отрывков текста разных списков и анализом разночтений по спискам, причем были установлены различные переводы этих произведений и их возможные источники, в данной работе мы попытаемся осмыслить текст этих произведений в свете данных этого анализа. С целью подключения Троян.Б дамаскина к корпусу ранее изученных текстов приводим из него отрывки текста, которые цитировались в нашем исследовании по другим спискам и были подвергнуты детальному сличению.

Из названных произведений только Мучение и чудеса св. Георгия Дамаскина Студита известны не только в двух разных переводах на болгарский язык с книжнославянского оригинала среднегорского типа, но и в двух независимых одна от другой редакциях старшего из переводов, связанного генетически с центром *тогива*[27]. Как уже отмечалось в упомянутой выше работе Б. Велчевой, Троян.Б список этого слова принадлежит к той же редакции, к какой относятся его списки в Тихонр., № 117 ПНБ дамаскинах I н.б. типа и в Свиштовском дамаскине IV н.б. типа в отличие от редакции Любл., Тревн., Дрян.А и Б дамаскинов II н.б. типа. Мы в свою очередь можем указать, что этот вывод подтверждается не только материалом анализа Чуда о мальчике и сфунгато[28], но и материалом сличения других входящих в это произведение рассказов, а также данными сравнительного анализа состава и порядка следования образующих это произведение эпизодов в греческом оригинале по "Сокровищу" Дамаскина Студита, а также в дамаскинах среднегорского и новоболгарского типов[29]. А именно, в Троян. Б находим тот же состав и порядок следования эпизодов, как и в Тихонр. списке и в списках других дамаскинов I н.б. типа (№ 1073 СНБ, № 721 СНБ и № 117 ПНБ). В частности, в нем представлено Чудо о змие, которому нет соответствия в Сокровище (этот рассказ находим и в редакции, известной по дамаскинам II н.б. типа, как и в среднегорском оригинале болгарского перевода). Редакцию дамаскинов II н.б. типа отличает отсутствие эпизода 5 - Чуда о сыне вдовы, которое имеется в Троян. Б. Ср. распределение списков Мучения и чудес св. Георгия по некоторым из чтений:

прочее же ꙗкоже є҃с ѡбычаи таковим начеше поⁿсмивати се емꙋ ꙗко не оуспѣвѣша съ прочими дѣти (Хандж.) - *а онїа като имь е законь на таквизи зеха да мꙋ се подⁿсмивать като не може да навїе като дрꙋгите дѣца* (Любл.) - *и зеха да мꙋ се смѣють* (Тихонр., так и в Троян.Б, 145 об.); *ꙗже повѣдахом мало выше* (Хандж.) - *дето каздвахⁿме сега* (Любл.) - *щото казахⁿме малⁿко погорѣ* (Тихонр., так и в Троян. Б, 145 об.); *дрꙋги же въ бореніи, ини же в иниⁿ игранїи* (Хандж.) - *а дрꙋгие на боренїе, и дрꙋгие камикь да фрьлꙗть* (Любл.) - *а дрꙋги се борехa. а дрꙋги инакви игри* (Тихонр., так и в Троян. Б, 145 об.).

Особенно показательным является материал сличения Чуда о змие, в котором в редакции по дамаскинам II н.б. типа представлен целый ряд отсутствующих в книжнославянском оригинале чтений; многие из этих чтений не находим в редакции типа Тихонр.[30] Троян. Б список в этом отношении полностью совпадает с составом чтений по Тихонр. списку. Исключение составляет наличие в нем чтения: *И коги доиде редь и до мене, и азь имам єдна дьщерⁿка да ꙗ дамь змеютомꙋ корбань*, опущенного в Тихонр. и в № 1073 СНБ списках, однако представленного в Пловд. № 117 дамаскине I н.б. типа.

---

[27] *Демина Е.И.* Тихонравовский дамаскин..., I, с. 191-206.

[28] Текст этого рассказа по Тихонр. Любл., Елен. и № 133 ЦМ спискам, разночтения к нему по другим спискам и их анализ см.: *Демина Е.И.* Тихонравовский дамаскин..., I, с. 193-195, 203-206.

[29] Данные сличения состава эпизодов см.: *Демина Е.И.* Тихонравовский дамаскин..., с. 192-193.

[30] Текст этого рассказа по Тихонр., Любл., Хандж., № 133 ЦМ дамаскинам и разночтения к нему по другим спискам см.: *Демина Е.И.* Тихонравовский дамаскин..., I, с. 196-201.

Приводим для сравнения тот отрывок из Чуда о змие, который цитировался в нашем исследовании:

"Имаше е́дин҃ь гра́дь зовѣ́ше се а҃гавь. и цр҃ствоваше в҃ не́го ца́рь името мѫ́ силиа́нь и́ то́изи ца́рь бѣ́ше нечѣ́стивь, и́ слѫ́жаше на е҃ллин҃скыте бѫ́гоове, а҃то ѿоста́ви ба҃ и҃стѣн҃скыго. и́ гь҃ бѣ да́де и҃м по тѣ́хната ра́бо҃та. Имаше бли́зѫ при то́изи гра́дь е́дно҃ е́зеро голѣ́мо. и́ роди́ се вѣ́трѣ въ о́нова е́зеро лѫ́ка́вѣ змей дїа́воль. и́ ка́та дн҃ь и҃зла́зѣха мѫ́ насрѣ́ща, и́ не мо́жаха да го҃ срѣ́щнать ка́то҃ и҃зла́зѣше лѫ́ка́вѣ зме́й. и́ събра́ се си́ч҃ки гра́дь, и́ ви́кньха на ца́ра. и́ ре́коха. ца́рѫ́ честы́ти. е҃то се събра́х҃ме си́чки, а҃ми́ ны́е погы́нѫ́ваме, а҃ ты́ без҃на҃ не мо́жеш҃ бы́ цр҃ь. И́ тогы́ва ре҃ имь цр҃ь. е҃ла́те да ме́тне҃м жрѣ́бе. и да҃ дадѐ сѣ́кыи по е́дно҃ дѣ́те зме́ютомѫ́ кор҃ба́нь. И когы́ до́йде ре́дь и́ до ме́не, и́ а҃зь и҃ма҃м е́дна҃ дьщер҃ка да ꙗ҃ да́мь зме́ютомѫ́ кор҃ба́нь. И́ ре́коха си́ч҃ки лю́дїе, а҃ми́нь, ца́рѫ́ да бѣ́де що си́ ре́кль ѿ до́брь ча҃. защо҃ на́шите боо́гѡве ѿтво́риха тѣ́бѣ то́изи ра́зѫ́мь. И́ ѿтогы́ва зе́ха да да́вать на́редь по е́дно҃ дѣ́те змѣ́ютомѫ́. Дойдѐ ре́дь и́ до цр҃а. И́ тогы́ва цр҃ь о́блѣ́че дьщерѧ́ си, и́ ѹ҃краси́ ꙗ҃ съ зла́тѡ҃м, и́ бисе́рь, и ка́менїе҃м мнѡ́гоцѣ́нны҃м. и́ дрьжѣ́ше ꙗ҃ цр҃ь баща́ и́ в рьцѣ́те си́, и́ цѣлѫ́ваше ꙗ҃ като҃ мрѣ́тва; и́ о҃миле́нно пла́чѣше, и́ дѫ́маше съ слѣ́зы, и́ биа́ше са по лицѐто. ѿ че́до моѐ сла́д҃кое е҃дино́родное, ка́кь ѿхождашь на съмрѣ́ть зме́ютомѫ́ на о҃бѣ́дь, "дѣ́то та сь҃м҃ обре́кль. А҃ сега́ що҃ да сто́ра, дѣ́то щѣ҃х за тѣ́бѣ да сѐ възвесе́лꙗ сва́д҃ба да ти сто́рѧ. кога́ лю́дїе да кале́са҃м на трапе́за цр҃ьска҃ да сѐ весел҃ать; кога́ ли свѣ́щници да запа́лѣ да свѣ́теть; кога́ ли пѣ́сны да въспо́ють. те́ж҃ко ме́не че́до моѐ сла́д҃кое, ка́кь ѿхо́ждашь на съмрьть дѣ́то не щѣ҃ векѣ҃ да тѐ ви́дѣ, ни́ а҃зь тѣ́бѣ ни́ ты́ на҃. като҃ ще́шь сега́ ѿ на҃ да сѐ раздѣ́лишь, а҃то на лю́та҃ ла́мїа ѿхо́ждашь. И́ ре́ч҃ цр҃ь на людїе́тѣ. възмѣ́те ѿ ме́не зла́то ко́л҃ко ще́те, а҃то мѝ недѣ́ите из҃ да́ва е́дни́ч҃ката дьщер҃ка. А҃ си́ч҃ки гражда́не не щѣ҃ ни е҃ди́нь да мѫ́ ѿгово́ри. а҃ ца́рь въздѣ́хн҃а и́ въсплака́ ѿ сѐ срдце го́р҃ко. И повелѣ҃ да и́дать на е҃зерото камто҃ зме́атого". (Троян. Б, л. 134-135).

В этом отрывке отмечается 35 отличий Троян. Б списка от Тихонр., главным образом, в написании отдельных слов. Вот эти различия: *в҃ нѥго* (Тихонр.) - *в него царь* (Троян.Б); *големо - голѣмо, излазеха - излазѣха, сич҃кы - сич҃ки, вик҃наха - викньха, ные -ами ные, можешь - можеш҃, царь - цр҃ь, корбань - кор҃бань. И когы дойде редь и до мене, и азь има҃м єдна дьщер҃ка да ꙗ дамь змеютомѫ кор҃бань, сич҃кы-сич҃ки, тогива - ѿтогива, цара - цр҃а, тогива царь - и тогива цр҃ь, а - ꙗ, бесерь - бисерь, каменїе - каменїе҃м, дрьжеше - дрьжѣше, царь - цр҃ь, плачеше - плачѣше, биаше - биаше, съмрьть - съмрьть, обѣть - обѣдь, самь - сь҃м, сторь - стора, щехь - щѣ҃х, сторю - сторѧ, запале - запалѣ, съмрьть - съмрьть, щь-щь, тѣ - те, видѫ - видѣ, щѣшь - щешь, людїете - людїетѣ, възмете - възмѣте, сич҃кы - сич҃ки.*

Анализ этих чтений показывает, что в Тихонр. списке, который выполнен не основным писцом Тихонр. рукописи, ряд ошибочных написаний и отклонений от орфографии первооригинала. В целом же текст по обоим спискам обнаруживает большое сходство.

Совпадение редакции Мучения и чудес св. Георгия в Тихонр. и в Троян. Б дамаскинах в отличие от Любл. весьма показательно. Оно свидетельствует о связи дамаскинов I и III н.б. типов на одном из ранних этапов развития текста первоначального болгарского перевода этого произведения, которое вошло в оба типа дамаскинов уже в своей новой, общей для них редакции.

Слово о втором пришествии Дамаскина Студита в рассмотренных нами ранее дамаскинах всех четырех новоболгарских типов представлено двумя переводами на болгарский язык, восходящими к книжнославянскому оригиналу среднегорского типа. Старший из них входил в дамаскины I, I, III н.б. типов, а также в Белен. и Берл. дамаскины IV н.б. типа, младший - в дамаскины IV н.б. типа: № 39 (65) Григ., № 133 ЦМ и № 1067 СНБ. В Троян. Б находим старший из переводов. Ср.:

"[1] Тогы́ва не щѣ́ть да просто́ть тїа лю́дїе, кои́то нѣ сѣ проща́вале то́ка сега́ ѿ҃ѩ҃ѭ сѫгрѣше́нїето. Като҃ ка́же и́ на ст҃о́е ѥ҃ѵ҃ѳ҃лїе. ѿстави́те да сѐ о҃ста́ви и́ ва́мь. простѣ́те ѿ҃ѩ҃ѭ сѫгрѣше́нїето, и́ бѣ ѿ҃щь ва́шь нб҃сны́и о҃ста́вить ва҃м сѫгрѣше́нїе ваше, а҃ко ли́ не прости́те вы́е ѿ҃ѩ҃ѭ сѫгрѣше́нїето, и́ ѿ҃щь ва́шь нб҃сны́и не проща́ва ва́мь сѫгрѣше́нїето ва́ше [2] Тогы́ва щѣ́ть да въскр҃на́ть тїа кои́то мѣ́рѧть и́ кѣпоне́ть и́ те́глать на́криво, да да́вать рѣ́чь бѫ́. [3] Тогы́ва щѣ҃ да да́вать дѫ́ма бѫ́ тїа, дѣ́то си́повать вода҃ ѿ ви́но та҃ прода́вать. [4] Тогы́ва щѣ҃ да да́вать рѣ́чь бѫ́ воденчѣ́рете, дѣ́то са зе́мале ѿ сво́ать ха́кь по́мнѡ҃го, та҃ щѣ́ть да го҃ вра́щать на сырома́сите и́ на дрѫ́гыте. [5] Тогы́ва щѣ҃ да въскр҃на́ть и́ тїа жены́, кои́то ба҃ раз҃гнѣ́вале, кои́то врачю́вать и́ ба́ꙗть, и́ прѣда́вать, и́ зада́вать, и́ заве́зѫвать млдн҃ци. и́ стрѫ́вать лю́дїе та҃ полѫ́дѣвать, и́ о҃тро́вювать та҃ ѹ҃ми́рать. тогива щѣ҃ да пла́чать, тогива щѣ҃ да трепе́реть, тогива щь да ви́кать з голѣ҃м гла҃с. ѿлеле́ на́мь злѣ҃ как ни́ и҃зльга дїа́воль". (Троян Б., л. 35 об., 8-8 об. - в Троян в рукописи неверно переплетены указ. листы).

В этом отрывке текста по Троян.Б списку отмечается 23 отличия от текста по Тихонр. списку, главным образом, орфографических. В целом же текст по Тихонр., Троян.Б и Любл. спискам весьма схож. Вместе с тем по составу отдельных чтений, дифференцирующих дамаскины II н.б. типа от дамаскинов I н.б. типа, Троян.Б список данного произведения становится на сторону первых. Ср. распределение списков старшего н.б. перевода по чтениям: *които нѣ сь прощавале тѫка сега* (Троян.Б, Любл., Дрян.Б) - *които нѣ сь простиле тѫка* (Тихонр., Прот., Копр., Пловд. № 118), *ако ли не простите вые - ако ли вїе не простите; тїа дето* (Троян.Б, Любл.) - *тизи дето* (Дрян.Б) - *дето* (Тихонр. и др. дамаскины I н.б. типа). В этой связи приходит на ум такой отмеченный в нашем исследовании трудно объяснимый факт, что в Любл. дамаскине II н.б. типа и в Григ. № 36 (62) дамаскине III н.б. типа текст Слова о втором

пришествии, в целом изобилующий расхождениями на фонетико-орфографическом уровне, обрывается на одном и том же слове *да пригледаме*, причем оформление данного листа рукописи собрания Григоровича (на нем 15 строк вм. 16 обычных; слова в последней строке написаны нарочито растянуто, чтобы заполнить всю строку, а у последней буквы - широкого є - язычок и обе части овала вытянуты и доведены до края строки; в следующей статье сборника счет листов начат с начала) свидетельствует о том, что она списывалась с оригинала, обрывающегося на данном слове.

Связь между Троян.Б и Григ. № 36 (62) дамаскинами III н.б. типа по списку в них Слова о втором пришествии обнаруживается в одном из чтений в отрывке текста, который в целом скорее объединяет Троян.Б с дамаскинами I и II н.б. типов. Ср.: *които мерѣть жито и теглеть сасъ копона накриво а не право та ще да давать речь бгѹ* (Григ.) - *които мѣрѧть и кѫпонеть и теглать накриво, да давать рѣчь бѹ* (Троян.Б) - *които мѣрѧть и кѫпонѧть и теглѧть неправо да давать рѣч бѹ* (Тихонр., Прот., Любл. и др. списки).

Заметим, что в цитируемом выше отрывке текста Слова о втором пришествии в Троян.Б списке наблюдается иная последовательность эпизодов, чем в Тихонр., Прот., Любл. и др. старших списках (эпизодам 1, 2, 3, 4, 5 в Тихонр. соответствуют 1, 4, 2, 3, 5 эпизоды в Троян.Б списке). Иное отклонение от последовательности эпизодов по Тихонр. наблюдаем в Дрян.Б дамаскине II н.б. типа и в Белен. дамаскине IV н.б. типа (1, 3, 4, 2, 5). Это свидетельствует о сложнейших отношениях между списками популярного и часто переписывавшегося, нередко распространявшегося в отдельных тетрадках Слова о втором пришествии. В движении текста по спискам дамаскины III н.б. типа, тем не менее, по-видимому, прошли через общий этап развития.

Сравнительно-текстологический анализ Слова Иоанна Златоуста о покаянии душевном по Троян.Б и Тихонр. спискам а также по спискам этого слова в других дамаскинах III и IV н.б. типов[31] позволил выявить большую близость Троян. Б и Тихонр. списков, содержащих наиболее близкий к первооригиналу этого произведения состав чтений и написаний при наличии значительных отклонений от него, особенно на фонетико-орфографическом уровне, в остальных рассмотренных списках. Ср. отрывок текста, цитировавшийся в исследовании по Тихонр. и Белен. спискам с указанием разночтений в Григ. № 37 (63), № 714 СНБ и Григ. № 39 (65) спискам:

"Дойдоха два аггла ѿ содомь град ѿ вечерно врьме. а лоть сѣдше прѣд содомскы врата до сѣмнаніе, та ѩ ловиль дано намѣри нѣкого чюждинца, или пѣтника да го заведе ѿ свой домь. да като видѣ оніа два аггла, ала той не знаеше че сѣ аггли, ами сѣкаше че сѣ нѣкои пѣтници, та ѿиде та гы посрѣщна. и паде та им се поклони до самата земл҃а и зе да им се мли. мой г҃спдаре, млн҃а ви се на ваша мл҃сть. врьнѣте се със мене ѿ домь мой, да омыемь вамь нѡсѣте. и нощесь ва҃ да погостим съ҃ що сме кадьрь. ато ѿтрь когы сьмне, а вые идѣте кадѣто вї е волн҃а. а тїе зеха да го искосювать. и кастень домаха. не щемь ѡи нощесь никадь, ами щемь тока насрѣдь сокакать лежа. та гы єдвамь прьмоли та ги заведе ѿ свой домь. та заради онази мл҃сть и добро срдце, ѿтрь кога сьмна, а тїе мѿ казаха как щьть содомь и гоморь да потопат. и тогива лоть побѣгна, а содѡм и гомѡр се запали и провали" (Троян.Б, л. 59-59 об.).

На 176 слов этого отрывка отмечено 21 расхождение между Троян.Б и Тихонр. списками, в основном в особенностях написания отдельных слов: *содомь* (Троян.Б) *содѡм* (Тихонр.), так же: *онїа - ѡнїа, ги - гы, посрѣщна - посрещна, паде - падне, ѿ домь мой - ѿ мои домь, омыемь - омиемь, когы - коги, сѣмне - сьмне, вые - вїе, кадѣто - кадѣ, щемь ѿи нощесь - щеме нощесь ѿи, гы - ги, ги - гы, заради - зарадї, тїе-тие, лоть - лота*. Сами эти незначительные расхождения в сравнении с фонетико-орфографическими и лексическими отклонениями по другим спискам (например, в Григ. 37 (63) дамаскине III н.б. типа в этом отрывке 49 отличных чтений и написаний) своеобразно подчеркивают степень близости Троян.Б и Тихонр. списков.

О старшинстве текста по Троян.Б списку по сравнению с текстом Слова о покаянии душевном по другим дамаскинам III н.б. типа свидетельствует и отсутствие в нем некоторых ошибочных чтений. Ср., например: *истина и правда на земл҃ата побегна, а лъжа и неправда на земл҃а са въцри* в § 37(63) Григ. вм. правильного чтений по Тихонр. и Троян.Б: *истинна и правда ѿ земл҃ата побѣгна, а лъжа и неправда на земл҃а се въцари* или *какь оутвожда* *свѣзань* в Григ. вм. *какь ѿхожда* *свезань* в Тихонр. и Троян.Б.

Совпадение большинства чтений и написаний по Троян.Б и Тихонр. спискам характерно и для Поучения о вреде пьянства. Приводим отрывок текста по Троян.Б (л. 111 об.) списку[32]:

"Бл҃вені ѻца дховнаго ѿ ги. въсакомѿ хр҃тїанинѿ дето мѿ е даль бь талань серміа, и дето ще да го испитова бь на страшно съдовище. и що е таланть. єто да се грижите за дши ваши, и да сѣте ѿ вашите дши домы, бж҃твны. кога ходите по законь гвь, тогива се радува бь, и аггли негови. а когы прѣстѣпате законь бжїи, тогива ме грижа н҃аде. Заради това и написах ме братїа мои това поѹченіе на ваше послушаніе. замь да се не затрїете съ҃ зло пїанство. като рч и апсль павель ѻти пїаници цр҃ство нб҃ное не могать намѣри, ами имь є ѿготованна вѣчнаа

[31] *Демина Е.И.* Тихонравовский дамаскин..., I, с. 210-214.

[32] Аналогичный отрывок текста из Поучения о вреде пьянства по Тихонр., № 685 СНБ., Луковит. и Свиштов. спискам с приведением разночтений по Григ. № 39 (65), Копр., Барят. спискам см.: *Демина Е.И.* Тихонравовский дамаскин..., I, с. 182-185.

мо́ка съ҃ хайдо́те и съ҃ влъфи, и със҆ко́рви. Въ прѣ́вѣшны врѣ́мена про҆явлено би́сть ѿ ба҃. о҆ти вели́кы мо́жїе. и҆ де҃то бо҃ о҆тькмѣ́ваха. съ҃ това̀ пїа́н҆ство та си́ заго́быха си́ч҆ко. ца́рїе ѿ цр҃ство се разсы́паха. влдцїи влдчьство погобиха. си́л҆нїи, си́лѡ свою̀ и҆здрьва́ха. ю҆на́цїи, на са́бїа се прѣда́доха. а҆ болѣ́ре засыромаша́ха. кои́то щѣ́ха да са̀ мнѡ́го жи́вы, ско́ро и҆з҆мрѣ́ха. без҆ бж҃їи со́дь на́скоро пїа́ници о҆мира́ють катѡ̀ о҆тро́вници. разо҆мѣ́йте бра́тїе. а҆ко̀ нѣ́кои вѣ́ пїа́нство о҆мре, та е҆ то́и са́м҆ се́бѣ́ си дѡшма́нинь и҆ о҆бїи́ца. и҆ приноше́нїе на́поконь нена́висть бо҃. Си́н҆ко, въ сега́шнїи врѣ́мена не събы́раи се съ҃ злы́ чловѣ́цїи де҃то о҆ грѣ́хь живе́ть и҆ въ мрѣ́сности. защо̀ та е҆ това̀ си́чко бо҃ мрьзо́стно. а҆ми̑ повну́те що е҆ на́мь на дѡ́ите на́ши добро̀".

Отмечено всего 21 расхождение в чтениях и написаниях между этими списками: *щото* (Тихонр.) - *дето* (Троян.Б), так же: *дето - и дето, таланать - таланть, сѣте - сѣте, сѣме бж҃ство - дѡмы бж҃твны, коги - коги, зарад - заради, вѣчна - вѣчнаа, прьвѣшнїи - прьвѣшны, раз҆сипаха - разсыпаха, прѣдадоха - прѣдадоха, да са живы мнѡго - да са мнѡго живы, без҆ бж҃їи сѡть - без҆ бж҃їи сѡдь, братїа - братїе, дѡшьманнинь - дѡшманинь, сигашнїи - сегашнїи, не сьбирьи се - не събираи се, ни със҆ воеводы* - нет этого чтения, *ѡ грѣх живеть - дето ѡ грѣхь живеть, мрьстности - мрьсности, защо това та е сич҆ко - защо та е това сич҆ко, что - що.*

Нетрудно заметить, что в большинстве случаев чтения и написания по Троян.Б списку более точно соответствуют нормам принятой орфографии и являются более верными по содержанию. Чтение *скоро измрѣха без҆ бж҃їи сѡдь* объединяет Троян.Б с дамаскином № 39(65) Григ. в отличие от Тихонр. и Копр. дамаскинов I н.б. типа, дамаскина собрания Баратинского III н.б. типа и Свиштов. дамаскина IV н.б. типа, где находим, видимо, ошибочное чтение *скоро измрѣха без҆ бж҃їи сѡть.*

Осмысление текста Видения апостола Павла по Троян.Б списку в связи с данными проведенного нами ранее сравнительного текстологического анализа этого произведения по Тихонр. дамаскину I н.б. типа и дамаскинам III и IV н.б. типов, восходящих к общему первооригиналу, показывает, что и здесь Троян.Б в целом обнаруживает более старший по сравнению с другими списками видения в дамаскинах III н.б. типа состав чтений и написаний. В частности, в нем, в отличие от последних, не отражена широко редукция безударных гласных и другие черты восточно-болгарского вокализма, характерные для последних. Ср. один из отрывков текста Видения, приведенный также в нашем исследовании болгарских дамаскинов по Тихонр. и № 39(65) спискам с разночтениями по № 36 (62) Григ., № 37(63) Григ., Барят. и Белгр. спискам дамаскинов III н.б. типа[33]:

И҆ видѣх та́мь про́пасть голѣ́ма тврьдь. ко́л҆кото мо́макь да е҆ сто́рил҆, ҃л, го́динь. та̑ да мо́же да вли́гне ка́микь, и҆ да го̀ по́сти въ оньзи про́пасть, та̑ за, ҃г, го́динь да не мо́же да

[33] *Демина Е.И.* Тихонравовский дамаскин..., I, с. 214-217.

досе́гне дѣ́но. И въ о҆ньзи про́пасть мнѡ́го дѡ́ши лежа́хѡ е҆ди́нь до дро́гыго, пла́чаха, и҆ ви́каха, и҆ въздышьха, и҆ до́маха та сѐ мл҆ньаха. Помо́ли ни ги́, помо́лѡи ны пра́ведныи со́дїа. И҆ не бы́ тѣ́м гла҃, ни̑ послѡ́ша́нїе, ни̑ мл҃ть ни̑ ѿ когѡ̀. И҆ попи́та҃х а҆ггла, кои́ са тїа гспди́не. и҆ ре́ ми а҆ггл҆. тїа са де҃то се не надѣ́аха на ба҃, ни́тѡ и҆ма́ха ба҃ на по́мощь себѣ̀. а҆ми̑ се̑ надѣ́аха на свое̑ болѣ́р҆ство (Троян.Б, л. 75-75 об.).

В этом отрывке текста находим следующие расхождения между Тихонр. и Троян.Б списками: *мом҆кь* (Тихонр.) - *момакъ* (Троян.Б); *да го тѡри въ онази пропаст - да го пѡсти въ оньзи пропасть, да достигне дьно - да досегне дьно, въздишаха та се молньаха - въздышѣха и дѡмаха та се млньаха.*

Последние два разночтения объединяют Троян.Б список с дамаскинами III н.б. типа - № 36(62) и 37(63) Григ., Барят., Белгр., а отчасти и с дамаскином № 39(65) Григ. IV н.б. типа. Вообще следует заметить, что по совокупности дифференцирующих списки чтений Троян.Б примыкает к дамаскинам III и IV н.б. типов, содержащих ряд инноваций по сравнению с текстом Видения по Тихонр. списку. Ср. например, распределение списков по чтению заголовка *Слово ст҃го ап҃ла павла обхожденїе раю и мѡки и како въсхищень бысть до третїаго нб҃се* (Тихонр.) - *Слово ст҃го ап҃тла павла како обиди сички рай и мѡка и како възнесень би до̀ третїе нб҃о* (Григ. № 37 (63), № 712 СНБ, Барят., № 1077 СНБ дамаскинах III н.б. типа и в Григ. № 39 (65) дамаскине IV н.б. типа) - *Слово ст҃го ап҃ла павла какь ѡбыде сич҆ки раи и мѡкѡ. и како възне҃нь би до третїе нб҃о* (Троян.Б, л. 62). Ср. также распределение списков по чтению, содержащему следы постепенного движения текста: *ап҃ль павль нѣкоги възнесень би҃ до третїе нб҃о. и доиде ѿ ба гла҃ та мѡ каже* (Тихонр.) - *ап҃тль павель нѣкоги възнесень би до̀ третїа нб҃о и доиде гла҃ та ми каже* (№ 37(63) Григ., Барят.) - *азь ап҃ль павель въне҃нь би҃х до третїе нб҃о. и доиде гла҃ ѿ ба та ми каже* (Троян.Б, л. 62, аналогично в 36(62) Григ., № 714 СНБ, Белен., Берл.).

Таким образом, текст Видения апостола Павла по Тихонр. списку, в целом очень сходный с текстом по Троян.Б списку, восходит к более раннему этапу движения первоначального болгарского текста этого произведения, на котором еще не возникли некоторые отраженные в Троян. Б списке инновации, характерные для дамаскинов III и IV н.б. типов.

Слово о десяти заповедях по Троян.Б списку содержит текст, столь значительно отличающийся по составу чтений в целом сходного с другими списками этого произведения в дамаскинах I и IV н.б. типа содержания, что весьма трудно решить, имеем ли мы здесь дело с разными, далеко отстоящими от общего перевода редакциями или с разными переводами с общего книжнославянского оригинала среднегорского типа, причем создатель одного из них имел под рукой текст другого болгарского перевода и отчасти воспользовался им.

Приведем для сравнения текст десятой заповеди по Тихонр. и Троян.Б спискам (общий с Тихонр. текст находим и в Троян.А дамаскине):

Тихонр., л. 7 об.	Троян.Б., л. 101-101об.
Десе́то е па̀кь заръча́нїе, да ти се не поре́вне, и̓ли да зави́дишь нѣ́комѹ за нѣ́що. ни̓ на кѣ́щата мѹ̀ ни́ на се́лището мѹ̀, ни̓ на ло́зїе не́гово, и̓ли ны́вѣ, ни̓ на дро́го нѣ́ко нѣщо̀ защо̀ ѿ завидѣ́нїе бы́ва а҃а́рⷭтькь зе́манїе що ѐ; чѥ сѣ́кыи ко́и зе́ма а҃рⷭтъ́кь, та ѐ и̓долослѹ́жи́тель. зара́дⷭ това̀ не завиди̓, и не надⷭ зе́мѹвай. тькⷭмо работи̓ и̓ мъчи́ се. да и̓ма́ш, ѿ мъ́ката своа̀ да подаде́ш и̓ ко́и̓то си не́ма и̓ ко́и̓то про́си и̓ и̓ма́ щеш фа́йдѣ.	Десе́та е̑ па́кь за́повѣдь бж҃їа. е̑то да ти́ се не поре́вне и̓ли̓ да зави́дишь нѣ́коемѹ̀ защо̀ го́дѣ. и̓ли̓ за кѣ́щата мѹ̀ и̓ли̓ за ни́вїето мѹ̀, и̓ли̓ за ло́зїето мѹ̀, и̓ли̓ за коне́тѣ мѹ̀, и̓ли̓ за воло́вете мѹ̀ и̓ли̓ за дро́го нѣ́чтѡ̀. защо̀ ѿ зави́дѣнїе бы́ва лихоймⷭство. и̓ лихоимⷭство что е̑.сѣ́кыи лихоимець та е̑ щотѡ̀ са кла́нѣ и̓ слѹ́жи на и̓долⷭскыте бѡ́гоове. а҃ми̓ зара́дⷭ това̀ недѹ́и завидѣ да нѣ̑ си̓ лихоимець тъ́кмо работи̓ и трѹ́ди се да и̓ма́ш ѿ сво́и трѹ́дь да подаде́ш ко́и̓то не́ма и̓ ко́и̓ и̓ще. за́м да и̓ма́ш голѣ́мо добро̀ ѿ ба҃.

Несмотря на значительное расхождение списков в них ряд сходных чтений, одинаковых переводческих решений. Ср. выше в обоих списках чтения: *да ти се не поревне или да завидишь нѣкомѹ̀ /нѣкоемѹ̀, защо ѿ завидѣнїе бива, да подадешь и който си нема/ който нема.* Даже в таких различающихся чтениях, как: *защо ѿ завидѣнїе бива аарⷭтькь земанїе що е, че сѣкии кои зема арⷭтъкь та е идолослѹжитель* (Тихонр.) - *защо ѿ завидѣнїе бива лихоимⷭство. и лихоимⷭство что е сѣкыи лихоимець та е щото са кланѣ и слѹжи на идолⷭскыте бѡгоове* (Троян.Б), нетрудно заметить совпадение достаточно спонтанных компонентов структуры высказывания, например, *та е.* Это может свидетельствовать о наличии прямой (через посредство первоначально общего перевода, от которого оба списка значительно отошли) или косвенной (влияние принятых в одном из двух самостоятельных переводах решений на другой перевод) связи между ними.

Такие же выводы можно сделать из наблюдений над текстом седьмой заповеди, цитировавшимся в нашем исследовании по Тихонр., Хандж. и № 133 ЦМ спискам с разночтениями к нему по Троян.А, Прот. и Григ. № 39(65) спискам[34] и соответствующим текстом по Троян.Б списку:

"Се́дⷭма е̑ бж҃їа за́повѣдь о̓ти да нѐ о̓кра́днешь нѣ́что каквѡ̀ го́дѣ чю́ждо. а҃ми̓ а҃ко̀ намѣ́ри̓ш нѣ́где нѣ́чтѡ̀ чю́ждо загѹ́бено, и̓ зна́ешь чїѐ е̑, а҃ ты̀ мѹ̀ го да́й ко́мѹто е̑. а҃ко ли̓ не зна́ешь чїѐ е̑, а҃ ты̀ да раска́жешь и̓ да пи́таш за двѣ̀ недлы, догдѐ са намѣ́ри о̓нⷭ зи чл҃кь дѐто мѹ̀ е̑ било̀ загѹ́бено. а҃ко ли̓ не излѣ́зе стопа́нь нѣ́кой на не́го, а҃ то́ е ѿтоги́ва твоѐ. и̓ па́кь да нѐ сто́ри̓ш непра́вда чл҃кѹ̀, да зе́мешь нѣ́чтѡ̀ не́гово щѡ̀ да е̑, и̓ли̓ о̓чивѣ́стно, и̓ли̓ скры́шомъ. защо́ се и̓ това̀ кра́дено нари́чѣ, и̓ по́зло̀. и̓ па́кь да не ре́чѣшь лъжо́вна дѹ́ма за своа́та си кѹ́пїа кога̀ пазари́шⷭ зара́дї фа́йда̀. защо се и̓ това̀ покры́то кра́денїе нари́цѣ. така́ е при́лично и̓ кого̀ кѹ́пѹвашь нѣ́чтѡ̀ що̀ да е̑, а недоплати́шⷭ мѹ̀ цѣна́та що е̑ вре́дно та сѐ и̓ това̀ зовѐ кра́дено. и̓ па́кь ѿ хрⷭтїа́нине, да нѐ лю́бишь кривина̀. и̓ слѹ́шай, что̀ ка́же прⷭрⷭкь дѣ́дь. лю́бѣи же непра́вдѹ̀. нена́видить свою̀ дѹ́шѹ̀. а҃ми̓ зара́дї това̀ тврѣ́дѣ се пази̓ ѿ кра́жⷭба, и̓ ѿ кри́вина. за́м да сѐ не мѣ́чишь до́вѣка (л. 100 об.).

О характере различий между названными выше списками (список по дамаскину № 133 ЦМ привлекается для сравнения потому, что в нем отражена отличная от текста по Тихонр. и Троян.А спискам редакция общего перевода Слова о десяти заповедях; эта же редакция представлена в Григ. № 39 (65) и Берл. дамаскинах IV н.б. типа) позволяют судить, например, следующие разночтения: *донⷭдеже обрѣщет се онь иже е̑ изгѹбиль* (Хандж.) - *догде мѹ̀ се найде стопаниньть* (Тихонр., Троян.А) - *догде са намѣри онⷭзи чл҃кь дето мѹ̀ е̑ било загѹбено* (Троян.Б); - *доде мѹ̀ са намери стопанинать* (№ 133 ЦМ); *да не речѣши лъжнь гл҃ь никога о своеи коупли и трьгѹ̀ придобытїа ради, понѣже и сїе краденїе таино наричетⷭ се* (Хандж.) - *да не речѣшь лъжна дѹма нѣкога за свой ръзⷭкь и трьговⷭщина. заради да добїешь. защо и това скрышома краденїе се нариче* (Тихонр., Троян.А) - *да не речѣшь лъжовна дѹма за своата си кѹпїа кога пазаришⷭ зара́дї файда. защо се и това покрито краденїе нарицѣ* (Троян.Б) - *да не речешь лъжовна дѹма нѩкоги за своѩата кѹпїа и трьговщина заради добивь защо сь и това нарїча скрито краденїе* (№ 133 ЦМ); *и никогда хрⷭтїанине не любы неправдѹ̀, и слыши что глѣть прⷭркь любеи неправⷭдѹ̀ ненавидить свою дѹшѹ̀* (Хандж.) - *и никогы ѡ хрⷭтїанине не обичи неправда и слѹшаи що каже прⷭркь, кои обѩче неправда ненавиди своѩ дѹша* (Тихонр., в Троян.А - *хрⷭтїанине, обычи, неправдь*) - *и пакь ѡ хрⷭтїанине да не любишь кривина и слѹшаи, что каже прⷭрⷭкь дѣдь любей же неправдѹ̀, ненавидить свою дѹшѹ̀* (Троян.Б) - *и никоги ѡ хрⷭтене не обичѩаи неправда. заради това сь пази ѿ кражба сиреч ѿ вльховство и слѹшаи що каже прⷭрⷭкь който обичѩ неправда ненавиди дѹшта своѩ* (№ 133 ЦМ); *того ради пази се ѿ краденїа и неправⷭды ѩко да не моучиши се вѣчнѣ* (Хандж.) - *заради това пази се ѿ кражⷭбы и ѿ неправды, оти да се не мьчишь безⷭкрайно* (Тихонр., в Троян.А - *мъчишь*) - *зара́дї това тврьдѣ се пази ѿ кражⷭба, и ѿ кривина. за́м да се не мьчишь довѣка.* (Троян.Б) - *заради това са пази ѿ вльховⷭство и ѿ неправда оти да сь не мьчишь безкраино* (№ 133 ЦМ). В Троян.Б списке привлекает внимание чтение *любей же неправдѹ̀, ненавидить свою дѹшѹ̀*, являющееся точной копией текста по Хандж. дамаскину среднегорского типа, что указывает на источник, положенный в основу отраженной в Троян.Б редакции новоболгарского перевода.

Независимо от того, будем ли мы считать, что в новоболгарских дамаскинах представлены два перевода Слова о десяти заповедях с книжнославянского оригинала средне-

[34] *Демина Е.И.* Тихонравовский дамаскин..., I, с. 176-182.

горского типа, а также две значительно различающиеся редакции одного из них, или говорить о существовании трех далеко отстоящих друг от друга редакциях первоначально общего болгарского перевода со среднегорского оригинала (мы склонны принять второе решение), следует придти к важному для нас в данной работе выводу о том, что по Слову о десяти заповедях связь между Троян.Б дамаскином III н.б. типа, с одной стороны, Тихонр. и Троян.А дамаскинами I н.б. типа, с другой, отсутствует.

Таким образом, сравнительный текстологический анализ статей группы *тогива* в Троян.Б дамаскине в целом позволяет придти к заключению, что в этой рукописи до нас дошел более старший текст рассмотренных статей (здесь не берется в расчет Слово о десяти заповедях), чем это имеет место в других дамаскинах III и IV н.б. типов. Этот текст весьма близок к тексту статей группы *тогива*, проникших в дамаскины I н.б. типа в процессе расширения состава первоначального сборника, включавшего в себя чтения на сентябрьскую половину церковного года. Особенно сходен текст Поучения о вреде пьянства и Слова о покаянии душевном по Троян.Б и Тихонр. спискам. О наличии связи между этими статьями группы *тогива* в дамаскинах I и III н.б. типов на одном из ранних этапов движения текста свидетельствует материал Мучения и чудес св. Георгия, который в оба типа сборников включен в иной редакции общего первоначального перевода с книжнославянского оригинала среднегорского типа, чем редакция, представленная в дамаскинах II н.б. типа. Вместе с тем, в ряде чтений, отличных в Троян.Б от чтений по дамаскинам I н.б. типа, последний смыкается с дамаскинами III и IV н.б. типов (ср., например, материал Видения апостола Павла), что наряду с данными анализа состава входящих в него статей доказывает и на уровне особенностей текста принадлежность Троян.Б к дамаскинам III н.б. типа. Анализ этих разночтений показывает, что статьи группы *тогива* в Тихонр. и другие дамаскины I н.б. типа проникли на более раннем этапе, когда состав характерных для III н.б. типа чтений, как, возможно, и сам тип этих сборников, еще не сложился.

О связи между дамаскинами I и III н.б. типов говорит и тот факт, что единственное проникшее в дамаскины III н.б. типа произведение группы *тогази* - Слово на введение богородицы во храм - встречается только в дамаскинах I н.б. типа. Оно входит в состав Тихонр., Прот., Троян.А, № 1073 СНБ дамаскинов этого типа. В дамаскины II н.б. типа оно не включалось.

Есть смысл проанализировать это произведение более тщательно еще и потому, что из двух общих для Троян.А и Троян.Б дамаскинов, приписываемых Аврааму Димитриевичу, произведений (Слова о десяти заповедях и данного Слова) только последнее представлено в этих списках в общей редакции. Поэтому его анализ может дать основания судить о соотношении между Троян.А и Троян.Б дамаскинами в связи с характером отраженной в них языковой и редакторской обработки текста и тем самым способствовать решению вопроса о возможности отождествления по этим данным книжников-создателей обеих рукописей.

Троян.А дамаскин, как это было показано в нашем исследовании болгарских дамаскинов на материале сравнительного анализа текста всех входящих в него произведений, в том числе и Слова на введение богородицы во храм, по совокупности диагностических, дифференцирующих группы списков чтений встает на сторону дамаскинов I н.б. типа в противоположность дамаскинам генетически родственного с ними II н.б. типа. В этом смысле он может рассматриваться как представитель дамаскинов I н.б. типа. Вместе с тем, сличение Троян.А дамаскина с Тихонр., Прот., Копр. и др. дамаскинами I н.б. типа обнаруживает во всех входящих в него статьях, в том числе и в Слове на введение богородицы во храм, яркие индивидуальные особенности этого памятника, свидетельствующие об активном, творческом отношении его создателя к своим задачам, об осуществленной им сознательной правке текста. Эти особенности Троян.А дамаскина проявляются на всех уровнях текста: уровне системы письма, уровне языкового выражения содержания, отчасти и на уровне самого содержания. Это позволяет рассматривать текст этого памятника как особый вид новоболгарской редакции, представленной дамаскинами I н.б. типа. Творческий характер этой редакторской правки, тот факт, что она известна лишь по этой рукописи, позволяют с достаточной уверенностью полагать, что редакторская работа была осуществлена самим создателем Троян.А рукописи в процессе ее переписки. Это характеризует книжника-создателя Троян.А дамаскина как думающего, образованного человека, как незаурядного представителя филологической мысли эпохи, непосредственно предшествующей болгарскому Возрождению[35]. Очень важно поэтому проследить, можно ли обнаружить характерные особенности "редакторской руки" создателя Троян.А дамаскина в тексте общего в этом сборнике с Троян.Б дамаскином Слова на введение богородицы во храм. Наличие таких общих черт явилось бы аргументом в пользу отождествления книжников-создателей каждой из рукописей. Отсутствие таковых, по всей вероятности, свидетельствовало бы о невозможности такого отождествления (по всей вероятности - поскольку нельзя полностью исключить возможность того, что Троян.А рукопись представляет собой точную копию с другой рукописи, выполненную тем же книжником, руке которого принадлежит и Троян.Б дамаскин, подвергшейся ранее, под рукой другого книжника, описанной выше редакторской правке. Нельзя полностью - без привлечения данных палеографического анализа - исключить и допущение, что создатель обеих рукописей каждый раз по

[35] Подробнее см.: *Демина Е.И.* Ценный памятник новоболгарской письменности (Заметки о Троянском дамаскине XVII в. и его издании). В кн.: Балканское языкознание. М., 1973, с. 211-256.

разному – творчески и как простой копиист – подошел к решению стоявшей перед ним задачи).

Осмысление начального отрывка текста Слова на введение богородицы во храм по Троян.Б списку (л. 103 об.):

М^ца ноем^ врїа. ка. ѥже вь цркôвь въве^дніе прьстые влдчце наше бце и прсно двы мріе. сх. Вьтрь тè в^ чèркова храни гаврїиль дво. Въмалѣ прїидет^ же радуй се да ти рè^ч. Въ ѡнова врьме, когато щьха да сè напишать, ві, колѣна їилѣвы. Бьше їѡакимь члкь правèднь, и болѣринь тврьдѣ, и той ѿ колѣно їилѣево. и приносьше дарь гдь бь, и дѹмаше си самь, да бьде тôйзи дарь за сич^ки людїе. а мене за ѡчистине да бьде и за грьхоовèте ми прощенїе —

в свете данных сравнительно-текстологического анализа Тихонр., Копр., Прот., Троян.А, Сливн., № 714 СНБ, Белен. и Берл. списков, позволяет установить, что по ряду диагностических, дифференцирующих группы списков чтений Троян.Б смыкается с дамаскинами I н.б. типа в противоположность дамаскинам IV н.б. типа. Ср. отсутствие в последних (как и в дамаскине № 714 СНБ III н.б. типа) особой повествовательной части заголовка, представленной в дамаскинах I н.б. типа (кроме Троян.А) и в Троян.Б списке, а также распределение списков по чтениям: *иже въ цркôвь въведенїе* (Тихонр., Прот., Копр., Троян.А + Троян.Б) – *иже въ храмъ въведенїе* (Белен., Берл.); *въ онова врѣме когато* (Тихонр., Прот., Копр., Троян.А + Троян.Б) – *въ ѡнозы време когитѹ* (Белен.) – *въ ѡнѹи време когито* (Берл.); *и дѹмаше си сам* (Тихонр., Прот., Копр., Троян.А + Троян.Б) – *и дѹмаше си самси* (Белен., Берл.). Особенно показательным является совпадение в дамаскинах I н.б. типа и в Троян.Б ошибочного чтения: *и тои ѿ колѣно їилѣево* в отличие от Белен., Берл., № 714 списков, где находим правильное чтение: *и тои бѣше ѿ колѣно Ї^лево*. Это позволяет обнаружить зависимость списка Слова на введение богородицы во храм в Троян.Б дамаскине III н.б. типа от его списков в дамаскинах I н.б. типа. Вместе с тем распределение списков по чтениям: *и богать тврьде* (Тихонр., Прот., Копр., Троян.А) – *и болѣринь тврьдѣ* (Троян.Б, Белен., Берл.) показывает, что в Троян.Б списке отражен более поздний по сравнению со списками этого слова в дамаскинах I н.б. типа этап развития текста и что один из списков на этом этапе развития текста лег и в основу списков этого произведения в дамаскинах IV н.б. типа[36].

Остановимся подробнее на текстологическом сличении Слова на введение богородицы во храм по Тихонр. (содержащему типичный для дамаскинов I н.б. типа текст), Троян.А и Троян.Б спискам. Ниже приводятся все разночтения между этими списками на уровне морфологии, синтаксиса и лексики, отмеченные в значительном по объему отрывке текста Слова: 1. *и богать тврьде* (Тихонр., л. 121 и сл.) – *и богать тврьде* (Троян.А, л. стр. 233) – *и болѣринь тврьдѣ* (Троян.Б, л. 103 об. и сл.) далее в той же последовательности списков: 2. *тоизи дарь – тоѩа дарь – тоизи дарь*; 3. *и приближи се великь дньь гньь – и пристъпи великь дньь гньь – и приближи се великь дньь гньь*; 4. *не подобает^ да принесешь дарь – не подобае да принесешь принось – не приличе да принесешь дарь*; 5. *и нѣ е излѣзло ѿ тебѣ сѣме – и нѣ е излѣзло ѿ тебѣ сѣме – и нѣ е излѣзло ѿ тебѣ рожба*; 6. *за тъзи рѣчь – за тъѩа рѣ^ч – за тъзи рѣчь*: 7. *сѣме – сѣме – рож^ба*; 8. *и помгнѹ авраама – и смъсли авраама – и помѣнь авраама*; 9. *и роди сына своего – и роди сна си – и роди сна своего*; 10. *не щъ си пои дома – не щъ си ѡти дома – не щь си ѿи дома*; 11. *ни ѩстїе да ѩмь, ни питїе – ни ѩстїе да ѩмь, ни да пїю – ни ѩстїе да ѩмь ни питїе*; 12. *догде ме не постѣти гь – догде ме не послѹша гь – догде ме не погледне гь*; 13. *И жената мѹ анна два скрьба имаше – И жената мѹ анна двѣ грижи имаше – И жената мѹ анна двѣ грижи имаше*; 14. *И приближи се – И пристъпи – И приближи се*; 15. *се приближи – пристъпи – се приближи*; 16. *и не подобает^ ти – и не подобае ти – и не приличе ти*; 17. *не подобае мене – не приличе менѣ – не приличе мене*; 18. *да си вежѹ главъта – да се забраждамь – да си вежа главьта*; 19. *със^ таквъзи крьпа – със^ таквава крьпа – със^ таквази крьпа*; 20. *дето – що – дето*; 21. *еи – и – еи*; 22. *дето ти затвори бь ѹтробата – щото ти затвори бь ѹтробата – дето ты затвори бь срдцето*; 23. *се раз^гриже – се оугрижи – се раз^гриши*; 24. *та си съблѣче, и красныте ризы – та си съблѣче и хѹбавьте дрехы – та си съблѣче и красныте ризи*; 25. *и ходѣше си изь овощїето посадено и ходѣше изь бахчїата – и ходѣше си изь овощїето посадено*; 26. *комѹ се оупподобихь азь – комѹ съм прилична азь – комѹ се съм ѹприличила азь*; 27. *ѿ цркваата – ѿ цркваата – ѿ черковата*; 28. *комѹ се оупподобихь азь – комѹ съм прилична азь – комѹ се оприличих азь*; 29. *сторихa плодь – сторихa плѡд – сторихa рож^ба*; 30. *не смь подобна – нь съм прилика – нѣ с^мь подобна*; 31. *сѣмето твое – сѣмето твое – рож^бата твоа*; 32. *по сич^ка земльа – по сичката земльа – по сич^ката земльа*; 33. *и тогази – и тогива – и тогази*; 34. *еи – и – еи*; 35. *да зачне дѣте въ ѹтробата си – да зачнѣ дѣте оу себѣ – да зачне дѣте на срдцето си*; 36. *сѣмето твое – сѣмето твое – твоата рож^ба*; 37. *тогази – тогива – тогази*; 38. *приведѣте – доведѣте – приведѣте*; 39. *сщенниците – попѡвете – сщенниците*; 40. *сега видѣх оти – сега видѣх че – сега видѣхь оти*; 41. *ами – ала – ами*; 42. *да възмѹть свѣщи – да земъть свѣщи – да възмѹть свѣщи*; 43. *въ цркôвь бжїю – ѹ цркваа бжїа – въ черковата бжїа*; 44. *чедото – дѣтето – чедото*; 45. *цркваа – цркваа – чер^кова*; 46. *въ цркôвь гню – оу цркваа бжїа – в чер^кова гньа*; 47. *въ олтарь – оу олтарь – въ олтарь*; 48. *по єднощь – по еднъщь – поведньщь*; 49. *тогази – тогива – тогази*; 50. *остави си блгдть на ньеа – остави добриньа на ньеѧ – остави си блгдть на ньеа*; 51. *ѿць ѩеи – ѿць и – баща и*; 52. *въ цркви гни – ѹ цркваа – в черкова гньа*; 53. *оу цркваата –*

[36] Необходимую документацию и соответствующий текст с разночтениями между списками см.: *Демина Е.И.* Тихонравовский дамаскин..., I, с. 102–104.

ѹ цр҃квата – в҆ черковата; 54. *да сътворимь – да̀ стори*ᵐ *– да стори*ᵐ.

Анализ этих разночтений показывает, что и создатель Троян.А, и создатель Троян.Б списков (если это разные лица) допускают значительное число отклонений от первоначального текста, в более чистом виде отраженного в Тихонр. дамаскине. Однако лишь в 5 из 54 отмеченных между списками разночтений мы находим общие для Троян.А и Троян.Б отклонения от чтений по Тихонр. списку (см. разночтения 10, 13, 17, 32, 54). Во всех этих случаях имеет место замена архаичных словоформ и лексем Тихонр. списка формами и лексемами, более соответствующими живой речи того времени. Ср.: *не щъ си ѿи* в Троян.А и Б вм. *не щъ си пои* в Тихонр., или *двѣ грижи* вм. *два скрьба, не приличе мене* вм. *не подобае мене, по сичката земл҃ꙗ* вм. *по сичꙗ҃ка земл҃ꙗ, да стори*ᵐ вм. *да сътворимь.* При общей тенденции новоболгарской письменности к демократизации совпадение в этих случаях может быть случайным. В общем же разночтения обусловлены главным образом отклонениями Троян.А от текста по Тихонр. и Троян.Б спискам (см. разночтения 2-4, 6, 8, 9, 11, 14, 15, 18-25, 30, 33, 34, 38-42, 44, 47, 49, 50, 52 – всего 31 случай), отклонениями Троян.Б списка от Тихонр. и Троян.А (см. разночтения 1, 4, 5, 7, 16, 22, 27, 29, 31, 45, 52 – всего 11 случаев), наконец, разными отклонениями Троян.А и Б списков от чтений по Тихонр. (см. разночтения 12, 26, 28, 35, 43, 51, 52). Последние случаи особенно показательны, т.к. свидетельствуют о самостоятельности отраженных в каждом из списков творческих решений на пути демократизации одного и того же текста, отказа от книжных славянизмов. Ср.: *догде ме не посѣти г҃ь* (Тихонр.) – *догде ме не послѹша г҃ь* (Троян.А) – *догде ме не погледне г҃ь* (Троян.Б); *комѹ се оуподобихь азь – комѹ сѹ*ᵐ *прилична азь – комѹ се сѹ*ᵐ *ѹприличила азь; да зачне дѣте въ ѹтробата си – да зачне дѣте оу себѣ – да зачне дѣте на срдцето си; ѿць ец – ѿць и – баща и; въ цр҃кви г҃ни – ѹ цр҃ква – в черкова г҃нꙗ.* Показателен и тот факт, что в ряде случаев, когда в Троян.А списке находим характерную именно для него редакционную правку текста: введение наречия времени *тогива* вм. *тогази,* местоименных форм с морфемой *-ва* вм. аналогичных форм с моремой *-зи,* например, *тоꙗ* вм. *тоизи, тъꙗ* вм. *тъзи, таквава* вм. *таквъзи,* употребление союзов *що, щото* вм. *дето, че* вм. *оти, ала,* вм. *ами* и под., Троян.Б список сохраняет первоначальные чтения. Это же можно сказать о замене в Троян.А списке ряда лексем: *пристъпи* вм. *приближи се, принось* вм. *дарь, смысли* вм. *поменѹ, хѹбавыте дрехы* вм. *красныте ризы, попѡвете* вм. *сѿщенниците, добринꙗ* вм. *блгдть* и под. при их сохранении в Троян.Б списке. Напротив, когда в Троян.Б довольно последовательно отражена редакторская правка (ср. *болѣринь* вм. *богать, не приличе* вм. *не подобаетъ, рожꙗба, рожꙗбата* вм. *сѣме, сѣмето, срдцето* вм. *ѹтробата, черꙗкова, черꙗковата* вм. *цр҃ква, цр҃квата, рожꙗба* вм. *плодь* и др.) в Троян.А отражены первоначальные чтения. Это говорит о различии "редакторского почерка" книжников, создавших тексты, дошедшие до нас в Троян.А и в Троян.Б списках. Последнее в свою очередь может служить аргументом против их отождествления.

Палеографические наблюдения над Троян.А и Троян.Б рукописями также позволили нам убедиться в том, что при всем сходстве их почерков можно тем не менее указать ряд различий в каждой из рукописей в начертании отдельных букв, что исключает возможность идентификации почерка каждой из них. Так, в каждой из рукописей в целом различен рисунок *з* с круглой головкой, а именно, в Троян.Б сама головка обычно пишется выше уровня строки, смычка – на уровне верхнего края строки. Сама эта буква употребляется довольно редко. В Троян.А рукописи *з* с круглой головкой, которая употребляется очень часто; смычка посередине строки. Различен в деталях рисунок скорописного "среднегорского" *к*: в Троян.А верхняя линия примыкает под острым углом к опущенной под строку стойке всегда ниже уровня строки, в Троян.Б эта линия примыкает к стойке на уровне нижнего края строки. У скорописного *а* по начертанию сходного с буквой а гражданского алфавита, в Троян.А рукописи приподнятая над строкой стойка стоит на нижнем уровне строки, а в Троян.Б рукописи – спускается вниз под строку, настолько же, насколько выступает вверх над строкой. У скорописного *в* в Троян.А верхняя петля смыкается с овалом, нижняя петля смыкается с верхней, обе петли округлены. В Троян.Б верхняя петля заострена; она не касается овала, а смыкается посередине строки непосредственно с нижней петлей. На наш взгляд, можно с достаточным основанием утверждать, что рукописи Троян.А и Троян.Б дамаскинов созданы разными лицами, хотя и происходящими из общей каллиграфической школы письменности – той же, к которой принадлежали и создатели Тихонр., Прот., Любл. и ряда других рукописей. Это согласуется и с приведенными выше данными анализа разночтений между Троян.А и Б дамаскинами.

Таким образом, вопрос о возможности связать создание дамаскинов из Троянского монастыря с деятельностью книжника XVII в. Авраама Димитриевича нуждается в дальнейшем исследовании и аргументации. Однако уже на данном этапе нам ясно, что подобная атрибуция может иметь место лишь по отношению к одной из названных рукописей в отличие от другой.

Исследование Троян.Б рукописи показало, что перед нами памятник, в наиболее чистом виде доносящий до нас текст статей первоначального болгарского сборника, происходящего из центра *тогива.* Независимый от дамаскинов I и II н.б. типов путь развития этого сборника делает его важнейшим источником для реконструкции особенностей языка и текста старших переводов на народный в своей основе книжный болгарский язык XVII в. В этом особая ценность Троян.Б дамаскина. Представляется целесообразной скорейшая публикация этой важнейшей для исследования истории новоболгарской письменности рукописи.

Н.И. ТОЛСТОЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК СЕРБОВ В XVIII в. (до 1780 г.)

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

XVIII век в литературно-языковом развитии славянских народов мира Slavia Orthodoxa был веком решительных перемен, которые в XIX в. в разных странах по-разному приводили к формированию национальных литературных языков. Исторические условия, необходимые для перехода от ряда языков или "подъязыков" к одному и притом поливалентному литературному языку, возникали в восточно- и южнославянских странах указанного культурного ареала не одновременно, и потому можно говорить о более или менее ускоренном процессе развития отдельных литератур и литературных языков[1]. Момент ускоренности/неускоренности зависит от "места" отсчета, т.е. от того, какой процесс, в какой стране следует считать неускоренным. Если, скажем, считать развитие французской литературы и французского литературного языка в XVIII в. не ускоренным, а нормальным, то развитие русской литературы и литературного языка этого времени уже окажется ускоренным. И если французская литература может служить подобным измерительным эталоном для всех европейских литератур того времени, то для "греко-славянского мира" таким эталоном окажется русская литература, а для славяно-латинского, пожалуй, - польская. Пользуясь терминами литературных направлений и стилей, отметим, что в период XVIII-XIX вв. до образования национальных литературных языков славянские литературы, в том числе русская и сербская, проходили следующие этапы развития: барокко, классицизм (просвещение), сентиментализм, романтизм, реализм. Именно реализм был конечной фазой, закреплявшей нормы языка и стиля "современных" славянских литературных языков, фиксировавшей их конечное становление, а с эпохой романтизма связывалось их бурное развитие, "завоевание позиций", проникновение во все сферы, где функционирует слово, - в художественную и деловую. Хорошо осознавая, что история литературного языка и история языка художественной литературы - дисциплины, различающиеся по своим задачам и даже методам исследования[2], и не настаивая на прямой причинно-

[1] *Гачев Г.Д.* Ускоренное развитие литературы. М., 1964.
[2] См. *Виноградов В.В.* Наука о языке художественной литературы и ее задачи. М., 1958.

следственной связи разных этапов развития литературы с этапами истории литературного языка, отметим все же одну важную особенность бытования и литературного языка и литературы в преднациональный и ранний "национальный период". Сербская литература, или точнее письменная словесность, которой пользовались сербы до XVIII в., представляла собой значительное - шестивековое наслоение разных эпох и разных форм книжно-литературного творчества, часто анонимного, которое передавалось из поколения в поколение, переписывалось, редактировалось и было современно читателю более, чем современна нам русская или сербская литература XIX в. В этой литературе (и литературном языке) сосуществовали и были равноправны в синхронном (одновременном) плане (но не функционально) произведения разных веков, из разных источников, с разными генетическими и диахроническими показателями.

Древнесербскую книжность или письменную словесность в литературно-языковом отношении можно условно разделить на четырнадцать разрядов или классов (иначе видов или "жанров"), построенных по определенному иерархическому порядку (в виде некоей пирамиды и т.п.) в определенной последовательности: 1. конфессионально-литургическая литература; 2. конфессионально-гимнографическая литература; 3. агиографическая литература; 4. конфессионально-учительная литература и патристика; 5. панегирическая литература; 6. конфессионально-юридическая литература; 7. апокрифическая литература; 8. историческая литература; 9. повествовательная литература; 10. паломническая литература; 11. натуралистическая и философско-филологическая литература; 12. светско-юридическая литература; 13. деловая письменность; 14. бытовая письменность. Этой последовательности в значительной мере, особенно в первых разрядах, соответствует степень авторитетности, сакральности текста (и разряда - "жанра") и связанная с этим степень строгости и устойчивости литературно-языковой нормы[3].

Хронологические границы и временные расстояния возникновения и бытования отдельных текстов (resp. разрядов) слабо ощущались и были мало существенны, в то время как релевантными были рубежи конфессиональные (католицизм - православие - ислам, а также позже униатство и т.п.) и в определенном отношении языковые (греческий - древнеславянский - латинский, но не древнеславянский - старосербский и т.п.). В древней литературе, вернее в литературной, книжной жизни не ощущалось столь резкой и быстрой смены литературных направлений и стилей: новое обыч-

[3] В одной из находящихся в печати моих работ перечисленные разряды подробно комментируются относительно: а) текстового состава рубрик; б) переводности/непереводности текстов; в) места возникновения (происхождения) текстов; г) времени возникновения текстов; д) функционирования текстов и, наконец, с учетом вышеизложенных моментов - е) языка текстов.

но уживалось со старым и не вытесняло его. Сама книжность и литература, как уже отмечалось[4], была не чисто сербской, а входила значительной своей частью в международную, межславянскую литературу мира Slavia Orthodoxa, которая по своим традициям и духу была близка к византийской литературе, калькировала ее частично и частично ее продолжала (ср. литературно-политические идеи Третьего Рима в Москве XVI в., или ранее, в начале XIV в., культурно-политические усилия сербского царя Стефана Душана и связанные с этим литературно-книжные устремления в Сербии и их результаты).

XVIII в. демонстрировал процесс перехода от синкретизма к художественности[5], от межнационального, или точнее наднационального (но не полинационального) к национальному. Эти две противопоставленные пары слов, понятий и сущностей не синонимичны и даже не во всем взаимообусловлены, но изохронны. В еще меньшей мере синонимичны понятия, или вернее признаки ускоренности / неускоренности развития и неоснащенности / оснащенности литературы. Однако процесс происходил тем быстрее, чем была менее оснащенной литература (или письменность), чем была меньше "сопротивляемость материала", чем меньше было самого материала. В этом нас убеждают истории литературных языков - русского (великорусского), белорусского, украинского, сербского, болгарского и валахо-молдавского[6]. В отношении белорусского материала многие исследователи говорят даже о перерыве в развитии литературного языка в XVIII в. В нашу задачу сейчас, однако, не входит сравнительное изучение процессов развития славянских литературных языков "греко-славянского" макроареала. При рассмотрении периода XVIII в. придется, однако, сопоставлять ряд фактов сербского и русского языкового развития, так как последнее играло большую роль в истории сербской литературы и литературного языка. И в сербской и в русской литературе наблюдался переход от синкретизма к художественности (вернее художественной дискретности), хотя у русских он начался раньше, еще в XVII в., а у сербов его начало можно отнести к середине XVIII в.

---

[4] *Толстой Н.И.* К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян. ВЯ, 1961, № 1.

[5] *Гачев Г.* От синкретизма к художественности. - Вопросы литературы, 1958, № 4.

[6] Для древнеславянского языка валахо-молдавского типа условия функционирования и соотношения с письменным языком, близким к народно-разговорному, были иными, чем в других зонах греко-славянского мира, ибо в валахо-молдавской зоне общий народно-разговорный язык был генетически неродственным (если не учитывать широкой индоевропейской перспективы) и создание литературного языка на компромиссной основе, как и само существование переходных идиомов (типов), было невозможно.

И тои и другой литературе - "синкретической" и "художественной" - был присущ процесс развития, однако, этот процесс проходил у них далеко не одинаково. "Синкретическая" литература в гораздо меньшей мере, чем художественная, испытывала момент устарения, несовременности текстов, манеры письма (чтобы не сказать "метода" и "направления"), в то время как "художественная" литература оказалась в своей эволюции самосменяющейся, этапной. При этом переход от одного этапа к другому мог иногда носить и достаточно революционный характер.

На славянский XVIII век многие историки литературы и историки литературного языка смотрели как на эпоху, предвестившую и предопределившую век XIX и даже XX, как на начало "новой" литературы и нового литературного языка. Такой взгляд правомерен и возможен, но в то же время он и несколько односторонен. При всей быстроте развития славянских литератур и литературных языков в XVIII в. этот век не терял тесной связи с предшествующими эпохами и по своим идеям и представлениям, и по формам и произведениям, и по языку. И, наконец, при всем стремлении сербского народа противостоять унии, католицизму, ассимиляторской политике габсбургского и оттоманского абсолютизма, контакты с западным миром и особенно с миром Slavia Latina усиливались, расширялись и крепли. С западным миром они были прямыми (прежде всего с германцами), или идущими через Россию (более всего с французами), а с миром Slavia Latina оказывались непосредственными, ибо буквально рядом существовала далматинская, боснийская и хорватская литература на языке, диалектная основа которого была очень близка или почти идентична диалектной основе сербского городского разговорного койне XVIII в. Процесс развития национального литературного языка вел также к преодолению конфессионального барьера.

XVIII век был неоднороден и по структуре и соотношению видов (типов) литературного языка, соотношению "стилей" и по периодам, хронологическим отрезкам, в которые эта структура менялась.

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XVIII в.

В научной литературе давно принята и известна периодизация бытовавшего у сербов в XVIII в. литературного языка, предложенная Б.О. Унбегауном. Согласно Б.О. Унбегауну, "развитие литературного языка до реформы Караджича позволяет отметить три периода: 1-й с 1690 г. до 1740 г. - литературный язык церковно-славянский сербского типа, который продолжал средневековую традицию; 2-й с 1740 г. до 1780 г. - этот язык становится церковнославянским русского типа, или церковнославянизированным русским, с которым начинают конкурировать сербский церковнославянизированный и эпизодически русский литературный; 3-й, в течение двадцати последних лет XVIII в. и в

начале XIX в. мы видим триумф сербского церковнославянизированного и русифицированного языка в качестве языка литературного и попытки его заменить языком крестьянским, совершенно лишенным славянизмов"[7]. Целый ряд литературоведческих, лингвистических, библиографических и исторических работ, вышедших за четыре десятилетия после появления парижской книги известного русского слависта, подтвердил уместность и обоснованность изложенной периодизации. В основе своей она адекватна материалу и лишь отдельные моменты, отмеченные еще А. Беличем, а затем другими исследователями, не укладывающиеся в предложенные Б.О. Унбегауном периодизационные рамки, свидетельствуют скорее о сложности литературно-языкового процесса XVIII в., чем о дефектности или умозрительности предложенной схемы.

Классификация Унбегауна выработана на языковом материале и выражена лингвистическими дефинициями. Она считается с "типами" языка, или языками, "подъязыками" (по терминологии Б.В. Томашевского), в определенное время сосуществовавшими и менявшими свою функциональную и формальную природу. Однако она имеет и свою историческую и историко-литературную основу. Нетрудно заметить, что дата 1690 год является датой Великого переселения сербов при патриархе Арсении III Черноевиче, когда культурный и религиозный центр сербского народа переместился на север за Дунай и Саву в Воеводину, в пределы Австрийской империи. 1740 год - это год оставления Белграда австрийскими войсками после более чем двадцатилетней оккупации и управления Сербией (1718-1739)[8]. В этом же году вступает на престол Мария Терезия, известная своей склонностью к католицизму и унии, своими стремлениями централизовать власть[9]. В 1780 г. ее окончательно сменяет на венском престоле Иосиф II, упразднивший деятельность различных религиозных комиссий, издавший в 1781 г. указ о веротерпимости и равноправии религий и прекративший тем самым столетние правительственные усилия по обращению сербов в унию. В 1788 г. Австрия вновь вступает в войну с Турцией и вновь, но на сей раз на короткий срок (до Свиштовского мира 1791 г.), она захватывает северную Сербию. Так, последние два десятилетия оказываются периодом подготовки двух крупных событий в истории Сербии - первого (1804) и второго (1815) национального восстания против турок.

С историко-культурной и историко-литературной точки зрения эта периодизация также представляется нам оправданной. До 1740 г. сербская литература носила еще характер "письменности", не предназначавшейся широкому читателю, сохранявшей во многом традиции феодального периода, и лишь немногочисленные писатели из духовной (монашеской) среды в своих единичных оригинальных и компилятивных сочинениях, дошедших до нас в уникальных автографах, отражали барочные тенденции православной полуконфессиональной литературы начала XVIII в. Светское барокко, уже более западной окраски, вперемежку с французским классицизмом, воспринимаемым, в основном, через русское посредство или русскими "глазами" и языковым стилем и слогом, характерно для второго периода. Третий же период, в котором выступил Досифей Обрадович со своими сочинениями, можно характеризовать как период сербского рационализма и просвещения, хотя, естественно, писались и сочинения, не относящиеся непосредственно к этому направлению. Ниже при рассмотрении отдельных фактов истории литературного языка мы вернемся к анализу литературного процесса у сербов в XVIII в., равно как и кратко затронем вопрос о развитии стилей и жанров художественной поэзии и прозы, деловой прозы, канцелярских документов и т.п., а также истории сербской книги той поры.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК У СЕРБОВ ДО 1740 г.

В конце XVII в. и в первые четыре десятилетия XVIII в. в сербских землях, в том числе и в северных задунайских и засавских, именуемых Воеводиной, сохранялись традиции древнесербской литературы и литературного языка. Древнеславянский язык сербского типа использовался при переписке произведений почти всех разрядов верхнего яруса (см. с. 153, разряды 1-6) - часослова, псалмов, тропарей, служб, житий, поучений и ряда разрядов нижнего яруса (разряды 7-9, 11, 12) - апокрифов, летописей и родословных, "Законика" Стефана Душана и др.[10]. Переписка текстов была характерной для ряда монастырских скрипториев, среди которых уже в новых условиях вне турецких пределов особо выделялись монахи беженцы из монастыря Рача, что на Дрине в Сербии. Эти чернецы, известные в сербской истории литературы под именем "рачан", имели свой скрипторий в сербском местечке Сент-Андрее (на Дунае севернее Будапешта) и других городах тогдашней Вен-

[7] *Unbegaun B.* Les débuts de la langue littéraire chez les Serbes. Paris, 1935, p. 15.

[8] По Белградскому миру 1739 г. граница между Габсбургской и Оттоманской империей пошла по Саве и Дунаю.

[9] К времени ее единоличного царствования (1740-1765) и относятся переселения десятков тысяч сербских семейств из Поморишья и Потисья в Новую Сербию, т.е. в Россию.

[10] Эта переписка не прекращалась в течение всего XVIII в. и велась и в XIX в. Впрочем, в России в старообрядческой среде она была известна и в XX в. К XVIII в. относится, например, восемь сербских списков "Законика" Стефана Душана (из общего числа 25 сохранившихся списков - 14 сделаны в XIV-XVII вв., а два - в XIX в.), не менее десяти списков и переделок летописей, ряд списков повестей, житий, похвал и т.п. Перепиской, т.е. созданием новых списков и копий занимался в XVIII в. и Йован Раич.

грии. В Сент-Андрее подвизался Киприян Рачанин и одно время его последователь Гавриил Стефанович Венцлович. В других венгерских городах и в сербских монастырях на Фрушкой Горе трудился Ерофей Рачанин, автор оригинального хождения в Святую Землю.

Для сравнительно небольшого числа оригинальных и компилятивных произведений начала XVIII в. характерно, во-первых, что они относятся либо к жанру хождений, ожившему еще в XVII в., либо к новому жанру народных проповедей, которые следует отличать от средневековых текстов того же предназначения (разряд четвертый), и, во-вторых, что они носят черты довольно смешанного языка, где помимо древнеславянских элементов сербского, а спорадически и русского типа, ощущается очень значительный пласт сербского народного разговорного языка. Этим, однако, не изменяется и тем более не разрушается жанровая структура всей литературы, восходящая еще к сербскому средневековью, ни иерархия жанров, ни языковая дистрибуция, которая возникла на основе этой структуры.

ЯЗЫК ЕРОФЕЯ РАЧАНИНСКОГО

"Путьшаствіе къ граду Іерусалиму Іероѳея Іеромонаха Рачанинскаго..." было написано в 1727 г. во фрушкогорском монастыре Велика Ремета. Единственный список этого хождения исчез, но мы можем судить о его языке по довольно внимательному изданию О. Бодянского[11]. Автора этого сочинения едва ли можно, вслед за Й. Скерличем, назвать "простоватым человеком с очень скудным образованием и узким горизонтом стародавнего монаха"[12]. Описание мест, событий и собственных переживаний, слог и авторская экспрессия во многом напоминают манеру письма протопопа Аввакума, стиль аввакумовского "Житія". И хотя можно с полной уверенностью сказать, что сочинения русского старообрядческого писателя были Иерофею Рачанинскому неизвестны, наблюдается общность языка обоих произведений, общность не фактическая, а структурная. "Путьшаствіе" написано на языке, в котором, если учесть значительный общий лексический, грамматический и даже фонетический фонд, сочетаются "сербульские" черты (т.е. черты древнеславянского языка сербского типа) с чертами книжно-московскими (т.е. позднего древнеславянского языка русского типа) и чертами чисто сербскими - народно-разговорны-

[11] Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских, кн. 4, октябрь-декабрь. М., 1861, с. 1-42. отд. пагинации. - См. исследование языка этого памятника в краткой монографии: *Грицкат И.* Језик српских путописа из XVII и с почетка XVIII века. - Зборник историје књижевности, књ. 10. Стара српска књижевност. Београд, 1976, с. 297-322.

[12] *Скерлић Ј.* Српска књижевност у XVIII веку. Београд, 1923, с. 167.

ми. На первый поверхностный взгляд, эти черты, или компоненты, довольно бессистемно смешаны и произвольно употреблены. Однако внимательный анализ показывает, что все три указанных компонента очень часто служат стилистическим целям - для выделения отдельных участков текста, или отдельных описаний, для оттенения возвышенных, духовных моментов и моментов обыденных, повседневных, мирских и вещных. "Книжно-московский" (древнеславянский позднего русского типа) подъязык находим иногда и в обычных, нейтральных констатациях - "И сподобисмо се благословенія от свѧтыхъ отецъ и общаго собора, паки прощеніє пріємше пойдохомъ вспять въ Еґѵптъ мѣсяца Декем. 4 день" (с. 12) и всегда в цитатах из Св. Писания - "Востани, яждь, яко далекъ ти есть путь 40 дній и 40 нощій" (с. 25), сербский народно-разговорный в описаниях мест и достопримечательностей - "И ту мало по далѣ, рецы 10 аршина, мѣсто, гдѣ су воду просули, кадъ су Христа окупали, и ту кандило горе, и мало проѓи на врата те има мѣсто замржено гвоздіемъ..." (с. 26), в рассказе о действии автора и его спутников - "И ту у граду на святаго Пантелеимона видѣх гроздіе носе у котарица на магарци много Турци купую, а Христіяне не до Преображенія, зато питасмо и чудисмо се доброму дѣлу ихъ" (с. 2). "Сербульский" подъязык в отдельных частях текста и в отрывках не встречается, но во многих словах он представлен иногда наряду с русскославянскими элементами и сербскими народными (*вазнео, вазнесао, вазираше, сакривающе, раждающу се* и т.п., наряду с *воздасмо, воздиханіе, соборъ, ту се крестіо, кресто, черн, входу, моря, воистину воскресе, облечен в одежду, раждающу се солнцу, пресвятое* и т.п. и с формами *виѓу, виѓаше се, скидаю, улѣзосмо, црвенога* и т.п.). Т.к. описания мест и достопримечательностей в тексте "Путьшаствія" абсолютно преобладают, преобладает в целом и сербский язык на народно-разговорной основе. Любопытно, однако, что в рассказе о буре на море и близости смертного часа Иерофей Рачанинский прибегает к славянизмам: "паде облакъ чернъ на море, тогда се живота очаясмо, криченіе и гласи великіи изхождаху, призивающе Пречистую Богородицу и святаго Отца Николу, и правитель вѣтриломъ позна градъ Ливно" (с. 5). Бог, по представлению Иерофея, требует обращения по-славянски - "Слава Богу, сподобившему насъ узрѣти святая сія мѣста и поклонити се, и узрѣти дивную красоту" (с. 10), но к своей чернеческой братии он обращается уже по-сербски: "О братіє (по-сербски бы следовало *О браћо!*), тѣсна и прискорбна пута и неволна живота на той земли!" (с. 10).

Таким образом, в языке "Путьшаствія" Иерофея Рачанинского наблюдается уже довольно сильное русское влияние, которое исследователи обычно относили ко времени после 1740 г. Влияние это было спорадичным, оно выражалось в восприятии отдельных элементов древнеславянского языка позднего русского типа, а не всего языка как целого, как системы. Иерофей Рачанинский допускает в духе языка светских жанров сербской средневековой письменности смешение

разных подъязыков в одном тексте, иногда в одном слове или словосочетании. В представлении Иерофея элементы подъязыков, видимо, воспринимались как варианты одного языка.

ЯЗЫК ГАВРИИЛА СТЕФАНОВИЧА ВЕНЦЛОВИЧА

Современник Иерофея и воспитанник тех же рачанских чернецов монах Гавриил Стефанович Венцлович, видимо, уже воспринимал три упомянутых выше идиома не как вариантные инвентари одного языка, а как два разных (сербский "простой" и древнеславянский "сербульского" и "московского" типа) или даже три языка, сознавая при этом их близость и возможность сближения в определенных условиях. Об этом можно судить по творчеству и по высказыванию самого Венцловича, содержащемуся в послесловии к первой части перевода "Меча духовнаго" Лазаря Барановича - "И се же вѣдомо буди, яко не въса проста сут, понеже яже къ богу глаголют се сіа по писанію книжном въмѣщено ест, а яже къ людем, сіа по просту. Нъ и тая недостиженіем ум'ным и невѣждаством не възмогох въса ни изредно протл'ковати, нъ емуже от вас чатущих дает Богъ бистроуміе достодл'жно может извѣствовати..."[13]. Суждения Венцловича близки к представлениям южнорусских (украинских) книжников XVII в., различавших "словенский" язык и "простую" мову и пользовавшихся нередко и тем и другим. Наличие западнорусских параллельных текстов на двух языках типа "Лекарства на оспалый умыслъ человѣчіи..." (Острог, 1607) говорит о том, что эти языки ощущались как разные и притом не связанные отношениями дополнительной дистрибуции. Что касается "произведений" Венцловича, то в них дополнительная языковая дистрибуция наблюдается, ибо одна часть их написана на древнеславянском языке позднего сербского типа с некоторыми чертами русскими - "книжно-московскими" или даже "книжно-киевскими", а часть - на языке, очень близком к сербскому народно-разговорному[14]. В общем, некоторые произведения инок Гавриил просто переписывал, некоторые при переписке перерабатывал и приближал к народному языку, некоторые переводил на язык, очень близкий к народному. По поводу оригинальности венцловичевых текстов существуют разные мнения. В.С. Йованович писал, что "Гавриил не имеет ни одного своего оригинального произведения, а все его произведения или списки, или переработки, или переводы. Он сам не написал ничего, кроме вставок и объяснений в церковных беседах"[15]. М. Павич, учитывая литературные условия той поры, когда проблема авторства, "своего и чужого" носила иной, чем в наше время характер, а момент выбора текстов, характера компиляции и языка во многом определял сущность литературы, еще не перестававшей быть и просто письменностью, так оценивал положение: "Глядя широко, - Венцлович был оригинальным литературным явлением, хотя бы потому, что его образцы (источники) не всегда оказывались взятыми вне сербской литературы, более того, иногда в его произведениях оказывалось переработанным на народный язык произведение какого-либо древнего сербского писца, который свой текст писал по-сербскославянски"[16]. Не включаясь в полемику о самобытности и оригинальности произведений в древних славянских литературах и в литературе XVIII в., отметим, что в истории литературы и в истории литературного языка, особенно для периодов становления новых норм, новой системы стилей, этот вопрос должен ставиться по-разному. Как раз пример славянского XVIII в. показывает, что иногда переводные произведения играли бо́льшую роль в становлении норм и стиля литературного языка, чем некоторые произведения непереводные. Это же можно сказать и о проблемах литературного вкуса. Но при этом важно учитывать еще один нелингвистический, а скорее социологический момент - на общий литературный вкус и на языково-литературный слог влияла распространенность произведения, в определенных случаях несущественно какого - переведенного, непереведенного или компилированного. Для произведений Венцловича этот момент был почти редуцирован, они были очень мало распространены и дошли до нас все лишь в автографах. О возможности существования некоторых неавторских списков можно говорить только предположительно. Произведения Венцловича разделили судьбу сочинений Крижанича - они были открыты лишь в XIX в.

И все же эксперимент Венцловича интересен для нас с нескольких точек зрения. Во-первых, он свидетельствует о назревшем кризисе древнеславянского языка в сербских землях, ибо подобные опыты и эксперименты возникают при определенных кризисных ситуациях (ср. опыт языка Ю. Крижанича в России в XVII в., более поздние опыты у словенцев[17], болгар, русских - Тредиаковский и т.п.), во-вторых, он предвещает ряд более поздних опытов, закончившихся опытом Караджича, в-третьих, как отмечалось выше, он повторяет в иных условиях южнорусскую (украинскую) языковую ситуацию XVII в. с употреблением "словенского"

---

[13] *Стојановић Љ.* Каталог рукописа и старих штампаних књига. Београд, 1901, с. 86, см. также *Unbegaun B.* Les débuts... с. 22.

[14] См. новое обстоятельное исследование языка Венцловича: *Costantini L.* Note sulla questione della lingua presso i Serbi tra il XVIII e il XIX secolo. - In: Studi sulla questione della lingua presso gli Slavi a cura di Riccardo Picchio. Roma, 1972, s. 163-186.

[15] *Јовановић В.С.* Гаврило Стефановић Венцловић - Српски дијалектолошки зборник, књ. II. Београд, 1911, с. 109.

[16] *Павић М.* Гаврил Стефановић Венцловић. Београд, 1972, с. 245.

[17] *Толстой Н.И.* О последней попытке применения "общеславянской азбуки" к словенскому литературному языку - В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965, с. 261-265.

и "простого" языка. Исследование языкового эксперимента Венцловича очень затруднено отсутствием критического издания его автографов или даже части их. Переводы на современный язык без комментариев, указаний на литературный источник многих текстов инока Гавриила делают строгий языковой и филологический анализ невозможным[18]. Все же по косвенным данным нам известно, что переписанные рукою Венцловича в 1711-1740 гг. Служебник, Минеи за март-апрель, Минеи за август, Часослов, "Богородичник", "Пресадѣница" и Каноник сохраняют древнеславянский язык сербского типа, в то время как переводы книги проповедей Лазаря Барановича "Мечъ духовный", "Поученіа и слова разлика и пролози нарочитымъ светымъ и праздникомъ", "Великопост'ніикъ", "Пен'тикости тріѡда поученіа съ синаѯари Сказіиванє из книге зовомыи Ключъ", "Слова из'бран'на празником светых отъцъ наших", "Поученіе избран'ное ѿ светаго еѵ҃гелиа и ѿ многіих божастав'ных писаніи", некоторые жития, слова и поучения переведены на сербский язык, очень близкий к народно-разговорному. Эти переводы относятся к периоду 1732-1746 гг.; они сделаны, по свидетельству Венцловича, "на просто уразумителное знаніе србское за селяне и просте люде", "на србски ѥзик ради разуменіа простым чловѣкомъ", "простым диалектом", или "от московскаго" или часто с произведений "російскаго архіепископа Лазара Барановича". Нетрудно заметить, что переводы касаются лишь текстов нелитургического характера (ибо проповедь - только внешняя вставка в литургию, явно обращенная к другому адресату - к прихожанам), текстов для келейного чтения или для устной проповеди (разряды 3, 4). Все же любопытно, что впервые в истории сербской письменности беседы Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Иоанна Дамаскина переводятся на сербский "простой" язык. Инок Гавриил находит для этого оправдание в библейском тексте. Бог, - пишет он, - повелел Моисею собрать людей, сынов своих и говорить им ясно, "а не в маглѣ и чрез облак учити и глаголати невещіє в писмѣ, но простим языком им вѣщати, яко да вса разумѣяют людиє"[19]. Как видно из приведенных нескольких строк, язык Венцловича не столь "чистый" народный сербский, как писали некоторые исследователи. Несколько "чище" он в переводе "Меча духовнаго", который был сделан Венцловичем для его собственных воскресных проповедей в 1736 г. в венгерском городе Дьёр. Приводим вслед за В.С. Йовановичем отрывок из перевода "Меча духовнаго" Лазаря Барановича:

[Лист 86б]. Непрелюби твори. каконо онай коисее збезаконіеᴍ уутроби ѿтр'ніѡй зачеѡ, изгрѣхоᴍсе уѥдно наѡвай свѣᵀ родіѡ. живоᵀніи овому міру. гдѣсе свѣ зло доконава ане добро. щое гоᴰ уміру. пр'вомуе жел'ноᶜᵀ тѣла, дасе насити блуда. иѡтоᴍ нас пр'во учи слово бжіе чᶜто, чуватисе ѿ пл'таске скр'ноᶜти. защо котоᴍ грѣху посамои своіѡй натури члчᶜской, лаᶜносе предае чл҃къ низараᴰ тога грѣха найвыше и найвѣѣъма люᴰ: ѿпадаю ѿ ба. по свѣдочаᶜᵀву ст҃га апᶜла петра како пише...

Ему соответствует оригинал: Не прелюбы твори; Въ безᶻакѡніи зачатаго и въ грѣсе рожᴰеннᴳа, жителѧ міру, идеже всѧ ѩже суть въ мірѣ, первое суᵀ похот' плот'скаѧ учиᵀ въ первыᵡ слово бжіе чᶜтое хранитисѧ ѿ плоᵀскоѧ нечистоты: къ сему бо грѣху по еᶜтству самому чл҃къ уᴾдобъ прекланѧетъсѧ, и ради сегѡ грѣха найпаче, чл҃ци живота вѣчнаго не наслѣдуюᵀ посвидител'ству Апᶜла ст҃гѡ Петра гл҃юща: [Мечъ духовный, Киев, 1666].

РУССКИЕ ШКОЛЫ У СЕРБОВ

Эксперимент Венцловича с Переводом "Меча духовнаго" был сделан через десять лет после начала русских школ у сербов, а "Путьшествіе" Иерофея Рачанинского было написано, видимо, в 1727 г. (а не в 1721 г., как полагают многие), т.е. год спустя после основания в Карловцах (х҃ 1726 г., с ІІ по ХІІ 1727 г. в Белграде, затем снова в Карловцах) русской школы Максима Суворова, воспитанника Московской славяно-латинской академии. Деятельность школ Максима Суворова (1726-1731 гг.) и Эммануила Козачинского (1733-1738 гг.) хорошо известна по обстоятельной монографии П. Кулаковского[20] и ряду других источников и потому сейчас нет нужды подробно на ней останавливаться. Важно лишь напомнить об одном факте. Максим Суворов был предварительно оснащен для обучения сербских юношей значительным по тому времени числом грамматик Мелетия Смотрицкого в издании Феодора Поликарпова 1721 г. (70 экз.), букварей "Первое ученіе отрокѡмъ" Феофана Прокоповича в издании 1723 г. (400 экз.) и словарей Поликарпова (10 экз.). Сербы не имели в ту пору своей типографии и добивались ее всеми силами. Все же для своих нужд и нужд православных соседей славян и румын они за период с 1701 г. по 1741 г. издали три книги, вернее в Рымнике трижды печатали букварь Феофана Прокоповича "Первое ученіе отрокѡмъ" (1726, 1727, 1734)[21]. В период же с 1741 г. по 1780 г. было на-

[18] Гаврил Стефановић Венцловић. Црни биво у срцу. Легенде, беседе, песме. Избор, предговор и редакција М. Павић. Београд, 1966.

[19] *Скерлић Ј.* Српска књижевност у XVIII веку, с. 169-171.

[20] *Кулаковский П.А.* Начало русской школы у сербов в XVIII веке. - ИОРЯС, 1903, т. VIII, кн. 2, с. 246-311; кн. 3, с. 190-297; и отдельно. Из новых работ см. *Costantini L.* Note sulla questione..., s. 187-208.

[21] По справедливому замечанию Д. Кириловича, Букварю Прокоповича выпало на долю "стать одной из тех книг, при помощи которых старый сербский, сербульский литературный язык преобразился в русско-славянский, т.е. в славяно-сербский литературный язык" (*Кириловић Д.* Букварь Теофана Прокоповића код Срба. - Зборник Матице Српске за књижевност и језик, књ.3. Нови Сад. 1956, с. 18.

печатано около 130 книг[22]. Таким образом, до 1741 г. рукописная традиция преобладала, а затем она была уже сменена новой практикой - типографским "тиском", печатанием. Нет нужды говорить о значении этого момента. Разнобой в написании одних и тех же слов, одних и тех же морфем оказался некорректным и мало допустимым. Потребовалось упорядочение языка, орфографии, фонетики, морфологии и лексики в пределах одного текста, а затем и в пределах жанра, позже всей системы жанров. Потребовалось то, что на Руси еще в XVII в. называлось "исправленіемъ книжнымъ". И если для жанров с устойчивым и предопределенным составом текстов (разряды 1, 2, 3) для соблюдения определенных норм достаточно было следования "образцовому" тексту, то для создания новых текстов, особенно текстов новых жанров, важно было знание грамматических правил и нормированного лексического фонда. В период второго сорокалетия XVIII в. такой "грамматической" литературе придавалось большое значение. Ее роль в формировании литературного письменного языка и в обучении грамоте осознавалась и ранее, в период деятельности "рачан". Так, известно, что старший из рачан, бывший "общим духовником" при патриархе Арсении III Киприан Рачанинский в 1717 г. переписал "Букварь словен'ских писмен" (с московского букваря 1701 г.) и внес в один из своих сборников. И все же основное внимание обращалось на литургические и близкие к ним тексты. Русские богослужебные книги начинают проникать в сербские земли с XVI в.; их привозят к сербам и в XVII в., но в XVIII в., в особенности в областях, где опасность унии усиливалась, они уже поступают во множестве, и скоро, как видно из разных сообщений (ревизий, инвентаризаций), они начинают преобладать почти во всех церквах и монастырях. Русское влияние, вернее влияние древнеславянского литературного языка позднего русского типа, начало сказываться еще в первой половине XVIII в., хотя и не повсеместно и не очень интенсивно. Это видно по сочинению Иерофея Рачанинского "Путьшествіе", по текстам, переписанным и компилированным Гавриилом Венцловичем, по деятельности "рачан" и других.

Появление первых русских школ у сербов справедливо считается той датой, когда в церковном обиходе, а в значительной мере и в обиходе гражданском, древнеславянский (церковнославянский) язык сербского образца был заменен

[22] *Михаиловић Г.* Српска библиографија XVIII века. Београд, 1964. - Г. Михаилович приводит в своем труде за период 1701-1741 гг. 16 книг, из них одну печатанную латиницей (Ispovid karstianska, 1701), одну по латыни (Privilegia, 1732), три - указанные буквари и 11 книг католических букварей и катехизисов, предназначавшихся для боснийцев-католиков и сербов-униатов (10 издано в Венеции и 1 книга - в Риме). Дальнейшие сведения о сербских книгах XVIII в. даются по библиографии Г.Михаиловича.

древнеславянским языком русского образца. Следует при этом отметить, что в сознании сербов и в их практике XVIII в. этот факт не осознавался как замена одного языка другим, а лишь как принятие другого варианта того же языка, имеющего более широкое распространение и ведущего к объединению со всей остальной культурной сферой Slaviae Orthodoxae. То же отношение наблюдалось в других южнославянских православных землях и у восточных славян. Как два языка - церковнославянский сербского и церковнославянский русского образца - позже в XIX в. трактовал их Караджич, и то скорее преследуя полемические цели, признавая при этом русский образец церковным (а не светским) языком сербов и не выступая против такого положения.

ЯЗЫК ДЕЛОВОЙ И ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ У СЕРБОВ В НАЧАЛЕ XVIII в.

Была, однако, одна сфера письменной деятельности, которая в начале XVIII в. осталась мало или менее затронута русским влиянием. Это - язык частной и деловой переписки, хозяйственных документов и т.п. Воеводины и Белграда и собственно Сербии в бытность там австрийской администрации (1717-1739 гг.). В качестве образца приводим начало договора архимандрита Исаии Антоновича и Янка Арнецкого о постройке погреба во дворе (3.VIII 1728. Белград):

"За болѣе вероватие васакому како я Исаия архимандрит погодих са Ианком Арнецким да ми ископа подрум под землу о свему негову трошку а ми за клофтер да му имамо дати колико буде по два форинта и сврх тогаа 1 хаков вина, и по едну чашу ракие т.е. едну ицу свега. И у тои виг'писанои погодби стои да буде подрум широк 2 калофера и висок 18 шухов. И тако погодисмо пред сим сведетели и тому сведочимо. поп Петар Димитриевич, Арсение ђакон"[23]. Однако и в этом тексте можно найти такие русские славянизмы, как *болѣе вероватие* (народная этимология от *вѣроятіе*, или плохое прочтение текста?), *васакому* (осербленное *вьсякому*), *сведетели*.

Ряд документов, и притом более поздних, уже ярче отражают русско-славянские языковые элементы. К ним относится завещание "оберкапитана" из Осека Станиши Марковича (14.V.1741. Осек):

"Во имя Отца и Сина и Святаго духа Амин. Аз долу именовати видѣти себе в тяшкой немощи и болести боящи ся

[23] Грађа за историју Београда. 1717-1739. Београд, 1958, с. 38. - Документы передаются современной графикой. Нами возвращено старое написание только в пяти случаях (*је* - *ѣ*, *ја* - *я*, *ју* - *ю*, *ј* - *й* и *шт* - *щ*), остальные случаи не всегда ясны и реконструкция ненадежна (к ним относятся написание *ъ*, *і*, *ѵ*, прописной буквы и др.).

напрасния смерти или язику моему завезание и док сам еще в целом разуму чиним свои тестамент и уредование имения моему, како ће се направити по смерти моеи и одержати и право изявлуем при што сиромаства мога обретае..."[24]

Сюда же можно отнести сообщение о кончине митрополита Викентия Йовановича, писанное епископом темишварским Николаем Димитриевичем и епископом себешским Максимом Несторовичем (7.VI.1737, Белград):

"Преосвященићиши и словеснићиши господин владыко нам господине брате всљубезнићиши. Свячески ускорихом в.б. со сим поизвестиити да текушчаго месеца юния 6 дне в пятом часѣ утренем их преосвящчени господин архиепископ и митрополит здѣ в Белиградѣ како всему во Христѣ брату, тако и обще всем православним християном последнее со благословением целование отдавши, от времения жизни сея к вѣчнеи отшедши. Богу дух предаде. Ему же вѣчная памят буди..."[25]

Естественно, что извещение о смерти духовного пастыря, писанное двумя архиереями, насыщено славянизмами. Существенно, что они уже не сербульского, а русского типа. Но любопытно, что даже такое бытовое происшествие, как драка двух диаконов с таскaнием "за власы" описана (в виде жалобы) также с употреблением славянизмов:

"1734 октомрия 5-ти. Тужба Йоанићия дякона проти Антония дякона. А прво. 1-во. Летос по отшествии во Белиград когда ся Йаничие от болесног мало воздвигао бист узео му Антоние линию. И он искао. Не получивших же улезао кроз пенцер у собу да узме линию (линейку - *Н.Т.*). Он же его бил, и за косе по соби вукао..."[26]

При достаточно внимательном исследовании текстов частной и деловой переписки, добрая часть которых связана с сербской митрополичьей канцелярией, можно заметить все же, что язык писем 20-х годов отличается от языка 30-х и 40-х годов. Еще Б.О. Унбегаун, процитировав отрывок из письма 1721 г., посланного карловацким митрополитом Викентием Поповичем белградскому митрополиту Моисею Петровичу, писал, что язык этого письма "причудливая амальгама, очень далекая от разговорного сербского языка"[27].

Приводим часть этого отрывка:

"... есмо разумели, ... да се кое некоторе главне и нами и свему клеру и народу нашему потребне пунктове како пишете намь ваше преосвещенство славна администраціа белиградска преюдицировати и противи се интендируе сада, и да тако чрезь горнихь врховнихь ищанціа наветствують и говореть ви, нища манше него ако би то тако истином се чинило, да знате ваше преосвещенство, да то бива преко и перь експресе супротивно общенароднимь нашимь привилегіамь..." (Ср. Карловци, 1721).

[24] Грађа..., с. 253-254.
[25] Грађа... с. 250.
[26] Грађа... с. 248.
[27] *Unbegaun B.* Les débuts... s. 26.

Нетрудно заметить в письме владыки Викентия обилие многочисленных латинизмов и германизмов, которые позже были оттеснены на второй план или вытеснены славянизмами, что сделало приватно-деловой язык более монолитным, хотя и во многих случаях по-прежнему достаточно далеким от народно-разговорного. Наконец, последний пример свидетельствует о нестабильности принципов (чтобы не употреблять слова "норм", т.к. нормы не успевали складываться) в первой половине XVIII в.

Мы остановились подробнее на рассмотрении языка частной и частно-деловой переписки потому, что оно важно по ряду причин. Тексты корреспонденций и хозяйственных документов, естественно, нельзя считать литературными памятниками или памятниками литературного языка своего времени. Однако также нельзя отрицать, что в ряде случаев они могут быть источниками для истории литературного языка, особенно при рассмотрении его функциональных аспектов, при определении того, какой тип литературного языка (при наличии ряда "подъязыков", или языков) доминировал, был популярен, или авторитетен и какие формы (фонетические, грамматические, лексические и стилистические) литературного языка были более устойчивыми, прочно воспринятыми и т.п. На Руси в развитии литературного языка в XVII в. и отчасти в XVIII в. большую роль играл достаточно четко нормированный и почти лишенный ярких локальных особенностей государственно-канцелярский, деловой "приказной" язык. Поскольку он обладал своей нормой, он противопоставлялся языку с древнеславянской (церковнославянской) нормой и входил в определенную систему отношений с народно-разговорным койне и диалектами, а также с фольклорным языком[28]. В Сербии, Болгарии и в некоторых других странах греко-славянского мира в XVII-XVIII вв. он почти отсутствовал, т.к. языком государственных канцелярий был латинский, немецкий, турецкий. Его отсутствие сказалось на условиях и результатах перехода от древнего языково-литературного состояния к новому, на процессе формирования национального литературного языка. У черногорцев, правда, в течение всего XVIII в. продолжала действовать паштровская деловая канцелярия, но она носила столь локальный характер, что не могла повлиять серьезно на литературно-языковое положение во всех сербских землях и тем более в Воеводине (и в Венгрии), куда в XVIII в. сместился центр сербской культурной жизни.

[28] *Толстой Н.И.* Ответ на вопрос "Създаване на койне в славянските езици и неговото влияние върху литературните езици". - Славянска филология, т. 1. София, 1963, с. 45-46; *Он же.* Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII-XVIII вв. - В кн.: Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962, с. 8.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК С 1740 г. ПО 1760 г.

Сорокалетний период с 1740 г. по 1780 г. справедливо принято считать порой почти полного господства "славяно-сербского" литературного языка на русской основе. Под русской основой, однако, следует понимать не просто русский язык, а древнеславянский язык позднего русского типа, русский "высокий" литературный слог XVIII в. и русский историографический слог той же поры. Не считая некоторых непосредственных сербских перепечаток русских книг того времени и написания или публикации книг в России, в русской среде, предназначавшихся прежде всего для русского читателя (В. Петрович, позже С. Пишчевич и др.), следует сказать, что этот "словено-сербский", точнее русско-славяно-сербский, язык не был однородным в течение своего господства и функционирования в сербской литературе. Эта неоднородность была вызвана двумя моментами: уже отмеченным разнообразием русского литературного языка XVIII в., точнее той его части, на которую бытующий в сербской среде язык ("подъязык") равнялся, и различной "дозой" сербского элемента - отчасти народного, отчасти унаследованного от предшествующих эпох от древнеславянского языка сербского типа, от сербульского слога. Сербизмы в эту эпоху более всего обнаруживались в лексике, затем в акцентной системе, отчасти в морфологии.

Для рассматриваемого периода была очень существенна и перестройка структуры литературных разрядов (сегментов, жанров), перемена их иерархии, "секуляризация" некоторых жанров, появление новых жанров в связи с новыми литературными направлениями. Правда, в сербской литературе XVIII в. эта перестройка происходила не сразу, и результаты ее могли быть отмечены лишь начиная с 1760 г., т.е. с 70-х годов. Это дает нам право второе сорокалетие разделить на два подпериода - до 1760 г. и от 1760 г. до 1780 г. В первый, как и во второй, период господствовал "славяно-сербский" язык на русской основе[29]. Это видно из текстов сербских печатных книг, которые, в отличие от предшествующих эпох, издавались чаще всего в Вене, затем в Сремских Карловцах (единичные случаи в Румынии - в Рымнике и Блаже, и в Венеции). Количество вышедших за этот период книг еще незначительно: их всего тринадцать, не считая печатанных на латыни (5 книг) и повторных сербских изданий (3 издания "Стаматографии" 1741 и после 1741 г.). В это число, однако, входят перепечатки шести русских

[29] Этот язык современники называли по-разному: "славе́нскій" (еписк. Партений Павлович и митроп. Павел Ненадович, 1760), "славено-сербскій" (Христофор Жефарович, 1741), "іллурíческо-славе́но-се́рбскій" (Константин Филиппиди, 1773) и т.п. в отличие от "просто-сербского" (Стефан Раич, 1793).

книг без языковой редакции, т.е. без изменений. Сам состав этих русских книг показателен для истории литературного языка у сербов гораздо больше, чем для истории их литературы. Это: 1. "Букварь", напечатанный Х. Жефаровичем (Вена 1742-1744?), 2. "Грамматіка" Мелетия Смотрицкого изданная "настояніемъ, прилѣжаніемъ и иждивеніемъ Паула Ненадовича" (Рымник, 1755), 3. "Первое учéніе отрокωмъ..." Феофана Прокоповича (но только катехизис без букваря под заглавием "Краткое толкованіе законнаго десѧтословіѧ...", напечатанный Д. Феодосием - Венеция, 1759), 4. "Поучение ѿтлское (святительское. - *Н.Т.*)" - перепечатка с русской книги, изданной в 1696 г. в Москве, выполненная Х. Жефаровичем (Вена, 1742), 5. "Орѳодоξос' омологіѧ сирѣчь Православное исповѣданіе..." перепечатка книги Петра Могилы (по Г. Михаиловичу), выполненная З. Орфелиным (Ср. Карловци, 1758; 2-е изд. - 1763), 6. "Мѣсѧцословъ" (Вена, 1743-1744), который был, вероятно, перепечатан Жефаровичем с русского, но установить это трудно, т.к. все экземпляры утеряны и не описаны. Как видно из заглавий книг, в основном - это литература пропедевтическо-педагогическая, как в области филологии (языка), так и в сфере теологии. Остальные книги, более оригинального характера, печатанные на славено-сербском языке, носят или светский, или не строго конфессиональный характер. Их всего пять и они могут быть рассмотрены каждая в отдельности.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХРИСТОФОРА ЖЕФАРОВИЧА И СИМЕОНА СИМОНОВИЧА

Список книг, вышедших в интересующее нас двадцатилетие, открывается знаменитым трудом "Изωбраже́ніе оружій Иллурíческихъ..." (Вена, 1741), известным под названием "Стематографія" "иллурíко-рассіáнскаго общаго зѡ́графа" болгарина родом Христофора Жефаровича. Его появление довольно ярко знаменует новый этап в развитии сербской литературы и литературного языка не только потому, что он оказывается первой сербской печатной книгой чисто светского содержания. "Стематографія", продолжая прерванную в XVII в. традицию сербского книгопечатания, впервые в сербской локальной зоне мира Slavia Orthodoxa демонстрирует прямую связь с миром Slavia Latina. Жефарович отмечает в своей книге, и это подтверждается фактами, что "Изωбраженіе..." написано "Пáѵломъ Рíттеромъ в' діалектѣ Латíнскомъ" и им самим "изданно на свѣтъ и по егѡ (Жефаровича. - *Н.Т.*) урѧжде́нію на Славено-Сербскій языкъ преведенное". Таким образом, в данном случае перевод сделан не с русского, "славяно-российского" или церковнославянского, который часто оказывался обычной перепечаткой, а с латинского, что обеспечило переход текста из латинославянской культурной сферы в сферу грекославянскую. Впоследствии эти случаи в славяносербской литературе повторялись (ср. "перевод" Стефаном Раичем на "прос-

то-сербскій єзыкъ" сочинения М.А. Рельковича "Сатуръ или дивій човєкъ", 1793). Идеи славянской взаимности и единства получили в мире Slavia Latina в борьбе с турецкой, а отчасти и с венецианской экспансией свое яркое выражение в XVI-XVII вв. в Польше в литературно-политическом течении "сарматов", а в Далмации и Хорватии - "иллиров". Этот литературный барочный "панславизм", уже в новом, но подходящем для него славяно-сербском обличии, продолжал свое развитие в сербской среде, не теряя своей прежней сущности, но обращая свое оборонительное "иллирическое оружие" не только и не столько против турок, сколько против германизации, унии и габсбургских притеснений и притязаний. От сочинений Винко Прибоевича, Ивана Гундулича, Мавро Орбини и Павла Ритера Витезовича идет прямая идейная, а для произведений двух последних авторов и текстовая связь с историческими сочинениями "славяно-сербской" литературы XVIII в., о чем ниже будет речь. Важно, что "Стематографія" Жефаровича в сербской среде дала этому начало, а "Троношская летопись" (рукопись середины XVIII в., возникшая, видимо, в Карловацком митрополичьем окружении), установила связь всего жанра не только с сербской средневековой летописной и родословной традицией, но и с традицией народно-эпической. Так возник по сути дела новый "исторический" жанр в славено-сербской литературе, переживший стилевую и языковую эволюцию и закрепившийся рядом значительных произведений.

Для переводов Х. Жефаровича и для стихов сотрудничавшего с ним Павла Ненадовича характерен силлабический тринадцатисложный виршевой стих:

"Двóе глáвниМ орлемъ злáтимъ Мóсква украшéнна.
К' Нарóду к' супостатωМ Окомъ приложéнна.
Нáродъ дéржитъ правúлнω, мечéмъ супостáти,
побѣждаеТ ѿ страха врáгъ несмѣетъ стáти.

("Стематографія". На герб Москвы, л. 28 об.)

или:

"усердіе елúко Тебѣ обѣщаетъ
Христóфоре почтéнне! Книга ѿкривáетъ
Иже тóкмо рукóю сію раз'гибáетъ
Сице Вѣщáетъ

(П. Ненадович "шкóлъ úногда Карловачки^х Козачински^х ученúкъ. Там же. Панегирик Жефаровичу).

Следующая книга из упомянутого списка - "Ѡписаніе ст҃аго БжіА Града Іерусалíма" архимандрита Симеона Симоновича (Вена, 1748) продолжает в "славяно-сербской" литературе жанр хождений (хотя в ней отсутствует момент путешествия). Она демонстрирует уже довольно чистый поздний древнеславянский язык русского типа, сильно отличающийся от языка Иерофея Рачанинского:

"...И къ востóку ꙗко верженіе кáмене ѿ палáтахъ двдыхъ éстъ велúкій, и преславный хрáмъ стáгω грóба гсдна прекрáсный, и круговúдный, имѣАй трýлли трѝ во образ стыА трцы, и звóницу краснѣйшу и высоку..." (с. 9).

Тексты Жефаровича и Симоновича обнаруживают сознательное употребление четко нормализованного языка, далекого от народной основы и лишенного связи с сербульской традицией.

ОПЫТЫ НОРМАЛИЗАЦИИ ДЕЛОВОГО ЦЕРКОВНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ЯЗЫКА В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

Нормализаторские цели не только в сфере графики (печатной и рукописной), но и в области стиля и просто литературного языка преследовала "Каліграфія" Захария Орфелина (Карловац, 1759), выполненная в духе барочной манеры середины XVIII в. По сути дела эта книга была кратким письмовником, дающим образцы почерков и текстов. К одному из таких относится отрывок текста о некоем Канторе:

"Во Фрúсландіи в' Мѣстѣ Грéнингу живя́ше нѣкій Мужъ úменемъ Іωáннъ Кáнторъ, иже родúлъ едúнаго Сы́на, котóрый тáкой рáзумъ úмѣлъ, да онъ удобъ нѣчто в' умъ приняти, разýмѣти, и в' Ползу свою употрéбити мóжаше..." (л. 4).

Язык этого прозаического отрывка довольно строго нормирован, так же как и язык заключительного стихотворения - вирш, начало которых приводим:

к' Гаждателю:
Кто болшѣ знаше той можетъ Грѣшки исправити,
аще токмо ѿ Любви хощетъ сотворити.
В' злобѣжъ тебе сущаго к' сему азъ не ищу
ниже завистлива тя ко исправку взыщу

(л. 1а)

В славяно-русскую ткань языка умело введены сербизмы *грѣшки* 'ошибки', *исправка* 'исправление' и т.п., но число их невелико. Еще меньше их в послании-инструкции митрополита Павла Ненадовича "Крáткое ω Бгоподобáющемъ тѣлу и крови хрстовой поклонéніи и врéмени тогѡ наставленіе..." (Карловци, 1758), изданной Орфелиным. Наставление это написано тем же книжным языком, но отличается своеобразным приподнятым церковно-административным слогом:

"Ꙗкоже звáніА нáшегω, и при Митрополіи сéй бговрученнаго наМ кормителства и ПравленіА главное дѣло быти знаемъ и признаемъ, еже бгововѣренныА намъ Овцы и Пажить дховную изводити, и ꙗко СловесныА и душу разумную имущыА путеводити, какω бы Творца своегω ѿнегоже и бытіе и житіе свое имутъ, подобающе славили и почитали, и такω себѣ земнаА и небеснаА, временнаА и вѣчнаА блга снискавали..." (с. 4).

Число сербизмов в тексте Наставления (объемом 15 с.) очень незначительно (*звонцемъ* 'звонком', *прнАворцемъ* 'монастырским крестьянам', *да наложится* 'обязать' и др.) и они встречаются, как правило, в тех случаях, когда им в

позднем "словенском книжном обоюдном языке" нет соответствия, нет эквивалента. Церковно-административному языку в Воеводине и вообще в "Австрийских пределах" был противопоставлен, но не очень сильно от него отличался язык светско-административный, вернее государственно административный, язык декретов высшей "цесарской" власти, в отличие от иного, более повседневного, судебно-административного и ему подобного языка.

Пятым и шестым славяно-сербскими изданиями в рассматриваемое двадцатилетие, не имевшими отношения к русской книжной продукции и традиции, были "Привилегій диплóма покрови́телнаѧ..." Леопольда I, в переводе с латинского Павла Ненадовича младшего (Вена, 1745) и "Регуламентъ сърбскомь войни́чкомь", напечатанный Димитрием Пандовичем "типографом" (Блаж, 1748). В то время как перевод Павла Ненадовича младшего выполнен в цветистом и правильном словенском слоге, как и подобало для столичного издания, провинциальный "Регуламентъ" еще носит в орфографии следы сербульского периода и язык его, ославяненный в значительно меньшей степени, чем язык "Привиле́гій", сохраняет сербскую народно-языковую основу.

Приводим начало-обращение из "Привиле́гій" и первые положения из "Регуламента":

"Ѡ҃щенный кле́ре и сла́вный наро́де! Всеблаже́ннѣ́йшій, преѡ҃щеннѣ́йшій, бг҃олюбивіи, всеч҃стныи, преподо́бныи бл҃гоговѣ́ннѣ́йшіи высо́кѡ-и҃-блг҃ѡ-ро́дныи бл҃го-племѧ́нитѡ-ро́дныи, бл҃г҃ѡ по́чтенныи, всѝ всѧ́кагѡ чи́на са́на, степенѐ, ч҃сти, досто́инства, и имене въ сла́вномъ наро́дѣ сербскомъ..."[30] ("Привиле́гіи..." с. 1):

"Пе́рвѡ. у ѡвому нагледь ва́ше буду́ѣ дужно́сти наиви́ше состоисе такоѣерь На́ша Мл҃стивеиша во́лѧ имиса́ль есть да би упе́ть Региме́нти Разделе́ни Сла́вони́ски наро́дни кра́ишни Войници на сви́хь мѣ́стах и кра́ю ку́да то На́ша найвиша слу́жба изаповѣ́сть Со́бомь носи́ла бу́де..." ("Регуламентъ", л. 2б).

Что касается влияния латинского и немецкого синтаксиса, то он достаточно ярко обнаруживается в обоих текстах и вообще во многих деловых (канцелярских) документах.

УСТНАЯ СФЕРА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА. ЯЗЫК ПРОПОВЕДЕЙ И ДРАМЫ

С середины XVIII в. как отмечалось выше, печатные книги уже довольно полно и четко отражают языковую ситуацию того времени, хотя число этих книг еще невелико. И все же наши представления были бы обедненными и несколько односторонними, если бы мы не учитывали и отдельные, пусть даже единичные рукописные тексты и устную сферу, устное употребление языка. Последний вопрос, вопрос устного языкового функционирования, очень важен для оценки роли "славено-сербского" языка в сербском литературно-языковом процессе XVIII в. и начала XIX в.

В наше время можно с уверенностью сказать, что с первого десятилетия своего утверждения в сербских землях под австрийским имперским управлением, "славено-сербский" язык употреблялся и в устной форме. Эта устная форма не относилась, видимо, к разговорному языку, а была скорее устной формой текстов славяно-сербской литературы, которые могли быть зафиксированы письменно, а могли и не фиксироваться таким образом. Речь идет о двух важных и новых для сербской литературы жанрах - проповеди и драме. Оба жанра имели ярко барочный характер и оба возникли под так называемым "русским" влиянием.

О характере проповедей того времени можно догадываться по сочинениям Иоаникия Галятовского, Лазаря Барановича, Стефана Яворского и Феофана Прокоповича. Вместе с другими филологическими науками и художествами в сербские земли была привнесена риторика, значение которой, как и в России[31], хорошо сознавалось. Приехавший к сербам в 1733 г. Эммануил Козачинский был ректором всех школ Белградско-Карловацкой митрополии, учителем риторики и проповедником карловацкого митрополичьего собора. Его предшественником был, как известно, Максим Суворов. Несколькими годами позже русский учитель иеромонах Петр Михайлов был проповедником в белградском митрополичьем соборе. Совершенно очевидно, что русские деятели сербского просвещения начала второй трети XVIII в. проповедовали по "словенски", хотя есть основания предполагать, что "словенский" русского типа был в их устах немного осерблен[32]. Сремские Карловцы и Белград были в ту пору центрами сербского образования, просвещения, духовной культуры. Печ была далеко и годы Печской патриархии были уже почти со-

[30] Любопытно, что в пространном заглавии "Привилегій", занимающем, как часто бывало в XVIII в., всю титульную страницу, значится: "славному народу Іллvрiко-Рассiанскому (от древней сербской столицы *Рас* и страны *Рашка*). Так дано в изданиях Дворцовой канцелярии и Венгерской дворцовой канцелярии, а в издании Дворцовой военной канцелярии только - "Іллvрiческому".

[31] *Вомперский В.П.* Стилистическое учение М.В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1971.

[32] На эту мысль наводят отдельные факты употребления "сербизмов" (сербизмов - по отношению к русскому типу позднего древнеславянского языка) в некоторых, правда не проповеднических текстах. Петр Михайлов, "школы бѣлградскія магистеръ и слова Божія проповѣдникъ" в своем письме Василию Димитриевичу, епископу Будимскому (гор. Буды), писанном 14.VI. 1738 г. на русско-славянском языке, употребляет такие выражения и слова, как *немира ватра, стояти не имам зачим, Турци поробили и поарали* ("Грађа за исторју Београда..." с. 251). В письмах и доношениях в Синод М.Суворова встречаются такие слова, как *кров* 'крыша' (что может быть и славянизмом), *чувати* 'стеречь', *снабдѣва-*

чтены (она была упразднена в 1766 г.). Ближе и в культурном и в географическом отношении были Комаром и Дьер на средне-верхнем Дунае, на границе сербского рассеяния (диаспоры) в Венгрии, где на языке очень близком к народно-разговорному проповедовал Гаврило Венцлович. Его опытам создания сербской литературной речи на народной основе суждено было укрепиться и победить лишь век спустя, во времена Вука, а до той поры представления об авторитетности "словенского" языка, зависимые от принятия и признания литературно-разговорной диглосии, а несколько позже от стремления установить определенную систему жанров и связанную с ней систему "штилей" (языков), препятствовали введению народного языка не только во всю сербскую литературу, но и в некоторые периоды и в отдельные ее части. Сербский народный язык временно был оттеснен на периферию литературы и на периферию диаспоры, как это случилось с проповедями Венцловича или с текстом "Регуламента", изданного Пандовичем. В России того времени, да и несколько позже народный язык не получил литературных прав вообще, несмотря на отдельные попытки писать "подлым" языком (в XVIII в В.К. Тредиаковский и др. в XIX в. В.И. Даль и др.).

Язык драмы был в рассматриваемый период[33] во всех случаях славяносербским[34], т.е. таким, как и проповеди М. Суворова и Э. Козачинского. Драмы разучивались школярами и исполнялись в школе под руководством учителей и потому этот вид театрального представления назывался "школьной драмой". Эта драма была хорошо известна в XVII в. в Польше, затем в Юго-Западной Руси и на Руси Московской; позже ее сохранила петровская и послепетровская Россия.

лись 'снабжались' (впрочем, последнее слово могло и не быть сербизмом, его следует поискать в русском деловом языке начала XVIII в. См. *Кулаковский П.* Начало русской школы... с. 101, 119).

33 Исследование сербской исторической драмы дано в обстоятельной монографии: *Ерчић В.* Историјска драма у Срба од 1736 до 1860. Београд, 1974.

34 Термин "славено-сербский язык" возник в XVIII в. по образцу термина "славено-российский" язык (позже был известен и "славено-болгарский") и означал, видимо, чаще всего книжный, обычно смешанный язык, противопоставленный языку простому, некнижному, который, однако, допускался отдельными писателями. К концу XVIII в. и в начале XIX в. этот термин во многом десемантизовался и мог означать, как у Вука (см. его "Пѣсмарицу" 1814 г.), сербский язык вообще. Некоторые сербские лингвисты (в последнее время А. Младенович и др.) этот термин стали употреблять для определения языка конца XVIII в. смешанного, "средняго" типа (см. ЛЯС, 309). Нами он употребляется в обоих значениях и случаях. Но в первом случае, когда сохраняется термин XVIII в., обычно нами добавляется конкретизация, например, "славено-сербский язык на русской основе".

Киево-Могилянская Академия, воспитанником которой был Э. Козачинский, пестовала этот вид барочного искусства. Естественно, что Э. Козачинский постарался его перенести к сербам и с этой целью написал в 1736 г. "Трагедокомедію", названную позже его учеником Иоанном Раичем "Трагедіа сирѣчь печалная повѣсть о смерти послѣдняго царя сербскаго Уроша пятаго и о паденіи сербскаго царства". Э. Козачинский выбрал исторический сюжет и притом из сербской истории, что характерно для общей историческо-барочной тематики сербской литературы XVIII в. Соответственно цветистым, возвышенным, "книжно-славенским" был, вероятно, и язык драмы. Приходится употреблять слово "вероятно" потому, что текст Козачинского до нас не дошел: был лишь список Савы Райковича (1780 г.), а позже в 1795 г. трагедия "пречищена и исправлѣна" И. Раичем (см. ЛЯС, 303). Русско-славянская основа и плоть этого языка не подлежат сомнению, но были, надо полагать, и некоторые сербизмы, к которым можно причислить и характер ударения. Такие "славенские" слова, как *глава, врата* имели чаще всего ударение на первом слоге *гла́ва, вра́та* (как в сербском народном языке *гла́ва, вра́та*), а не на конечном, как в русском "славянском" стиле XVIII в.

Об этом могут свидетельствовать стихотворные тексты типа:

Подъ милостивѣйшую римскую державу
Ей же и днѣсь смиренно приклоняемъ главу.

(Э. Козачинский. Из "Пролога" к "Трагедокомедіи")

Ка́кѡ Коѐ Цр҃ство бѣ̀, Коеѧ̀ приро́ди
Ка́кимъ щи́томъ о́ружно, Ка́цы Его̀ пло́ди

(Х. Жефаровичъ, Стематографія, л. 12)

Возможно, что именно ударение и произношение были одними из важных отличительных черт сербского типа позднего древнеславянского языка от типа русского и сербского варианта "высокого штиля" русского литературного языка XVIII в. от русского оригинала. Следовало бы с этой точки зрения исследовать все акцентуированные и стихотворные тексты славяно-сербской литературы.

На несоответствие звуковой формы слова и его графического "славено-сербского" (русскославянского) облика в узусе сербов того времени указывал Орфелин в своем букваре "Пе́рвое уче́ніе хотѧ́щимъ учи́тисѧ кни́гъ пи́смены Славе́нскими называе́мое Буква́рь... Венеция, 1767). Он отмечал, что вместо *во имя* (как написано *во имѧ*) произносят *ва име* или *у име*, вместо *хвала, хвалю тя, Христосъ - вала, валю те, Ристос*, вместо *лѣпота, лѣпый, лѣпъ - лепота, леп* (имеется в виду, вероятно, отсутствие смягчения перед ятем) и др.[35]

---

35 См. *Успенский Б.А.* Архаическая система церковнославянского произношения. М., 1968, с. 29-35. - В сентябре

Йован Скерлич считал, что в XVIII в. со временем "славено-сербский" язык стал разговорным языком высших сословий. Он писал, что "славено-сербский язык перешел не только в литературу, но из церкви, школ и книг он стал переходить и в народ и к интеллигентным людям; особенно учащиеся и те, кто получил образование, стали употреблять его как живую речь... В Сомборе, например, в пору когда Вук Караджич начал борьбу за народный язык, за речь "подлейших людей", русско-славянский был так распространен среди тамошних сербских горожан, что и женщины "славянствовали"[36].

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК У СЕРБОВ С 1760 г. ПО 1780 г.

Вторая половина второго сорокалетия, т.е. годы 1760-1780, отличались резким подъемом печатной продукции у сербов, укреплением позиций "славяно-сербского" языка с ярко русской окраской, во многих случаях лишь в малом ряде черт отличающегося от русского языка определенных текстов XVIII в., расширением жанрового репертуара сербской литературы, увеличением числа оригинальных сочинений, резким усилением светской струи в переводных и переводно-компилятивных произведениях. В это двадцатилетие соотношение печатной и рукописной продукции резко изменилось в пользу первой, которая стала абсолютно преобладать и с этой поры, как и в России, сербская рукописная традиция начала сходить на нет, а в XIX в. вовсе прекратилась практика копирования списков. Едва ли не последним крупным рукописным произведением была Троношская летопись. Почти вся сербская книгоиздательская деятельность за эти два десятилетия была связана с двумя типографиями - с венецианской Димитрия Феодосия (с 1758 г.) и с венской Иосифа Курцбека. С появлением (в 1770 г.) типографии Курцбека печатание сербских книг в Венеции испытало резкий спад, а затем и вовсе прекратилось. Несколько книг и карт было напечатано в Сремских Карловцах.

Если за период 1740-1760 гг. вышло в свет, как отмечалось выше, 13 книг, то в период 1760-1780 гг. их было напечатано более ста[37].

1975 г. я наблюдал подобное явление в фрушкогорском монастыре Крушедоле. Вместо "*и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ*" произносилось на вечерне "*и ни́не и у́век и ва вје́ки вје́ков*". Подобные отклонения неканоничны и "диалектны". К тому же они касаются лексической стороны языка.

[36] *Скерлић Ј.* Српска књижевност у XVIII веку, с. 152.

[37] В библиографии Г. Михаиловича приводится 112 номеров, но под отдельным номером идут и вторые издания и книги, вышедшие на латыни (6 книг).

Из этого числа около сорока книг еще - церковного, конфессионального характера. Но и эти сорок книг по своему содержанию отражают веяния семидесятых и восьмидесятых годов просвещенного века. В их числе помимо евангелия (1764), псалтыри (1761, 1764, 1770, 1771, 1779), октоиха (1764), требника (1761), часослова (1766, 1777), месяцеслова (1765, 1771, 1778), утренних и вечерних молитв (1771), пасхальных служб (1772) и т.п. текстов на древнеславянском (церковнославянском) языке позднего русского извода были изданы такие книги, как "Православное исповѣданіе вѣры" ("Ѡреодо҃ос' омологіѧ" - 2-ое изд. 1763), "Краткаѧ сказаніѧ" (1767) и "Діалогіонъ" (1775) Феофана Прокоповича, синодальный "Катихизисъ малый" (1776) и "Проповѣдь или слово ѡ ѡсужденіи" и "Слово о грѣшномъ человѣку" Гедеона Крыновского (1764)[38].

Особо следует выделить изданные в Рымнике (1761) и переизданные в Венеции (1765) "Правила молебнаѧ Стыхъ се́рбскихъ Просвѣти́телей", известные под названием *Србдвак*, содержащие службы сербским святым. Не только предисловие, писанное издателем Синесием Живановичем, епископом Арадским, но и сам текст, источником которого была рукопись (1714) монаха Максима из Раковицы, отражает позднюю церковно-русско-славянскую языковую норму. Аналогичны в языковом отношении и "Кано́ны прпдбныхъ и бгоносныхъ оцъ На́шихъ Сумеѡ́на и сти́телѧ Саввы сербскихъ" (1776), отредактированные хиландарским иеромонахом Феодосием. "Кано́ны" заключаются характерным для средневековой традиции послесловием, отмечающим произведенную замену редакции: "Любе́зно же молю̀ и колѣнъ каса́юсѧ всѣхъ прочита́ющихъ, илѝ препису́ющихъ сіѧ̀ тетрадійцы, ѡ погрѣшеніи, аще нѣгде ѡбрѧ́щетсѧ исправлѧ́йте и проще́нію насъ сподо́блѧйте: поне́же имѣхъ изво́дъ не то́кмо в' сложе́ніи, но и в рѣ́чи ѕѣло̀ дре́вней и сего̀ ра́ди ве́ликъ тру́дъ имѣхъ, исправлѧ́ѧ погрѣ́шности его̀ѡ". Совершенно очевидно, что обе эти книги служили не только и не столько богослужебным целям, сколько целям укрепления национального самосознания. Они напоминали, так же как и Троношская летопись, "российский" перевод книги Мавро Орбини "Книга историографія" (1722) и другие книги исторического содержания в трудных услови-

[38] На титульном листе "Проповѣди" Гедеона Крыновского было напечатано "изъ рѡссійскаго на Славено-Сербскый ѧзыкъ преведенное въ Новомъ Садѣ" (вероятно Захарием Орфелиным), а после заглавия "Слова" Крыновского значится "изъ Московскагѡ на Славено-Сербскый ѧзыкъ преведенное ѿ I.Р. (Иоанном Раичем. - *Н.Т.*) въ Карловцѣ Сурміискомъ". Нужно заметить, однако, что в те времена в понятие перевод входило и простое редактирование текста, замена отдельных слов, форм и выражений другими, а не только транспонирование текста с одного языка на другой. Характерно к тому же, что такому переводу были подвергнуты лишь проповеди, в которые, при учете их функциональной стороны, допускалось введение народных языковых элементов.

ях турецкого владычества и австрийско-венгерского господства о славном прошлом, о эпохе сербской государственности, о духовной и политической независимости сербского народа. "Каноны св. Симеона и св. Саввы" готовились к изданию Феодосием Хиландарцем приблизительно в то же время, когда в той же "ставропигіалной чюдотворной славеносербской Лаврѣ", после поездки в Сремские Карловцы (1761 г.), один из первых и крупных деятелей болгарского возрождения отец Паисий Хилендарский писал свою "Исторію Славеноболгарскую" (завершенную в Зографском монастыре в 1762 г.).

Приток русских книг конфессионального и неконфессионального характера за этот период не ослабевал, а усиливался. Насколько значителен был авторитет русской книги, показывает хотя бы такой факт, как издание в Венеции (в типографии Феодосия) "Апоѳегматы то есть краткихъ витіеватыхъ и нравоучительныхъ рѣчей..." с указанием внизу титульного листа "В Санктпетербургѣ 1765 года". В Петербурге, действительно, с 1711 г. по 1781 г. было девять изданий (в Москве только одно издание - 1716 г.) этой, переведенной с польского популярной книги. Издание 1765 г. с пометой "*пере*ведены съ польскаго на Славенскій ѧзыкъ" было, однако, не петербургским, а венецианским, хотя текст и язык текста соответствовал русским изданиям[39]. Сербы охотно принимали этот фальсификат, но с большой осторожностью относились к униатским "подделкам" и на этом основании с подозрением отвергали букварь, изданный в Вене И. Курцбеком в 1774 г. ("Началное ученіе человѣкѡмъ хотѧщымъ учитисѧ славенскому чтенію"), где помимо букваря Феофана Прокоповича, молитв и стихов из Катехизеса митрополита Платона (Левшина) внесен немецкий букварь, в то время как изданный в Вене тем же И. Курцбеком в 1770 г. "Букварь или началное ученіе хотѧщымъ учитисѧ книгъ писмены славено-сербскими", по сути дела точное и дословное переиздание русского букваря Киевопечерской Лавры[40], пользовался у сербов доверием[41].

---

[39] Подобный случай был с другим изданием того же Димитрия Феодосия - "Послѣдованіе молебна за болѧщаго" (Венеция, 1763). Место издания на первом листе не значилось, а в самом конце брошюры на 12 л. *б* указывалось: "Печатано въ цр҃ствующемъ Градѣ Москвѣ ѧѱѯг. Находитсѧ (т.е. имеется в продаже - *Н.Т.*) въ Тѵпографіи Грекоправославной код' Димитріа Ѳеодосіа".

[40] Киевопечерский букварь 1751 г. имел такое же заглавие, лишь вместо слова "славено-сербскими" значилось "славенскими".

[41] О букваре, изданном И. Курцбеком в 1774 г., Г. Михайлович пишет: "Сербы не хотели покупать этот букварь, а требовали киевское издание, которое Курцбек перепечатал в 1770 г. (*Михаиловић Г.* Српска библиографија... с. 121). С издания киевского букваря и началась деятельность Курцбековой типографии. Учтя популярность Киевского букваря 1751 г., Д. Феодосий не замедлил переиздать его в 1775 г.

УЧЕБНЫЕ КНИГИ И ГРАЖДАНСКИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ, ИХ ВИДЫ И ЯЗЫК

Начально-грамматическая, учебная литература занимала значительную часть всех изданных сербских книг за упомянутый период. Их было пятнадцать, а это значит, что на каждые три книги конфессионального содержания приходился один букварь или начальный учебник. Помимо названных букварей издавались латинские буквари. Такими были "Латинскій букварь" Орфелина, печатанный в два столбца с латинским и русско-церковнославянским ("славено-сербским") текстом (1766), "Первые начатки латинского языка" Орфелина, в которых объединялась Ренцевская грамматика - Донат и словарь-лексикон Целлария "въ пользу и употребленіе Сербской юности на Славяно-Сербскій языкъ" переведенные. Учебники немецкой грамматики также были написаны на русско-славянском, т.е. на "славеносербскомъ ѩзыкѣ" ("Нѣмецкая грамматика" Стефана Вуяновского 1772 и "Начало Ученіѧ... писмены нѣмецкими" Саввы Лазаревича, 1774 г.). Параллельный немецко-"славеносербский" текст был применен и в особом руководстве для учителей по письму, чтению, арифметике, немецкому языку, прилежанию и т.п., названном "Ручная книга потребнаѧ магистрѡмъ Іллѵріческихъ Неуніатскихъ малыхъ школъ..." (1776). Перевод этой книги И.И. Фелбигера на "славянскій" и редактирование текста были выполнены Теодором Янковичем де Мириево[42]. Таким образом, и при преподавании латинского и немецкого языка вводился и использовался "славеносербский", что делало его своего рода живым интеллигентским языком, языком обучения во всяком случае.

Особый интерес представляет букварь Захария Орфелина "Первое ученіе хотѧщымъ учитисѧ книгъ писмены Славенскими..." (1767). Несмотря на его компилятивность, выразившуюся в следовании немецким и иным источникам, а иногда и в их прямом использовании и копировании, букварь надо признать очень интересным и по замыслу, и по исполнению, и по строго нормированному языку, и по ряду высказываний, изложенных в "Предъувѣдомленіи", о которых речь уже была выше. Существенно и введение в букварь элементов точных наук - арифметики, астрономии, географии и, наконец, истории.

Помимо книг переходного церковно-светского содержания, какими были месяцесловы (изд. 1765 - перепечатка с мос-

---

[42] Этому известному деятелю просвещения, занимавшему при Екатерине II в России высокий пост и деятельно организовывавшему народные школы, принадлежит также "Азбучнаѧ дщица" (Вена, 1776-1777) - лист с изображением славянских уставных кириллических букв.

ковского оригинала, 1771, 1776, 1778 - два издания), печатались календари (1766, 1767), сопровождаемые светскими материалами, наконец, книги чисто мирского содержания. Часть из них была переводная, часть - оригинальная.

Для понимания языковой ситуации в 70-х, 80-х годах XVIII в. надо учитывать, что и официальные венские гражданские и юридические постановления - законы, рескрипты, правила издавались на "славяносербском" языке русско-славянского образца[43]. Известно несколько печатных текстов, довольно разнообразного содержания и предназначения: законы ("Преданія" или "Регуламенты"), школьный устав, установление о таксах за церковные требы.

Приводим образцы этого языка:

"Мы Марія Ѳерезія бжіею млстію римская кесарица, вдова... (л. 1а). Между многими иными, по изысканью Намъ ѿ бга дарованныя Власти и мѣющымися стараньіями незабываемъ такожде и ѡ произведеніи блгополучія, во веденіи же добрія наредбы. Нашего вѣрнаго Іллурическагѡ Народа, матерное имѣти попеченіе..." (начало закона, л. 2а - Вена 1771; текст параллельный латинско-славяносербский).

"Мы Марія Ѳерезія... и т.д. На всякомъ мѣстѣ провінціалнагѡ прідѣла Нашего Темишварскагѡ Баната идеже домовитіи бывателі и неунітскагѡ исповѣданія люди свою собственную парохію имѣютъ тамѡ къ наставленію юности ихъ и неунітская трівіална школа да будетъ... (из школьного устава с. 1 и 3. Вена, 1776; текст параллельный немецко-славеносербский)".

"Уставленіе. Парохіалныя штоларныя плаѣи за неунітскій воинственный и провінціалный предѣлъ, Митрополітскія, Бачкія, Будимскія, Арадскія, Вершачкія, и Темішварскія Епархіахъ, такожде же и за Провінціалный предѣлъ Пакрачкія епархіи.

За вѣнчаніе без разнствія первогъ, второгъ или треѣегъ брака, аще и удовица младогъ момка, или удовацъ дѣвицу узме, во обще I фл. 8 кр. || За погребъ дѣтета до 7 година съ водоѡсщеніемъ заедно I фл. 12 кр. || За погребъ нѣкоегѡ ѿ 7 година старіегъ лица, или мужескагѡ или женскагѡ пола ѿ больіхъ газда 5 фл. 8 кр. || ѿ среднихъ газда 3 фл. 30 кр. || ѿ слабыхъ газда 48 кр. А ѿ верлѡ сиромашнихъ ништа, негѡ такови да се погребу туне и без сваке плаѣе и власть, коя се находи у мѣсту, или Регементскій и Компанійскій Комендантъ да има на то ѡпасно позорствовати." ("Уставленіе". Вена 1777-1778, с. 1).

Языковые различия между двумя первыми отрывками и последним очевидны. Если первые два придерживаются достаточно строго "славеносербского" языка русского книжнославянского образца, то третий представляет собой смешение "славянского" с сербским при преобладании последнего. В "Уставленіи" целые фразы написаны на сербском народном языке ("*а од врло сиромашних ништа, него так(о)ви да се погребу... без сваке плаѣе*"), само же заглавие распоряжения и его первая строка выдержаны в "славенском" духе. К славенскому штилю следует отнести и слова типа *туне, ѡпасно, позорствовати, нѣкоегѡ, мужескагѡ*.

Различную функциональную направленность, авторитетность и стилистическую сущность первых двух и третьего текста также нетрудно заметить. Существенно, однако, что "славеносербский" русского образца был признан и принят не только православным митрополичьим двором в Сремских Карловцах, но и венским цесарским двором, что придавало ему несомненный авторитет.

Если язык букварей, грамматик и разных грамматических и филологических руководств был "славеносербским" русского образца в довольно чистом виде, то язык руководств по точным наукам, по наукам математическим, язык учебников по арифметике был языком смешанным. В нем "славеносербский" выступал в некоторых случаях ярко, в некоторых же случаях бледнее на фоне народного языка. Такая амальгама ощущалась больше в лексике и в меньшей степени в грамматике и фонетике. Как известно, в России в XVIII в. пользовались двумя основными руководствами - "Грамматикой" Мелетия Смотрицкого (и ее переделками) и "Арифметикой" Леонтия Магницкого. Обе книги были написаны на древнеславянском языке позднего русского (московского) образца, обе до Ломоносова, т.е. до его "Российской грамматики" и других сочинений были в большом спросе. Если грамматика Смотрицкого оказала на сербов, безусловно, большое влияние и появилась в их среде довольно рано, то с "Арифметикой" Магницкого этого не произошло. Арифметические учебники возникли у сербов сравнительно поздно и на их содержание и структуру повлияли соответствующие немецкие образцы. Язык же их, как видно из приводимого ниже отрывка, был создан на собственной, компромиссной с русским языком основе:

"Предсловіе до Читателя: Мое намѣреніе небыло отнюдъ на ову маленкую книгу, Титулованную АРИФМЕТИКА Предсловія правити, потому что она сама по моему мнѣнію довольна есть за себе читателя увѣдомити, что она сирѣчь способна єсть єднога свога невѣжду наставити на свой путь, кромѣ коега почти неможно никакву троговину отправляти, или кратко сказати: кромѣ коега нити се ща може купити ни продати: но между тымъ пришло мени на паметъ нѣкоихъ нашихъ науке лишеннихъ а Богатствомъ снабдѣнныхъ Сербовъ рѣчь, що Они противъ Ариѳметиковъ Обычай имаду говорити: Ласноє прохесапити, кадъ человѣкъ само новаца имаде". (Василіє Дамановичъ. Новая сербская Ариѳметика... Въ Млетках 1767, с. 3).

Написание предисловий и рассуждений об арифметике не имело традиции у сербов. Возможно, и по этой причине приведенный отрывок лишен единства языка прежде всего, как отмечалась, в лексическом отношении. Однако наблюдаемое разнообразие не хаотично, а в какой-то мере мотивировано. Речь "наделенных богатством, но лишенных науки сербов" сохраняется почти без изменения - "*ласно је прохесапити,*

[43] Первым их переводчиком на "славеносербский" язык был Павел Ненадович младший, карловацкий митрополичий секретарь и поэт.

кад человек (следовало бы *човек. – Н.Т.*) *само новаца имаде*" (форма типа *имаде* – характерная воеводинская черта), авторская же речь в некоторых местах очень близка к русской речи XVIII в. – "*потому что она сама по моему мнению довольна есть за себе* (сербизм, по русски следовало бы *о себе*) *читателя уведомити*", а в некоторых местах к сербской народно-разговорной – "*кроме* (следовало бы *осим*) *којега нити се шта може купити ни продати*". Макаронизм языка предисловия симптоматичен, но существеннее язык арифметических терминов, язык специальный. Он также лишь пронизан славянизмами, но не может быть назван "славено-сербским", т.к. в нем немало латинизмов, германизмов, турцизмов и, конечно, народных сербских слов. Таковы: *цифра, броенїе, знаменїе, тежина, мѣра, шпецїесъ*" ('фактор'), *пропорцїѧ, рачунъ, ракамъ* ('счёт') и т.п.[44] Впоследствии эта терминология очистилась от ряда иностранных заимствований и стабилизировалась, но этот процесс относится уже к началу и середине XIX в.

Если научный математический (арифметический) слог был лишь в стадии зарождения и представлял собой пестрое сочетание генетически разных элементов, научный исторический слог к рассматриваемому периоду довольно прочно стабилизовался. Его нельзя, однако, назвать "научным" в строгом смысле этого слова, ибо исторические описания того времени были повествованиями и в качестве таковых они приближались к повествовательным произведениям, что дало даже основание, вероятно, не совсем оправданное, некоторым литературоведам (М. Павичу) считать "Житіе и славныя дѣла... Петра Великаго" первым сербским романом[45]. Тем не менее этот слог обслуживал во второй половине XVIII в. в сравнении с другими жанрами большой круг почти всегда объемистых произведений.

ИСТОРИЧЕСКИЙ „СЛОГ“ У СЕРБОВ

Историографический слог имел свою историю и традицию в русском литературном языке XVIII в. Это же можно сказать и применительно к литературному языку сербов той эпохи. Не теряя связи с языком и духом средневекового сербульского летописания, граф Георгий Бранкович в самом начале XVIII в. в своих "Славено-сербских хрониках", оставшихся по сей день в рукописи, предложил новый исторический подход к прошлому, основанный на внимании к источникам и построенный на множестве цитат и новой манере письма и стиля языка. Троношский "родослов" (или "летопись"), созданный, видимо, в середине или даже во второй половине XVIII в., как будто в еще большей мере сохранял средневековые летописные традиции, что и приводило некоторых исследователей XIX в. к ошибочной датировке текста[46], но источники его по сравнению с древними летописями XVI-XVII вв. уже иные, полнота (объем) текста значительно бо́льшая и язык – древнеславянский (церковнославянский) позднего русского извода с некоторыми сербскими и сербульскими элементами.

Этот язык был уже несколько архаичен для времени, когда возникал текст, но, видимо, сербская монастырская среда повлияла на его выбор:

"Сїѧ исторїѧ іо сербскихъ царѣхъ и кралѣхъ, юже преписахъ азъ іеромонахъ Іосифъ троношацъ, на пользу всѣмъ желающымъ знати; тѣмже молю вы оцы и братїѧ, ѡ погрѣшенїи аще негдѣ ѡбрещете, прочитающе или преписующе сїѧ тетрадїйцы, исправлѧйте и мене прощенїю сподоблѧйте понеже и во письменахъ есть весма грубо, ѡбаче во словахъ есть жалостно, и умилно, можетъ бо (сѧ) изъ ѡ каменныхъ сердецъ слези пролити (сѧ), понеже и во мнѣ бѣ сердце затверждено, ѡбаче преписуюѣи чтеѣи, много горкихъ суза проливахъ; тако и ти любезный читателю со усердїемъ сїѧ прочитай и будеши слези проливати. Ѿ рождества Христова 1791 месеца фервара у монастиру́ троноши" (предисловие иеромонаха Иосифа, с. 20).

"Мати же уроша царѧ по лѣтѣ единомъ, чрезъ пастирей овчихъ иже видѣ на томъ мѣсте, идеже бѣ светый урошъ, столпъ огненъ досѧжущъ къ небеси чрезъ всю нощъ; также сказавъ многимъ, еже и прочїа нощи такѡ видѣша, и ѡбшедше холмъ той человѣци веси ближайшїа неѡбретоша..." ("Гласникъ..." св. V, с. 75).

На смену этому слогу и языку пришел уже светский "славено-сербский" язык русского образца, который в данном жанре исторического повествования в 80-х-90-х годах XVIII в. мало чем отличался от русского литературного языка того времени. Не очень значительные и не часто встречающиеся отличия от русского касаются в основном лексической сферы, о чем речь будет идти ниже. Такому переходу на "славено-сербский" русского образца в историографических текстах помимо общего процесса развития литературного языка XVIII в. у сербов, вероятно, способствовало и наличие перевода "съ італїанского на россїискои языкъ" герцеговинца Саввы Владиславича Рагузинского книги Мавро Орбини "Кнїга історіографеія початїя имене, славы, и разширенїя народа славянскаго..." (СПб. 1722). Этот труд, как известно, повлиял на многих южнославянских историков XVIII в.[47]

---

[44] Иностранные слова XVIII в. см. в словаре: *Михајловић В.* Грађа за речник страних речи у предвуковском периоду. књ. I-II. Нови Сад, 1973-1974.

[45] *Павић М.* Предговор ненаписаној историји књижевности. – Књижевност, год. XVIII, фебруар. № 2. Београд, 1963, с. 103.

[46] [*Янко Шафарикъ*]. Србскій лѣтописацъ изъ почетка XVI-гъ столѣтїя. – Гласникъ Друштва србске словесности, св. V. У Београду, 1853, с. 17-113 отд. пагинации. См. также: *Радојчић Н.* О троношком родослову. Београд, 1931.

[47] *Радојчић Н.* Из прошлости Војводине. Нови Сад, 1956, с. 21-31. Любопытный и, вероятно, единственный слу-

В 1765 г. в Венеции вышла книга под названием "Краткое введенiе въ Їсторїю происхожденїѧ славено-сербскаго народа. Бывшихъ въ Ономъ владѣтелевъ Царевъ, Деспотовъ или владетельныхъ Кнѧзевъ Сербскихъ, до времене Георгїѧ Бранковича, послѣднѧго Деспота Сербскаго. Сочинено и изъ разныхъ Авторовъ нотами изѧснено Павломъ Юлинцемъ находѧщимся въ Россiйской Iмператорской Службѣ Военной. 1765."

Как видно и из текста довольно пространного заглавия, язык этой книги "славено-сербский" русского образца. Такого же типа и язык исторических сочинений двух крупных сербских писателей и культурных деятелей XVIII в. - Захария Орфелина и Иоанна Раича, о которых речь будет ниже.

ПРОЗАИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ П. ЮЛИНЦА И ИХ ЯЗЫК

Литературная деятельность Павла Юлинца не ограничилась его "Краткимъ введенiемъ", а продолжилась в следующем десятилетии изданием двух переводных книг - исторического романа французского писателя Жана Мармонтеля "Велiзарiй" (Вена, 1776) и нравоучительно-философической книги другого француза Шарля Роллена, которая в переводе была обозначена, как "Путь къ постоѧннѣй славѣ и истинному величеству то есть: часть нѣкаѧ изъ книгъ, парiзкїѧ Академiи бывшагѡ ректора Роллена ѡ еже какѡ предати, и учитисѧ добрымъ наукамъ. Изъ французскагѡ на славено-Сербскїй ѩзыкъ преведена... Въ Вiеннѣ Аустрiйскої 1775.".

Переводы П. Юлинца, введенные в обиход сербского читателя, сильно расширили жанровый состав произведений и ярче обозначили переход сербской словесности к новым литературным направлениям. При переводе "Велiзарiя" Жана Мармонтеля значится "изъ французскаго на славенскiй ѧзыкъ преведенъ" и в обоих случаях (т.е. и при переводе книги Шарля Роллена) не упомянуто имя переводчика. "Перевод" книги Мармонтеля был произведен по всей вероятности с русского перевода (в России было несколько изданий и в русском переводе участвовала и Екатерина II) и заключался, видимо, в значительном редактировании и архаизации русского текста.

Приводим отрывок из романа "Велiзарiи":

"Во времѧ старости Iмператора Юстiнiана, греческаѧ держава истощившаѧ силы своѧ, приближашесѧ паденїю. Всѧкїй образъ правленїѧ пренебреженъ бысть: законы въ забвенїи, приходы цсркїѧ въ разграбленїи, войнство же въ бездѣлїи разлабѣ. Iмператоръ войною утружденїй покупа же со всѣхъ странъ миръ цѣною злата..." "Велiзарiи гсдина Мармонтелѧ Академiи Французскагѡ ѧзыка члена изъ французскагѡ на славенскїй ѧзыкъ преведенъ... Напечатанъ въ Вїеннѣ... 1777", 2-е изд., с. 9).

Й. Скерлич по поводу этого "перевода" высказался весьма скептически[48], а Б.О. Унбегаун справедливо заметил, что пока не произведены сличение и анализ русского текста "Велизария" Мармонтеля и текста, изданного П. Юлинцем, рано выносить категорические суждения[49]. Однако, не вдаваясь в детали и в вопросы происхождения текста, можно сказать, что "переводы" Юлинца отражают "славеносербский" язык ярко выраженного русского образца и по этому признаку примыкают к "славяносербским" текстам Захария Орфелина и Иоанна Раича.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЯЗЫКОВАЯ ПРАКТИКА ЗАХАРИЯ ОРФЕЛИНА

Захарий Орфелин в рассматриваемый период 1760-1780 гг. был самым плодовитым, разносторонним и оригинальным по замыслам и их исполнению сербским писателем. Среди писателей своей поры он был первым светским лицом, склонявшимся, правда, к концу жизни к монашеству, но так и не принявшим его. Будучи по условиям того времени человеком без специального образования, он сумел довольно рано стать хорошим ученым, писателем, теологом, художником, гравером, каллиграфом, издателем и популяризатором знаний из многих областей духовной и материальной культуры. Достаточно сказать, что из 106 книг и изданий (не считая шести на латинском языке), вышедших в рассматриваемый период, 27 книг и изданий появилось либо при участии Захария Орфелина, либо из-под его пера или граверного резца, т.е. не менее четверти общего числа. Именно поэтому

чай издания "славеносербской" книги латинской графикой произошел в 1770 г. в Будапеште, где была напечатана (за неимением кириллических букв?) Kniga istoriografia o narode slavenskom, I o xitii ih irazssirenia derxavstva ih Sobranaja izmnogih Istoricseskih knig Csrez iz deveniem Raba Boxia Joanna Radicha Kotori rodilsa vo Bossanskoj zemli vo Grade novo prozvanom Saraeve, sei on potrudilsja privesti siu Istoriu so Italicseskago i Grecseskago jazika na S l a v e n o - S e r b s k i Jazik, za spomen svoemu Otecsestvu i napecsatanna vo Kralevskoi svobodnoi varossi Pesti bliz reki Dunava priamo stolicsnago Grada Ungarskago Budima leto Gospodne 1770 Ju 6. U Pesti sa slovi Ejtzenbergovi 1770. Фактически эта книга является перепечаткой с очень незначительными текстовыми (сокращения и вставки), но не языковыми, изменениями части русского перевода книги Мавро Орбини "Кнiга Iсторiографiя", касающейся истории Боснии. Сам издатель Иван Радич был православный боснийский серб. Его издание - первый опыт перенесения сплошного печатного русского гражданского текста в латинскую графику.

[48] "В этом переводе ("Велизария". - *Н.Т.*), как и в своей Истории, Юлинац выдает себя плохим знатоком языков и посредственным писателем". - *Скерлић Ј.* Српска књижевност у XVIII в. с. 212.

[49] *Unbegaun B.* Les débuts..., s. 44.

его роль в истории сербского литературного языка XVIII в. очень значительна.

В 1760 г. в Венеции Захарий Орфелин издал "Оду на воспоминаніе втораго Христова пришествія по образу пѣсны Лва премудраго Царя Греческаго Еллінски Стіхами по Алфавіту Сложенная А на Славенски Гдиномъ Пареніемъ Епскпомъ Приведенная Стіхами же Славенскими Захаріемъ Орфелиномъ Архі: Епско: Мітрополитскиѥ Ілліріческиѥ Канцеллістомъ оустроенная". И хотя источник этой оды был русский и тем самым, как и многие другие произведения XVIII в., она с чисто литературной точки зрения не оригинальна, это - первая ода в сербской словесности[50].

Год спустя тоже в Венеции, но уже анонимно он издает на славено-сербском эпическое стихотворение состоящее из 26-ти четверостиший под заглавием "Горестный плачъ славныя иногда Сербіи, своихъ царей, князей, вождовъ, градовьже и земель лишенныя и на чужихъ пределѣхъ въ жалостномъ подданствѣ сѣдящыя".

Еще через год или два эта же книжечка вновь выходит в Венеции под несколько измененным и сокращенным заглавием "Плачъ Сербіи Еже Сыни в Различныя Государства разсѣялися. Обявленный ѿ С.С.С.", но уже не на "славяно-сербском", яркой русской окраски, а на сербском языке,

[50] Нужно отметить, что у сербских литературоведов начала XX в. Й. Скерлича, Т. Остоича и др. был слишком критический и односторонне предосудительный взгляд на развитие сербской культуры и литературы XVIII в. и на условия этого развития. Так, разбирая поэтическое творчество Орфелина, Т. Остоич писал: "Он (Захарий Орфелин. - *Н.Т.*) выходит на необработанное поле, появляется перед обществом, у которого нет интереса к искусству; дилетанты, до которых никому нет дела начинают сочинять стихи на языке неподходящем для стихосложения, писать стихом чужеземным и необычным. В творчестве нет и следа самостоятельности. Всё - имитация русского: и литература, и язык, да и вся культура. В таких стесненных обстоятельствах мы не можем ожидать появления большой творческой личности. Орфелин по своему темпераменту и таланту не человек больших деяний и больших концепций..." (*Остојић Т.* Захарије Орфелин. Живот и рад му. Београд, 1923, с. 95). При подобном подходе пришлось бы во многом отказать в самостоятельности и русской литературе XVIII в. О проблеме "своего" и "чужого" см. несколько подробнее: *Толстой Н.И.* К историко-культурной характеристике "славяно-сербского" литературного языка. - В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М. 1977. с. 276. Новые авторы уже не отказывают Орфелину в оригинальности и подчеркивают его стремление проложить новые пути в истории сербской литературы, см.: *Јонсон В.* Неки видови песништва Захарија Орфелина. - В кн.: Од барока до класицизма. Београд, 1966, с. 135-195.

близком к народно-разговорному. Помимо различия в языке есть и некоторые текстовые изменения (слово *Венграми* заменено *врагами*, слово *вселенна* - словами *восток, запад, полунощ* и т.п.)[51].

Различие в языке видно при параллельном чтении двух изданий:

По ланитѣ биютъ
    Скрежещутъ зубами,
Власи на мечъ віютъ,
    Топаютъ ногами:
Чада расхищаютъ
Марсу люту даютъ
На жалость мнѣ горку[52]
    Косе мое на Саблю врази мои віютъ
    и ногама тлачуме а по лицу біютъ
    чада моя прогоне, марсу люту даю
    и тимъ Срдцу моему жалости задаю.
(четверостишие 17)

Следует отметить, что и во втором - сербском тексте есть ряд славянизмов и русизмов типа *руки* (им.мн.) вм. *руке*, *віютъ* вм. *вију*, *терзамъ* 'терзаю' вм. *трзам* (но также и *трзаю*; вероятно, *ер* орфографическое и произносилось *трзам*), *друзи* вм. *другови* (впрочем, допустимо и *друзи*), *мечемъ* вм. *мачем*, *непроѣзжаютъ* вм. *не пролазе, не путују* и т.п., *са вои* вм. *са војницима*, *руками* вм. *рукама*, *возлюбили* вм. *заволели*, *враговъ* вм. *врагова*, *ногами* вм. *ногама*, *надежде* вм. *наде* и др. Есть и воеводинские "диалектизмы" (по отношению к более поздней вуковской и послевуковской норме): *гледе* вм. *гледају*, *саде* вм. *сада*, *неймаду* вм. *немају*. Некоторые из перечисленных форм вызваны требованиями версификации и рифмы.

Таким же сербским языком с отдельными, не очень многочисленными славяно-русизмами написаны и другие стихотворные лирические произведения Орфелина - "Мелодія къ пролѣтью кою за 1765 лѣто сочинивши при желаню многолѣтства всѣмъ представляетъ З.О. въ Новомъ Садѣ" и "Сѣтованіе наученаго младаго человѣка изъ Русскогъ на Сербскый Языкъ преведено ѿ З.О. въ новомъ Садѣ 1764".

(1) Дично време намъ приходитъ
    зима прогонявасе
что пролѣте вѣтъ доходитъ
    лѣто приближавасе
небо часто намъ ювлясе

[51] Эти текстовые изменения приведены у Т. Остоича в его книге "Захарије Орфелин" на с. 98-99.

[52] Единственный сохранившийся текст в современной транскрипции помещен в кн.: *Лесковац М.* Антологија старије спрске поезије. (Нови Сад, 1955), с. 279. Текст мною дан в релитерации (предполагаемом оригинале).

и свѣтлѣе издаесе
Ѿ ЗЛАТОЕ ПРОЛЕѢЬЕ!

(Мелодіа къ пролѣтью, с. 3).

(2) Быо бъ Монахомъ, ѿрекшись свѣта
али боимсе, что млада лѣта
лажливе сирене
лѣпотне жене
ПРЕВАРИѢЕ

(Сѣтованіе, с. 5).

Стихотворный период творчества Захария Орфелина длился, однако, недолго - пять лет (с 1760 г. по 1765 г.). Как и у многих других писателей он был начальным. Открылся он "Одой на воспоминаніе" и закончился поэмой, состоящей из 53-х строф четверостиший "Пѣснь історіческаѧ Какосу сербли съ турци на Косовомъ Полю побилисе, на коемъ Полю Сербска Майка Кнѧза Лазара съ многима Сынми Сербскими изгубивши, и державе Сербске конечнѡ лишившисе горке сузе пролива"[53].

Приводим начало "Пѣсни":

"Ѿ Сербіе! что за сіе
такѡ оскорблена;
ни ли страна та попрана
туркамъ попалена;
Мѣсто зрачно, людма злачно
то Поле Косово,
въ немже Кнѧзи лежатъ нази
всѣмъ срдце готово".
(с. 1-2).

Язык этой поэмы можно было бы характеризовать как славяносербский на сербской основе с рядом фонетических, морфологических и лексических русизмов и славянизмов русской окраски (*козни, князи, оскорблена, Турковъ, лежатъ треклѧти, дочекаютъ, поѧдаетъ, тражитъ* и т.п.)[54]. "Славенский" ярко выраженного русского образца использован Орфелиным в одном из ранних отдельно изданных стихотворений под названием "Тренодіа въ міръ человѣка вшедшаго а ѿ всѣхъ и свойственныхъ презрѣннаго" (Венеция 1762):

(1) Знаю причину сѣтовать больнѡ
весъ я грозюсѧ вѕ мысли доволнѡ;
бо какъ родилсѧ
на свѣтъ ꙗвилсѧ
ТО МНѢ БѢДА, 2.

(2) Ахъ! самъ начатокъ былъ мнѣ нещастливъ
что я родилсѧ, всѧкъ былъ завистливъ:
вси удручали
дыхать недали
МНѢ БѢДНОМУ, 2.

В четырнадцати четверостишиях "Тренодіи" нет ни одного специфически сербского слова, но зато есть немало таких русских слов, как *дыхать, я пребѣдной, свѣтъ великой, не знайду, большой, худо, щастіе, разлучусѧ* и др.

Таким образом, Захарий Орфелин писал стихи пользуясь тремя языками или "штилями" - славено-сербским, сербским и русским, часто значительно их смешивая. Поэтому последние два языка в его употреблении не были чисто народными[55]. Два варианта, две языковых редакции "Плача Сербии" позволяют предположить, что Орфелин в славено-сербском и сербском видел не один язык, а два.

Тексты орфелинской поэзии - небольшие, неоднородные и ранние в его творчестве - интересно сопоставить с текстами его прозы, которая была значительна и по замыслу и по объему и создавалась им в зрелые годы, десять лет спустя после поэтических опытов.

Одним из самых значительных произведений в творчестве Орфелина и можно сказать всей сербской литературы XVIII в. было "Житіе и славныя дѣла Государя Императора Петра Великаго Самодержца Всероссійскаго съ предположеніемъ краткой Географической и политической Исторіи о Россійскомъ Царствѣ. Нынѣ первѣе на Славенскомъ языкѣ списана и издана. Въ Венеціи. Въ Типографіи Димитрія Ѳеодосія 1772"[56]. Эта двухтомная книга общим объемом около 800 страниц с 61 листом разных гравюр сразу же привлекла внимание читателей и была переиздана два года спустя в России. Некоторые обстоятельства и характер этого русского переиздания становятся очевидными из его заглавия и потому приводим его сполна: "Житіе и славныя дѣла Петра Великаго самодержца Всероссійскаго с приложеніемъ краткой геогра-

---

[53] Впрочем, Н. Радойчич в отношении "Пѣсни історіческой" отклонял авторство Орфелина, и оно остается спорным.

[54] *Стијовић С.* О међусобном односу неких рускословенских и српскохрватских особина у Орфелиновим песмама. - Прилози проучавању језика. (далее - ППЈ) 6. Нови Сад, 1970. с. 28-30.

[55] См. об этом также: *Стијовић С.* О међусобном односу... с. 27. С. Стийович применил анкетный метод А. Младеновича (см. ЛЯС, 310). Существенно, однако, учитывать и лексические показатели.

[56] В ином варианте венецианского издания эта книга названа "Исторія о житіи и славныхъ дѣлахъ Великаго Государя Императора Петра Перваго самодержца Всероссійскаго, которую съ предположеніемъ краткой географической и политической исторіи о Россійскомъ царствѣ и съ многими медалями чертежами и другими разными принадлежащими собственною рукою грыдорованными фигурами и генеральною сея великіи Имперіи картою нынѣ первѣе на славенскомъ языкѣ сочинилъ Захаріа Орфелинъ Цесаро-Королевской Венской Академии Художествъ членъ. Въ Венеціи. Въ Типографіи Димитрія Ѳеодосія. 1772."

фической и политической исторіи о Россійскомъ государствѣ. Первѣе на Словенскомъ языкѣ изданное въ Венеціи, а нынѣ вновь съ пополненіемъ и поправленіемъ какъ самой исторіи, такъ и съ преложеніемъ нѣкоторыхъ Славено-сербскихъ словъ на Россійскій, съ гравированными планами баталій и взятыхъ крѣпостей на всѣ великія дѣйствія медалями напечатано... Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1774 года".

Уже пространные, в духе просвещенного столетия заглавия книги говорят о характере ее языка, по сути дела русского литературного языка XVIII в., его возвышенного слога с обилием славянизмов и некоторыми (весьма незначительными) сербизмами.

Приводим отрывок из посвещения Екатерине II:

"Какъ иногда Звѣзда появившись на Востоцѣ, вела оныхъ троихъ Царей изъ Персидскихъ земляхъ къ Спасителю міра рождшемуся въ Віелеемѣ: такъ слава Вашего Императорскаго Величества возсіявшая на Сѣверѣ и распространившаясь ужѐ черезъ всю вселенную, ведетъ меня черезъ сію книгу изъ дальнихъ Югозападныхъ С е р б с к и х ъ странахъ къ Такой Высокой О с о б ѣ, въ которой вся Европа и пространнѣйшая часть Азіи съ удивленіемъ видятъ изображена Онаго Великаго Императора, коего сія Исторія въ главизну себѣ имѣетъ и кои былъ образцомъ лучшихъ Государей и удивленіемъ мудрѣйшихъ политиковъ" ("Исторія о житіи...", с. 10).

Наличие двух изданий, венецианского и петербургского, одного, по свидетельству самих издателей, писанного "на Славенскомъ языкѣ", а другого "съ преложеніемъ нѣкоторыхъ Славено-сербскихъ словъ на Россійскій" дает возможность выяснить, насколько язык Орфелина, употребленный в "Исторіи о житіи...", был близок к русскому литературному языку 80-х годов XVIII в. и в чем именно было отличие русской петербургской редакции от орфелинского подлинника.

Наблюдения, проведенные в 1962 г. мною и в 1973 г. В.П. Гудковым[57], показали, что правка текста, выполненная "коллежским Секретарем" В.А. Троепольским, была не очень значительной. Исправление слога коснулось некоторых иностранных слов, принятых тогда у сербов в Воеводине, но не употреблявшихся в России, некоторых сербизмов и ряда русских слов.

Например:

Текст Орфелина: Осталося еще *каштиговати* Царевну Софію, яко главнаго заводчика *сего предательства* (с. 182).

[57] *Толстой Н.И.* Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков XVII-XVIII вв. - В кн.: Вопросы образования восточно-славянских национальных языков. М., 1962, с. 18-21; *Гудков В.П.* О "славенском" языке Захария Орфелина. - Вестник МГУ. Филология, 1973, № 3, с. 48-50.

Правка Троепольского: Осталось еще *наказать* Царевну Софію, яко главнаго заводчика *онаго злоумышленія* (с. 169).

Итальянизм *каштиговати* (ср. итал. castigare) заменен русским, славянским словом *наказать*, но тут же типично русское (хотя и по происхождению древнеславянское) выражение *сего предательства*, известное и современному русскому языку, заменено словами более высокого стиля *онаго злоумышленія*. Были случаи и обратные, когда слова *единъ, единаго* заменялись Троепольским словами *одинъ, однаго*, но прилагательные муж.р. ед. числа с безударным конечным *-ой - языческой, христіанской, первой, дикой*, употреблявшиеся Орфелиным, всегда заменялись соответствующими формами с *-ій*; что же касается славянской (и сербской) формы инфинитива на *-ти*, типа *вѣдати, дивитися*, то они последовательно заменялись русскими формами на *-ть - вѣдать, дивиться*. Замен и небольших правок вообще было немного. Так, на 16 страниц посвящения и предисловия приходилось менее ста поправок, из коих многие незначительны (*Азіатическими* исправлено на *Асіатическими, высвободить* на *освободить, не уничтожалось* на *не уничтожилось, писати* на *писать* и т.п.). Большая часть правки оказывалась в пределах колеблющихся норм русского литературного языка XVIII в., случаев же с исключением сербизмов (типа исправления *четыре шалаша или колебы* на *четыре шалаша*) совсем мало[58]. Все это свидетельствует об одном. Захарий Орфелин стремился писать "Житіе и славныя дѣла..." на русском языке XVIII в. с очень незначительным числом сербизмов, которые он изредка вводил, преимущественно для толкования русских слов (*четыре шалаша или колебы*). Это он делал с определенной целью - облегчить сербскому читателю понимание текста. "В протчемъ, - писал он в предисловии к "Житію", - сколько мнѣ было возможно, старался вести такой слогъ, какой сербскимъ народомъ понятенъ" ("Житіе и славныя дѣла..." с. 7). Свое "Житіе и славныя дѣла..." Орфелин, как значится в заглавии, "на славенскомъ языкѣ сочинилъ". Под "славенскимъ" он понимал и русский литературный язык XVIII в., что явствует из его списка книг "Книги на нѣмецкомъ и славенскомъ языкѣ"[59]. Пользовался он и понятием "русскій языкъ" и "сербскій языкъ", как видно из заглавия его стихотворной книжицы "Сѣтованіе...". Но русский литературный язык второй половины XVIII в. был, вероятно, для Орфелина "обоюдным" (т.е. употребительным во всех зонах греко-славянского

[58] Подробнее см. *Толстой Н.И.* Роль... с. 19-21.

[59] Этот список содержит: "I. Библія, 2. Треязычный лексиконъ (Поликарпова. - *Н.Т.*), 3. Вейсмановъ лексиконъ, 4. Целларій латинскій, 5. Целларій Россійскій, 6. Вояжировъ лексиконъ, 7. Морская путешествія, 8. Исторія о китайскомъ морѣ, 9. Исторія сибирская, первый томъ, 10. Исторія о рѣкѣ Амурѣ, 11. Грамматика нѣмецкая петербургская, 12. Исторія о Псевдодимитріи, 13. Исторія Азовская" и т.д. - всего 21 название. *Остојић Т.* Захарије Орфелин..., с. 202.

мира), каковым был по представлениям Максима Суворова язык "словенский" ("словенскій книжный яко о б о ю д н ы й языкъ"). В нем не только Орфелин, но и многие другие видели естественное продолжение более раннего "словенского" и, в общем, они были не далеки от истины.

Еще одним серьезным начинанием Орфелина, повлиявшим на развитие сербской литературы и культуры, литературного вкуса и языка, было издание литературного журнала под названием "Славено-сербскій Магазинъ то есть: Собраніе Разныхъ Сочиненій и Переводовъ къ пользѣ и увеселенію служащихъ" (том первый, часть 1. Въ Венеціи 1768). Журнал состоял из нескольких рубрик. Согласно программе, изложенной Орфелиным в предисловии к первой книге, должны были быть рубрики для истории, искусства (архитектуры, музыки, живописи), увеселения (нравоучительные рассказы, повести, стихи). Орфелину удалось издать только один номер с "Прецисловіемъ" (с. 3-16), "Мнѣніемъ преосвященнаго Ѳеофана Прокоповича, архіепископа Новгородскаго" (отд. I, с. 17-28), "Отеческимъ наставленіемъ къ сыну желающему опредѣлится въ военную службу" (отд. II, с.29-44), "Письмомъ о важности женъ" (отд. III, с. 45), "Отвѣтомъ на письмо о важности женъ" (отд. IV, с. 46-47), "Письмомъ Ахмета, сына Солиманова, къ младому Али, сыну Ибраимову" (отд. V, с. 48-69), "Письмомъ кесаря Діоклетіана къ далматійскому народу" (отд. VI, с. 70-71) с заметкой "Добродѣтели смоквы" (отд. VII, с. 72-74), с "Епиграммами" (отд. VIII, с. 75-76) и "Извѣстіями о ученыхъ дѣлахъ (отд. IX, с. 77-95). Дальнейшие номера "Магазина", к сожалению, не последовали. Источники его текстов давно определены исследователями - это петербургские академические "Ежемесячныя сочиненія", редактировавшиеся акад. Феодором Миллером, и некоторые другие русские и немецкие тексты[60]. Что же касается языка, то хотя он и производит, в общем, впечатление почти чисто русского слога XVIII в. (см. к примеру заглавия статей), Орфелин его осербил. Однако осерблен он, как показало ценное исследование А. Младеновича, в разных отделах по-разному. Наибольшему осербливанию подверглось "Письмо Ахмета, сына Солиманова...", а наименьшему, естественно, "Мнѣніе" Феофана Прокоповича, а также текст эпиграмм и "Извѣстій объ ученыхъ дѣлахъ"[61].

Для образца приводим начало эпиграммы "О женидьбѣ":

Жениться въ свѣтѣ семъ,
Такъ счастія сего нельзя равнять ни съ чѣмъ
А паче ежели сердца у двухъ согласны.
Когда спраженныя вѣнцемъ, другъ другомъ страстны...
(с. 75)

[60] *Гудков В.П.* Особенности воспроизведения русских текстов в "Славено-сербском Магазине" - первом сербском журнале. - Вестник МГУ. Филология, 1977, № 1.

[61] Подробнее см.: *Младеновић А.* О неким рускословенским и српскохрватским језичким особинама у орфелиновом "Магазину". - Зборник за филологију и лингвистику (далее - ЗФЛ), књ.XIII/I. Нови Сад, 1970, с. 103-118.

В целом осербливание было незначительным и касалось преимущественно отдельных слов и их форм (*задуго, сербскогъ народа, произвео, найдублю* и т.п.)[62].

Захарий Орфелин дважды в 1766 и в 1767 гг. издавал "Славеносербскій Восточныя церкви календарь", а 16 лет спустя он создал очень популярный "Вѣчный то єсть ѿ начала до конца міра трающій Календарь" (I изд. Вена, 1783), который в известном отношении и прежде всего по составу материала приближался к "Магазину". Характерно, что Орфелин старался придать своему Календарю как можно более светский характер и это ему в значительной степени удалось. О составе Календаря, объемом в 366 страниц, кое-что говорит и его подзаголовок: "содержащій въ себѣ Святцесловъ ѝ краткаѧ по Востóчныѧ Цр҃кве исчисленію, ѡ кругахъ годовыхъ и прочихъ принадлежащыхъ вещей ѝзъѧсненіѧ; къ тому ф҃ѵзіческаѧ ѡ тѣлахъ міра, ѝ ѡ водѧныхъ и воздушныхъ приключеніѧхъ разсужденіѧ съ прибавленіемъ ст҃щенныѧ и свѣтскіѧ Хронологіи нынѣ первѣе на словенскомъ ꙗзыкѣ въ ползу славено-сербскихъ народѡвъ написанъ Захаріемъ Орфелиномъ Цес. Крал. Віенскіѧ Академіи художествъ членомъ... 1783".

Помимо календарной части, торжественника, священной и светской истории, большой раздел занимает физика (182 страницы) с астрономией и географией. Язык "Календаря" также неоднороден, но основа его, как и в "Магазине", - "славянская", т.е. - русский литературный язык XVIII в. книжного, возвышенного стиля, что видно из предисловия:

"Изданіемъ сегѡ вѣчнагѡ Календарѧ Ѻрфелінъ къ службѣ своегѡ дражайшагѡ ѻтечества ѻпѧть ꙗвлѧется. Можно быти, что многіи ѻбщыѧ пользы желателіе давнѡ ѡжидали что либо ѿ трудѡвъ ѥгѡ полезное видѣти, ѻбаче скудость здравіѧ присоединеннаѧ егѡ нищета, ѿ которой никтоже помышлѧетъ... (с. 3).

В том же году Орфелин издал еще одну объемистую книгу (494 с.) весьма практического содержания, написанную, по его свидетельству, "на сербскомъ ꙗзыку". Это - руководство по виноделию, которым были заняты многие сербы в Воеводине: "Искусный Подрумарь, вѣрно наставляющій како Подрумъ, Бурадъ, и новаѧ и стараѧ віна содержавати, различнаѧ художественнаѧ дѣлати, покваренная поправлѧти: различнаѧ ѿ травъ коренїи и плодовъ къ здравію служащаѧ віна, и другаѧ деликатнаѧ воденаѧ питіѧ, и мажуне ради прохлаждающихъ питіѧхъ, и притомъ различне художественне ракіе, Шербете и сцетъ правити. Нн҃ѣ первѣе на серб-

[62] Орфелинов "Магазинъ" был одной из первых сербских книг, напечатанных гражданским шрифтом, а не церковной кириллицей (ранее была издана и Орфелинова "Каллиграфія", 1759). Использование церковной кириллицы в светских целях продолжалось у сербов весь XVIII в. и было еще и в начале XIX в.

скомъ языку списанъ..." (Напечатанъ въ Царствующемъ градѣ Вiеннѣ... въ лѣто 1783). Язык "Искуснаго Подрумара" довольно значительно отличается от языка других его нестихотворных произведений. Он изобилует сербскими элементами, в особенности, когда дело касается конкретных предметов и терминов, связанных с виноделием (*мотика, кречъ, ланацъ, грозѣе, бадемъ, бурадъ, дудови, пупольки, мустъ, кречана вода, стискивати, процѣђавати, бистрити се* и т.п.). Сербская фонетико-грамматическая система ярко отражается в написании отдельных слов и в морфологии и все же "русско-славянская" литературно-языковая база, на которую привык опираться и которой часто следовал Орфелин, проступает и в этом произведении, специфическом по своему содержанию и функциональной направленности. В связи с этим представляются любопытными выводы А. Младеновича, по которым у Орфелина в его сербских формах наблюдается определенное стремление к норме, которая при сопоставлении с современным языком ближе к нему, чем сербский язык Венцловича (начало XVIII в.) и Обрадовича (конец XVIII в.)[63]. Естественно, эти выводы касаются не вообще языка произведений Орфелина и даже не языка "Искуснаго Подрумара" в целом, а лишь сербской его части, которая сплетена с частью русско-славянской не только в лексике, но и в фонетике и морфологии.

Строго нормированный древнеславянский (церковнославянский) язык позднего русского типа прослеживается в изданном Орфелиным "Краткомъ да простомъ ѡ седмыхъ таинствахъ оучителское наставленiе... 1763". Это издание по сути дела - перепечатка "Поученiя святительскаго...", появившегося в свет в 1742 г., которое в свою очередь восходит к русскому (московскому) оригиналу 1696 г. Но тот же поздний древнеславянский язык - язык "словенский", слегка русифицированный, а в отдельных случаях и сербизированный, употреблен Орфелиным в его педагогическо-грамматических сочинениях, прежде всего в его букваре "Первое оученiе хотѧщымъ оучитисѧ книгъ писмены Славенскими, называемое Букварь. Съ многими полезными и потребными Наставленiѧми по которыма возможно въ краткомъ времени Отрока, не токмо Церковныѧ, но и Гражданскiѧ Словенскагѡ Ꙗзыка Писанiѧ совершенно читати Обучити; къ прѧмому Бгопознанiю и Бгопочитанiю наставити: ѝ къ понѧтiю разныхъ вѣ Гражданскомъ житiи нуждныхъ вещей привести: Нынѣ первѣе ради оупотребленiѧ Сербскагѡ Юношества изданъ" (Венеция 1767; 2-е изд. 1792). Букварь Орфелина был первым в его эпоху оригинальным букварем, не перепечатанным непосредственно с русского и составленным применительно к нуждам "Сербскагѡ Юношества". Более компилятивным был его "Латинскiй Букварь, содержащiй начало ученiя и единъ краткiй словникъ Латинскаго языка съ Переводомъ Славено-Сербскимъ, ради Сербскихъ дѣтей. И всѣхъ, которые Латинскому языку учитися желаютъ изданъ 1766". Обе эти книги Орфелин издал анонимно.

Мы остановились подробнее на творчестве и языке Орфелина по ряду причин. Прежде всего, как уже отмечалось, потому, что Орфелин был центральной творческой фигурой в рассматриваемый период, значительно обогатившей жанровый состав сербской литературы (художественной и нехудожественной), затем потому, что он выработал определенную языковую систему применительно к своим произведениям (а также "переводам" и компиляциям) и еще, по той причине, что период 1760-1780 гг. был временем кульминационным для развития и функционирования "славяно-сербского", по сути дела русскославянского (по терминологии А. Младеновича) литературного языка. Употребление этого языка продолжалось до XIX в. и даже в сильно ограниченной мере в самом начале XIX в., но ему в последнем двадцатилетии XVIII в. все более противопоставлялся язык, возникавший на сербской народной основе с элементами русскославянскими или, как иногда говорилось в те времена - "обоюднославянскими" ("средний" язык), наконец, язык, почти лишенный этих элементов.

Семидесятые и восьмидесятые годы XVIII в. (1760-1780 гг.) ознаменовались развитием светской литературы и появлением ряда жанров - оды, романа, лирических стихов, исторического повествования и моралистическо-повествовательной прозы, наряду с уже имевшимися и унаследованными от предшествующего периода церковными песнопениями, службами сербским святым, проповедями и т.п. Характерен рост числа учебной литературы и возникновение журнала ("Магазинъ"), научно-познавательной литературы ("Вѣчный календарь" и т.п.), появление светских писателей и переводчиков (Орфелин, Юлинац) и формирование круга читателей в городах с сербским населением, среди так называемого гражданского сословия ("грађански сталеж").

Последние два десятилетия XVIII в. еще резче определили пути развития сербской литературы и сербского литературного языка: со сменой литературных направлений и вкусов началась и смена литературного языка, его основной базы и структуры, началось проникновение народного языка в литературу. Процесс этот развивался постепенно и не беспрепятственно*.

---

[63] *Младеновић А.* Прилог проучавању Орфелиновог језика. - ЗФЛ. књ.III, 1960, с. 153-174.

* Продолжение этого исследования опубликовано в книге " "Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков" (М. 1978) под заглавием "Литературный язык у сербов в конце XVIII в. - начале XIX в." (с. 269-328). Эта ранее опубликованная часть работы обозначена в тексте сокращением - ЛЯС.

13-2 382

В.П.ГУДКОВ

БОРЬБА КОНЦЕПЦИЙ „СЛАВЕНСКОГО“ И „ПРОСТОГО“ ЯЗЫКА В ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА У СЕРБОВ

Одним из главных факторов, определявших специфику литературноязыковой ситуации у сербов в течение XVIII и в первые годы и десятилетия XIX в., обусловивших многообразие типов и разновидностей бывшего в употреблении книжнописьменного языка, является, по общему признанию специалистов, характер сербско-русских отношений той поры. Недавно Н.И. Толстой, размышляя, "можно ли русское языковое влияние, т.е. его наличие или отсутствие, считать достаточно ярким и релевантным показателем для характеристики процессов XVIII и начала XIX в.", писал: "На этот вопрос следует ответить положительно. Так называемое русское, равно как и русско-церковнославянское, влияние было столь значительным и глубоким, что на него можно вполне опереться при выделении основных этапов развития "славяно-сербского" литературного языка XVIII - начала XIX в"[1].

Русско-сербские отношения в сфере культуры и языка в указанный период - давний предмет серьезных филологических и исторических исследований, нашедших разностороннее выражение, осмысление и обобщение в известных трудах П.А. Кулаковского, П.А. Заболотского, Й. Скерлича, Б. Унбегауна, изданных в течение первых четырех десятилетий нашего века. Значительный прогресс, достигнутый в последнее время в изучении истории литературного языка сербов, черногорцев и хорватов, вновь возбудил или, вернее, оживил интерес к этой многогранной и сложной теме. После того как современными исследователями была разработана классификация типов книжнописьменного языка, представленного в сербской книжности XVIII в., разработаны приемы лингвистического анализа тех текстов, в которых переплетаются элементы различных, хотя и родственных, языковых систем, основательно описан тип книжного языка на народноречевой базе сербских воеводинских говоров, стала очевидной насущная необходимость углубленного, сосредоточенного изучения ряда вопросов, которые до недавнего времени казались или достаточно хорошо освещенными или неактуальными.

[1] *Толстой Н.И.* К историко-культурной характеристике "славяно-сербского" литературного языка. - В кн.: Формирование национальных культур в странах центральной и юго-восточной Европы. М., 1977, с. 273.

Особую важность и особый интерес представляет ныне вновь вопрос о роли импортированного из России так называемого "русскославянского" языка, о применении сербскими литераторами и издателями русско-церковнославянского языка и языка русской светской литературы, вопрос о судьбе принесенных из России языковых систем и средств в процессе (или процессах) нормирования книжнописьменного языка у сербов. В непосредственной связи с этим стоит весьма слабо разработанный вопрос о противоборстве концепций развития и нормирования литературного языка, обосновывавшихся и защищавшихся активными деятелями сербского общества на рубеже XVIII-XIX вв., что составляет важный аспект предыстории современного сербохорватского литературного языка.

Как известно, в XVIII в., когда большая часть сербского народа оставалась под османским игом, а малая часть, получившая на основе австрийских "привилегий" некоторые возможности для культурного и экономического подъема, жила под угрозой германизации, мадьяризации и под прямым или косвенным принуждением к отказу от православия и обращению в католичество или унию, стержнем политического курса сербских духовных лидеров стала опора на Россию, на российскую православную церковь, на русскую культуру. В первой четверти XVIII в. сознание сербско-русской общности, знамением которой были принадлежность и сербов и русских к славянству, родство и близость их языка, тождество вероисповедания, приобрело активное идеологическое значение.

Сознательный политический курс предводителей "австрийских" сербов, среди которых высшей властью и авторитетом пользовались представители духовенства, привел к установлению сербско-русского культурного сообщества. Его выражением было, в частности, принятие сербами российской церковной книжности и ее языка, русской учебно-просветительской литературы, литературы научной и художественной и создание собственных литературных и научных сочинений, а также учебных книг на базе опыта русской литературы с применением ее языковых средств (причем некоторые из трудов сербских авторов предназначались одновременно для южных славян и для русских читателей).

Излагая историю письменности и литературного языка у сербов в XVIII в., П. Ивич писал: "...Подобно тому как некогда по просьбе моравского князя Растислава византийский император Михаил послал в Моравию Кирилла и Мефодия, чтобы они проповедовали христианство и одновременно дали отпор немцам, теперь обращение митрополита Моисея Петровича к российскому императору Петру I привело русского учителя Максима Суворова в 1725 г. в Сремские Карловцы, чтобы обучать сербскую молодежь и одновременно вооружать сербскую церковь для борьбы с давлением Вены. ...А когда прибыли книги и учителя, с ними пришел и иной церковнославянский язык. Русская редакция этого языка, часто называемая русскославянским языком, возникла приблизительно в то же самое время, когда и сербская, и

таким же образом, т.е. приспособлением литературного языка Кирилла и Мефодия к особенностям русского произношения. Однако в начале XVIII века об этом знали мало, и сербы, принимая язык русских церковных книг, верили, что это подлинный древнеславянский. Так этот язык укоренился в самом важном месте - в центре системы просвещения. Все выпускники школ, в которых преподавали Максим Суворов, а затем Эммануил Козачинский и его сотрудники, выносили из школы знание русскославянского языка и впоследствии передавали его своим ученикам. Проникновение этого языка облегчалось тем, что он ассоциировался и с русскими книгами, и с матушкой Россией вообще, и с престижем лучшего образования, и поддерживался авторитетом высокой церковной власти. Нововведение распространилось без видимого сопротивления. Все обрядовые церковные издания будут с той поры и доныне на русскославянском. Этот язык тотчас же проникает и в светскую литературу"[2].

Связь по линии церкви, богослужебной литературы, учебной церковнославянской книги была важным, но не единственным каналом русского языкового и литературного влияния. В середине XVIII в., как показывают новейшие исследования, к сербам непрерывным потоком поступают из России книги, представляющие и светскую, научную и художественную литературу, все больше удаляющуюся от образцов церковнославянской книжности[3]. Из этих книг (а также и из непосредственного общения с русскими) представители молодой сербской интеллигенции учились русскому литературному языку, усваивая в большей или меньшей мере, в отдельных случаях очень основательно, не только высокий, сохранявший близость к церковнославянскому языку, но и средний "штиль". Поэтому Захарий Орфелин просто перепечатывает в основанном им журнале "Славяно-сербский магазин" (Венеция, 1768) наставление о воспитании Феофана Прокоповича с немногочисленными языковыми корректурами, а также стихи русских поэтов, затем сам сочиняет и издает двухтомную биографию Петра I, которая по языку очень близка к произведениям русских историков и при переиздании ее в Петербурге подверглась не слишком значительной языковой правке[4].

В второй и третьей четверти XVIII столетия наряду с церковнославянским русской редакции и русским литературным языком высокого и среднего "штиля" в сербских книгах и рукописях употреблялся также язык смешанного типа, в котором неупорядоченно перемежались элементы языков сербского, русскоцерковнославянского и собственно русского. Известны также сочинения, в языковой ткани которых очевидна большая близость к сербской народноречевой основе, что дает возможность исследователям говорить о существовании разновидности книжнописьменного языка на народной основе или просто об употреблении народного языка в качестве литературного[5]. При общей, однако, характеристике названного периода в истории литературного языка у сербов эти два последние типа книжнописьменного языка никак не могут быть названы преобладающими. Во второй и третьей четверти XVIII в., когда еще только начала складываться и экономически не окрепла национальная буржуазия, когда появились только единицы деятелей, ознаменовавших зарождение светской интеллигенции, когда опора на Россию была гарантией самосохранения сербского народа в его стесненном обитании под эгидой австро-венгерской монархии, обращение сербов к русской культуре, к русской книге и ее языковым средствам стало определяющим фактором их литературно-языковой практики. И хотя в то время не возбранялось употребление в произведениях разных жанров (например, в проповедях) средств живой, естественной речи, в сербском обществе не существовало объективных условий, благоприятных для культивирования литературы (в самом широком значении этого слова) на языке народном или близком к народному. Попытки введения в литературу живой народной речи носят разрозненный, эпизодический, маргинальный для общей тенденции литературно-языкового развития характер.

Для литературно-языковой ситуации рассматриваемого периода имеет концептуальное значение предисловие к первому (и единственному) номеру журнала "Славено-сербский магазин", основанного З. Орфелином. Говоря о языковом оформлении публикуемых в журнале материалов, автор предисловия (как полагают, сам Орфелин) употребляет выражение "собственный язык" равно для языка сербского и языка русского[6]. В сербском общественном сознании той поры еще не созрело и не актуализировалось ощущение отдельности, самостоятельности сербского народа в кругу славянства, не развилось стремление к выработке и развитию своего собственного литературного языка как непременного атрибута национальной культуры.

Положение заметно меняется в последней четверти XVIII в. К этому времени положение "австрийских" сербов значи-

---

[2] *Ивић П.* Српски народ и његов језик. Београд, 1971, с. 164-165.

[3] *Бошков М.* Руска штампана књига у нашем XVIII веку. - Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. Књ. XVI/2. Нови Сад, 1973, с. 527-567.

[4] См.: *Толстой Н.И.* Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII-XVIII вв. - В кн.: Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., "Наука", 1962, с. 18-21; *Гудков В.П.* О "славенском" языке Захария Орфелина. - Вестник МГУ. Филология, 1973, № 3, с. 46-51.

[5] См.: *Младеновић А.* Типови књижевног језика код Срба у другој половини XVIII и почетком XIX века. - В кн.: Реферати за VII међународни конгрес слависта у Варшави. Филозофски факултет у Новом Саду. Нови Сад, 1973, с. 46-52.

[6] Славено-сербскій магазинъ, то есть Собраніе разныхъ сочиненій и преводовъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ, т. I, ч. 1. Въ Венеціи, 1768, с. 3-16.

тельно упрочилось и обезопасилось. Наблюдается количественный рост и экономическое укрепление сербской буржуазии. Более либеральной и эластичной стала политика австрийских властей по отношению к славянскому населению. Большие сдвиги происходят в развитии культуры у сербов, расширяется и совершенствуется школьное дело, резко возрастает книгоиздание[7]. В связи с этим последние десятилетия XVIII в. и начало XIX в. отмечены подъемом сознательного интереса к книжнописьменному языку, стремлением творческих деятелей выработать обоснованную концепцию литературного языка и упорядочить на ее основе литературноязыковую практику.

Специалисты по истории сербохорватского языка определяют литературноязыковую ситуацию у сербов в годы, о которых идет речь, как очевидное господство смешанного, "гибридного" языка, обычно именуемого "славяносербским"[8].

"Конец XVIII и начало XIX столетия, - писал П. Ивич, - являются периодом преобладания гражданского, славяносербского языка. В этой сложной смеси наряду с русскославянскими и сербскими находились и подлинно русские языковые элементы"[9]. А Б.О. Унбегаун усматривал в ту пору "триумф сербского церковнославянизированного и русифицированного языка в качестве языка литературного и попытки заменить его языком крестьян, свободным от церковнославянизмов"[10].

Обследование сербских изданий последней четверти XVIII и начала XIX в. показывает, что языковая ситуация в книжности того времени была гораздо сложнее. Русскославянский или, лучше, русскоцерковнославянский язык не только не сошел с арены светской литературы, он имел авторитетных и энергичных защитников и пропагандистов, которые усердно старались утвердить его в качестве общеупотребительного и общепризнанного средства литературно-художественного и иного выражения.

В 1776-1777 гг. чиновник русской дипломатической службы серб Павел Юлинец (Юлинац) напечатал в Вене перевод "Велизария" - популярного в XVIII в. романа французского писателя Ж.Ф. Мармонтеля. Издание "Велизария" стало значительной вехой в истории сербской литературы. "Это первая чисто художественная (буквально: белетристичка. - *В.Г.*) книга в сербской литературе и один из первых переводов с французского языка на сербский", - писал Й. Скерлич[11]. При чтении и интерпретации текста П. Юлинца и Скерличу, и другим историкам литературы приходилось преодолевать нелегкий языковой барьер. Скерлич оценивал язык перевода как беспорядочный - "ни русский, ни сербский". По его мнению, Юлинец, "вероятно, переводил не с французского оригинала, а с русского перевода, имея перед собой и оригинал", а стиль его текста определен слабой подготовкой и полной беспомощностью переводчика в использовании речевых средств славянской книжности[12]. Впоследствии К. Георгиевич доказывал, что Юлинец все-таки использовал оригинальное издание "Велизария", допуская, однако, что он мог сверяться и с переводами на немецкий и русский. Язык Юлинца К. Георгиевич воспринимал как славяносербский - "искусственное творение", не регулируемое установленными правилами[13].

Суждения Й. Скерлича и К. Георгиевича о языковых качествах перевода П. Юлинца неосновательны. Простое сличение русских (их было два) и сербского переводов "Велизария" открывает своеобразную природу языкового строя текста Юлинца и показывает несправедливость уничижительных оценок, данных Скерличем и Георгиевичем. Сравним соответствующие (т.е. параллельные) фрагменты трех изданий.

Мармонтель Ж.Ф. Велисарій. Спб, 1769, с. 9-10	Мармонтель Ж.Ф. Велизеръ. [М.], 1768, с. 9-10
Гости, проницаемы удивленіемъ, сильно просили героя сѣсть съ ними за столъ. Нѣтъ, сказалъ онъ имъ: въ мои лѣта лучшее мѣсто сидѣть у огня. Представляли ему лучшую въ замкѣ постелю; но онъ ничего не хотѣлъ кромѣ соломы, сказавъ: сыпалъ я нѣкогда и хуже того, упокойте только мальчика, который меня водитъ, онъ меня нѣжнѣе.	Гости, удивленіемъ преисполненные, усильно просятъ Героя, чтобъ сѣлъ съ ними за столъ. Нѣтъ, говоритъ онъ, въ мои лѣта самое лучшее мѣсто сидѣть у огня. Потомъ хотятъ, чтобъ онъ на лучшей въ замкѣ легъ постелѣ, а онъ кромѣ соломы ничего не требуетъ. Сыпалъ я иногда и гораздо хуже сего, говорилъ онъ имъ: призрите только сего отрока, которой меня водитъ и которой гораздо меня нѣжняе.

Велізарій г҃дина Мармонтеля. Изъ французскаго на славенскій языкъ преведенъ. Напечатанъ въ Віеннѣ, 1777. [Церковная кириллица], с. 15. Гости удивленіемъ восхищены, зѣло моляху херoя возлещи съ ними за трапезу. Никакоже, рече онъ имъ, мене ради наилучшее мѣсто есть близъ огня.

---

7 См.: *Скерлић Ј.* Српска књижевност у XVIII веку. Београд, 1923, с. 33-34, 72-74, 122-141.

8 Не следует смешивать терминологическое употребление названия славяносербский язык с обычным для старой сербской литературы применением его в значении 'язык сербов, язык сербского народа'.

9 *Ивић П.* Указ. соч., с. 171.

10 *Unbegaun B.* Les débuts de la langue littéraire chez les Serbes. Paris, 1935, p. 15.

11 *Скерлић Ј.* Указ. соч., с. 213.

12 Там же, с. 212.

13 *Георгијевић К.* Павле Јулинац. - Зборник Филозофског факултета Београдског универзитета, књ. II. Београд, 1952, с. 89.

Оны ему даяху сущую въ той палатѣ лучшую постелю; обаче онъ единыя точію сламы хотяше; азъ иногда и на худшей постелѣ почивахъ, глагола онъ; имѣйте же паче попеченіе о семъ мене водящемъ отрокѣ, иже мене слабѣй есть.

Приведенный отрывок вполне типичен. Сличение венского издания с русскими недвусмысленно свидетельствует, что текст Юлинца не заимствован из русских переводов, он написан не на русском и не на сербском языке, нет в нем, однако, и смешения русских и сербских речевых элементов. Своим орудием П. Юлинец избрал церковнославянский язык того типа, который был представлен в распространенных у сербов русских учебных пособиях, в частности в грамматике М. Смотрицкого, послужившей образцом для грамматики сербского автора А. Мразовича. Юлинац избегал собственно русских слов и форм, равно как и сербских, широко пользовался формами аориста и имперфекта, причастий, употреблял двойственное число.

Применение церковнославянского языка русской редакции в произведении светской литературы не было исключительным явлением в сербской книжности XVIII в. Можно назвать целый ряд подобных изданий. Таков, например, перевод труда И.И. Фельбигера, напечатанный в Вене под названием "Руководство к честности и правости", а в Петербурге - "О должностях человека и гражданина". Сопоставим фрагменты двух переводов.

Руководство къ честности и правости. Вена, 1777, с. 62.	О должностяхъ человѣка и гражданина. Спб, 1783, с. 35-36.
О чинѣ	О порядкѣ
Чинъ называется склонность и тщаніе дѣла своя тако по ряду располагати и совершати, якоже ихъ качество само собою взыскуетъ: вся вещи своя на извѣстномъ нѣкоемъ мѣстѣ имѣти, и тыя тамо добрѣ сохранити, яко да всякую, случившейся потребѣ, абіе невредиму обрѣсти возможемъ.	Порядокъ называется склонность и стараніе дѣла свои такъ порядочно располагать и совершать, какъ ихъ качество само собою требуетъ; всѣ вещи свои на извѣстномъ нѣкоемъ мѣстѣ имѣть и оныя тамъ сохранять, чтобы всякую въ нужномъ случаѣ скоро и невредимо сыскать было можно.

Ср. и отрывки из учебника арифметики, изданного в переводе с немецкого в Вене и Петербурге:

Руководствіе ко аріѳметіки. Вена, 1777, с. 18	Руководство къ ариѳметикѣ, ч. I. Спб, 1787, с. 3
Вещемъ сочислитися имущимъ, во еже число нѣкое отъ нихъ составити, подобаетъ быти единаго и тогожде именованія; сего ради конь единъ, и овца едина число никакоже составляютъ, зане совокупно пріемлема не суть ниже два коня, ниже двѣ овцѣ...	Вещи, которыя въ одинъ счетъ счисляются, одного должны быть наименованія; и такъ одна лошадь и одна овца числа не составляютъ, по тому что онѣ вмѣстѣ ни двухъ лошадей, ниже двухъ овецъ не составляютъ...

На рубеже XVIII и XIX в. Г. Терлаич (Трлаич) предоставил своим соотечественникам возможность познакомиться в переводе с повестью М.М. Хераскова "Нума или процветающий Рим". Чтобы увидеть, на какой язык переводил Терлаич сочинение русского автора, достаточно сопоставить небольшие выдержки из двух изданий повести.

М.М. Херасков. Нума. М., 1768, с. 3	Перевод Г. Терлаича. Буда, 1801, с. 3
Въ такомъ пріятномъ жилищѣ пребывалъ философъ именемъ Нума; сердце его было богамъ посвященно, упражненіе свойственное бѣдному и цѣломудренному мужу. Онъ пахалъ землю, стерегъ малое свое стадо, и что всѣхъ упражненій безцѣннѣе, трудами своими питалъ удрученнаго старостію отца.	Въ сице пріятномъ убѣжищи живяше любомудрецъ, именемъ Нума; сердце его посвященно бѣ Богомъ, упражненіе свойственно умѣренному и цѣломудренному мужу. Онъ дѣлаше землю, стрежаше малое стадо свое, и что всѣхъ упражненій неоцѣнимѣе бѣ, трудми своими питаше старостію удрученнаго отца.

Й. Скерлич некогда писал (это мнение и ныне сохраняет свое значение, поскольку изучением языка Терлаича никто, кажется, серьезно не занимался), что Г. Терлаич "лучше, чем кто-либо иной среди сербов, писал на русскославянском языке и всеми силами старался, чтобы этот язык окончательно укоренился в сербской литературе. Он заходил в этом так далеко, что отдельные его сочинения созданы на подлинном русском языке ломоносовской поры и были непонятны широкому кругу сербских читателей"[14]. Первая часть этого высказывания, по-видимому, справедлива; ошибочно, однако, суждение Скерлича о тождественности "русскославянского" русскому литературному языку времен Ломоносова. Подобное неточное представление о литературноязыковой ситуации в России XVIII в. сохраняют, впрочем, и многие современные филологи-югослависты.

Г. Терлаич был убежденным и стойким борцом за усвоение сербами церковнославянского языка. В трактате "Увѣщаніе, представляющее Серблемъ причинопобужденія къ присвоенію себѣ Славянскаго языка своего", вставленном в изданную им в 1793 г. в Вене книгу "Забавленіе единаго лѣтнаго утра или удивленіе естественнымъ красотамъ", он доказывал, что "нищетѣ простаго языка" следует предпочесть "преизобилность, пространство, красоту, нѣжность и толь велелѣп-

[14] *Скерлић Ј.* Указ. соч., с. 343.

ную силу выраженіи" языка "славянского" или "славенского" (с. 59). "Азъ чрезъ сіе не говорю, - заявлял Терлаич, - яко тіи зло дѣлаютъ, иже просто пишутъ; ибо азъ г. Обрадовича, яко преславнаго первопросвѣтителя рода моего всячески почитаю и предъ искренногорящимъ народолюбіемъ его благодарно благоговѣю; но дерзаю опомянути токмо, яко бы добро и полезно было и славянскій языкъ нашъ присвоити намъ за еже чрезъ него и въ премудрость Сократа, и во вся таины любомудрія Лайбница и Канта вникнути мощи; еже тою точностію и силою чрезъ простый языкъ, по моему мнѣнію, творити не можемъ" (с. 67). По убеждению Терлаича, на "простом" языке возможно только "низшія науки писати" (там же).

"Простой" язык, в представлении сербского литератора, это не только диалект простонародья, это язык, в котором сербские формы соединены с "русскославянской" лексикой, т.е., в сущности, язык смешанный. Чтобы показать превосходство языка "славянского" над "простым", он предлагает сравнить параллельные тексты:

"Славянский" язык	"Простой" язык
Любомудрецъ видитъ себе предувѣреніями окруженна; видитъ кумиръ невѣжества и сомнѣніи, смертными раболѣпно покланяемый...	Любомудрецъ види себе предувѣреніями обколѣна; види идолъ незнанія и сумнѣніи, коемусе люди раболѣпно кланяю... (с. 76)

Описав несомненные, на его взгляд, преимущества "славянского" языка, Терлаич заключил: "...Присвоеніе его намъ, первое и единое есть средство къ благопросвѣщенію рода нашего и къ возведенію его на свѣтъ изъ толь долговременныя тмы и забвенія его" (с. 79).

И в "Примечании" к переводу "Нумы" Терлаич развивал свои воззрения на литературный язык и его культивирование. Он призывал соотечественников овладевать "праотеческим" (т.е. русскоцерковнославянским) языком, пользуясь для этого, за неимением лучших пособий, изданным в 1794 г. "Руководством к славянской грамматике" А. Мразовича. В своих книгах он помещал "изясненіе нѣкоторыхъ рѣчей славянскихъ, еже къ удобнѣшему разумѣнію въ языцѣ семъ не много искуснымъ служити можетъ".

Известно мнение, что приверженность Терлаича к "славянскому" языку была выражением его прорусской ориентации и в политике и в области культуры. "Терлаич, - утверждает, например, Й. Деретич, - при всем своем сербском патриотизме был в большей мере русским чиновником, чем сербским писателем, а в качестве сербского писателя он являлся самым выдающимся сторонником русификации сербской литературы XVIII в."[15] Такая оценка литературноязыковой концепции Г. Терлаича не может быть признана, однако, достаточно обоснованной. Следует обратить внимание на то, что этот литератор не стремился распространять среди сербов русский язык конца XVIII в., удалившийся от церковнославянского канона. Терлаича не удовлетворяет язык Хераскова, он гальванизирует и насаждает в сербской книге преодолеваемое русскими церковнославянское наследие.

[15] *Деретић Ј.* Доситеј и његово доба. Београд, 1969, с. 52.

В церковнославянском русской редакции он, как и многие его соотечественники, видел подлинный древнеславянский, "праотеческий" язык. Защищая его, он был убежден, что отстаивает исконное национальное достояние. Весьма актуальной и желанной оказалась поэтому для Терлаича и его единомышленников теория Й. Добровского о сербской основе старославянского языка. Так, И. Рукослав писал во вводной части выпущенного им труда "О воспитании детей" (Буда, 1808), ссылаясь на авторитет Добровского, о "славенском" как "древнейшем сербском непримесном языке" и взывал к читателям: "Чужестраннымъ языкомъ съ охотою многимъ иждивеніемъ учимся, почто и своему собственному съ тѣмже трудомъ не прилѣжимъ?" (с. 33)

Настояния Терлаича и других адептов церковнославянского языка, стремившихся дать этому языку статус непременного атрибута сербской национальной культуры, означали сознательное пренебрежение реальными интересами народных масс, для которых оторванный от естественной речи язык представлял почти непреодолимое препятствие в их приобщении к образованности и культуре. Терлаич был выразителем взглядов определенных, узких кругов сербского общества, обособлявшихся благодаря укреплению экономического положения и более вольному социальному статусу от основной массы населения и тяготевших к превращению в социальную элиту. Настоятельные стремления ввести в общее употребление церковнославянский язык - это одно из проявлений концепции элитарной культуры с ее эстетическими и этическими критериями благородства и возвышенности, меры которых не выдерживала простонародная культура и "простой" язык.

За церковнославянский язык ревностно выступали церковные руководители, в частности властный и авторитетный митрополит Стефан Стратимирович, ведавший делами церкви и света в течение 46 лет (1790-1837)[16]. Нельзя сказать, что он не допускал возможности использования в литературе языка, близкого к естественной речи; он сам опубликовал, хотя и анонимно, стихотворное сочинение "Любосава

[16] Напомню, что у "австрийских" сербов митрополиты осуществляли не только духовную, но и светскую власть. "...Как справедливо замечает учитель Иосифа II Бартенштейн, - писал Н.А. Попов, - австрийское правительство не давало сербам воевод потому, что гораздо легче было отнять светскую власть у лица духовного..., нежели у воеводы, который мог располагать большим единоплеменным войском". (*Попов Н.А.* Россия и Сербия, ч. I. М., 1869, с. 3). - Широту общественных функций

и Радованъ или пѣсни нравоучителныя по начину простонародныхъ сербскихъ пѣсней" (Буда, 1800)[17]. Однако употребление языка "простонародного" типа он ограничивал, судя по всему, лишь рамками литературы развлекательной или развлекательно-назидательной (вспомним слова Г. Терлаича о "низших науках").

В рукописном наследии С. Стратимировича преобладают тексты на "славенском" языке. Примером могут служить его заметки о событиях начала XIX в., опубликованные после смерти автора. Начинаются они так: "Днесъ приде ко мнѣ Милошъ Урошевичъ изъ Земуна, первый повѣреный Сербовъ подъ Цернимъ Георгіемъ въ Сербіи воставшихъ, и о послѣдней, прежде 14-15 дней случившейся нещастной за нихъ при НишѢ гибели сказа ми слѣдѣющая..."[18] И в своих письмах С. Стратимирович усердствовал в употреблении и при том совершенствовании церковнославянского языка. Обращаясь к Г. Терлаичу, он вопрошал: "Не смѣемъ ли слово *успѣхъ* иногда замѣнити словомъ *напредокъ?* Отвержете ли сіе послѣднее потому, что еще не читасте его въ славенскомъ слозѣ? Аще быша древнихъ грековъ списатели ограничилися употребленіем словъ единаго токмо нарѣчія, былъ ли бы нынѣ греческій языкъ образецъ богатѣйша языка?" (письмо от 16 сентября 1806 г.)[19].

Вопросы литературного языка - одна из "сквозных" тем переписки сербского митрополита. Призывая своих корреспондентов блюсти чистый "славенский" язык, он приветствовал переводы Д. Дарвара, критиковал язык газеты Д. Давидовича "Новине србске" ("низво́дите его до глаголанія глупѣйшихъ простолюдиновъ"), побуждал А. Мразовича исправить при переиздании стиль учебника церковнославянского языка, ибо, заявлял Стратимирович, доступность изложения заключается не в употреблении простонародных слов, но "во краткомъ и простому уму понятномъ слозѣ". Сочинения Д. Обрадовича, по мнению митрополита, "премного манъ ('пороков') популярнаго стила имѣютъ"[20].

Пропагандистом церковнославянского языка выступал и другой священнослужитель - архимандрит Павел Кенгелец (Кенгелац), получивший в России степень доктора богослови́я. В предисловии к выпущенному им "Естествословию" (Буда, 1811) он заявлял о своем стремлении не только осведомлять читателей о научных предметах, но и обучать их книжному языку: "Да бы читатели сего естествословія не точію вещемъ ('не только вещам'), можетъ быти непознанымъ, но и Славянскому языку колико толико научилися, печахся ('я старался') елико Славянски самъ разумѣваю, чисто Славянски писати..." (с. 11 непагинированного предисловия). Кенгелец критиковал современных ему литераторов, писавших "славено-сербо-нѣмецко-мадьяро-турско-цыгански", "по правиламъ бабы Смиляны", а не по "грамматійскимъ правиламъ", воплощенным в языке церковных книг.

"Славенский", т.е. церковнославянский язык функционировал в сербской литературе и в XVIII в. и в первые десятилетия XIX столетия. Книги, в которых он был представлен, продолжали пользоваться спросом. Об этом свидетельствует не только неоднократное переиздание грамматики А. Мразовича, но и повторное издание "Велизария" в переводе П. Юлинца (1812 г.). Симптоматично, что текст "Истории разных славянских народов" Й. Раича, вновь выпущенной в 1823 г., подвергся редактированию с целью его большей "славянизации": вместо *что* вводилось *яко*, вместо *естли - аще*, вместо *но - обаче*, вместо *трудами - трудми* и т.п. Таким образом, русский вариант церковнославянского языка, который, по словам Ю.С. Сорокина, в России, точнее, в русской светской литературе "пал в конце 20-х гг. (XVIII в. - В.Г.), перестал существовать как литературный язык для русских"[21], обрел у сербов новую жизнь, пережил своеобразный ренессанс.

Однако социальная база "славенского" языка у сербов не была прочной и устойчивой. В последней четверти XVIII в. и особенно в XIX в. его приверженцы были вынуждены вести полемику со сторонниками языка "простого", выражавшими интересы демократических масс (включая нарождавшуюся буржуазию). В 1783 г. появился литературноязыковой манифест Досифея Обрадовича ("Письмо Харалампию"), призывавший сербских литераторов писать для соотечественников на сербском языке по примеру русских ("Русские все свои лучшие книги на своем диалекте гражданскими буквами печатают") и других европейских народов. "Знаю, - писал Д. Обрадович, - что мне могут возразить: если мы начнем писать на простом диалекте, старый язык придет в небрежение и постепенно исчезнет. Ответствую: какая нам польза от языка, который как следует понимает лишь один человек из десяти тысяч и который чужд моей матери и сестрам?!"[22]

Единомышленник Обрадовича Э. Янкович, представляя читателям перевод комедии К. Гольдони, заявлял с полеми-

церковной иерархии следует в полной мере учитывать при выявлении факторов, определявших особенности развития сербской литературы XVIII - начала XIX вв. и ее языка.

17 См.: *Младеновић А.* Народни језик у песми "Љубосава и Радован" митрополита Стевана Стратимировића. - Зборник за филологију и лингвистику, књ. XIV/2. Нови Сад, 1971, с. 71-121.

18 Гласник Српског ученог друштва, књ. 2. Београд, 1849, с. 208.

19 *Грујић Р.* Књижевна писма митрополита Стевана Стратимировића. Сремски Карловци, 1908, с. 22.

20 *Руварац Д.* Прилози за историју српске књижевности. - Бранково коло, књ. XX, св. 13. Београд, 1914, с. 408-414.

21 *Сорокин Ю.С.* К вопросу о сложении литературной нормы в русском языке XVIII века. - В кн.: Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., "Наука", 1976, с. 185.

22 Дела Доситеја Обрадовића. Београд, 1911, с. 4 и 5.

ческим задором: "А за то, что писал я не на "славянском", а на родном языке, всяк меня простит, вспомня, что я не "славянин", а серб, и что пишу не для "славян", а для сербов"[23]. А. Мразович в предисловии к переведенному им с немецкого языка "Поучительному магазину" (ч. I. Вена, 1787) сообщал читателям, что он переводил книгу "на чистый сербски языкъ", следуя примеру Досифея Обрадовича, который других "мужески ободрава, да бы на простомъ езыку дѢла и сочиненія своя на ползу рода своего писали и издавали" (с. 6-7).

Некоторые литераторы заявляли о вынужденном отказе от малодоступного для большинства читателей "славенского" языка. Так, Сава Текелия, издавший в 1805 г. книгу "Римляне в Испании", выражал надежду, что придет время, когда можно будет писать для народа "на чистомъ Славенскомъ езыку". Н. Лазаревич, переведший "Робинзона Крузо" (Буда, 1799), объяснял читателям, что он способен писать высоким стилем, но по "произволению" П. Асимарковича, финансировавшего это издание, писал "просто, дабы сватко ('всякий') све ясно разумѢвати могао..." (с. 19 непагинированного обращения к читателям).

У разных авторов практика "простого" языка была различной. Определение "простой" следует понимать в значении "не церковнославянский" без идентификации понятия "простой язык" с феноменом языка народного, диалектного.

Многие литераторы принимали "простой язык" только в виде смеси слов и форм сербских, церковнославянских и русских. Так, например, Н. Шимич, автор "Логики сербского языка" (1808) готов был принять языковую практику Д. Обрадовича с поправкой на "облагораживание" стиля: "Въ сочиненіи Сербскихъ книгъ полупростый писанія слогъ употреблявати подобаетъ тако, да бы во таковомъ писанія слозѢ несносная не находилася слова" (с. 68).

Несмотря на большую пестроту языкового выражения в книгах писателей, решительно или с оговорками принимавших ориентацию на "простой" язык, оппозиция "славенскому" языку становилась все более сильной и массовой. Это сопрягалось с укреплявшимся национальным самосознанием сербского народа. Весьма симптоматично и значительно одно из высказываний активного писателя Павла Соларича, пропагандиста идей Д. Обрадовича. В 1804 г. П. Соларич четко выразил упрочившееся осознание отдельности сербов как народа: "Ми смо били Славяни, али смо данасъ еданъ путъ Славено-Серби". Поскольку сербы являются отдельным национально-этническим целым, они должны пользоваться своим языком и писать в соответствии с произношением (Мы теперь "Славено-Серби. Ова речъ каже, како данасъ писати надлежи, сиречъ како што се говори"). "Славенский" язык принадлежит прошлому, культивировать его - значит пятиться назад. Он сохраняет, однако, свое значение как источник обогащения сербского языка[24].

Так проблема выбора литературного языка разрешалась у сербов в пользу языка "простого", порождая одновременно новые задачи. В то время как "славенский" язык постепенно уступал свои позиции языку, в большей или меньшей мере приближенному к естественной речи народа, все более острым, жгучим и неотложным становился вопрос упорядочения, нормирования этого языка. В XIX в. и высшее духовенство вынуждено было признать неизбежность употребления сербского языка для сербов[25]. Не существовало, однако, единства воззрений на природу и пути оформления этого языка в литературной практике. Ожесточенная борьба мнений продолжалась несколько десятилетий и закончилась победой концепции, в выработке которой определяющее значение имел рациональный экстремизм Вука Караджича.

---

[23] Терговци. Комедіа у три акта приведена ... отъ Е. Янковича. Лейпциг, 1787, с. 4.

[24] *Соларичъ П.* Ключиѣъ у мое землеописаніе. У Венеціи, 1804, с. 9.

[25] См., например: *Светић М.* Утук III езикословный. У Новом Саду, 1846.

М.И.ЕРМАКОВА

ИЗ ИСТОРИИ НИЖНЕЛУЖИЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Серболужичане не имеют единого литературного языка, что связано с особенностями исторического развития этого славянского народа, его языка и письменности.

Освещая языковую ситуацию и различные вопросы развития серболужицкой письменности, современные серболужицкие лингвисты и историки говорят о двух "относительно стабильных серболужицких литературных языках (самое позднее со второй половины XIX в.)"[1] или о двух вариантах серболужицкого литературного языка - верхне- и нижнелужицком[2], которые сформировались в результате параллельного развития верхне- и нижнелужицкой письменности.

Наиболее ранние из дошедших до нас серболужицких памятников письменности восходят к XVI в., к периоду Реформации. Поскольку неизвестно о существовании рукописных текстов на серболужицком языке в период, предшествующий Реформации[3], началом формирования серболужицкой письменности считается XVI в. При этом уже в связи с памятниками этого времени можно говорить о раздельном существовании верхне- и нижнелужицкой письменности[4]. Процесс их формирования и результаты последующего развития обнаруживают ряд особенностей и отличий друг от друга.

---

1 *Lötzsch R.* Einige Bemerkungen zu D. Brozović Aufsatz "O specifičnim vidovima łužičkosrpske jezične problematike". - Lětopis Instituta za serbski ludospyt. R.A, 1968, č. 15/1, S. 82; *Schuster-Šewc H.* Die Geschichte der sorbischen Schriftsprachen (ein) Grundriss). - В кн.: Славянска филология, III. София, 1963, с. 135-151; *Idem.* Zur gesellschaftlichen Bedingtheit standardsprachlicher Prozesse im Bereich des Westslawischen. - ZfslPh, 1973, Bd. XVIII, H. 2, S. 222-223; *Idem.* Wuwiće spisowneje rěče pola łužiskich Serbow. - In: Sorabistiske přednoški 1977. Budyšin, 1977, S. 28-47.

2 *Lötzsch R.* Op. cit., S. 86. - Леч признает существование одного серболужицкого языка, представленного двумя основными диалектами - верхне- и нижнелужицким.

3 *Schuster-Šewc H.* Sorbische Sprachdenkmäler 16.-18. Jahrhundert. Bautzen, 1967, S. 11.

4 *Schuster-Šewc.* Die Geschichte..., S. 137.

Развитие серболужицкого языка[5] и письменности протекало в особых условиях: серболужичане усваивали немецкий язык, и у них постепенно сформировалось двуязычие.

Политические и социальные причины привели к тому, что серболужицкий язык на всей территории своего распространения с самого начала был языком крестьянского населения, крепостных подданных. В деревнях, населенных серболужичанами, до конца XVIII в. он был основным, разговорным языком, а немецкий функционировал как второй язык[6]. В городах, расположенных на серболужицкой языковой территории, при смешанной структуре населения основным языком был немецкий[7]. Городское серболужицкое население быстрее становилось двуязычным. Вероятно, что в этих условиях серболужицким пользовались, главным образом, в городских предместьях.

Феодальные власти постоянно проводили политику германизации серболужицкого населения и искоренения его языка. В этих условиях судьба последнего зависела от политической ситуации в различных феодальных владениях.

Одной из самых крупных административных единиц было маркграфство Нижняя Лужица с территориями Бесков, Шторков и Тойпиц на севере (с конца XVI в. они входят в состав так называемого наследственно-бранденбургско-вендского (лужицкого) округа - Kurmärkisch-wendische Distrikt). В центре маркграфства Нижняя Лужица, за пределами основной территории (Бранденбургской Ноймарки) был расположен округ Коттбус; на северо-востоке - первоначально силезский, а затем бранденбургский округ Кроссен; на юге - территории Мускау и Хойерсверда; на юго-западе - мейссенские административные области - Зенфтенберг, Гроссенхайн и Мюльберг[8]. Эти районы представляли к XVI в. основную часть (Kerngebiet) серболужицкой языковой территории вместе с маркграфством Верхняя Лужица. Вокруг нее располагались так называемые окраинные районы (Randzone) с серболужицко-немецким населением.

На основной части серболужицкой языковой территории сельское население вплоть до XVI в. (а в некоторых районах и позднее) говорило только или преимущественно по-

---

5 Термин "серболужицкий язык" употребляется нами в тех случаях, когда речь идет о языке всего серболужицкого населения.

6 *Nedo P.* Wo wuwiću dwurěčnosće we łužicy. - Rozhlad, Budyšin, 1958, S. 220-221.

7 О смешанной структуре населения в средневековом Коттбусе свидетельствует анализ личных имен, распространенных среди населения: в XVI в. (1544-1599 гг.) серболужичане составляли 26-29% жителей Коттбуса. См. *Mětšk Frido.* Die brandenburgisch-preussische Sorbenpolitik im Kreise Cottbus. Vom 16. Jahrhundert bis zum Posener Frieden (1806). Berlin, 1962, S. 14-15.

8 См. карту № 3 в книге: *Mětšk Frido.* Die Stellung der Sorben in der territorialen Verwaltungsgliederung des deutschen Feudalismus. Bautzen, 1968.

серболужицки. Так, существование на территории маркграфства Нижняя Лужица сельского населения, говорящего почти исключительно по-серболужицки, подтверждается различными источниками и высказываниями, относящимися к периоду до XVIII в.[9]

Мы видим, что ко времени зарождения серболужицкой письменности (XVI в.) на территории, заселенной серболужичанами, серболужицкий и немецкий языки соотносились как язык, главным образом, сельского населения (серболужицкий) и язык городского населения (немецкий). Сельское серболужицкое население в этот период было одноязычным, так как почти не знало немецкого языка и все попытки насадить его оставались безрезультатными[10].

В период, предшествовавший Реформации, серболужицкий язык (так называемый Volkssprache "народный язык") функционировал, как правило, устно. Он, например, допускался в судопроизводстве: серболужичанин мог давать показания в суде на своем родном языке, но в протокол они записывались всегда по-немецки. Любое обращение к властям оформлялось только на немецком языке, для этой цели существовали специальные лица. Объявления о приказах делались с помощью импровизированного перевода с немецкого на серболужицкий. Подобный же метод устного перевода применялся и в церковной практике[11].

В то же время знание серболужицкого языка было иногда необходимо, в частности, для священнослужителей, работавших в деревнях с серболужицким населением. Поэтому низшее духовенство готовилось из тех представителей городских семей, которые уже дома были знакомы с серболужицким языком (например, в смешанных семьях); незнавшие языка священники специально учили его, если работали среди серболужичан; духовных служителей из серболужичан готовили и монастыри[12].

Возможно, что серболужицкие священники иногда делали письменный перевод нужного им текста, которым затем пользовались долгое время и их преемники.

В период Реформации на серболужицкой языковой территории латынь в церкви сменилась немецким языком, догмы новой церкви получали все большее признание и метод импровизированного перевода во время церковной службы перестал удовлетворять. Проповедники должны были избегать сомнительных толкований церковного текста, поэтому возросла потребность в его канонизированном переводе и печатной публикации. Распространение некоторых церковных

9 *Mětšk Frido*. Die Stellung..., S. 14.

10 *Nedo P*. Op. cit., S. 12.

11 *Mětšk Frido*. Der Kurmärkisch-wendische Distrikt. Ein Beitrag zur Geschichte der Territorien Bärwalde, Beeskow, Storkow, Teupitz und Zossen unter besonderer Berücksichtigung des 16. bis 18. Jahrhunderts. Bautzen, 1965, S. 78.

12 *Mětšk Frido*. Der Kurmärkisch wendische Distrikt..., S. 71-72.

сочинений имело особенно большое значение, например, "Малого катехизиса" М. Лютера с кратким изложением догм его церкви. В связи с этим увеличилась потребность в проповедниках и священниках, которые хорошо знали серболужицкий язык. В нижнелужицкой языковой области за относительно короткий срок было подготовлено необходимое число лютеранских священников - квалифицированных интерпретаторов нового учения[13]. Во второй половине XVI в. во франкфуртском университете (Франкфурт на Одере) впервые были организованы занятия серболужицким языком, хотя, вероятно, вне официальных учебных планов[14].

Наряду с устным квалифицированным толкованием священных текстов в XVI в. появляются и первоначальные письменные редакции серболужицких богослужебных книг, которые имели хождение в пределах отдельных церковных приходов. Случалось, что в большом приходе священник должен был поручать чтение катехизиса малообразованным дьячкам или даже кому-то из прихожан. Наличие готового текста гарантировало в этом случае от возможных ошибок.

Однако и в период Реформации терпимость по отношению к серболужицкому языку со стороны феодальных властей была вызвана лишь стремлением к более успешному проведению политики германизации. Конечной же целью этой политики было истребление серболужицкого языка. Эта политика осуществлялась по-разному в разных областях. С течением времени она могла измениться в пределах одного административного района. Конкретное ее проведение было непосредственно связано с экономическим и политическим значением определенной территории, населенной серболужичанами, и политической ситуацией данного момента. Так, в маркграфстве Верхняя Лужица, при наличии конфессионального раскола серболужицкого населения, политика искоренения серболужицкого языка в XVI-XVIII вв. не проводилась так последовательно, как в маркграфстве Нижняя Лужица[15].

В областях нижнелужицкой языковой территории судьба серболужицкого языка и письменности складывалась по-разному. Стремление властей уничтожить серболужицкий язык сталкивалось с необходимостью идти по отношению к нему на временные уступки. Все же любая возможность укрепить позиции немецкого языка за счет серболужицкого поддерживалась феодальными и церковными властями. На территории так называемого наследственно-бранденбургско-вендского (лужицкого) округа (Kurmärkisch-wendische Distrikt) (северный окраинный район нижнелужицкой языковой территории) в городах со смешанным населением тенденция к вытеснению богослужений на серболужицком языке господствовала повсеместно даже там, где немецкий элемент был представлен

13 *Mětšk Frido*. Der Kurmärkisch-wendische Distrikt..., S. 80.

14 Там же, с. 73.

15 *Mětšk Frido*. Der Anteil der Stände des Markgraftums Oberlausitz an der Entstehung der obersorbischen Schriftsprache, 1668-1728. - ZfslPh, XXVIII, H. I, S. 145.

лишь узким кругом официальных лиц и владельцами помещичьей усадьбы.

Известные трудности для распространения богослужения на серболужицком языке возникали и из-за существования местных языковых диалектных особенностей, с которыми сталкивался священник, попавший в данный приход из другой диалектной области.

Рукописные переводы церковных текстов, появившиеся в XVI в. на нижнелужицкой языковой территории, создавались на основе местного диалекта, которым владел переводчик, исключительно для нужд местной церкви, прихода. В качестве автора перевода чаще всего выступал сельский священник, серболужичанин по происхождению, но иногда и немецкий пастор. Такие рукописные переводы использовались узким кругом заинтересованных лиц данной местности; широкого распространения среди носителей языка они не имели.

Начало серболужицкой письменности связано с нижнелужицкой языковой территорией. Здесь появилась первая печатная книга - "Книга песнопений и катехизис" Альбина Моллера (1574 г.)[16] и первая серболужицкая грамматика (1650 г.)[17].

Первые памятники нижнелужицкой письменности возникли не в центральной части нижнелужицкой языковой территории, а на окраинах основной нижнелужицкой области (Kerngebiet): переводы богослужебных книг создавались в XVI в. в северных районах - на территории наследственно-бранденбургско-вендского (лужицкого) округа[18], на западе и востоке нижнелужицкой языковой территории.

Переводы отражали черты тех диалектов[19], которыми владели переводчики и которые (чаще всего) были распространены в той местности, где создавался перевод[20].

В переводе Нового завета М. Якубицы (1548 г.)[21] зафиксированы черты ныне несуществующего жаровского диалекта, который был распространен восточнее р. Нейссе в окрестностях городов Жарова и Жемра.

На одном из западнонижнелужицких диалектов окрестностей Лукау осуществлен во второй половине XVI в. перевод псалмов - "Вольфенбюттельская псалтырь"[22].

Черты западных и восточнонижнелужицких диалектов отражены в "Enchiridion Vandalicum", переводе Х. Тары (1610 г.) (см. сн. 20).

Первая печатная нижнелужицкая книга "Книга песнопений и катехизис" Альбина Моллера была написана, вероятно, на диалекте, распространенном в северной части Верхнего Шпреевальда, и использовалась церквью только в данной

---

16 *Bielfeldt H.H., Schuster-Šewc H.* Albin Moller, Niedersorbisches Gesangbuch und Katechismum, Budissin 1574. Berlin, 1959.

17 *Chojnanus J.* Linguae Vandalicae ad dialectum districtus Cotbusiani formandae aliqualis conatus... 1650. - Эта грамматика не была напечатана и распространилась в многочисленных списках. Один из них, сделанный Г. Люце, находится в культурном архиве (Sorbisches Kulturarchiv, Sign. VIII 25A) в Бауцене.

18 Из переводов, появившихся на этой территории, сохранился лишь рукописный фрагмент нижнелужицкой Агенды 1543 г. (см. *Schuster-Šewc H.* Sorbische Sprachdenkmäler. 16.-18. Jahrhundert. Bautzen, 1967, S. 292-293).

19 На основании дошедших до нас памятников нижнелужицкой письменности устанавливается, что в период зарождения нижнелужицкой письменности так называемый "народный язык" (Volkssprache) был представлен рядом диалектов, причем некоторые из них теперь уже не существуют (на востоке нижнелужицкой языковой области - жаровский и губинский диалекты; на западе - куловский диалект; на севере - бесков-шторковский диалект). В центральной и южной частях нижнелужицкой языковой территории были распространены следующие диалекты: к западу от р. Шпрее - западнокоттбусский и западнопейцкий диалекты; не существующий уже западношпрембергский диалект; к востоку от р. Шпрее - восточнокоттбусский, восточнопейцкий и восточношпрембергский диалекты; на север от них - шпреевальдский диалект. О диалектном членении серболужицкой языковой территории см.: *Mucke K.E.* Historische- und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache. Leipzig, 1891, S. 3-4.

В хрестоматии серболужицких памятников письменности (*Schuster-Šewc H.* Sorbische Sprachdenkmäler..., S. 291-492) все существующие нижнелужицкие памятники письменности разделены на две основные группы - западнонижнелужицкие и восточнонижнелужицкие. При характеристике языка некоторых памятников отмечается смешение черт, присущих этим двум группам.

20 Однако, например, в языке "Enchiridion Vandalicum" (1610 г.) Г. Шустер-Шевц видит попытку автора, Х. Тары, сблизить свой родной диалект - восточнолужицкий, мужаковский, с западнонижнелужицким диалектным типом, на котором говорили в окрестностях Шторкова, т.е. на территории северного округа (Kurmärkisch-wendischer), где протекала деятельность автора перевода. Но, по мнению К.Э. Муке, язык памятника указывает на бесков-шторковский диалект (*Mucke K.E.* Historische- und vergleichende Laut- und Formenlehre..., S. 10).

21 Das niedersorbische Testament des Miklawuš Jakubica 1548, herausgegeben von Heinz Schuster-Šewc. Akademie-Verlag. Berlin, 1967, *Schuster-Šewc H.* Wo narěčnym stejišću wuchodnodelnjoserbskeho rěčneho pomnika Mikławša Jakubicy z lěta 1548 (přinošk k staršim serbsko-polskim rěčnym poměram). - Slavia, 1965, XXXIV, H. 4, S. 560-572; Idem. Sorbische Sprachdenkmäler..., S. 14.

22 *Trautmann R.* Der Wolfenbütteler Niedersorbische Psalter. Leipzig, 1928; *Schuster-Šewc H.* Sorbische Sprachdenkmäler..., S. 14.

местности (Штраупиц, на территории маркграфства Нижняя Лужица)[23].

Черты отдельных восточно- или западнонижнелужицких диалектов прослеживаются в текстах некоторых нижнелужицких памятников, сохранившихся во фрагментах: например, черты восточного, губинского диалекта отражает рукопись Аттерваш (1615 г.)[24], черты одного из западных диалектов - книга песнопений (ранее 1656 г.)[25] и вельцанская книга песнопений XVII в.[26]

В орфографии и графике первых нижнелужицких переводов XVI - начала XVII в. не было никакой системы. Авторы использовали различные контаминации немецкого алфавита (швабахер, один из видов готического письма), как, например, в "Книге песнопений и катехизисе" А. Моллера и "Вольфенбюттельской псалтыри". В переводе "Нового завета" М. Якубицы на немецкой основе использованы элементы чешской орфографии[27].

XVI начало XVII в. можно считать первым периодом в развитии нижнелужицкой письменности, а начало 30-летней войны - условным концом этого периода.

В это время господствует устное функционирование нижнелужицкого языка, даже в тех сферах общественной жизни, где власти допускали его употребление (в ходе судебных процедур, в церкви), имеет место конкуренция немецкого и серболужицкого языка при полной поддержке феодальными властями немецкого языка.

Письменные переводы церковных текстов, возникающие на территории распространения отдельных диалектов, "привязаны" к этим местным диалектам. Создателями их являются священники (серболужицкого и немецкого происхождения), и сфера их распространения ограничена данной церковью или приходом.

Нижнелужицкий язык церковной литературы с явно выраженными местными чертами не мог составить конкуренцию существующему наряду с ним немецкому письменному языку. Этому препятствовала незначительная степень его распространения и общая неграмотность серболужицкого населения. При письменном общении даже сами создатели переводов на нижнелужицкий язык вне своей языковой церковной практики отдавали предпочтение немецкому языку. Х. Тара, вошедший в историю нижнелужицкой письменности как переводчик "Малого катехизиса" М. Лютера, фрагментов из книги Фр. Микониуса "Wie man die Kranken trösten soll" ("Как утешать больных"), нескольких псалмов и молитв, а также подготовленного к печати, но неопубликованного сборника проповедей ("Wendische Postille"), был автором нескольких худо-

[23] *Mětšk Frido*. Die brandenburgisch-preussische Sorbenpolitik..., S. 109.

[24] *Schuster-Šewc H*. Sorbische Sprachdenkmäler..., S. 14, 481.

[25] Там же, с. 359.

[26] Там же, с. 360.

[27] *Schuster-Šewc H*. Wuwić spisowneje řěče..., S. 29-30.

жественных произведений, написанных на немецком языке. По-немецки написано и вступление к переводу катехизиса (Enchiridion Vandalicum)[28].

Единичный характер нижнелужицких переводов во многом объясняется германизаторской политикой феодальных властей, в результате которой подготовленные переводы остались в рукописи. Так, не были напечатаны и теперь считаются пропавшими "Грамматика" и "Словарь лужицкого языка Бухгольца и окрестностей" Х. Тары[29].

Редкие и изолированные попытки фиксации языка отдельных нижнелужицких областей не сделались сколько-нибудь авторитетными для переводчиков из других местностей.

В ходе 30-летней войны и после нее некоторые районы нижнелужицкой языковой области, особенно окраинные, почти полностью обезлюдили: на востоке от нижнелужицкой языковой территории отпала область на р. Бобер; на севере - полоса, идущая от Одера южнее Франкфурта через Бесков до Тойпица; на западе - бо́льшая часть округа Лукау и части расположенных южнее его административных районов.

Таким образом, нижнелужицкая языковая территория уменьшилась почти на одну треть. Сюда вошли некоторые районы, где в XVI в. появились первые ростки нижнелужицкой письменности[30]. Впоследствии в эти области было привлечено немецкое население. Это способствовало изменению этнического состава населения и проникновению немецкого языка в серболужицкие деревни. Но в центральных районах маркграфства Нижняя Лужица и в округе Коттбус соотношение не-

[28] *Mětšk Frido*. Der Kurmärkisch-wendische Distrikt..., S. 88.

[29] Там же, с. 89.

[30] Данные об уменьшении нижнелужицкой языковой территории в результате 30-летней войны приводит Ф. Мечк в статье (газета Nowa doba, 1950, 6.VII), фрагмент из которой опубликован в книге: *Jenč R*. Stawizny serbskeho pismowstwa, I dźěl. Budyšin, 1954, S. 58.

В работе, посвященной истории территорий Бесков, Бервальде, Шторков, Тойпиц и Цоссен (Der Kurmärkisch-wendische Distrikt...), Ф. Мечк утверждает, что в районе городов Бесков, Шторков и Тойпиц только в единичных случаях бывшие серболужицкие деревни в послевоенный период заселялись немцами, так что происходившая смена населения была скорее "внутрилужицким" процессом, который охватил и всю территорию маркграфства Нижняя Лужица. Таким образом, серболужицкое население прежде всего было вытеснено с незащищенных окраинных территорий: на западе округа - земля Бервальде, на северо-западе - Цоссен. Там были приняты меры к тому, чтобы изгнать серболужицкий язык из церковной жизни: в Бервальде было запрещено богослужение на серболужицком языке, существовавшее здесь прежде, а в Цоссене внутренняя миграция привела к полному исчезновению серболужицкого населения (см. с. 104-105).

мецкого и серболужицкого населения изменилось в очень незначительной степени[31].

Несмотря на то, что в период 30-летней войны развитие нижнелужицкой письменности было прервано, возможность ее развития продолжала существовать.

В послевоенные годы курфюрст Фридрих-Вильгельм содействовал введению серболужицкого языка в сферу церковной жизни наследственно-бранденбургско-вендского (лужицкого) округа. В условиях противоборства крестьянского населения с дворянством такая тактика имела не только внутреннее политическое значение, но и способствовала укреплению границ государства.

В 1656 г. во франкфуртском университете (Франкфурт на Одере) возобновились занятия серболужицким языком. В конце 90-х годов XVI в. такими занятиями руководил Х. Тара[32].

Относительно благоприятный для развития серболужицкого языка и письменности период в наследственно-бранденбургско-вендском (лужицком) округе продолжался примерно 15 лет. В это время, т.е. в 50-х - начале 60-х годов XVII в. здесь возникают новые попытки создать нижнелужицкий письменный язык, продолжить то, что в этом округе было начато Х. Тарой в 1610 г. переводом катехизиса М. Лютера.

Результаты этих попыток и, прежде всего, переводы ряда церковных текстов, относящиеся к 1653-1656 гг., до нашего времени не дошли, так как согласно приказу курфюрста (1667 г.) были уничтожены. Известны лишь названия переводов, даты их выхода и имена авторов, которые упоминаются в рескрипте курфюрста от 1667 г.: перевод 1653 г. - Christiani Schmerii Psalter; перевод 1654 г. - Catechismus und Glaubens Articul des Adami Thilonis; перевод 1655 г. - Das von Hoh. Henning und Ernst Jul. Coccius wendisch vertirte Gesang Büchlein; перевод 1656 г. - Die Extrakta aus der Heil. Schrift Alten und Neuen Testamenti[33].

Все авторы переводов были священниками, деятельность которых была связана с данным округом, и создание этих переводов (вероятно, с немецкого оригинала) было необходимо для более успешного проведения работы среди серболужицкого населения прихода.

Автор первого перевода - Хр. Шмер - был по происхождению серболужичанином; автор второго перевода - Ад. Тило - немец из Силезии, вероятно, знавший польский язык. Третий и четвертый переводы (Книги песнопений и фрагментов из Нового и Ветхого завета) были результатом коллективного труда. Перевод книги песнопений осуществлен серболужичанином И. Хеннингом и немцем из ганноверского Вендланда Ю. Коккиусом. В переводе фрагментов из Нового и Ветхого завета участвовало, как считает Ф. Мечк, не менее шести авторов под руководством Г. Троера, инспектора Бескова. В состав группы входили серболужичане (Г. Кольхейм, И. Крюгер), словаки (К. Янош и И. Лупиниус); Х. Фридгельм и Г. Троер были немцами, выросшими среди серболужичан. Х. Фридгельм владел серболужицким языком с детства и был священником в том же приходе, где раньше по-серболужицки читал проповеди его отец. Отец Г. Троера, как и его сын (возглавлявший группу переводчиков), служил церковным инспектором. Он находился в дружеских отношениях с Х. Тарой и, став его начальником, поощрял переводческую деятельность Х. Тары.

Относительно языка указанных переводов можно лишь делать различные предположения, поскольку весь небольшой тираж этих переводов вскоре после своего появления был уничтожен.

Для расширения основы письменного языка, очевидно, особенно большое значение могли иметь коллективные труды переводчиков и, в первую очередь, перевод фрагментов из Ветхого и Нового завета, в котором участвовали представители различных в языковом отношении местностей вендского (лужицкого) округа. Сам факт участия в переводе носителей разных нижнелужицких говоров заставляет предположить необходимость более строгого отбора языковых данных. В результате его могла возникнуть более обработанная по сравнению с первыми нижнелужицкими переводами форма письменного языка наддиалектного характера. Дальнейшая работа в этом направлении, возможно, привела бы к созданию предпосылок для развития в северной части нижнелужицкой языковой территории нижнелужицкого литературного языка, раньше, чем начал формироваться литературный язык на верхнелужицкой языковой территории в маркграфстве Верхняя Лужица (т.е. период 1668-1728 гг.).

Однако именно в этой части нижнелужицкой языковой территории в 60-х годах XVII в. были приняты решительные меры против серболужицкого языка. Рескрипт курфюрста 1667 г. планировал ликвидацию богослужения на серболужицком языке, конфискацию у церквей и школ и уничтожение всех серболужицких книг и рукописей, в том числе и "Enchiridion Vandalicum" Х. Тары. ("wendische Manunuscripta, soweit solche annoch vorchanden... gäntzlich liquidiren" - "вендские (лужицкие) рукописи, какие только еще существуют... полностью ликвидировать")[34]. Один из пунктов рескрипта предполагал также и полное уничтожение и вендских (лужицких) проповедников (die "gäntzliche Abschaffung derer Wendischen Prediger"). Как отмечает серболужицкий историк Ф. Мечк, "в устранении национальных особенностей серболужичан", т.е., прежде всего, в ликвидации их родного языка, власти видели "выход из угрожавшей дворянст-

[31] *Mětšk Frido*. Die brandenburgisch-preussische Sorbenpolitik..., S. 11.

[32] *Mětšk Frido*. Der Kurmärkisch-wendische Distrikt..., S. 74.

[33] Все известные в настоящее время данные об этих переводах и их авторах приведены в книге Ф. Мечка "Der Kurmärkisch-wendische Distrikt...", S. 122-126.

[34] Цит. по: *Mětšk Frido*. Der Kurmärkisch-wendische Distrikt..., S. 129.

ву и государственной власти опасности мятежа"[35] со стороны серболужицких подданных.

Подобный же рескрипт с указанием искоренить серболужицкий язык вышел и в северовосточном бранденбургском округе Кроссен, где также предполагалось начать осуществление этого указания с изгнания серболужицкого языка из церковной сферы.

Но при осуществлении конкретных мероприятий, направленных против серболужицкого языка, феодальные власти не могли не считаться с ситуацией в отдельных серболужицких областях, с сопротивлением и волнениями среди подданных. На политику по отношению к серболужицкому языку влияло внешнеполитическое значение данного района нижнелужицкой территории и его роль в экономической жизни государства[36].

Меры, принятые против серболужицкого языка в вендском (лужицком) округе: уничтожение первых результатов развития нижнелужицкой письменности, постепенное вытеснение нижнелужицкого языка из церковной и правовой сфер, замена серболужицких священников немецкими, - все это способствовало ускорению процесса германизации серболужицкого населения в этом округе, хотя вплоть до середины XVIII в. серболужичане еще составляли здесь значительную часть в этнической структуре. Культурный центр серболужичан на севере нижнелужицкой языковой территории перестает существовать. В последние десятилетия XVII в. он перемещается на территорию бранденбургско-прусского округа Коттбус, с которым связан новый период в развитии нижнелужицкой письменности и начало формирования литературного языка.

Конечной целью политики феодальных властей и здесь была германизация серболужицкого населения. Однако целый ряд обстоятельств политического характера вынуждал проявлять в тот или иной период бо́льшую терпимость по отношению к серболужицкому языку и культуре. Так, например, имело

[35] *Mětšk Frido*. Der Kurmärkisch-wendische Distrikt..., S. 133.

[36] До 1635 г. маркграфство Нижняя Лужица (как и Верхняя Лужица) входило в состав чешского королевства, которое владело этими территориями на ленных правах. По пражскому миру 1635 г. оба маркграфства оказались под властью саксонского курфюрста. В Нижней Лужице с 1657 по 1738 г. правила веттинская боковая ветвь династии герцогов Саксен-Мерзебурга. Как отмечает серболужицкий историк Я. Шолта, они создавали абсолютистское государство, где "серболужицкий язык ожидало запланированное на длительный срок систематическое истребление. Эта германизаторская языковая политика сохранилась в Нижней Лужице и тогда, когда область вновь оказалась под властью саксонского курфюрста" (см.: *Шолта Я.* Специфика национального развития серболужичан. - В кн.: Формирование наций Центральной и Юго-восточной Европы. М., 1978.

значение стратегическое положение округа, а также тот факт, что на долю немецкого населения в общем числе населения округа Коттбус в XVI-XVIII вв. приходилось всего 10-15%. Национальная структура такого характера была причиной особого внимания, которое уделялось властями национальной политике в округе.

В первой половине XVII в., когда в других районах земли Бранденбург серболужицкий язык постепенно вытеснялся из церковной жизни, серболужицкое богослужение в округе Коттбус было обычным явлением. Даже во второй половине XVII в., при более жесткой по отношению к серболужицкому языку политике (что было вызвано усилением движения серболужицких крестьян) власти не принимали мер для его окончательного изгнания из церковной жизни. Были предприняты попытки ограничить влияние серболужицкого языка в церкви путем введения богослужения и на немецком языке. "Постепенно во многих местах возникло новое понятие "немецко-вендского (лужицкого) проповедника" (der deutsch-wendische Prediger)[37].

Политика уступок по отношению к серболужицкому языку со стороны правительства курфюрста Фридриха (с 1701 г. король Пруссии) была обусловлена внешнеполитическими причинами[38]. В частности, округ Коттбус, расположенный в центре маркграфства Нижняя Лужица, был предметом соперничества Саксонии и Пруссии. "В этих условиях для Пруссии многое зависело от стабилизации внутренних отношений в этом округе"[38]. Последовательно германизаторская политика Фридриха-Вильгельма I в начале XVIII в. вызвала сильное эмиграционное движение в округе. Поэтому Фридрих II вынужден был вернуться к политике уступок по отношению к серболужицкому языку, которая, однако, распространялась только на округ Коттбус. На территории маркграфства Нижняя Лужица действия властей свидетельствовали об откровенной политике ликвидации серболужицкого языка, результатом которой была внутренняя колонизация, т.е. переселение сотен серболужицких семей из маркграфства Нижняя Лужица на территорию коттбусского округа[39].

Политика уступок по отношению к серболужицкому языку со стороны властей характерна для округа Коттбус в течение почти всего XVIII в. (за исключением 1714-1740 гг., периода правления Фридриха - Вильгельма I)[40].

[37] *Mětšk Frido*. Die brandenburgisch-preussische Sorbenpolitik..., S. 97.

[38] *Шолта Я.* Указ. соч., с. 11.

[39] Активную германизаторскую политику в маркграфстве Нижняя Лужица проводила в течение 140 лет консистория в Люббене, в ведение которой в начале XIX в. перешел и округ Коттбус (см. *Mětšk Frido*. Die brandenburgisch - preussische Sorbenpolitik..., S. 101-102).

[40] Согласно мирному договору в Позене округ Коттбус был передан Наполеоном Гансу Веттину и отошел в ведение люббенской консистории, которой уже в 1812 г. были приняты меры к ограничению серболужицкого языка в шко-

Именно в этот период создаются реальные предпосылки для формирования нижнелужицкого литературного языка[41], хотя языковая ситуация в округе была достаточно сложной.

Наиболее сильными позиции серболужицкого языка были в деревне. Во всех сельских приходах сохранялось богослужение на серболужицком языке, несмотря на то, что по требованию дворянства была введена дополнительно немецкая служба. В начале XVIII в. (при Фридрихе I) начинает развиваться в серболужицкой деревне и школьное дело, одним из организаторов которого был Готлиб Фабрициус. Его деятельность впоследствии активно способствовала развитию нижнелужицкой письменности. Серболужицкий язык начинает входить в школьную практику и используется в процессе преподавания.

Основной социальной группой серболужицкого населения в городе были ремесленники, кустари. Неизбежная в городских условиях при смешанной структуре населения ассимиляция серболужичан сдерживалась до известной степени тем, что города на территории округа были окружены районами с почти сплошным серболужицким населением. Регулярный хозяйственный обмен между городским населением, в составе которого преобладали немцы, и сельским серболужицким населением был невозможен без определенного знания серболужицкого языка участвующими в этом обмене представителями немецкого городского населения[42]. Существовали также непосредственные тесные связи между серболужицкими семьями в городе и серболужицким сельским духовенством[43].

Серболужицкое городское население было двуязычным, и церковная организация способствовала тому, чтобы немецкий язык занял господствующее положение в городской церкви. Немецкий язык в XVIII в. стал единственным языком богослужения даже в предместьях, которые в Коттбусе относились к "вендской" (лужицкой) общине (Pfarrgemeinde). К немецкой общине относилось и население другого города на территории округа - Пейца.

Таким образом, в округе Коттбус XVIII в. основным носителем серболужицкого языка было сельское население, этническая плотность которого была очень велика. Серболужицкий язык в устной форме функционировал на всей сельской территории округа. В большинстве церквей на нем велось богослужение.

При общей неграмотности крестьянского населения и низком уровне образования школьных учителей принимать непосредственное участие в создании и развитии нижнелужицкой письменности могли только священники, серболужичане или

ле и церкви (см. *Mětšk Frido*. Die brandenburgisch-preussische Sorbenpolitik..., S. 102).

[41] Возникновение верхнелужицкого литературного языка относится к периоду 1668-1728 гг.

[42] *Mětšk Frido*. Die brandenburgisch-preussische Sorbenpolitik..., S. 103.

[43] *Mětšk Frido*. Die brandenburgisch-preussische Sorbenpolitik..., S. 15.

немцы, вся деятельность которых проходила в серболужицкой среде.

В большинстве случаев авторы нижнелужицких произведений этого периода были священниками в деревнях, расположенных в окрестностях Коттбуса, поэтому их письменная практика основывалась на знании диалекта, распространенного на этой части нижнелужицкой языковой территории. Расширение и закрепление их опыта привело к тому, что коттбусский диалект приобрел значение образца. Представление переводчика о коттбусском диалекте как о самом совершенном среди всех диалектов нашло отражение во вступлении Готлиба Фабрициуса к сделанному им переводу Нового завета (1709). Там он, в частности, говорит о написании букв и произношении отдельных звуков; замечая при этом, что следует руководствоваться тем диалектом, который употребляется в окрестностях Коттбуса и среди многих различных диалектов серболужицкого языка является "самым изысканным и точным"[44] ("vor den zierlichsten und accuratesten gehalten wird"). Коттбусский диалект лег в основу и перевода катехизиса М. Лютера, опубликованного Г. Фабрициусом в 1706 г.

Перевод Нового завета, подготовленный к публикации Г. Фабрициусом, в течение XVIII в. неоднократно издавался.

При подготовке перевода Г. Фабрициус, создавая систему правописания, использовал опыт М. Френцеля, осуществившего перевод Нового завета на верхнелужицкий язык (1670 г.). Подобно М. Френцелю он ориентировался на чешский и польский образцы и использовал диакритические знаки (например, впервые использовал точку как диакритический знак). Г. Фабрициус ввел определенные орфографические нормы, которые впоследствии нашли поддержку в произведениях Я.Л. Вилле, Я.Б. Фрико, И.Г. Гауптманна[45].

Первая попытка описать и дать своего рода кодификацию коттбусского диалекта относится к середине XVII в., когда 1650 г. была создана первая серболужицкая грамматика.

[44] Фрагмент перевода и введения к нему опубликованы в книге: *Schuster-Šewc Heinc*. Sorbische Sprachdenkmäler 16.-18. Jahrhunert. Bautzen, 1967, S. 363-374.

Существует мнение, что Г. Фабрициус, священник из деревни Карен (к югу от Коттбуса), сам не переводил текст, а подготовил уже существующий перевод, автор или авторы которого неизвестен. При переводе, вероятно, учитывался не только текст М. Лютера, но и греческий текст. В то же время не принимались во внимание славянские переводы библии. См.: *Jenč Rudolf*. Stawizny serbskeho pismowstwa. I dzel. Bautzen, 1954,

[45] *Schuster-Šewc H*. Sorbische Sprachdenkmäler..., S. 18. S. 168-169; *Schuster-Šewc H*. Sorbische Sprachdenkmäler..., S. 18; *Idem*. Wuwiće spisowneje rěče pola Łužiskich Serbow..., S. 32.

Ее автор, Ян Хойнан (Choinanus), происходил из нижнелужицкой деревни (Briesen, нижнелужицкое название Brjazyna), расположенной на северо-запад от Коттбуса. В течение 23 лет он был священником в Люббене (маркграфство Нижняя Лужица).

Грамматика написана на латинском языке и имеет название "Linguae Vandalicae ad dialectum districtus Cotbusiani formandae aliquis Conatus" ("Опыт создания серболужицкого языка на основе Коттбусского диалекта"). Грамматика не была напечатана, а рукописный ее оригинал не сохранился. Однако имелись ее многочисленные списки[46].

По мнению Г. Шустера-Шевца, в Грамматике Я. Хойнана дано описание коттбусско-люббенского нижнелужицкого диалекта[47].

Р. Енч отмечает[48], что названия грамматики в отдельных списках различались и, в частности, приводит такое: "Linguae Riphaticae ad artis ritus direktae et a dialectis secretae aliqualis Conatus" с переводом - "Pospyt sčinić rifatisku rěč kmanu za spisownu rěč njedźiwajo při tym na dialekty" ("Опыт создания рифатского языка, пригодного для письменности и независимого при этом от диалектов")

Вероятно, тогда очень остро ощущалась потребность в практических руководствах, фиксирующих не только особенности отдельных нижнелужицких диалектов, но также содержащих указания на частоту и условия употребления тех или иных форм. Отсутствие такого рода работ воспринималось как препятствие для развития письменности. В этом смысле интерес представляет фрагмент из грамматики Я. Хойнана[49], где автор сетует на то, что отсутствие записей диалектов (при их разнообразии и различии в серболужицком языке) дает о них искаженное представление, а "письменность... основывается только на переписке". Автор предполагает, что если бы кто-нибудь изучил эти диалекты и сравнил с диалектами другого округа, то можно было бы установить, что речь идет "о языке, подобном немецкому или греческому, пусть даже в отдельных городах и деревнях встречаются определенные различия в самых существенных чертах этого языка".

Грамматика Я. Хойнана наряду с описанием происхождения серболужицкого языка и его характера содержит изложение

---

46 *Jenč Rudolf*. Stawizny serbskeho pismowstwa..., S. 67; *Schuster-Šewc H*. Sorbische Sprachdenkmäler..., S. 318-358; *Idem*. Wuwiće spisowneje rěče pola łužiskich Serbow..., S. 31; *Hórnik M*. Jan Chójnan, jeho rukopis a delnjoserbske słowa w nim. - ČMS, 1876, S. 21-49. См. также сн. 17.

47 *Schuster-Šewc H*. Sorbische Sprachdenkmäler..., S. 15.

48 *Jenč R*. Stawizny serbskeho pismowstwa..., S. 67.

49 Некоторые фрагменты из грамматики Я. Хойнана включены в хрестоматию серболужицкой письменности XVI-XVIII вв., где латинский текст грамматики переведен на немецкий язык составителем хрестоматии (см. *Schuster-Šewc H*. Sorbische Sprachdenkmäler..., S. 318-358).

фонетических особенностей (правил произношения отдельных звуков) и морфологии, которая и является основным объектом кодификации в этой грамматике.

При установлении правил словоизменения имени существительного все существительные распределяются по трем склонениям (в зависимости от рода). Характеристика каждого из них включает общий образец парадигмы с перечнем окончаний для каждого падежа с учетом возможных вариантов, а также конкретные примеры склонения. При этом, например, в первом склонении (существительные мужского рода) в подборе примеров принимается во внимание противопоставление существительных одушевленных и неодушевленных (в В.ед., дв. и мн.), а также различие в окончаниях в зависимости от конечного согласного.

Во втором склонении (существительные женского рода) приводятся парадигмы трех существительных с разными по характеру последними согласными основы: *ta lawa* (твердый согласный), *ta basna* (мягкий согласный) и *ta koßz*. Образцы склонений сопровождаются списками слов, изменяющихся по данному типу.

При характеристике типов спряжения глаголов образец парадигмы каждого спряжения включает все формы активного залога (Generis Activi) и пассивного (Generis Passivi).

В грамматике Я. Хойнана наблюдается попытка осмысления различий в фонетическом и лексическом планах между серболужицким языком, распространенным на территории маркграфства Верхняя Лужица, и языком жителей остальной части серболужицкой языковой территории. Автор приводит некоторые из известных ему различий в верхнелужицких и нижнелужицких соответствиях одному и тому же значению, а также несколько верхнелужицко - нижнелужицких омонимов, полностью расходящихся по значению.

Отдельные замечания Я. Хойнана касаются фонетических различий, существовавших в языке сельских жителей коттбусского и люббенского округов, а также различий в образовании некоторых глагольных форм в люббенском и шторковском округах.

Один из разделов грамматики посвящен фонетическим сопоставлениям описываемого Я. Хойнаном диалекта с другими славянскими языками (например, польским и чешским).

Первая печатная нижнелужицкая грамматика появилась через сто лет после оставшейся в рукописи грамматики Я. Хойнана, в 1761 г. Это был второй опыт грамматического описания нижнелужицкого языка[50]. Его автор, Я.Б. Гауптман, немец по происхождению, получил образование в виттенбергском университете, где изучал богословие и занимался изучением ряда языков (французского, итальянского и др.). Деятельность Я.Б. Гауптмана как домашнего учителя, свя-

---

50 "Nieder-Lausitzische Wendische Grammatica das ist Möglichste Anweisung zur Erlernung der Nieder-Lausitzschen Wendischen Sprache verfertigt von M. Johann Gottlieb Hauptmann, Vitteb. Sax. Pastore in Lübbenau. Lübben, 1761.

щенника в течение значительного периода времени протекала в серболужицкой среде, на территории маркграфства Нижняя Лужица.

Созданию грамматики предшествовало знакомство ее автора с устной нижнелужицкой речью некоторых деревень (в одной из них он читал проповеди по-серболужицки). Гауптман знал также уже существовавшие произведения церковной литературы как на нижнелужицком, так и на верхнелужицком языках, верхнелужицкую грамматику Ю. Маттея, верхнелужицкий словарь А. Френцеля. Вероятно, определенное влияние оказала и хорошо известная Я.Б. Гауптману грамматика Я. Хойнана. Упоминания о ней и биографические сведения об ее авторе имеются во вступлении к грамматике Я.Б. Гауптмана. Здесь же Я.Б. Гауптман сообщает о причинах, побудивших его взяться за написание своего труда. Хорошая грамматика и словарь, по мнению автора, необходимы для изучения языка. Если они отсутствуют, то овладение языком, в частности, нижнелужицким связано с большими трудностями. "Для того, чтобы устранить эти трудности, я и написал грамматику"[51].

Изучение нижнелужицкого языка Я.Б. Гауптман считал необходимым, прежде всего, для священников, которые проповедуют среди серболужичан: "Никто не может упрекать лужичан за то, что они хотят слышать слово божье на родном языке"[52].

Грамматика Я.Б. Гауптмана значительно превосходит по своим размерам (490 страниц) грамматику Я. Хойнана. Основная ее часть состоит из трех разделов: первый (Pars orthographica) - "Как надо правильно читать и писать"; второй (Pars II etymologica) - "части речи"; третий (Pars III Syntactica) - "Как правильно соединять слова". Основным предметом описания является морфология; посвященный ей второй раздел занимает 330 страниц. Характерной чертой этого раздела является детальность описания. Так, в разделе, посвященном имени существительному, автор подробно излагает признаки, по которым каждое имя существительное относится к одному из трех родов (мужскому, женскому или среднему): он учитывает артикль, стоящий перед существительным, происхождение слова (при определении рода заимствованных существительных), его значение, окончание. Все исключения, т.е. существительные, род которых нельзя определить по общему правилу, приводятся в виде списков.

При описании склонения существительных наряду с общей схемой окончаний для каждого из трех склонений и указанием возможных вариантов в некоторых падежах автор дает специальные замечания. В них он выясняет распределение вариантов окончаний по отдельным словам и группам слов (например, окончаний *-a* и *-u* в Р.ед. существительных мужского рода; окончаний *-u* и *-e* в М.ед. существительных

[51] *Hauptmann J.G.* Op. cit., S. 8.
[52] *Hauptmann J.G.* Op. cit., S. 5.

мужского рода и др.). В первом склонении (существительные мужского рода) специально выделяется группа слов с беглым гласным и приводятся их парадигмы. При отдельных образцах склонения существительных автор дает перечень слов, изменяющихся по данному типу. Характеризуя тип изменения существительных, Я.Б. Гауптман учитывает и указывает на возможные изменения последнего согласного основы. Так, в разделе, посвященном второму склонению, перечисляются конечные согласные в основах существительных женского рода (с примерами) и называются те из них, которые изменяются перед определенными окончаниями.

Многие оценки языковых явлений в грамматиках Я. Хойнана и Я.Б. Гауптмана совпадают (например, указания на тождественность форм В.дв., мн. и Р.дв., мн. у одушевленных существительных; окончания в парадигмах склонения существительных женского рода и т.д.). Расхождения между грамматиками частично связаны с тем, что в грамматике Я.Б. Гауптмана многие языковые явления рассматриваются более детально, чем в грамматике Я. Хойнана (например, там, где указывается возможность употребления нескольких окончаний в одной падежной форме у существительных одного и того же рода). В некоторых случаях Я.Б. Гауптман выделяет такие языковые факты, которые Я. Хойнаном вообще не рассматриваются. Например, в грамматике Я.Б. Гауптмана есть особое указание на образование форм В.мн. у существительных со значением лица как обособленной от одушевленных существительных группы. Отдельно упоминаются парадигмы существительных мужского рода с основой на *-s*, *-z*, *-c*.

Некоторые различия в суждениях авторов двух грамматик объясняются отсутствием полного сходства в самих объектах их наблюдения. При оценке и отборе языковых фактов, включаемых в грамматику, Я.Б. Гауптман мог опираться не только на свой опыт изучения устной нижнелужицкой диалектной речи (в частности диалекта Люббенау, черты которого нашли отражение в грамматике), но и на знание существующих письменных нижнелужицких источников. Их он упоминает во вступительной части своей грамматики: это перевод Нового завета и катехизиса Г. Фабрициуса, катехизис в переводе Х.Г. Фабрициуса, псалмы Я.Л. Вилле. Переводы Г. Фабрициуса и Я.Л. Вилле имели одинаковую языковую основу - коттбусский диалект. Создание их предполагало известный отбор и фиксацию языковых фактов, характеризующих данный диалект. При написании грамматики Я.Б. Гауптман не мог не учитывать данные упомянутых переводов, особенно переводов Г. Фабрициуса. Некоторые положения грамматики полностью соответствуют фактам, наблюдаемым у Г. Фабрициуса. Так, например, и в грамматике, и в переводах за формой Т.ед. существительных среднего рода с расширяющейся в косвенных падежах основой закреплено окончание *-om* (Я. Хойнан приводит в этом случае два окончания - *-om* и *-im*: от существительного *zwěrje* - *zwěrješom* или *zwěrješim*, от существительного *brěmje* - только *brěmjenjom*); за формой М.ед. существительных мужского ро-

да с основой на твердый губной и зубной согласный – окончание *-e* (в списке окончаний для существительных мужского рода Я. Хойнан приводит два окончания – *-u* и *-e* в М.ед., но в образце парадигм слов *plot, plod* дает только формы с окончанием *-u*); для формы Д.ед. существительных мужского рода Я.Б. Гауптман указывает три окончания – *-u, -oj, -oju*, замечая, что окончание *-u* наиболее употребительно у существительных неодушевленных (в грамматике Я. Хойнана в списке окончаний и в образцах парадигм существительных мужского рода дается окончание *-oju*).

Грамматика Я.Б. Гауптмана содержит в виде приложения результаты изучения автором нижнелужицкой лексики: коллекцию нижнелужицких названий городов и деревень, собрание пословиц, список слов – заимствований из немецкого языка и обширный немецко-нижнелужицкий словарь.

В 1796 г. был опубликован перевод Ветхого завета, осуществленный священником Я.Б. Фрицо[53] на основе коттбусского диалекта. Он представляет, по мнению историка серболужицкой литературы[54] образец "хорошего, чистого серболужицкого языка".

В тексте перевода наблюдается ряд нововведений из области правописания: по верхнелужицкому образцу употребляется буква *ł*, буква *ȯ* обозначает нижнелужицкий звук *ȯ*, мягкость губных *b, m, p, w*, перед *a, o, u* обозначается с помощью *j*; мягкие *ś, ź* обозначаются как *ßch, ź*, твердые *š, ž* как *sch, ž*; удвоение букв, обозначающих согласные, указывает на краткость звука, с помощью буквы *h* обозначается долгота звука; все существительные пишутся с большой буквы[55].

Кроме перевода Ветхого завета Я.Б. Фрицо написал нижнелужицкую грамматику и словарь, оставшиеся в рукописи.

Появление переводов церковных текстов, авторы которых ориентировались на языковые особенности одного диалекта (коттбусского), попытки создания и применения определенной системы правописания, установление и фиксация некоторых языковых норм, в частности норм словоизменения, свидетельствуют о начале формирования нижнелужицкого литературного языка.

Развитие нижнелужицкого литературного языка связано с той частью нижнелужицкой языковой территории, где в XVIII в. сложились наиболее благоприятные условия для развития нижнелужицкой письменности, а именно, в округе Коттбус.

В XVIII в. этот округ становится центром книгопечатания и издательского дела (хотя по количеству книжной продукции он значительно уступал маркграфству Верхняя Лужица). Как отмечает Ф. Мечк[56], за период с 1706 по 1806 г. здесь вышло 27 названий (всего 45 изданий), которые разошлись в основном в пределах округа. В соседнем маркграфстве Нижняя Лужица в течение XVIII в. вышло только 10 названий (всего 16 изданий) (среди них грамматика Я.Б. Гауптмана, напечатанная в Люббенау). Характерно, что все нижнелужицкие произведения, опубликованные за пределами округа Коттбус, в языковом отношении были созданы по образцу литературы, выходившей на территории округа.

Письменный нижнелужицкий язык, создаваемый на базе коттбусского диалекта, являлся в основном языком церковной литературы; светской литературы на этом языке в XVIII в. еще не существовало. Отметим, что вступительные разделы и пояснения к нижнелужицким переводам обычно были написаны по – немецки.

Нижнелужицкая церковная литература XVIII в. свидетельствует о слабом развитии лексики (кроме церковной терминологии); наблюдается большое количество заимствований из немецкого языка; отсутствует стабильность в системах правописания, в фиксации отдельных грамматических форм, языковых явлений. Первые попытки кодификации орфографии и грамматики не получают достаточно широкого распространения, некоторые из них так и не были опубликованы.

Социальная база начинающего развиваться нижнелужицкого литературного языка была очень узка. В период XVIII в. речь идет о письменной его форме, которая создается и получает распространение, главным образом, в кругу сельской интеллигенции (священников, учителей).

Сфера функционирования этого языка также ограничена. Переводами церковной литературы пользовались в церковной жизни, в процессе школьного обучения, в домашнем обиходе (для поучений и наставлений).

Таким образом, письменная форма нижнелужицкого литературного языка в этот период обособилась от разговорного языка серболужичан и противостояла устному диалектному языку.

---

53 To Bȯźe Pissmo Starego Testamenta kȯtareź do teje ßerskeje Rȅzi, ak ße hokoło Choschobusu namakajo, jo pschestawił a dał schischczasch Johann Friedrich Frizo, Gołkojzach a Gołbiňe Farar. Choschobusu schischczane pȯdla Kuhna. 1796.

54 *Jenč Rudolf*. Stawizny serbskeho pismowstwa..., S. 172.

55 *Schuster-Šewc H*. Wuwiće spisowneje rěče..., S. 43.

56 *Mětšk Frido*. Die brandenburgisch-preussische Sorbenpolitik..., S. 110-112.

Л.Н.СМИРНОВ

О РОЛИ РЕФОРМЫ М.М.ГОДЖИ - М.ГАТТАЛЫ В ИСТОРИИ СЛОВАЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В истории литературного языка словаков особое значение имеет период с конца XVIII в. до середины XIX в. За относительно короткий срок, охватывающий примерно семьдесят лет, в Словакии, которая как часть Венгерского королевства входила в состав многонациональной Австрийской империи, произошли коренные сдвиги в экономической, общественно-политической и культурной жизни. Эти переломные годы в истории словацкого народа, когда рушился старый феодальный уклад и зарождался новый капиталистический строй, шел процесс преобразования словацкой народности в нацию, динамически развивалось национально-освободительное движение словаков, принято называть эпохой словацкого национального возрождения (1780-1848). С этой эпохой теснейшим образом связано и возникновение национального литературного языка словаков.

До конца XVIII в. словаки не имели литературного языка на основе родной речи. К этому времени в Словакии сложилась следующая языковая ситуация. В письменности использовались латынь, чешский, немецкий и венгерский языки (в Вост. Словакии спорадически применялся и польский язык). При этом следует подчеркнуть особую социальную и культурную роль чешского языка. В силу структурной близости словацким диалектам он был наиболее понятен и доступен местному словацкому населению. Это был обработанный, нормализованный язык, переживший в XVI в. пору расцвета. Естественно, что именно он оказал наибольшее влияние на развитие духовной культуры словацкой народности и сыграл важную роль в процессе формирования словацкого литературного языка[1]. Он проник в Словакию в конце XIV в., стал конкурировать с официальным языком - латынью и выполнял функцию литературно-письменного языка словаков. Правда, чешский литературный язык, применявшийся в словацкой письменности XV-XVIII вв., испытывал на себе воздействие местных словацких говоров, которые являлись основным разговорным средством общения словаков. В нем отражались специфические словацкие языковые элементы (словакизмы). Близость взаимодействующих языковых формаций облегчала постепенную "словакизацию" письменности (сначала стихийную, а потом и сознательную). В связи с развитием национально-этнического сознания в среде образованных словаков все чаще делаются попытки писать на родном языке. Важную роль при этом играли интеграционные процессы в сфере местных словацких говоров. Они вели к созданию своеобразных наддиалектных формаций (культурных интердиалектов), элементы которых также проникали в письменность[2].

В XVII-XVIII вв. в словацком обществе уже достаточно четко выявляются два разных подхода к решению вопроса о литературном языке словаков. С одной стороны, существует стремление сохранить в чистоте нормы традиционного чешского литературного языка (так называемой "библичтины"), укрепить его положение в литературно-письменной сфере. Это было наиболее типично для словацкой интеллигенции протестантского вероисповедания (у них "библичтина" была и литургическим языком). С другой стороны, обнаруживается стремление к литературно-языковой самостоятельности, к введению родного языка в литературу. Эта тенденция была определяющей в среде словаков-католиков. Так, католический священник Й.И. Байза издает в 1783 г. первый роман на словацком языке[3]. Однако этот язык еще не был нормализован и кодифицирован.

В эпоху словацкого национального возрождения языковая ситуация существенно изменилась. Сознательная деятельность патриотически настроенной словацкой интеллигенции способствовала осуществлению важных языковых реформ, приведших в конечном счете к формированию самостоятельного словацкого литературного языка. В условиях двойного национального гнета (со стороны правящих слоев немецкой и венгерской национальности) борьба словаков за право родного языка имела очень большое значение. Поэтому вопрос о литературном языке словаков занимал серьезное, порой доминирующее место, в идеологических концепциях и культурных программах словацкого национального движения того времени. Он оставался актуальным на всем протяжении эпохи национального возрождения[4]. Не вдаваясь в детали, от-

[1] *Pauliny E.* Čeština a jej význam pri rozvoji slovenského spisovného jazyka a našej národnej kultúry. - In: O vzájomných vzťahoch Čechov a Slovákov. Bratislava, 1956, s. 99-124. *Habovštiaková K.* Podiel češtiny na formovaní Bernolákovej spisovnej slovenčiny. - In: Acta Universitatis Carolinae. Slavica Pragensia, IV, 1962.

[2] Более подробный анализ развития языковой ситуации в Словакии в донациональный период см.: *Смирнов Л.Н.* Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения. - В кн.: Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978, с. 86-93.

[3] *Bajza J.I.* René Mládenca Prihodi, a Skusenosti. Stránka prwňá. W Presspurku, 1783.

[4] *Смирнов Л.Н.* Вопрос о словацком литературном языке на разных этапах национального возрождения. - В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 193-203.

метим, что в рамках этой эпохи выделяются два взаимосвязанных этапа становления словацкого литературного языка. Они представлены разными вариантами литературных норм словацкого языка. Эти варианты по имени кодификаторов - Антона Бернолака (1762-1813) и Людовита Штура (1815-1856) - называются соответственно "бернолаковщиной" и "штуровщиной". В то время, однако, еще не удалось узаконить единые нормы словацкого литературного языка, но принципиальная база для этого в виде штуровщины уже была заложена. В этом плане большое значение имеет реформа Михала Милослава Годжи (1811-1870) - Мартина Гатталы (1821-1903), завершение которой относится уже к началу 50-х годов XIX в. Она хотя и несколько выходит за хронологические рамки эпохи словацкого национального возрождения, но так же, как реформы Бернолака и Штура, неразрывно с ней связана.

Языковая реформа Бернолака явилась закономерным продолжением сознательных стремлений словаков создавать и развивать литературу на родном языке.

В первом своем труде "Филологическо-критическое рассуждение о славянских письменах" с приложением краткого наставления по словацкой орфографии[5], изданном анонимно в 1787 г., Бернолак обосновал важность и необходимость самостоятельного литературного языка словаков и дал описание орфоэпических и орфографических правил этого языка. Исходя из того, что правописание должно основываться на живом произношении, Бернолак решительно отказывается от привычного историко-этимологического принципа правописания и вводит принцип фонетический. Стремясь показать отличие словацкого языка от чешского, он излагает систему правил, приспособленных к "произношению словаков, живущих в Венгрии, а не чехов"[6]. Свои кодификаторские усилия Бернолак продолжил в работах по грамматике[7], словообразованию[8] и лексике[9] словацкого языка. В трудах Бернолака была реализована первая целостная программа по узаконению норм литературного словацкого языка[10]. Кодифицированная им система норм и правил в своей основе является системой западнословацкого типа (об этом свидетельствуют, в частности, такие признаки, как отсутствие дифтонгов, специфического среднесловацкого гласного *ä*, многие окончания имен существительных, некоторые формы местоимений, например, форма Тв.п. ед.ч. личных мест. 1 и 2 лица: *se mnú, s ťebú*, облик вокализованных предлогов типа *beze, nade, ode, we, ze* и др.). Вместе с тем, в ней нашли отражение и отдельные среднесловацкие диалектные черты (слоговые *l, r*, мягкое *l*, ряд форм в склонении имен существительных, напр., Дат.-Мест.п. ед.ч. одушевленных сущ. муж. рода *-owi: pánowi, sluhowi*, оконч. Тв.п. ед.ч. сущ. муж. рода *-om: pánom, sluhom* и некоторые другие). Главным источником для кодификации бернолаковщины послужил не тот или иной конкретный западнословацкий говор, а "западнословацкий культурный интердиалект" - особая языковая формация междиалектного и наддиалектного характера, которая складывалась в Зап. Словакии в XVI-XVIII вв. на основе взаимодействия местных словацких говоров и чешского литературного языка и применялась в среде словацкой интеллигенции. В ней, естественно, отражались многие черты предшествующей книжно-письменной традиции. Поскольку и западнословацкие говоры, и эта формация по своим строевым признакам были близки к чешскому языку, постольку и бернолаковщина оказалась таким вариантом словацкого литературного языка, который не слишком радикально отличался от чешского литературного языка.

Бернолаковщина не стала литературным языком всех словаков: она получила признание лишь в кругах католической интеллигенции. Применяясь на практике более шестидесяти лет, она выступала прежде всего как язык книжно-письменный, на котором было издано немало религиозной и светской литературы (Ю. Фандли, Ю. Палкович, Я. Голлый, М. Гамульяк, А. Оттмайер и др.). Можно сказать, что усилиями сторонников Бернолака постепенно создавалась литературно-письменная традиция на словацком языке.

Словацкие протестанты и после реформы Бернолака продолжали пользоваться традиционным чешским литературным языком. Таким образом, с появлением бернолаковщины в Словакии сложилось своеобразное литературно-письменное двуязычие: наступил период сосуществования и конкуренции чешского литературного языка и литературного языка, сформировавшегося на основе родной речи словаков. Указанное двуязычие было следствием и отражением противоречивых тенденций развития словацкого национального движения. По принадлежности к разному вероисповеданию и по своим национально-идеологическим концепциям патриотические силы словаков были разделены на два течения. Словацкие протестанты, более тесно связанные с чешской культурой, на начальном этапе национального возрождения отстаивали концепцию "чехословацкого племени" и выступали за упроче-

---

[5] Dissertatio philologico-critica de litteris Slavorum. Posonii, 1787. Орфография была опубликована также отдельно: Linguae Slavonicae per regnum Hungariae usitate compendiosa simul, et facilis orthographia. Posonii, 1787.

[6] Цит. по: Gramatické dielo Antona Bernoláka. Na vydanie pripravil a preložil Juraj Pavelek. Bratislava, 1964, s. 23.

[7] *Bernolák A.* Grammatica slavica. Posonii, 1790.

[8] *Bernolák A.* Etymologia vocum slavicarum. Tyrnaviae, 1791.

[9] *Bernolák A.* Slowár Slowenskí, Česko-Latinsko-Německo-Uherskí. I-VI. Budae, 1825-1827.

[10] О реформе Бернолака и ее значении см.: *Habovštiaková K.* Bernolákovo jazykovedné dielo. Bratislava, 1968, *Смирнов Л.Н.* О роли Антона Бернолака в истории словацкого литературного языка. - ВЯ, 1969, № 6, с. 103-113; *Он же.* Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения, с. 94-113.

ние литературно-языкового единства словаков и чехов. Словацкие католики больше акцентировали идею самобытности словаков и самостоятельности их языка. Такое разобщение словаков являлось тормозом в дальнейшем развитии национального движения. В связи с этим одной из важнейших его задач в 20-30-х годах XIX в. стала задача преодоления раскола словацких патриотических сил и, в частности, устранения противопоставленности двух течений по литературному языку. Решить эти задачи в тот период не удалось, хотя обе стороны и стремились к этому. Не случайно именно тогда предлагались разные компромиссные пути решения вопроса о литературном языке словаков. Так, например, Я. Коллар и П.Й. Шафарик, будучи сторонниками "библичтины", пытались однако обосновать и ввести в практику особый чешско-словацкий литературный язык (стиль)[11]. Эта попытка не имела успеха.

Важным этапом на пути создания единого словацкого литературного языка явилось узаконение и введение в практику нового варианта литературных норм словацкого языка, осуществленное в 40-х годах XIX в. Л. Штуром и его сторонниками (М.М. Годжой, Й.М. Гурбаном и др.). К этому времени в кругах словацкой интеллигенции протестантского вероисповедания, возглавляемой Л. Штуром, в основном уже преодолевается концепция "чехословацкого племени" и на передний план выступает идея национальной самобытности словаков. Это приводит их к осознанию того, что словацкий язык как выразитель национальной специфики словаков является отдельным, самостоятельным языком среди других славянских языков.

Деятельность штуровского поколения совпадает с кульминационным этапом словацкого национального возрождения. Она имела огромное значение в формировании национальной идеологии, в развитии словацкой культуры, в сплочении национально-патриотических сил словаков. На фоне усиления мадьяризаторских тенденций заметно активизируются выступления словаков в защиту прав родного языка.

Идея провести реформу литературного языка возникла в ближайшем окружении Штура в конце 1842 - начале 1843 г. в связи с замыслом издавать словацкую политическую газету. В феврале 1843 г. в узком кругу штуровской группы была достигнута договоренность о том, что газета будет выходить на словацком языке, а не на чешском, как предполагалось сначала. При этом имелось в виду, что это будет не бернолаковщина, а иной, более "чистый" словацкий литературный язык, сформированный на среднесловацкой диалектной основе. Окончательное решение о новом словацком литературном языке было принято в августе 1844 г. в г. Липтовский Микулаш на заседании общества "Татрин", созданного для пропаганды и издания словацкой литературы и развертывания культурно-просветительной работы среди народа. Словацкий язык стал рабочим языком общества

[11] *Смирнов Л.Н.* Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения, с. 113-124.

"Татрин", на нем велись обсуждения, протоколы и т.д. В том же году были опубликованы первые литературные произведения на этом языке. С августа 1845 г. на нем стала выходить "Словацкая национальная газета" (Slovenskje národňje novini) с литературным приложением "Орел Татранский" (Orol Tatránski). В следующем году были изданы лингвистические труды Штура, в которых дается развернутая аргументация в пользу нового словацкого литературного языка и характеризуются его нормы и правила[12]. Штур стремился доказать, что словацкий язык имеет ряд отличий от других славянских языков, в том числе и от близкородственного чешского языка, что он представляет собой "наречие особенное и самостоятельное"[13]. Наиболее полно кодификация различных уровней нового словацкого литературного языка представлена в книге Штура "Наука словацкого языка" (Nauka reči slovenskej). В ней дается детальное описание фонетики и грамматического строя штуровщины, излагаются правила орфографии и орфоэпии.

Кодифицированная Штуром система литературных норм и правил имеет ярко выраженный среднесловацкий характер[14]. При описании правил орфографии Штур, опираясь на опыт Бернолака, применил фонетический (фонологический) принцип. При этом, однако, многие его конкретные регламентации расходились с бернолаковскими прежде всего именно потому, что штуровщина создавалась на иной диалектной основе. Штур стремился закрепить в правописании особенности произношения, характерные для среднесловацкой народно-разговорной речи. Как указывает Н.А. Кондрашов, орфографическая система Штура "полностью соответствует фонетической системе среднесловацких говоров и верно отражает их наиболее существенные признаки"[15]. Среднесловацкая основа еще более отчетливо проявляется в кодифицированной Штуром фонетической и морфологической системе. Ср., в частности, такие признаки, как, наличие дифтонгов *ja, je, uo;* долгих слоговых *ŕ, ĺ; u* в формах прошедшего времени: *mau, volau, robiu* (совр. формы - *mal, volal, robil*); узаконение правила ритмического сокращения долгот, напр., *pekní, pekná, peknuo,* но *krásni, krásna, krásno* (долгота в окончании отсутствует, так как предшествующий слог долгий); многие окончания имен существительных и прилагательных, напр., окончание *-ja* или *-je* в Им. и Вин.п. ед.ч. существительных сред.р. типа *volaňja* и *volaňje, ŠŤ'est'ja* и *ŠŤ'est'je* (совр. формы - *volanie, ŠŤ'astie*), окончание Им. и Вин.п. ед.ч. прилагательных

[12] *Štúr L.* Nárečja slovenskuo alebo potreba písaňja v tomto nárečí. V Prešporku, 1846; *Idem* Nauka reči slovenskej. V Prešporku, 1846.

[13] *Štúr Ľ.* Nárečie slovenské alebo potreba písania v tomto nárečí. Turč. sv. Martin, 1943, s. 89.

[14] Детальный анализ этой системы см. в кн.: *Kondrašov N.A.* Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1974.

[15] *Kondrašov N.A.* Op. cit., s. 114.

сред.р. *-uo: dobruo, peknuo, slovenskuo* (совр. формы - *dobré, pekné, slovenské*); формы косвенных падежей прилагательных типа *dobrjeho, dobrjemu* (совр. *dobrého, dobrému*), глаголы на *-uvat': obetuvat', ukazuvat'* (совр. формы - *obetovat', ukazovat'*) и др.

Кодифицируя нормы литературного языка, Штур опирался, как он сам неоднократно подчеркивал, на "истинно словацкую", "самую чистую", правильную, широко распространенную в Средней Словакии народно-разговорную речь. И действительно, среднесловацкая основа штуровщины не вызывает сомнения. Однако, в новейшей лингвистической литературе, как правило, не усматривается непосредственная связь штуровщины с конкретным среднесловацким говором или диалектам (как это делали, например, некоторые современники Штура, утверждая, что он поднял до уровня литературного языка липтовский диалект). В настоящее время большинство ученых признает, что Штур опирался на "культурный среднесловацкий язык" (в нашей терминологии - "среднесловацкий культурный интердиалект"). Правда, пока еще не раскрыто точное содержание понятия "культурный среднесловацкий язык" (диалект, интердиалект), однако предполагается, что это был разговорный язык, принятый в среде образованных людей и применявшийся в общественно-культурной функции. Его влияние выходило за пределы Средней Словакии. Высказывается мнение, что он мог иметь и письменную фиксацию (в различных документах, в записях произведений словацкого народного творчества[16] и т.п.). Думается, что "среднесловацкий культурный интердиалект" в отличие от "западнословацкого культурного интердиалекта" был более близок к живой народно-разговорной словацкой речи, к языку словацкого фольклора и более отдален от литературно-письменной традиции на чешском языке. Это во многом определило и характерные черты штуровского литературного языка, который, естественно, в большей степени отличался от бытовавшего в Словакии чешского литературного языка, чем бернолаковщина. Реформа Штура означала важный шаг на пути демократизации литературного языка словаков.

Штур исходил из того, что кодифицированный им литературный язык будет принят всеми словаками, станет важным объединяющим фактором, способствующим консолидации словацкой нации.

Однако за признание нового словацкого литературного языка, за его практическое применение штуровцам пришлось вести долгую и напряженную борьбу[17]. Ведь штуровщина входила в жизнь в условиях конкуренции прежде всего с чешским литературным языком и бернолаковщиной. В ряде общественно-культурных сфер приходилось бороться и за вытеснение венгерского языка (особенно в школах и церквах). Между тем новый литературный язык не встретил единодушной поддержки даже в кругах словацких протестантов. Правда, большинство из них, особенно молодежь, горячо приветствовало языковую реформу и активно способствовало внедрению штуровщины в литературу. Однако некоторые протестанты - видные деятели словацкого национального возрождения (Я. Коллар, П.Й. Шафарик и др.) - осуждали этот шаг штуровцев и выступили в защиту чешского литературного языка. В среде католической интеллигенции также не было единства. Некоторые из словацких католиков поддержали штуровскую реформу. Другие, одобряя ее в принципе, считали необходимым внести изменения в правописание нового литературного языка и исправить некоторые регламентации в области морфологии, чтобы приблизить его к бернолаковскому литературному языку. Значительная часть католиков сохраняла, однако, верность бернолаковщине (даже выдвигались предложения объявить ее общенациональным литературным языком). Ясно, что в этой ситуации нужно было искать пути выработки и узаконения единых литературных норм словацкого языка. Положение осложнялось также тем, что среди самих штуровцев были расхождения по вопросу о форме словацкого литературного языка, велись дискуссии о правилах правописания, о фонетических особенностях, об отдельных грамматических формах и т.п.

Особенно активным в этом плане был М.М. Годжа, один из ближайших соратников Штура, председатель общества "Татрин". Он опубликовал ряд трудов[18], в которых горячо отстаивал принцип самостоятельного словацкого литературного языка, защищал кодифицированный Штуром литературный язык, но вместе с тем выражал несогласие с некоторыми аргументами Штура в пользу языковой реформы, с предложенной им системой правописания, а также с рядом его регламентаций в области грамматики.

Уже в первой книге "Потомок словацкий", изданной на латинском языке, Годжа выступил как реформатор словацкого правописания, основываясь при этом на этимологическом принципе. Анализируя словацкое правописание, Годжа сравнивал его с правописанием старославянским (которому он отдавал наибольшее предпочтение), чешским, русским, а также с правописанием в других славянских языках. С этой широкой славянской позиции штуровское правописание представлялось ему "ужасным монстром" (monstrum horrendum). Кроме того, свои рекомендации в области правописания (а также фонетики) Годжа излагал, опираясь в значительной мере на историю словацкого языка. Все это, естественно, порождало значительные расхождения со штуровской систе-

[16] *Pauliny E.* K prameňom štúrovskej kodifikácie. - Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatury, XII. Praha, 1968, s. 27.

[17] См. об этом: *Кондрашов Н.А.* Борьба за победу словацкого литературного языка. - Уч. зап. МОПИ им. Н.К. Крупской, т. 228. Русский язык, вып. 15, М., 1969, с. 318-328; *Смирнов Л.Н.* Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения, с. 154-157.

[18] *Hodža M.M.* Epigenes slovenicus. Leutschoviae, 1847; *Idem.* Dobruo slovo Slovákom, súcim na slovo. V Levoči, 1847; *Idem.* Vetin o slovenčině. V Levoči, 1848.

мой правописания, опирающейся на анализ современной живой речи словаков. С таких же позиций трактуются вопросы правописания и в книге Годжы "Větin o slovenčině", которая уже была опубликована в соответствии с его орфографическими регламентациями[19]. В своих предложениях Годжа затронул, в частности, несколько вопросов, по которым в то время шли ожесточенные споры. Он считал необходимым восстановить написание *y* после твердых согласных (от чего отказались Бернолак и Штур, поскольку в словацком языке *y* и *i* в произношении не различаются) напр.: *byt'* 'быть', но *bit'* 'бить', ср. также: *kmeny, národy, slovenský* и т.п. Годжа предложил также ввести написание *ä* для передачи характерного среднесловацкого звука, который Штур не признавал литературным, напр.: *pamätáme, za sebä, plemäna* и др.

Примечательно, что Годжа рассматривал *y* и *ä* как существенные славянские черты (соотнося их с русскими *и* и *я*). Своим авторитетом Годжа поддержал позицию тех, кто считал необходимым обозначать на письме мягкость *l*, напр., *l'udstvo, podl'a*. В этом пункте (как и в ряде других) его кодификация совпадала с бернолаковской, но отличалась от кодификации Штура. Отметим, что *ä* и *l'* представлены и в книге Годжи "Dobruo slovo Slovákom, súcim na slovo", в которой автор в целом еще придерживался штуровского правописания (причем в отношении *ä* у него наблюдаются колебания, ср. *pet' milliónov* и *pät' milliónov*[20]). Годжа, как и многие другие, выступил в защиту *-l* в формах прошедшего времени, напр., *bol, dal, mal* и т.п. (ср. штуровские *bou, dau, mau*). Он рекомендовал писать *-ého, -ému* ... в косвенных падежах прилагательных (вм. штуровских форм на *-jeho, -jemu*), напр.: *l'udského, slovenského, dobrého*. Некоторые из предложений Годжи не нашли закрепления в последующих кодификациях, напр., при помощи *ě* обозначать мягкость предшествующей согласной, ср.: *tělo, něho, dělí sä* и под. Не прижилась в словацком правописании графема *w* (от которой отказался Штур, но вновь ввел Годжа), ср.: *dáwnejšej, u Slovákow, w našej wlasti* (в штуровщине и в современном словацком языке везде - *v*).

Заметим, что в ряде случаев Годжа лишь утверждал написания и формы, которые раньше предлагались другими участниками дискуссий и уже встречались в литературной практике. Так, *ä* и *l'* были одобрены комиссией общества "Татрин" еще в 1846 г. Вообще споры о правописании нового словацкого литературного языка (штуровщины) велись с самого начала реформы. Это естественно: ведь нормы молодого литературного языка, не имевшего древней литературно-

[19] О роли М.М. Годжи в истории словацкого литературного языка см.: *Jóna E.* Účast' M.M. Hodžu pri formovaní spisovnej slovenčiny. - Slovenská reč, roč. 35, 1970, s. 65-68, 134-141, 199-205.

[20] *Hodža M.M.* Dobruo slovo Slovákom, súcim na slovo, s. 32-33.

письменной традиции[21], не могли сразу же стать стабильными и общепризнанными. Наибольший разнобой и колебания были именно в сфере орфографии. Сам Штур допускал возможность изменения и уточнения отдельных конкретных положений и правил. Он стремился при этом к тому, чтобы вносимые поправки и дополнения не нарушали строя словацкого языка. Большое значение придавалось в то время выработке коллективного мнения по обсуждавшимся вопросам. Штур, в частности, неоднократно подчеркивал, что изложенная им система правописания является не проявлением своеволия, а отражает установки и рекомендации общества "Татрин". Для рассмотрения и оценки книги Годжи "Потомок словацкий" на заседании членов общества "Татрин" в августе 1847 г. в Чахтицах был создан специальный комитет во главе со Штуром. В состав комитета входил тогда еще мало известный представитель католического лагеря словацкой интеллигенции, студент-теолог Мартин Гаттала. В 1848 г. он опубликовал рецензию[22] на эту книгу Годжи, поддержав в основном его исходную позицию по вопросу о словацком правописании и некоторые его конкретные предложения.

Следует подчеркнуть, что в конце 40-х годов XIX в. на завершающем этапе словацкого национального возрождения вопрос о литературном языке словаков в принципиальном отношении был решен, хотя литературному языку, кодифицированному Штуром, предстояло еще стабилизировать свои нормы и утвердиться в разных областях общественной и культурной жизни. Несмотря на разногласия и споры по проблемам орфографии и некоторым вопросам грамматической регламентации, штуровщина постепенно завоевывала определяющие позиции в литературно-письменной сфере. Большую роль в этом играли "Словацкая национальная газета", "Нитра", "Словацкое обозрение" и другие печатные органы, выходившие на словацком литературном языке. Введение штуровщины, тесно связанной с народно-разговорной речью, создало чрезвычайно благоприятные условия для развития словацкой художественной литературы. На новом литературном языке появились прекрасные поэтические и прозаические произведения (А. Сладковича, Я. Краля, С. Халупки, Я. Калинчака и др.), успешно развивалась словацкая публицистика (Й.М. Гурбан, Л. Штур), печатались научные сочинения и научно-просветительная литература для народа.

И все же существование литературно-языковой "многоголосицы": чешского литературного языка, бернолаковщины и штуровщины и их модификаций (мы здесь отвлекаемся от латыни, немецкого и венгерского языков, которые, хотя и использовались в литературе, не были, однако, столь близки словацкому национальному коллективу) продолжало оставаться серьезным препятствием на пути сотрудничества и сплo-

[21] *Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny. I, Bratislava, 1966, s. 116.

[22] Orol Tatránski, roč. III, 1848, čís. 94, s. 746-749, čís. 95, s. 753-758.

чения разных социальных групп и течений словацкого национального движения. И штуровцы, и бернолаковцы прилагали немало усилий, чтобы добиться окончательного решения вопроса о словацком литературном языке. Ради этого они шли на взаимные уступки. Объединительные тенденции возобладали и на упомянутом выше заседании общества "Татрин" в августе 1847 г. в Чахтицах. Участвующие в нем представители бернолаковского течения в сущности согласились с тем, что базой общенационального литературного языка должна быть штуровщина. Была достигнута договоренность пользоваться единым словацким литературным языком. Вопрос о правописании остался, правда, открытым, но ему уже не придавалось столь большого значения[23]. Предполагалось, что он будет решен с учетом предложений Годжи, Гатталы и др. В течение 1848-1849 гг. было опубликовано несколько книг, в которых практически уже применялось "исправленное" правописание. Однако закрепление в кодификаторских трудах это правописание получило позже, уже на новом этапе истории словацкого литературного языка.

После поражения буржуазной революции 1848-1849 гг. в развитии штуровского литературного языка наступил сложный этап. Значительно ухудшились социальные условия его функционирования, произошло заметное сокращение сфер его применения. Это было связано с новой общественно-политической ситуацией в стране. Особенно тяжелым было первое десятилетие после революции, которое по имени австрийского министра внутренних дел А. Баха называется баховским периодом. В венгерской части империи это были годы военной диктатуры. Центральные австрийские и местные венгерские власти стремились помешать дальнейшему развитию словацкого национального движения, что проявлялось и в культурной сфере. В Словакии, как и во всей монархии, государственным языком был объявлен немецкий язык. Усилились позиции венгерского языка. Наряду с этим в словацких областях по рекомендации Я. Коллара венские власти ввели так называемый "старословацкий язык" (staroslovenčina). Под этим названием выступал традиционный чешский язык, несколько модифицированный за счет ряда словацких фонетических и морфологических черт. На нем публиковались официальные распоряжения и документы, велось обучение в школах и т.п. С 1850 г. в Вене на нем стала выходить словацкая газета "Slovenské noviny", в Банской Штявнице католический журнал "Cyrill a Method" и другие издания. В том же году было опубликовано пособие по этому языку, содержащее описание орфографических и грамматических правил[24]. Оно фиксировало и ряд отклонений от норм чешского языка, кодифицируя некоторые словацкие языковые признаки, напр., приставку превосходной степени *naj-* (чеш. *nej-*): *najpěknější, najlépe, najvíce;* суф. имен сущ. *-stwo, -ctwo* (чеш. *-stwí, -ctwí*): *biskupstwo, samopanstwo, rozkolnictwo; čo, nič* (чеш. *co, nic*); *ú* на месте чешского *ou: súdce, prúd* (чеш. *soudce, proud*) и др.

[23] Slovenskje národňje novini, 1847, s. 847.

[24] *Radlinský O.* Prawopis slowenský s krátkou mluwnicí. We Wídni, 1850.

Наиболее активно "старословацкий" язык поддерживала венская группа протестантских и католических словацких деятелей. В самой Словакии были сторонники, и противники этого языка. Некоторые издания, в частности, редактируемое Й.М. Гурбаном "Словацкое обозрение", продолжали печататься на штуровском литературном языке. В отдельных католических школах еще держалась бернолаковщина. Однако этим вариантам словацкого литературного языка угрожало вытеснение из общественно-культурной сферы, в которую внедрялся чешский язык в облике "старословацкого". Поэтому словацкой патриотической интеллигенции приходилось бороться за сохранение в литературе словацкого языка.

В этих условиях с новой силой развернулись дискуссии и споры о литературном языке словаков. В рядах словацкой интеллигенции росло сопротивление против "старословацкого" языка (Й.М. Гурбан, Я. Паларик и др.). Все острее ощущалась необходимость объединения национально-патриотических сил, необходимость их сплочения на основе е д и н о г о словацкого литературного языка. Между тем установить и кодифицировать единые литературные нормы словацкого языка в тот период было очень нелегко. Словацкие книги, журналы, газеты и другие издания выходили на разных языках, даже в рамках собственно словацкой письменности трудно было выявить единый, достаточно устоявшийся литературный узус. Особенно много колебаний и непоследовательности было в орфографии. Некоторые издания неоднократно меняли свой "облик" (выходили сначала на штуровщине, потом на "старословацком" языке, затем снова на штуровщине, но уже несколько модифицированной). Однако, несмотря на это, идея объединения на платформе именно словацкого литературного языка находила все больше приверженцев. М. Гаттала, который был сторонником сохранения литературно-языкового единства чехов и словаков, в тот период считал, что штуровщина уже имеет прочные корни в словацком обществе и поэтому ее нельзя просто заменить чешским языком. Й.М. Гурбан, отмечая, что правила словацкой орфографии еще не стабилизированы и не упорядочены, в то же время указывал на какой базе они должны утверждаться. В июле 1851 г. он писал, что, если изучить замечательные языковедческие труды Штура, Годжи и Гатталы, то в них можно обнаружить опирающиеся на основы славянского языкознания словацкое правописание, которое пробивает себе дорогу в жизнь[25]. Что касается Гатталы, то, очевидно, речь шла о его сравнительной грамматике словацкого и чешского языка, изданной в 1850 г. на латинском языке[26]. В ней Гаттала изложил свое представление о фонетике и грамматическом строе словацкого языка и систему

[25] Slovenskje pohladi na vedi, umeňja a literatúru, Ďjel II, 1851, sv. I, s. 8.

[26] *Hattala M.* Grammatica linguae slovenicae, collatae cum proxime cognata bohemica. Schemnicii, 1850.

правописания, в которой были учтены и научно аргументированы некоторые предложения Годжи (Гаттала, в частности, признавал *y, ä, l'*). По ряду вопросов орфографии, фонетики и грамматики Гаттала полемизировал со Штуром, но во многих регламентациях и главное в принципиальном плане - в стремлении к единству на базе словацкого литературного языка - их позиции были сходными. Именно этим в значительной мере определяется то, что грамматика Гатталы послужила в дальнейшем реальной основой принятия единой платформы по вопросу о литературном языке словаков.

В октябре 1851 г. в Братиславе на совещании видных представителей протестантского и католического лагерей были обсуждены и утверждены единые литературные нормы словацкого языка. Было принято решение вернуться к историко-этимологическому принципу правописания. Были также одобрены конкретные поправки к штуровской кодификации в области фонетики и грамматики (главным образом предложенные Годжой и Гатталой).

Большая заслуга в кодификации единых норм словацкого литературного языка принадлежит М. Гаттале. Они были описаны в его "Краткой словацкой грамматике" (1852), которая была опубликована без указания автора[27]. Предисловие к этой грамматике подписали, документируя общность позиции по вопросу о словацком литературном языке, представители протестантов и католиков (М.М. Годжа, Й.М. Гурбан, Л. Штур, Я. Паларик, А. Радлинский и Шт. Заводник). Результаты совещания в Братиславе и выход в свет "Краткой словацкой грамматики" были с радостью и удовлетворением встречены словацкой культурной общественностью. Объединение на базе литературного словацкого языка рассматривалось как одно из самых "радостных достижений литературных и языковедческих исследований и работ"[28]. В своей грамматике Гаттала внес ряд поправок к штуровским регламентациям, учтя при этом предложения Годжи. Эти дополнения и исправления касались главным образом орфографии и в меньшей степени фонетики и грамматики: были узаконены в системе словацкого литературного языка звуки и графемы *ä, l'*, дифтонги *i̯a, i̯e, i̯u* в отличном от штуровского написании *ia, ie, iu;* было признано написание *ô* для передачи звука *uo;* четко и полно определены позиции написания *y;* в области морфологии закреплялись окончания прилагательных *-é, -ého, -ému: dobré, dobrého, dobrému* (вм. штуровских *dobruo, dobrjeho, dobrjemu*), окончание *-ov* в Род.п. мн.ч. сущ. муж.р.: *chlapov,* окончание *-a* в Им.п. мн.ч. сущ. ср.р.: *slova, dela* (с допущением вариантной формы с *-á: delá, krosná,* ср. штуровские и совр. формы *slová, delá* и т.п.), формы Зв.п. имен сущ.: *chlape, dube,* глагольные формы прош. времени *dal, robil, volal* и др. (в краткой статье нет возможности подробно охарактеризовать систему норм и правил литературного языка, узаконенную Гатталой)[29]. Кодификация Гатталы в целом не поколебала среднесловацкой основы литературного языка (хотя отдельные яркие признаки штуровщины и были редуцированы), она вобрала в себя некоторые элементы западнословацкой письменной традиции и бернолаковщины, а также чешского литературного языка. Это было обусловлено не только теоретической историко-сравнительной позицией Гатталы как лингвиста, но и его стремлением путем известного компромисса выработать приемлемые для разных сторон литературные нормы, исходя из реальной языковой ситуации. Кодифицированная им система норм и правил в основных чертах сохранилась и в современном словацком литературном языке.

Кодификация Гатталы сыграла очень важную роль в истории словацкого литературного языка. Она на длительный период определила основное направление его развития на пути превращения в действительно единый общенациональный литературный язык словаков. Имя Гатталы по праву ставится в один ряд с такими выдающимися кодификаторами литературных норм словацкого языка конца XVIII - середины XIX в., как А. Бернолак и Л. Штур[30].

---

27 Krátka mluvnica slovenská. V Prešporku, 1852.

28 Slovenskje pohladi na vedi, umeňja a literatúru. Djel II, 1851, sv. 5, s. 179.

29 Интересные наблюдения в этом плане содержит книга: Martin Hattala. 1821-1903. Zostavil a upravil Jozef Ružička. Materiál z konferencie konanej v Trstenej dňa 21. a 22. októbra 1970, 1971.

30 *Ružička J.* Nedocenený Martin Hattala. - Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica, roč. XXIII-XXIV, 1971-1972. Bratislava, 1974, s. 334.

Г.К.ВЕНЕДИКТОВ

ВОПРОСЫ НОРМАЛИЗАЦИИ БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЕ XIX в.

1. Двадцатые годы XIX в. в истории книгопечатания и литературного языка у болгар представляют значительный интерес во многих отношениях. Напомним здесь некоторые из важнейших фактов культурной истории болгар в это десятилетие, имеющих прямое отношение к собственно истории литературного языка.

В 1824 г., как известно, вышел из печати знаменитый "Букварь с различни поучения" Петра Берона (Брашов), более известный под названием "Рибен буквар" ("Рыбный букварь")[1]. Выход в свет этого букваря явился прежде всего важной вехой в истории просвещения у болгар, ибо он положил начало решительному разрыву с практикой так называемого килийного (от *килия* - школа при монастырях и церквах) обучения грамоте по церковнославянским текстам. Написанный на народном языке, лишь с небольшой примесью книжных элементов, "Рыбный букварь", хотя и не сразу, стал одной из наиболее читаемых в последующие десятилетия болгарских книг (об этом свидетельствует в частности тот факт, что с 1824 до 1862 г. он выходил из печати 6 раз) и способствовал, таким образом, развитию начальной грамоты у болгар. Он сам явился реальным подтверждением слов Берона о том, что обучение народа успешно в том случае, если оно ведется на понятном ему, родном языке.

"Рыбный букварь" Берона занимает центральное место и в истории современного болгарского литературного языка. В нем "язык народа поднят до самостоятельной литературной функции"[2]. Этим самым Берон, как подчеркивает Л. Андрейчин, "сделал огромный исторический шаг вперед в развитии нашей (т.е. болгарской. - *Г.В.*) возрожденческой литературы и нашего литературного языка"[3]. Некоторые исследователи (например, А. Теодоров-Балан) именно с "Рыбным букварем" связывают само начало истории этого языка.

[1] Такое название букварь получил потому, что на помещенных в нем иллюстрациях среди прочих животных изображены дельфин и кит. В небольшом тексте, в котором рассказывается о китах (с. 113-114), кит называется "большой рыбой".

[2] *Андрейчин Л.* Езикът на "Рибния буквар" и българският книжовен език. - Български език, год. XIV, 1964, кн. 2-3, с. 101.

[3] Там же.

Другой важный факт, имеющий прямое отношение к болгарскому языку, - выход в свет в Вене в 1822 г. столь же знаменитого, как и букварь Берона, "Додатак'а" Вука Караджича, в котором впервые был дан очерк новоболгарского языка, словарные материалы и образцы текстов на этом языке. Этим самым Караджич дал ученому миру долгожданные сведения о живом болгарском языке, показавшие значительное своеобразие его грамматической структуры среди славянских языков.

Напомним также, что на исходе 20-х годов Ю.И. Венелин своей книгой "Древние и нынешние болгаре в политическом народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам" (М., 1829) напомнил миру о забытом славянском племени - болгарах, стонущих под иноземным игом. Эта книга, а затем и другие труды Венелина сыграли большую роль в подъеме национального самосознания болгар, интереса к их прошлому и настоящему, к их языку и зарождавшейся литературе.

Названные здесь факты давно хорошо известны и упоминаются здесь только для того, чтобы лишний раз подчеркнуть их особое значение в общей истории болгарского Возрождения. Наряду с ними в 20-е годы имели место и другие события, меньшего масштаба, но чрезвычайно важные и интересные для истории болгарской культуры в целом и истории литературного языка в частности. На некоторые из них, мало известные или остававшиеся еще вне поля зрения исследователей, мы хотели бы обратить внимание в настоящей статье.

2. На 20-е годы прошлого столетия приходятся первые попытки коллективного решения некоторых вопросов формирования литературного языка, как и вообще первые опыты обоснования решений в этой области, дошедшие до нас со страниц изданий того времени или сохранившиеся в скудной переписке тех лет.

Первая попытка решения языковых вопросов совместными усилиями образованных болгар падает на середину 20-х годов и связана с деятельностью в Брашове (город в нынешней Румынии) "Филологического общества". Подробная история деятельности этого общества еще не изучена[4]. Инициатива его создания исходила, вероятно, от В. Неновича. Он намеревался составить и издать словарь и грамматику болгарского языка, но, столкнувшись с неразрешимыми для него трудностями в области грамматики и словаря, предложил в 1824 г. основать названное общество[5], в которое вошли П. Берон, И. Селиминский, А. Кипиловский, Й. Генович и др. Это общество и составляло, вероятно, ту своего рода издательскую "задругу"[6], объединившую патриотически настроенных и деятельных болгар Брашова, которые поставили

[4] *Арнаудов М.* Българското книжовно дружество в Браила. София, 1966, с. 11.

[5] Там же, с. 10.

[6] См. *Атанасов П.* Начало на българското книгопечатане. София, 1959, с. 145, 223.

целью содействовать просвещению своего народа путем издания совместными усилиями книг на болгарском языке.

Брашовские болгары предполагали развернуть большую издательскую деятельность, рассчитывая в этом и на разнообразную помощь других соотечественников. В "Рыбном букваре" П. Берона о целях брашовских болгар сказано: "Мы должны стараться, насколько это возможно, печатать много ("доста") книг на нашем языке для просвещения нашего народа, ибо уже достаточно находиться ему столько времени во мраке без учения. Даст бог, расширится усердие и ревность всех наших соплеменников и умножится учение в нашем отечестве!"[7]. Техническими исполнителями ("эпитропами") книгоиздательских планов брашовских болгар стали Й. Генович и В. Ненович[8]. В 1824 г. в их "портфеле" уже было шесть книг[9]. Известны им были и другие, еще "недописанные книги". Некоторые "любородные" болгары собирались послать для печати "болгарскую историю и другие полезные книги". Выражая, видимо, общее мнение Общества, П. Берон призывал болгар, имеющих рукописные книги, прислать их Й. Геновичу и В. Неновичу для издания, других - сочинять и переводить книги, третьих - переписать рукописные книги и послать их в Брашов или же сообщить о них Й. Геновичу и В. Неновичу, чтобы они сами их получили[10]. Как видим, члены "Филологического общества" намеревались печатать значительное количество книг на болгарском языке, предназначенных для распространения грамоты и знаний среди народа.

В программе деятельности брашовских болгар обращают на себя внимание два момента.

Во-первых, число книг по языку, подготовленных к печати. Таких было три из шести, о которых сообщается в "Рыбном букваре": 1) "Лексикон малкий на 4 язици: болгарски, гречески, влашки и российски, тъй направин, като да може всякий сам, и без даскал, да научи който язик ще от тези", 2) "Грамматическа етимология на тези 4 язици" и 3) "Грамматика болгарска"[11]. Как явствует из письма В. Неновича от 10 марта 1825 г., направленного в университетскую типографию в Будиме, объем четырехязычного "Лексикона" должен был составить 40, а "Болгарской грамматики" - 10 печатных листов в 8°. "Лексикон" в это время был уже подготовлен для печати, и В. Ненович давал в письме указания о шрифтах и верстке словарных частей, интересовался стоимостью набора. "Болгарская грамматика" находилась у В. Неновича, которую от также собирался печатать[12].

[7] *Берович П.* Буквар с различни поучения, с. 143.
[8] Там же, с. 141.
[9] Там же, с. 142.
[10] Там же, с. 143.
[11] *Берович П.* Буквар с различни поучения, с. 141.
[12] *Бур М.* Писма на книгоиздателя Васил Н. Ненович в Будапещенските архиви (1825-1826). - Известия на Института за литература, кн. XXI, 1972, с. 227-228.

Ни "Лексикон", ни "Болгарская грамматика" В. Неновича не увидели света, причиной чему были сначала, по всей вероятности, возникшие среди брашовских болгар раздоры и противоречия[13], а впоследствии, может быть, отрицательное мнение о них Ю.И. Венелина. Какими бы ни были достоинства и недостатки грамматики и словаря, подготовленных В. Неновичем, следует признать, что сам факт подготовки таких книг к печати свидетельствует о понимании ими важности словаря и грамматики болгарского языка для развития образования народа.

Во-вторых, обращает на себя внимание бесспорное признание того важного положения, что просвещение должно осуществляться на живом, народно-разговорном языке и потому книги следует печатать на таком языке, ибо в этом - "прямой путь к учению". Это положение, впервые высказанное в печати П. Бероном в предисловии к "Рыбному букварю"[14], разделяли, видимо, все или большинство членов "Филологического общества". В обращении к читателям, опубликованном в конце букваря и излагающем, как можно думать, мнение и других членов этого общества, сказано: "Очень полезно нам учиться сначала на нашем языке по правилам грамматики, а затем уже на другом языке"[15]. Там же говорится, что Й. Генович и В. Ненович, как исполнители планов общества, будут стараться, чтобы печатались книги "на нашем языке - так, как мы говорим"[16]. О народно-разговорном в своей основе языке писал и А. Кипиловский, выступавший в принципе за правописание, соответствующее тому "произношению, которое у нас, в речи каждого естественно существует", но по каким-то причинам все же следовавший на практике "славенскому правописанию"[17].

"Филологическое общество" в Брашове просуществовало недолго, вероятно, до конца марта - апреля 1825 г. Причиной его распада послужили острые споры, быстро переросшие во внутренние раздоры и нападки[18]. Особенной несдержанностью отличался А. Кипиловский, решительно требовавший принятия всеми предлагаемых им правил орфографии[19]. Возникшая вражда заставила И. Селиминского вообще отказаться от идеи создания общества в ближайшем будущем. Он счел, что время для объединения болгарских книжников и для занятия устройством литературного языка - составлением грамматики и словаря - еще не настало[20].

[13] *Бур М.* Указ. соч., с. 223.
[14] *Берович П.* Указ. соч., с. 2.
[15] Там же, с. 143.
[16] Там же, с. 142.
[17] См. его обращение "Камто любопрочитателите" в переведенной им кн.: "Священное цветообрание или сто и четыре священны истории". Будим, 1825, с. XI.
[18] *Бур М.* Указ. соч., с. 223.
[19] *Арнаудов М.* Селимински. Живот - дело - идеи. София, 1938, с. 110-111.
[20] Там же, с. 111.

Идея коллективного решения вопросов нормализации литературного языка, родившаяся в кругу "Филологического общества", вероятно, продолжала жить в умах образованных болгар и после распада этого общества. На такое предположение наталкивает следующее место из цитированного выше предисловия А. Кипиловского к книге "Священное цветообрание": "Другие некоторые любородцы, хорошо знающие ("искусни") разные европейские языки, хотят составить систему правописания и синтаксиса болгарского языка", которая избавила бы "нашу грамматику от тех законов ("канони"), которых уже не могут избежать многие просвещенные нации"[21]. Речь идет, по-видимому, об упрощении орфографии путем отказа от уже устаревших правил. Если бы А. Кипиловский имел в виду намерения этих неизвестных пока "любородцев" в рамках "Филологического общества", то он, надо полагать, написал бы об этом как о чем-то минувшем, поскольку предисловие к переводу "Священного цветообрания" было написано в августе 1825 г., уже после распада общества.

3. Первым рассуждением, хотя и весьма кратким, о принципах устройства правописания, вышедшим из-под пера болгарина и увидевшим свет, являются замечания Анастаса Кипиловского (Стояновича), изложенные им в предисловии к его переводу книги "Священное цветообрание" (1825 г.)[22]. Перевод этот, как пишет здесь сам Кипиловский, - "єдинъ двѣгодишенъ мой трꙋдъ, и первый плодъ на моето оуменное оучєнїе"[23]. Из этого следует, что непосредственно переводом "Священного цветообрания" Кипиловский занимался с 1823 г. (цитируемое предисловие датировано им 15 августа 1825 г.). Но вопросы правописания занимали его еще до того, как он приступил к переводу текста этой книги. Вот что пишет Кипиловский о своих соображениях относительно правописания (приводим соответствующие места из предисловия полностью, чтобы сделать интересные замечания Кипиловского для читателей более доступными в его собственной редакции).

"Азъ предъ да сѧ расположа въ своето си намѣренїе, - пишет Кипиловский, - почꙋвствовахъ и оныѧ трꙋдносты кой-то происходдатъ ѿ лишенїето на єднà Грамматїка, и Лексиконъ на нашїатъ ѧзыкъ, заради товà, вознамѣрилсѧ бѣхъ да оупотребѧ правописанїе естественно, каквото въ посвѧтительното Писмо сѧ вижда[24], сирѣчь, безъ да оупотребѧ подобнопроизноснитѣ словà и, ї, ы, о, ѳ, ѡ, є, е, ѣ, оу и ꙋ дѣто тїе подпадватъ въ тѧжкозапамѧтни Правописателни правила, ами щехъ да послѣдовамъ оновà произношенїе което въ насъ натꙋрально въ говоратъ секимꙋ сꙋществꙋва, ала по нѣкойси причини оупотребихъ Славенското правописанїе[25]. Азъ, за дà произнесà природното произношенїе на рѣчитѣ кàща, крàпа, гàба, сѣдà, варвà гꙋбà читà и про: приложихъ тойзи знакъ (-)ѿгорѣ надъ словàта а, и ѧ. Товà гласоꙋдаренїе, дꙋматъ ми нѣкои си чи треба да сѧ пиши сасъ различни словà, новоизмысленни, алà азъ предпочетохъ тойзи знакъ защото самъ извѣстенъ чи писамыатъ ѧзыкъ треба да различествꙋва ѿ глаголемыатъ и освень товà кога да є, нїи треба да смалѣвамы оныѧ правила, които твàрди мало способствꙋватъ за да исполнѧтъ оумàтъ на дѣцàта сасъ идеи (знанїата), а да сѧ оупразднѧвамы въ оныѧ, безъ които неможимъ да оускоримъ своето просвѣщенїе"[26]

В сноске к отмеченному выше месту предисловия Кипиловский также говорит о правописании:

"Єдинъ извѣстенъ любородецъ (имеется в виду Василий Ненович. - *Г.В.*) ѡбави преди нѣколкоси время, чи ще издаде на свѣтъ єднà єтꙋмологическа Грамматїка Болгарскагѡ ѧзыкà, и єдинъ четверо-ѧзычный Лежиконъ, ала заради моето нещастїе не сѧ напечàтаха предъ да напечàтамъ àзъ тàѧ книжка, за да сѧ воспомогна и на правильното Правописанїе, и правоглаголанїе нашегѡ ѧзыка. Дрꙋгїи нѣкоиси Любородцы, искꙋсны на различны єврѡпейски ѧзыцы, желàтъ (в тексте опечатка: лежàтъ. - *Г.В.*) да состоѧтъ єднà сꙋстема на правописанїе и сопрѧженїе болгàрскагѡ ѧзыкà, коѧто ще сѧ ѿносѧ камтò єднò памѣренїе, дѣто да можи да предѡпàзи нашата Грамматїка, ѿ оныѧ канòны, ѿ които да избѣгнатъ вѣче нимòжатъ доволны просвѧщенны Нацїоны. Ала и тїи не щè мòжатъ да содѣйствоватъ своето благонамѣренїе пò преди, освèнь когà сѧ сабꙋди Любородїето и Любочестїето на нàшитѣ Богàты, аколи Бòгъ чрезъ дрꙋго средство оуспособствова тѣхъ, тò ще воздадè нèмꙋ хвалà нàшето малолѣтство сасъ всè сèрдце"[27].

Из приведенного отрывка видно, что уже А. Кипиловский (а нет сомнений, что и другие его современники - тоже) ощущал острую потребность в грамматическом описании (грамматике) и в словаре болгарского языка и понимал важность их для книжной деятельности и развития просвещения. Он первым из болгар заявил о грамматике и словаре родного

[21] См. Камто любопрочитателите, с. XIII.

[22] Полное (титульное) название этой книги в переводе Кипиловского, набранное буквами церковнославянской азбуки, таково (здесь и всюду ниже знаки придыхания опущены): Свѧщенное цвѣтоѡбранїє илѝ стò и четырє свѧщенны історїи изъбраны изъ вєтхїатъ и новыатъ завѣтъ въ польза на ю́ношеството ѿ господина Іѡанна Гибнера присовокꙋпленны сасъ благочестивитѣ размышленїѧта, ѿ Немецкїатъ на Рѡссїйскїатъ ѧзыкъ перевèдены, а ѿ Рѡссїйскїатъ на Славено-болгàрскїатъ нàшъ ѧзыкъ перевèдены ѿ Анастàса Стоѧновича Кòтлѧнина и посвѧщенны на господина Антѡнїа Іѡанновича. Изданїе первое. Часть первàѧ. Biblische Geschichte in 2 Theile. Въ Бꙋдинъ Въ Кралèвската Оунїверсїтетска Тꙋпографїа, аѿкє. гòда.

[23] Там же, с. XI.

[24] Имеется в виду посвящение Антонию Иоанновичу, опубликованное в самом начале книги, до цитируемого здесь предисловия.

[25] К этому месту Кипиловский дает большую сноску, которую мы приводим чуть ниже в тексте.

[26] Священное цветообрание, с. XI-XIII.

[27] Священное цветообрание, с. XI-XII, сноска.

языка как о необходимой предпосылке дальнейшего совершенствования правописания и устной речи ("правоглаголание").

Очень важно также, что Кипиловский, опять же первым среди болгар, выступил за необходимость чисто фонетического правописания ("правописание естественно"), без лишних (дублетных) букв, передающих один и тот же звук. Введение такого правописания, по его мнению, облегчило бы значительно усвоение грамоты и знаний. Чрезвычайно любопытен и образец текста, где приложено такое правописание (о нем см. ниже). Кипиловский, однако, отказался от такой идеи и "по некоторым причинам употребил славенское правописание". Что это были за причины, трудно сказать. Скорее всего он сам еще не был внутренне готов к тому, чтобы решительно порвать с господствовавшей тогда в болгарской письменности и печати церковнославянской азбукой и правописанием. Нельзя исключать и того, что против чисто фонетического правописания, на котором он, вероятно, настаивал в "Филологическом обществе", выступили другие члены этого общества, и он отказался от своего намерения. Могли быть и другие причины.

Отметим также, что уже в 20-е годы среди болгар существовало мнение о нецелесообразности следования, подражания опыту создания литературных языков у "просвященных народов" во избежание трудностей, которые потом нелегко будет преодолеть.

Наконец, Кипиловский обращает внимание на обозначение звука ъ, которое, следовательно, уже в 20-е годы занимало умы пишущих болгар (подробнее об этом см. ниже).

4. Двадцатые годы XIX в. в истории болгарского литературного языка, а точнее - в истории его графики и орфографии, важны и тем, что в это десятилетие появились первые опыты издания болгарских текстов гражданской кириллицей. Все немногие ранее изданные книги ("Недельник" Софрония Врачанского, 1806; "Молитвенный крин" неизвестного автора, 1806; "Книга сия зовомая Огледало" Кирилла Пейчиновича, 1816; все пять книг Иоакима Кырчовского, 1814-1819 гг.) были напечатаны старой, церковной кириллицей. Книги церковной печати у болгар выходили в свет и позже, но уже наряду с книгами гражданской печати и с небольшим числом книг, изданных латиницей.

Принято считать, что впервые гражданскую азбуку у болгар использовал Христаки Павлович в своей книге "Аритметика или наука числителна", изданной в 1833 г. в Белграде[28]. В действительности же болгарские тексты печатались гражданской кириллицей уже в 20-е годы. Известно, что такую именно азбуку (в ее сербском варианте) использовал Вук Караджич в знаменитом "Додатак'е Санктпетербургским сравнительним рјечницима" (Вена, 1822), где помещены список 285 болгарских слов, две евангельские притчи и "Отче наш" на болгарском языке, 27 болгарских народных песен. Но "Додатак" - книга, подготовленная к изданию сербским филологом, и в ней представлен опыт использования гражданской кириллицы для передачи текстов на болгарском языке сербом, а не болгарином. Первым же болгарским текстом, который был подготовлен к печати болгарином и был издан гражданской кириллицей, была, надо полагать, "Инструкция об обязанностях сельских приказов", составленная попечителем колоний в Южной России И.Н. Инзовым и опубликованная в 1821 г. в Кишиневе на русском, болгарском и молдавском языках[29]. Как само содержание "Инструкции" (административно-правовые и хозяйственные функции сельских приказов), так и факт издания ее в Кишиневе, где, как и в прочих городах Российской империи, такого рода издания печатались в то время гражданской кириллицей, говорит о том, что болгарский текст "Инструкции" был напечатан такой же азбукой. Крайне маловероятно, чтобы один и тот же текст, изданный одновременно, был напечатан по-разному: на русском языке - гражданской, а на болгарском - церковной кириллицей. За отсутствием в нашем распоряжении экземпляра "Инструкции" с болгарским текстом[30] мы, естественно, не можем ничего сказать о составе букв и о принципах правописания, кото-

[28] Из последних работ см. об этом, например: *Андрейчин Л.* Из историята на нашето езиково строителство. София, 1977, с. 156; *Lötzsch R.* Zur Herausbildung der neubulgarischen Literatursprache. - Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte. Berlin, 1975, S. 75.

[29] Ее полное название таково: Инструкция об обязанностях сельских приказов с пояснением порядка, как должны управляться и, наблюдая за поселениями своей деревни, чего от них требовать; с сим вместе изложены для жителей правила, как вести себя и чего придерживаться для достижения благоустройства и покойной жизни. (Это название приведено в кн.: *Потоцкий С.* И.Н. Инзов. Биографический очерк. Бендеры, 1904, с. 102). В существующих библиографических описаниях болгарских книг, составленных К. Иречеком, А. Теодоровым-Баланом, В. Погореловым, М. Стояновым, указывается только начальная часть заглавия (приведенная здесь в тексте) и только на русском языке.

[30] В библиотеках Болгарии эта "Инструкция", видимо, отсутствует. Во всяком случае, историкам болгарского книгопечатания эпохи Возрождения и историкам современного болгарского литературного языка она известна только по библиографическим справочникам. Наши поиски ее в библиотеках Советского Союза пока не увенчались успехом, и мы не знаем, в какой из библиотек она еще хранится. При обсуждении этого и некоторых других рассматриваемых в настоящей статье вопросов на заседании кафедры болгарского языка Софийского университета (12 декабря 1977 г.) доц. М. Янакиев сказал, что он видел фотокопию этой "Инструкции" с болгарским текстом, напечатанным гражданской кириллицей на одной странице, и русским - на другой, у акад. С. Романского.

рым следовал здесь неизвестный болгарин-переводчик брошюры И.Н. Инзова[31].

Поскольку болгарский текст "Инструкции" пока не открыт (будем надеяться, что он не утерян безвозвратно), то первым болгарским текстом, написанным (в данном случае - и составленным) болгарином и напечатанным "гражданкой", который дошел до нас и нам известен, следует считать краткое посвящение, предпосланное А. Кипиловским (Стояновичем) к переведенной им книге "Священное цветообрание или сто и четыре священны истории, избрани от ветхиат и новиат завет" (Будин, 1825). Весь остальной текст этой книги, в том числе и обширное обращение к читателям, напечатан кириллицей церковной. В истории болгарского книгопечатания и литературного языка данное посвящение, адресованное А. Кипиловским Антонию Иоановичу, оказавшему материальную помощь в издании книги, важно как первая попытка, правда еще очень робкая, сознательного разрыва с традицией церковной печати у болгар и как первый (после перевода упомянутой выше "Инструкции") опыт использования гражданской кириллицы для типографского издания болгарином текста на родном языке, доступный для анализа современным исследователям. Так как "Священное цветообрание" - библиографическая редкость, а текст интересующего нас посвящения из этой книги не привлекал к себе еще внимания исследователей, приводим посвящение полностью и в точной орфографической передаче[32].

"Любороднейшій и Почтеннейшій
Господине Антоніе!

Теби воистина е достойно да ся посвяти и тази книжка; защо Ти като си позналъ бедноста нашего народа, и дето отъ нея пользата, самохотно си попросилъ средството кое-то усердіето на спомоществователите не бе достаточно да содействова за да ся напечата тая книжка. И ето сега наслаждавайся преизубилно въ своего благоизволеніе, кое-то и въ деломъ гледашь совершенно; а громогласните благословеніята на бедното наше юношество пріемай благосклонно, кое-то юношество като ся усвободи чрезъ Твоето человеколюбіе отъ смертната сенка, ще начени да собеседова сасъ Музите по свойственніатъ матерній нашъ языкъ. И тай като познай сичкіатъ нашъ народъ своето попредньо бедствіе, ще начинатъ богатите да последоватъ Твоите примери, а недостаточните ще молятъ Божіята Милость да укрепява Васъ въ долгоденствіе, и благополучіе. А азъ ведно сасъ прочите като благовествувамъ вашите благодеяніята, ще пребуда.

На Вашето.
Любородіе.
1825. Іулія 7 числа покорнейшій
Въ Букурестъ слуга
Анастасъ Стояновичъ".

Мы не останавливаемся здесь на особенностях приложенной здесь графики и орфографии, так как они анализируются нами в другой статье.

5. Двадцатые годы прошлого столетия открывают также и начало поисков и споров по одному частному, но для истории литературного болгарского языка важному вопросу графики и орфографии, а именно: как (какой буквой) обозначать *ъ* - характерный звук современной болгарской звуковой системы. Предшествующая этому практика письма, а в начале XIX в. и практика печати не выработала единообразного обозначения этого звука, развившегося, как известно, на месте былых *ѫ*, *ь* и *ъ*. В болгарской письменности XVIII - начала XIX в. в целом было две тенденции в обозначении звука *ъ*: одна - следование церковнославянско-русской традиции, согласно которой на месте *ѫ* писался *у* (*ꙋ*), на месте *ь* - *е*, а на месте *ъ* - *о*; другая - обозначение звука *ъ* посредством еров *ъ* и *ь* (с преобладанием обычно одного из них) и некоторых других букв, в том числе изредка и *ѫ*. Нередко в памятниках письменности наблюдается полное смешение принципов обозначения звука *ъ* (даже в одних и тех же словах). Первые печатные болгарские книги в основном следуют в этом вопросе примеру церковнославянских книг. Так, Софроний Врачанский в "Кириакодромионе" (1806 г.), отражающем "в своих основных линиях церковнославянские фонетические черты", пишет *ꙋ*, на месте *ѫ* (*кругъ, зꙋбный, рꙋкодѣліе, орꙋдіе, престꙋпленіе* и т.д.), *о* на месте *ъ* (*сонъ, дождь, возрастъ, совѣсть* и т.д.) и *е* на месте *ь* (*левъ, местъ, лестъ* и др.)[33]. Это же видим и при написании "народных слов, чуждых церковнославянскому языку": *сомванiе, топканiе, *вонкашный, *мресный, *свержа* и др.[34] В большинстве же случаев в народных ("новоболгарских словах"), как указывает К. Ничева, звук *ъ* передается буквами *а* или *ъ*, *ь*: *ѡтвраща, ѡбращамъ, порачалъ, восакъ прегърнимъ, разкъса, фърка, пъть, лъжи, жъне, въведе* и др.[35]

По-разному, видимо, передавался звук *ъ* и в мало известном в литературе "Молитвенном крине" (1806 г.), все экземпляры которого, возможно, уже безвозвратно утрачены. В тексте "Отче наш" (единственном тексте из этой кни-

[31] Кто был тот болгарин, который перевел на болгарский язык составленную И.Н. Инзовым "Инструкцию", мы не знаем. В том, что ее перевел кто-то из болгар, проживавших в Кишиневе или в одной из болгарских колоний в Бессарабии, сомнений нет. Может быть, ее перевел Михаил Кифалов (род. в Тетевене в 1783 г.), который в 20-е годы был "переводчиком Верховного совета в Кишиневе" и, по словам А. Кипиловского, в 1825 г. готовил к изданию какую-то "краткую нравоучительную книгу" (см. Священное цветообрание, с. XV).

[32] Священное цветообрание, с. 2-3.

[33] *Ничева К.* Езикът на Софониевия "Неделник" в историята на българския книжовен език. София, 1965, с. 9.

[34] *Ничева К.* Езикът на Софониевия "Неделник" в историята на българския книжовен език, с. 10.

[35] Там же.

ги, который в 1846 г. И.И. Срезневский привел в качестве образца ее языка) имеется три слова, где в соответствии с новоболгарским рефлексом ѫ и ъ выступает (точнее может выступать) звук ъ. В двух словах из трех этот звук обозначен буквой *о* - *должници, должностите*, т.е. согласно с церковнославянской традицией. В одном слове звук ъ (под ударением) обозначен буквой *а̀* - *да ба̀де*[36]. Обращает на себя внимание то, что со знаком варии в этом тексте напечатана и буква ѧ в слове *земѧ̀та*, за которой также может скрываться звук ъ под ударением после мягкого согласного. Все остальные слова в этой молитве, имеющие знак ударения, кроме этих двух, а также *каквò* имеют оксию независимо от позиции ударенного гласного, обозначаемого буквой с таким знаком ударения (ср. *ба́шта, небо́то, ца́рство* и *прiиде́, твое́, опрости́* и др.). Это наводит на мысль, что автор болгарского текста "Молитвенного крина", возможно, буквами *а̀* и *ѧ̀* (с варией) передает именно характерный болгарский звук ъ.

В книгах Й. Кырчовского, изданных в 1814-1819 гг., как и в "Киириакодромионе" Софрония Врачанского, "преобладает историческое правописание на церковнославянской основе"[37]. В соответствии с этим он на месте новоболгарского звука ъ пишет ꙋ[38] - *мꙋ́ка* (8, 12), *зꙋ́бы* (13), *рꙋ́цыте* (16), *о* - *до́лжни* (5), *пето́къ* (19), *во́л'цы* (13), *е* - *те́мнiи* (15), *ме́ртва* (17), *сме́рть* (12) и т.д. Однако, несмотря на стремление "сохранить церковнославянские орфографические правила употребления" соответствующих букв[39], Кырчовский нередко отступает от этих правил и пишет ъ на месте *о* и *е* - *глъ́тнатъ* (13), *сръ́пови* (16), *да го разсръ́ди* (10), *тръпеха* (19), *срънi* (12), *слъзи* (18), турцизм *калабалъкъ* (13, 15) и многие другие, а иногда и *а* - *пать* (8, 11).

[36] *Срезневский И.* Очерк книгопечатания в Болгарии. - "Журнал Министерства народного просвещения", 1846, ч. 51, отд. V, с. 6. - Текст "Отче наш" воспроизведен здесь И.И. Срезневским гражданской кириллицей, хотя "Молитвенный крин", как отмечает Срезневский, напечатан "церковнославянским правописанием" (Там же). А.М. Селищев как бы заново воспроизвел этот текст церковной печатью (по публикации Срезневского), но в приведенных выше словах заменил (видимо, без достаточных оснований) знак ударения - варию на оксию: *да ба́де, земѧ́та* вместо *да ба̀де, земѧ̀та* у Срезневского. (См. *Селищев А.* К изучению старопечатных болгарских книг (По поводу "Описа" проф. В. Погорелова. София, 1923). - Slavia, 1926, roč. V, seš. 2, c. 257.

[37] *Цойнска Р.* Езикът на Йоаким Кърчовски. АКД. София, 1975, с. 5; См. также: *Селищев А.* Хаджи Иоаким и язык его книг. - Македонски преглед, год. X, кн. 1-2, 1936, с. 129.

[38] Здесь приводим примеры из "Сия книга, глаголемаа Митарства", Будин, 1817.

[39] *Цойнска Р.* Указ. соч., с. 5.

В названных выше книгах, таким образом, звук ъ в тех случаях, когда автор отходил от церковнославянского правописания, обозначался по-разному, но теми же буквами, какие были в составе церковнославянской азбуки. Иначе решается этот вопрос в 20-е годы. Теперь предпринимаются уже определенные попытки обозначать звук ъ особым знаком (буквой). С предложениями обозначать этот звук самостоятельным знаком выступили в 20-е годы, один за другим, в своих книгах Петр Берон, Стоян Кипиловский и Василий Ненович. Есть все основания утверждать, что в кругу образованных болгар, оказавшихся в эти годы в Брашове и составивших там первое у болгар "Филологическое общество", вопрос обозначения звука ъ живо обсуждался и что именно разногласия по этому вопросу, переходившие в личные нападки, явились, возможно, одной из причин, приведших к сравнительно быстрому распаду этого общества. Особой непримиримостью и несдержанностью в спорах отличался Анастас Кипиловский[40].

"Филологическое общество", видимо, было единодушно в том, что звук ъ, свойственный живому языку болгар, должен войти в звуковой состав книжного языка и должен иметь свою букву, а не обозначаться на письме буквами в соответствии с правилами церковнославянского языка. Расхождения между членами этого общества касались того, какая именно буква должна быть использована для обозначения звука ъ. О существовавших разногласиях уже в то время глухо писал Анастас Кипиловский. Сообщив, что сам он решил обозначать этот звук посредством букв *ā*, *ѧ̄* (см. об этом ниже), Кипиловский далее продолжает: "Такого рода ударение ("гласоударението"), говорят мне некоторые, надо писать с разными буквами, вновь придуманными, но я предпочел этот знак" (т.е. черточку над *а* и *ѧ*)[41]. По-видимому, кто-то из брашовских болгар предлагал писать один или другой надстрочный знак и с другими буквами (может быть, даже и с *о, е, у*) для обозначения звука ъ. О том, что обозначение этого звука явилось предметом острых споров, свидетельствует и Иван Селиминский, живший в 20-е годы в Брашове. В письме В. Априлову и Н. Палаузову от 17.IX. 1840 г., т.е. спустя более 15 лет после имевших место споров, он писал, что Кипиловский "поссорился с Неновичем из-за некоторых букв, а именно из-за глухой *а* ("твърдогласната *а*"), звук которой [т.е. ъ, - *Г.В.*] он принимал, но не знак для нее: "один из них хотел писать с *а*, другой с *а́*, один с *а*, а другой с *â* или *а̀*, каждый в соответствии со своим мнением, проявляя свою неграмотность, чтобы не сказать хуже"[42]. Как увидим ниже, ни Кипиловский, ни Ненович в своих книгах, изданных через 2-3 года после описываемых Селиминским событий, не обознача-

[40] *Арнаудов М.* Българското книжовно дружество в Браила. София, 1966, с. 10.

[41] Священное цветообразие, с. XIII

[42] Библиотека "Иван Селимински", кн. XIV, София, 1931, с. 9.

ют звук ъ названными в цитируемом письме буквами. Возможно, что память подвела Селиминского, и он забыл точные детали спора между Кипиловским и Неновичем. Но возможно и другое, а именно, что первоначально, в 1823 г., когда "Филологическое общество" в Брашове только разрабатывало программу своей деятельности, а отдельные члены его приступали к переводу или составлению своих книг, ими предлагалось и такое обозначение звука ъ, о котором пишет Селиминский.

Посмотрим теперь, как на практике был решен вопрос с ъ членами брашовского "Филологического общества".

Первой книгой, изданной группой брашовских болгар, был "Рыбный букварь" Петра Берона. Звук ъ после твердого согласного Берон в нем обозначает, как правило, буквой *ă* (*а* с дужкой), заимствованной им из азбуки румынского (тогда еще - валашского) языка, а ъ после мягкого согласного - буквой *ѧ̆* (юс малый с дужкой), например: *ă* - *кăща-та* (71), *пăть* (55), *мăчны* (3), *кăсы* (3), *порастăть* (41), *свѣт-ăть* (47), *рекă* (3), *какăвъ* (3), *вăлкъ* (51), *вăттрѣ* (55) и т.д.; *ѧ̆* - *брожѧ̆* (27), *оуловѧ̆* (6), *да посолѧ̆* (58), *ще сѧ наредѧть* (9), *за да побѣдѧ̆* (44) и т.д. Но и Берон еще отдает частично дань церковнославянской традиции и пишет: *мꙋки* (2), *мꙋдри* (57), *мꙋдръ* (71), *сꙋдникъ* (77), *состоѧніе* (2), *дóлги* (5), *мóлчи* (71), *возмóжно* (47), *пéрво* (5), *пéрст-ать* (59) и т.д.

Анастас Кипиловский (Стоянович) в книге "Священное цветообрание" для обозначения звука ъ использует буквы *ā* (после твердых согласных) и *ѧ̄* (после мягких согласных). Сам он в предисловии к этой книге пишет: "Я, чтобы выразить природное произношение слов *кāща, крāпа, гāба, сѣдѧ̄, варвѧ̄, гꙋбѧ̄, читā* и др., добавил этот знак (-) сверху над буквами *а* и *ѧ*"[43]. Этими буквами обозначается звук ъ под ударением, при этом специальный знак ударения над ними отсутствует, так что эта черточка одновременно служит и как бы показателем ударенности гласного. Без ударения звук ъ обозначает Кипиловский буквами *а* и *ѧ* (без черточки). Ср.: под ударением - *да дадāть* (9), *ще бāда* (65), *пāти* (69), *да сѧ ѿпāдѧть* (64), *тлāсты* (62), *тāй* (56), *да согрѣшѧ̄* (56), *да претърпѧ̄* (55), *согрѣшѧ̄* (56), *денѧ̄ть* (61) и т.п.; без ударения - *лажá* (36), *таргóвци* (56), *да нóси нáгарби дравáта* (27), *испадúлъ* (10), *фарлúха* (55), *отмащенiе* (26), *мóга да стóрѧ* (56) и т.д.

Такое обозначение звука ъ (под ударением и без ударения) у Кипиловского, однако, не последовательно. Достаточно часто в словах с ожидаемыми *ā, ѧ̄* или *а, ѧ* мы видим буквы *ꙋ*, *о* или *е* в соответствии с церковнославянско-русской традицией, например (обычно в словах книжного происхождения): *премꙋдрость* (2), *престꙋплéніето* (7), *вдꙋхнáлъ* (3), *испóлнена* (7), *дóлженъ* (6), *кровопролúтiе* (29), *вознóсѧ сѧ* (5), *создáденъ* (3), *испéрва* (5), *твéрда* (117), *сердцáта* (5), *смéртныти* (18) и т.д. Сказанное относится

[43] См. Священное цветообрание или сто и четыре священни истории, с. XI.

к основной части "Священного цветообрания", отпечатанного церковной печатью. В небольшом же (на двух страницах) посвящении Антону Иоановичу, напечатанном гражданской кириллицей, звук ъ под ударением обозначен буквой *ä* (в двух случаях) - *тäзи* и *тäй*. Других слов, где бы выступал ъ под ударением, в этом тексте нет, за исключением, может быть, существительного *бедноста*, в членной форме которого (*-та*) в принципе тоже может выступать звук ъ. В безударных слогах здесь ъ передан буквами *а* (*ще наченатъ*, предлог *сасъ*) и, после мягкого согласного, *я* (*ще молятъ*). Но в одном случае и в этом тексте, как и в основном, Кипиловский на месте ожидаемого *ä* передает ъ под ударением с помощью буквы *у*: *ще пребуда*.

Так же как у Кипиловского, т.е. буквами *а* и *ѧ* с горизонтальными черточками (правда, не везде четко пропечатанными) над ними, передается звук ъ и в книге "Новий завет сиреч четирите евангелии на четиртях евангелиста", изданной церковной кириллицей в 1828 г. в Бухаресте, например: *ще бāде, въ ракāта, мāдра, кāщата* (31), *сѣдѧ̄ть, на земѧ̄та, въ денѧ̄* (11) и др. И в этой книге, как и в других книгах того времени, нередко встречаем отступления от такого обозначения в пользу церковнославянской традиции, т.е. написания с *ꙋ*, *о*, *е*, например, *премꙋдростьтā* (11) и под. Перевод этой книги был сделан Петром Сапуновым при участии священника Серафима. В предисловии П. Сапунов называет издание ее "плодом долгих трудов" своих и Серафима, скончавшегося еще до выхода книги в свет. Из этого следует (учитывая также, что Сапунов родился около 1800 г.), что перевод и подготовка "Нового завета" к печати осуществлялись в те же годы, когда готовились к изданию и книги Берона, Кипиловского и Неновича (о его книгах речь идет ниже), вышедшие в свет несколькими годами раньше.

Василий Ненович пошел по другому пути. Вместо модификации (с помощью надстрочных знаков) употреблявшихся в церковнославянской печати букв *а* и *ѧ*, он ввел "юс большой". В обеих его книгах - "Священная историа церковна от ветхиет и новиет завет" (Буда, 1825) и "Буквар за децата на славено-болгарскйет народ" (Буда, 1826) - "юс большой" имеет двоякое начертание: *ѫ* и *ѫ̄* (соответственно йотированные *ꙗ* и *ꙗ̄*, без соединительной горизонтальной черточки). Обычный *ѫ* встречается в книгах очень редко. Так, в "Священной истории церковной" его находим только в словах, набранных более крупными литерами, например, *сѫсъ* (на титульном листе), в заглавиях разделов - *за грѣхѫ-тъ* (5), *за потóпѫ-тъ и закóнѫ-тъ* (7). В основном же тексте, набранном более мелкими литерами, последовательно употреблена буква *ѫ̄*: *мѫ̄жь, кѫ̄ща, рѫ̄кà, сѫ̄ндѫ̄къ* (2), *бѫ̄де, хлѣбѫ̄-тъ* (32), *говóрили сѫ̄* (28), *сѫ̄мь, дѫ̄лгѡ* (14) и др. В "Букваре" *ѫ̄* также встречается только в словах, набранных более крупными литерами, например, в заглавиях разделов - *сѫнѫ̄-тъ* (31) и др. В основном же тексте и здесь регулярно встречается *ѫ̄*: *вѫ̄тре, гѫ̄рло-то*, (15), *мѫ̄ртавъ, лежѫ̄, смѫ̄тны* (31), *да свѫ̄ршѫ̄, душѫ̄* (32) и др.

Как возникла у Неновича такая идея, что непосредственно побудило его обратиться к древнеболгарской букве ѫ для обозначения характерного новоболгарского звука ъ, мы не знаем. Но мы знаем, почему он предпочел именно эту букву. Есть основания утверждать, что Ненович, во-первых, был в какой-то мере знаком с научной литературой, посвященной древнеславянской письменности, из которой он мог узнать об употреблении этой буквы в древнейших памятниках славянской письменности, и, во-вторых, он отождествлял древнее произношение "юса большого" с новоболгарским ъ. Это видно из следующего его замечания в "Священной истории церковной": "Букву ѫ имел славянский народ в древних книгах, но потом ее оставили, потому что изменили и произношение слов. Мы же и доныне сохранили такое же произношение ѫ, и потому мы нуждаемся в том, чтобы писать ее" (с. 2). Более решительно о необходимости этой буквы Ненович пишет в "Букваре": "... и мы никак не можем отказаться от нее" (с. 15). Наличие буквы ѫ в древнейших памятниках славянской письменности и сохранение болгарами такого произношения обозначаемого ею звука, какое было свойственно древним славянам, - вот веские основания, которые заставили Неновича использовать "юс большой" для передачи в печатном тексте новоболгарского звука ъ. Отметим попутно, что, собственно говоря, эти же аргументы в пользу введения в новоболгарскую печать этой буквы приводились и позже, уже в 40-50-е годы, когда вопрос обозначения звука ъ приобрел исключительную остроту в спорах вокруг нормализации болгарского литературного языка.

Возможно, что в целесообразности использования "юса большого" убедил Неновича и тот факт, что эта буква для обозначения звука ъ употреблялась и в памятниках новоболгарской письменности, с которыми он также мог быть знаком. Как известно, эта буква встречается, например, в дамаскинах - Тихонравовском (XVII в.)[44], Троянском (XVII в.)[45], Свиштовском (1753 г.)[46].

Из писем В. Неновича, связанных с подготовкой к печати указанных выше книг, видно, что к мысли об использовании ѫ он пришел не сразу. Первоначально звук ъ он обозначал буквами ă и ă̈, т.е. так же, как обозначает их П. Берон в "Рыбном букваре". Но, видимо, вскоре Ненович передумал и вместо них стал писать ă̈ и ă̈. Отметим, что и в первом и во втором случае он, кроме дужки и точки, ставил еще и знак ударения в тех случаях, когда звук ъ находился в позиции под ударением. В письме от 25.III. 1825 г. в дирекцию Университетской типографии в Буде, где уже печаталась его "Священная история церковная", он просит отлить особые литеры, необходимые для набора "всех книг", которые будут печататься, и заменить ими ă и ă̈ в уже посланных в типографию листах. "Кроме того, - пишет Ненович, - в большом числе слов встречаются буквы *а* и ѧ с надстрочными знаками ("mit den Accent") ˘, ˘´, ˘̀, а именно ă, ă̈, ѧ, ѧ̈, на месте которых я прошу отлить и набрать буквы: ä, ä̈, ä̀, ä̈̀, ä̈́, ä̈̀" [47]. Но очень скоро Ненович вновь меняет способ передачи звука ъ, введя теперь уже ѫ и ꙗѫ. В письме от 25.IV. 1825 г. в ту же дирекцию он впервые (в сохранившихся письмах) называет уже эти буквы. Вместе с этим письмом Ненович послал в типографию "совсем новую рукопись краткой истории" с указаниями о том, как ее следует печатать. Говоря о "разделительных знаках" (дефисах) при членных формах, он в числе последних называет и -ѫтъ, а несколько ниже пишет следующее: "Поскольку кроме обычного ѫ встречается реже в середине и чаще в конце слова также и ѫ в виде ꙗѫ, со стоящим перед ним ꙗ, я прошу, ввиду произношения этой буквы, отлить ее слитно (с ꙗ)" [48]. То, что ѫ (ꙗѫ) Ненович предлагал взамен букв ä и ä̈, о которых речь шла выше, видно из его письма от 29.V. 1825 г., адресованном двоюродному брату Павлу Неновичу, его дове-

[44] *Демина Е.И.* Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. [Т. 2]. Исследование и текст. София, 1971, с. 25.

[45] *Иванова А.* Троянски дамаскин. Български паметник от XVII век. София, 1967, см. в словаре-указателе: *денѫ́, донесѫ́, женѫ́та, иглѫ́, и́дѫ, сѫ́бота* и многие другие.

[46] *Милетич Л.* Свищовски дамаскин. Новобългарски паметник от XVIII в. София, 1923, с. 84.

[47] *Бур М.* Указ. соч., с. 234. - В воспроизведении надстрочных знаков в цитируемой публикации оказались неточности. В болгарском переводе этого письма читаем: "...буквы *а* и ѧ с надстрочными ˘, ˘´, ˘̀, а именно ă, ắ, ѧ̆, ѧ̆́, в таком случае прошу отлить их и набрать так: ä, ä́, ä̀, ä̈, ä̈́, ä̈̀" (там же, с. 231). Очевидно, что Ненович различал здесь знаки с оксией и варией. Об этом можно судить и по его примечанию (к сожалению, тоже неточно воспроизведенному в публикации на немецком языке и в болгарском переводе) в конце этого же письма, в котором он просит корректора типографии внести в печатавшуюся там "Священную историю церковную", в числе прочих и такие исправления (или изменения): "Вместо ắ, ѧ̆́, которые стоят только в середине слов, следует набрать ä́, ä́. Вместо ắ, ѧ̆́, которые стоят только в конце слов, следует набрать ä́, ä́" (там же, с. 233). Согласно немецкому тексту этого же примечания, Ненович предлагает заменить ắ, ѧ̆́ в середине слов на ä̀, ä̀, а ắ, ѧ̆́ в конце слов - на ä́, ä́ (там же, с. 235-236). Из такого запутанного и противоречивого воспроизведения надстрочных знаков все же можно заключить, что эти указания касаются замены разных знаков (с разными ударениями) в середине и в конце слов. Имея в виду орфографическую практику того времени, мы и полагаем, что для обозначения звука ъ в середине слов Ненович предлагал сначала ắ, ѧ̆́, а затем ä́, ä́ с оксией, а для ъ в конце слов, - эти же буквы с варией, причем во втором случае знаком ударения он заменял правую точку (с целью, надо полагать, упрощения надстрочной части литеры).

[48] *Бур М.* Указ. соч., с. 236, 237.

ренному лицу в сношениях с типографией, где он поясняет, как отличить ранее посланные листы, которые необходимо взять из типографии, от листов более поздних, которые необходимо печатать. "Чтобы Вы знали, - пишет он, - какие бумаги первые, что Ваша милость передала (ранее в типографию. - *Г.В.*), говорю Вам, что это те, которые имеют *а* со знаками над словами, т.е. так: *ă, ắ, ằ* или так: *ẵ, ẵ, ằ* и *ẵ́, ẵ̀* ... Более поздние - с ѫ и ѭ (не как выше названные, со знаком над *а*); эти более поздние, следовательно, пусть останутся, как образцы словарей, так и образцы "Священной истории"[49]. Типография обещала изготовить литеры ѫ и ѭ и набрать их в печатавшейся уже там "Священной истории", но обещания своего не исполнила, и эта книга вышла не с ѫ и ѭ, а с ѧ̃ и ꙗ̃.

В середине августа 1825 г. В. Ненович послал П. Неновичу "Букварь" с просьбой показать его в типографии и узнать, во сколько обойдется его печатание[50]. К этому времени он уже, видимо, окончательно убедился в необходимости использования ѫ и ѭ и настойчиво добивался того, чтобы букварь был напечатан с этими буквами. В письме от 28.IX. 1825 г. он пишет П. Неновичу: "Если примут Букварь в типографию, скажите, чтобы отлили заново эти буквы ѫ, ѭ ..., о чем я им писал и что они обещали сделать, но не сделали, а в истории (т.е. в "Священной истории церковной". - *Г.В.*) набрали другие буквы валашские. Такие буквы валашские не нужны в Букваре"[51]. В последующих письмах и к П. Неновичу и в типографию В. Ненович неоднократно пишет о необходимости изготовить ѫ и ѭ вместо ѫ, ꙗ̃. В письме от 2.XII. 1825 г. он специально подчеркивает, что ему нужны литеры ѫ, ѭ, а не ѧ̃. Он пишет: "Ожидаю от уважаемой дирекции ответа через почтенного Павла С. Неновича, могут ли быть отлиты эти буквы ѫ (не так: ѧ̃) и ѭ"[52]. По-видимому, в начале января 1826 г. вопрос о требуемых юсах в типографии был решен положительно. В начале апреля П. Ненович уже держал последнюю корректуру "Букваря", а в самом конце апреля или начале мая (не позднее 7 мая 1826 г.) "Букварь" Неновича вышел в свет[53], но ... не с ѫ, ѭ, а с ѧ̃, ꙗ̃. Увидев это, Ненович был очень огорчен. В письме П. Неновичу от 22.VI. 1826 г. он с огорчением констатирует, что "буквари вышли

[49] *Бур М.* Указ. соч., с. 239, 241. - И в этом письме - в болгарском переводе и в оригинале на греческом языке - надстрочные знаки воспроизведены неточно. Отметим также, что в болгарском тексте вместо ѫ, указанного в греческом оригинале и соответствующего смыслу этой части письма, по недосмотру напечатано ѧ.

[50] *Бур М.* Указ. соч., с. 249.

[51] Там же, с. 251.

[52] Там же, с. 259. - В болгарском переводе этого письма буква ѫ, отчетливо видимая на факсимиле немецкого текста, передана неправильно: в виде знака ѧ̃ (с. 257).

[53] См. письмо В. Неновича от 6/18.V. 1826 г. (Там же, с. 273).

не такими, как мы хотели, т.е. с нужными буквами (ѫ, ѭ. - *Г.В.*), которые я просил сделать и которые сделать они обещали, а напечатали без них"[54].

Так, вопреки желанию Н. Неновича, и в "Священной истории церковной" и в "Букваре" оказался не обычный "юс большой" - ѫ (ѭ), а ѫ (ꙗ). Причина этого заключается, по-видимому, в том, что Университетская типография уже располагала необходимым количеством литер ѫ (ꙗ) и не захотела специально для книг Неновича отливать другую, похожую литеру. И все же, как сказано выше, в редких случаях в его книгах встречаются слова и с обычным ѫ. Именно в таком начертании "юс большой" закрепился позже в новоболгарской печати (церковной и гражданской) и употреблялася вплоть до последней орфографической реформы 1945 г.

Таковы первые опыты обозначения характерного болгарского звука *ъ* в болгарской печати начала XIX в. Мы остановились на них подробнее потому, что это были первые опыты разрешения, как потом оказалось, очень трудного вопроса. Они послужили началом долгой и насыщенной острыми спорами истории нормализации болгарской графики и орфографии в эпоху формирования современного литературного языка болгар.

[54] *Бур М.* Указ. соч., с. 275.

К.И.ЛОГАЧЕВ

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАЗВИТИЯ НОВОГРЕЧЕСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НА КОНЕЦ 1970-х ГОДОВ

В историю новогреческого литературного языка 1976 год войдет как год, когда из двух конкурировавших в течение длительного времени новогреческих письменных языков - кафаревусы и димотики - последний начал превращаться в единственный письменный язык для всех сфер общественной жизни в Греции. Иными словами, в этом году начала ликвидироваться так называемая "искусственная диглоссия" в грекоязычном обществе.

Считается, что греческая "искусственная диглоссия" была порождена в начале нашей эры аттикизмом (литературным течением, суть которого заключалась прежде всего в подражании языку и стилю классических авторов V-IV вв. до н.э., использовавших аттический диалект)[1]. Нужно сразу же отметить, что исследователи истории греческих письменных языков, работавшие в конце прошедшего и в нынешнем столетии, очень часто склонны были смотреть на явления прошлого глазами своего времени и нередко упускали из виду следующее важное обстоятельство: греческая "искусственная диглоссия" на протяжении веков эволюционировала не только с точки зрения самой своей сущности, но и с точки зрения отношения к ней лиц, писавших по-гречески. Так, если для "искусственной диглоссии" II-IV вв. были характерны прежде всего лексические различия между сосуществовавшими греческими письменными языками, то для "искусственной диглоссии" 1950-1970-х гг. были характерны главным образом грамматические различия между кафаревусой и димотики; если факт сосуществования нескольких греческих письменных языков до XVIII в. (до эпохи греческого Просветительства) считался чем-то вполне естественным, то начиная с этого столетия среди греческих авторов разворачивается активная борьба за письменную "моноглоссию".

Борьба за письменную "моноглоссию" в грекоязычном обществе, продолжавшаяся почти двести лет, также не оставалась на протяжении этого времени однообразной. Она неоднократно меняла и свою силу, и свою направленность.

Первый период этой борьбы (конец XVIII - начало XIX вв.), когда языковая полемика была очень острой, сменился после создания в 1830 г. новогреческого государства периодом затишья в языковых спорах. Почти все деятели культуры каподистриевскооттоновской Греции встали на ту точку зрения, что в недалеком будущем "язык древних греков и их, греков нового времени, будет одним и тем же; грамматика древних греков и их будет одной и той же"[2]. Соответственно древнегреческий язык министерством церковных дел и народного образования официально рассматривался в XIX в. как "фундамент" всего учебного курса, а школьный новогреческий язык должен был следовать за "постепенно идущим вперед" (то есть все более приближающимся к древнегреческому) языком греческих ученых[3].

Но к концу XIX в. стало ясно, что подобная программа является неосуществимой. Поэтому с 1880-х годов (точнее - с 1884 г., когда Д. Вернардакис опубликовал свою работу "Опровержение лжеаттикизма") языковая борьба в Греции вновь обострилась. В своих языковых симпатиях греческое общество разделилось в основном на два лагеря, представители одного из которых видели выход из создавшегося положения в осуществлении программы, предложенной Г. Хадзидакисом, представители же второго - в осуществлении программы, предложенной Я. Психарисом[4].

Программа Г. Хадзидакиса, изложенная им впервые в 1883 г.[5], предусматривала компромисс между верностью языковым традициям и нуждами времени, который должен был выразиться в принятии для повсеместного употребления в общественной жизни греков новогреческого письменного языка, сочетающего в себе некоторые строевые особенности, свойственные новейшей стадии развития устного греческого языка, с падежными и личными окончаниями, графически соответствующими древнегреческому образцу, и лексикой, почти полностью заимствованной из древнегреческого языка или сконструированной по древнегреческим моделям. Защищавшийся Г. Хадзидакисом письменный язык был кафаревусой в ее умеренной форме.

Программа Я. Психариса, в развернутом виде опубликованная им впервые в 1886 г.[6], предусматривала почти полный разрыв с письменной традицией. Я. Психарис требовал принять в качестве общегреческого сконструированный им самим по "новогреческому народному образцу" письменный язык. Он полагал, что к концу XIX в. в Греции существовали три точки зрения на проблему общегреческого письменного языка: сторонники первой, очень многочисленные, исходили из того, что "греческий язык не изменился за две тысячи лет"; сторонники второй, составляющие меньшинство, считали необходимым употреблять "только формы

[1] Τριανταφυθλλίδης Μ.Α. Νεοελληνική γραμματική, Ι, Ἀθήνα, 1938, σ. 16-18

[2] Σοῦτσος Π. Νέα σχολή τοῦ γραφομένου λόγου, Ἀθῆναι, 1853, σ. 10.

[3] Ἐκκλησιαστικά καί ἐκπαιδευτικά... ἐκδοθέντα ὑπό Π.Ἰ. Κλάδου, Ἀθῆναι, 1860, σ. 472.

[4] Подробнее об этих двух ученых см.: *Логачев К.И.* Проблема новогреческого литературного языка в постановке основоположников новогреческого языкознания - ВЯ, 1973, № 3, с. 105-113.

[5] Χατζιδάκης Γ. Διατί δέν καλλιεργοῦσιν οι νέοι Ἕλληνες τήν δημώδη ἑλληνικήν γλῶσσαν (Ἑστία, 1883, σ. 390-394, 423-426).

[6] *Psichari J.* Essais de grammaire historique néo-grecque, I. Paris, 1886.

и слова, известные народу и употребляемые им"; представляющие значительную часть пишущих по-гречески сторонники третьей мечтали о компромиссе, форма которого еще не была найдена. Сам Я. Психарис отвергал и первую точку зрения (обоснованно считая ее совершенно ненаучной), и какие-либо компромиссы, и считал необходимым избегать "всякого оборота, всякого словоизменения, даже всякого синтаксиса, которые не свойственны разговорному или народному языку"[7]. Нужно, утверждал он, признать, что литературный греческий язык "находится ныне в таком же положении, в каком находятся все литературные языки при своем возникновении"[8]. При этом за исходным материалом для формирования новогреческого литературного языка, по его мнению, необходимо идти "в деревню"[9]. Я. Психарис не отрицал, что любой народный язык нуждается в обработке, чтобы стать "филологическим" языком[10], но путь такой обработки видел лишь в выравнивании по аналогии исходя из наиболее "народных" образцов[11]. Таким образом, пропагандировавшийся Я. Психарисом письменный язык был димотики в ее крайней форме.

В Греции программа Я. Психариса нашла много сторонников, так как идеи этого ученого гармонировали с идеями начавшегося в конце XIX в. широкого движения за модернизацию греческой культуры и греческого образования. Однако сторонники архаизированного общегреческого письменного языка (кафаревусиане) были еще очень сильны и сумели в 1911 г. добиться внесения в конституцию Греции статьи, объявляющей защищаемый ими язык официальным языком государства. Тем не менее сторонники общегреческого письменного языка на народной основе (димотикисты) не сложили оружия и активная борьба двух лагерей продолжалась вплоть до самого последнего времени.

В процессе этой борьбы эволюционировали как взгляды кафаревусиан, так и взгляды димотикистов. Так, кафаревусиане признали, что защищаемый ими письменный язык не может иметь универсального применения и что лишь письменный язык на народной основе может быть языком современных греческих прозы, поэзии, театра. С другой стороны после Первой мировой войны димотикисты отказались от одного из главных требований Я. Психариса - полностью исключить влияние архаизированных письменных языков на "народный" письменный язык - и трансформировали ранний крайний димотикизм в компромиссный неодимотикизм.

Уже в 1920-х гг. Я. Психарис публично осуждал тогдашних ведущих греческих димотикистов (и среди них - выдающегося греческого языковеда XX века М.А. Триандафилидиса[12]) за то, что "они не смогли подняться выше концепции мешаного, компромиссного греческого языка"[13]. Но внедрения именно компромиссного языка продолжали и после этого добиваться в большинстве своем сторонники общегреческого письменного языка на народной основе. Когда поддерживавший "народный язык" диктатор И. Метаксас (занимавший одновременно с постом премьер-министра пост министра культов и просвещения) создал 14 декабря 1938 г. специальный комитет из ведущих димотикистов во главе с М.А. Триандафилидисом для подготовки официальной грамматики (которой работникам просвещения надлежало руководствоваться в преподавании и которая должна была стать пособием для составителей учебников и справочников), итогом работы этого комитета явилась опубликованная в 1941 г. "Новогреческая грамматика (димотики)"[14], предписывавшая для "нового койнэ" нормы, в ряде случаев отходящие от норм, предлагавшихся Я. Психарисом, в сторону сближения с нормами архаизированных новогреческих письменных языков. Так, например, в § 560 и 566 Грамматика 1941 г. давала сближенные с парадигмами простой кафаревусы парадигмы "древнесклоняемых" имен, отвергавшиеся Я. Психарисом. В § 844 сл. Грамматика 1941 г. давала глагольные парадигмы, отдельные компоненты которых, отличаясь от соответствующих компонентов в глагольных парадигмах, предписывавшихся Я. Психарисом, были либо прямо взяты из глагольных парадигм простой кафаревусы (например, в наст. вр. изъяв. накл. страд. зал.), либо сближены с компонентами этих последних (например, в прош. несов. вр. изъяв. накл. страд. зал.)[15]. Все это являлось результатом сознательных установок составителей Грамматики 1941 г. Обрабатывая свою исходную основу (которой, по их собственным словам, были учебные материалы, опубликованные министерством просвещения Греции в конце 1910-х - начале 1920-х гг., после реформы 1917 г., предусматривавшей изучение "общеразговорного (народного) языка" в начальной школе[16]), они с одной стороны не отказывались предписывать "архаизмы" в фонетике и морфологии, если считали эти "архаизмы" органически входящими в "общий язык", а с другой стороны сохраняли по преимуществу орфографию архаизированных новогреческих письменных языков[17]. Поэтому один

---

7 *Psichari J.* Essais, I, p. 274.

8 Там же, с. XXII.

9 Ψυχάρης, Τό Ταξίδι μου. Ἀθήνα, 1971, σ. 124.

10 Ψυχάρης. Μεγάλη ρωμαϊκή επιστημονική γραμματική, I. Ἀθῆναι, 1929, σ. 98.

11 *Psichari J.* Essais, I, p. 282-284; Ψυχάρης, Μεγάλη... γραμματική, I, σ. 16.

12 Подробнее о М.А. Триандафилидисе и его трудах см.: *Логачев К.И.* О лингвистических работах М.А. Триандафилидиса. - ВЯ, 1971, № 5, с. 118-122.

13 *Psichari J.* Un pays qui ne veut pas de sa langue (*Psichari J.* Quelques travaux de linguistique, de philologie et de littérature helléniques 1884-1928, I. Paris, 1930), p. 1331.

14 Νεοελληνική γραμματική (τῆς δημοτικῆς), Ἀθῆναι, 1941.

15 Подробнее о языковых нормах Грамматики 1941 г. в сопоставлении с нормами простой кафаревусы см. *Логачев К.И.* Языковая реальность в современной Греции (лингвистические аспекты). - В кн.: Лингвистические исследования 1972, ч. I. М., 1973, с. 364-392.

16 Νεοελληνική γραμματική, 1941, σ. ιζ'-ιη'.

17 Там же, σσ.,ιη', κβ'-κς'.

из рецензентов Грамматики 1941 г. считал, что она является всего лишь улучшением опубликованной десятью годами раньше грамматики "мешаного" языка[18].

В 1949 г. увидело свет первое издание составленной М.А. Триандафилидисом (на основе Грамматики 1941 г.) "Малой новогреческой грамматики"[19], предписывавшей те же самые языковые нормы, которые выработал Комитет 1938 г. Начиная с 1950-х гг. "Малая новогреческая грамматика" (переиздававшаяся в 1965 и 1975 гг.) стала основным оружием большинства греческих димотикистов.

Греческим димотикистам, однако, не сразу удалось внедрить языковые нормы "Малой новогреческой грамматики" во все сферы общественной жизни, и прежде всего в греческую школу. Целый ряд событий, произошедших в Греции после того, как была завершена работа Комитета 1938 г. (смерть И. Метаксаса в 1941 г., оккупация 1941-1944 гг., гражданская война 1946-1949 гг.), сделали намечавшееся внедрение "народного языка" в сферу образования невозможным. Предоставление в системе образования "народному языку" равных с простой кафаревусой прав предусматривалось законом N.Δ. 4379, изданным в 1964 г., но закон A.N. 129/67 от 5 сентября 1967 г. лишал димотики равноправия с традиционным архаизированным письменным языком. Привилегированное положение архаизированного письменного языка в греческом обществе охраняли "языковые статьи" конституций 1952 и 1968 гг.

Положение радикально изменилось после прихода к власти в 1974 г. правительства К. Караманлиса. Принятая 1975 г. новая греческая конституция "языковой статьи" уже не имела. 27 января 1976 г. на совещании, проводившемся под председательством К. Караманлиса в министерстве просвещения, было решено ввести "народный язык" во всех учебных заведениях в качестве единственного обязательно изучаемого новогреческого языка. В апреле 1976 г. закон о реформе системы общего образования, предусматривающий, в частности, и димотикистскую языковую реформу в греческой школе, был принят греческим парламентом. В том же году, для практического осуществления языковой реформы была на основе "Малой новогреческой грамматики" М.А. Триандафилидиса подготовлена и опубликована "Новогреческая грамматика" как главное пособие по новогреческому языку для обучающих и обучаемых[20]. "Новогреческая грамматика" 1976 г. (ниже - NГ) имеет ряд отличий от "Малой новогреческой грамматики" 1949 г. (ниже - MNГ). Переработка "Малой новогреческой грамматики" была вызвана тем, что греческое правительство считало необходимым вводить предлагавшиеся М.А. Триандафилидисом языковые нормы, лишь очистив их предварительно от "крайностей и диалектизмов"[21].

[18] Ср. Μεσεβρινός, Η προδομένη γλώσσα, Λευκωσία/Lund, 1973, σ. 283.

[19] Τριανταφυλλίδης Μ. Α. Μικρή νεοελληνική γραμματική, Αθήνα, 1949.

[20] Νεοελληνική γραμματική, Αθῆναι, 1976.

[21] "Ἑλληνικός Βορρᾶς", 8 Απριλίου 1976, σ. 7.

Сопоставляя NГ с MNГ можно прежде всего отметить в первой некоторые орфографические упрощения по сравнению со второй. Так, NГ в § 30 предписывает употреблять два знака ударения, в то время как MNГ в § 51 предписывала употреблять три таких знака; NГ в § 235, 238-245, 249-251 не предусматривает особой орфографии окончаний так называемого "зависимого наклонения", в то время как MNГ в § 658, 662-669, 679-681 такую орфографию предусматривала.

Далее, в NГ можно отметить попытки внедрить отдельные более "народные", чем в MNГ, формы. Так, MNГ в § 466 для прилагательных типа βαθύς "глубокий" давала в род. пад. ед.ч. муж.р. лишь "невыровненные", "староподобные" формы (βαθιοῦ), а NГ в § 176 уже предлагает для род. пад. ед.ч. муж.р. таких прилагательных "выровненные", более "народные" формы (βαθῦ), правда лишь в качестве вариантов к формам "невыровненным". В случаях "диплотипии" NГ иногда ставит на первое место более "народные" формы, в то время как MNГ ставила на первое место более "староподобные" формы (например, если для 1 л. мн.ч. наст. вр. изъяв. накл. действ. зал. от глаголов обоих спряжений MNГ в § 658, 662, 664, 666, 668, 679 давала в качестве первых более "староподобные" формы на -ομε/-ωμε, за которыми следовали более "народные" формы на -ουμε, то NГ в § 235, 238, 240, 242, 244, 249 в качестве первых дает формы на -ουμε, а следующие за ними формы на -ομε иногда помещает в скобки).

Однако этим шаги NГ в направлении к большему, чем в MNГ, приближению своих норм к народной основе и ограничиваются. Наиболее показательными для NГ оказываются те ее отличия от MNГ, которые имеют противоположный характер - отличия, позволяющие утверждать, что нормы NГ более близки к нормам архаизированных новогреческих письменных языков, чем нормы MNГ. Так, если MNГ в § 376 разрешала для существительных типа πραματευτής "разносчик" употреблять две разновидности множественного числа - πραματευτάδες и πραματευτές, то NГ в § 138 предписывает уже употреблять лишь вторую разновидность, более "староподобную" по сравнению с более "народной" первой разновидностью. MNГ в § 401 давала для существительных типа σκέψη "мысль" в качестве нормированных форм род. пад. ед.ч. только формы типа σκέψης (хотя в § 402 и указывалось на возможность употребления форм типа σκέψεως в качестве форм род. пад. ед.ч. таких существительных), а NГ в § 147 уже включает "староподобные" формы типа σκέψεως наряду с "народными" формами типа σκέψης в нормативную парадигму существительных типа σκέψη. MNГ в § 407 в качестве первой разновидности множественного числа для существительных женского рода на -ος давала разновидность на -ες, в качестве второй - разновидность на -ου, в то время как NГ в § 149 в качестве первой разновидности множественного числа для существительных женского рода на -ος дает "староподобную" разновидность на -ου, а "народную" разновидность множественного числа таких существительных, оканчивающуюся на -ες, дает в скобках.

в § 179 NΓ предписывает отсутствовавшую в MNΓ парадигму склонения прилагательных типа συνεχής "непрерывный", почти полностью заимствованную из грамматики простой кафаревусы. Если MNΓ в § 680 для 1 л. мн.ч. наст. вр. изъяв. накл. страд. зал. от глаголов типа ἀγαπῶ 'любить' предписывала более "народные" формы на -ούμαστε, то NΓ в § 250 предписывает в таком случае для этих глаголов более "староподобные" формы на -όμαστε.

Таким оказался итог многолетнего процесса выработки грамматических норм новогреческого литературного языка. Как можно видеть из изложенного выше, главной характеристикой этого процесса в период, последовавший за выступлением Я. Психариса, было постепенное пополнение народной основы материалом, заимствованным из архаизированных новогреческих письменных языков.

В несравненно большей степени, чем при формировании грамматических норм новогреческого литературного языка, влияние архаизированных новогреческих письменных языков сказалось при формировании его лексических норм. Ведущий димотикист 1960-1970-х годов Э.П. Папануцос, сравнивая на димотикистском симпозиуме 1964 г. димотики с кафаревусой, подчеркивал, что никаких принципиальных лексических различий между первой и второй нет и что "с одним и тем же словарем может функционировать и первая, и вторая"[22], а в 1976 г., при обсуждении в греческом парламенте законопроекта о реформе системы общего образования заявил: "Если грамматика и синтаксис димотические, вводите в язык какие угодно слова, и язык будет оставаться димотики"[23]. Даже крайние димотикисты не ставят в настоящее время проблему самостоятельного словаря для димотики (особенно при использовании последней в научной сфере) и не только считают достаточным для защищаемого ими языка морфологически адаптировать научный словарь кафаревусы[24], но и признают, что при формировании словарного состава современного новогреческого литературного языка кафаревуса сыграла очень важную роль[25].

Оценивая в целом нынешнее состояние новогреческого литературного языка, можно, как кажется, вполне обоснованно утверждать, что сейчас победа в Греции осталась не за какой-либо из двух крайних противоположностей - аттикизирующей кафаревусой или ультранароднической ("волосатой") димотики, а за синтезом традиционных письменных и живых народных элементов, причем если в грамматике преобладающую часть такого синтетического единства определяет народная основа, то в лексике и словообразовании ведущую роль играет письменная традиция.

---

22 Παπανούτσος Ἐ.Π. Συμπεράσματα καί προτάσεις (Συμπόσιο γιά τή δημοτική γλώσσα, Ἐκδόσεις ΑΤΙ, 1965), σ.120-121.

23 "Ἡ Καθημερινή", 9 Ἀπριλίου 1976, σ. 2.

24 Μεσεβρινός. Η προδομένη γλώσσα, σ. 232.

25 Μεσεβρινός. Η προδομένη γλώσσα, σ. 276-277.

Т.В.ЦИВЬЯН

АНАЛИЗ ОДНОГО „АЛЕКСАНДРИЙСКОГО“ СТИХОТВОРЕНИЯ К.КАВАФИСА

Ἀλεξανδρινὸς διὰ Ἀλεξανδρινὸν γράφει 'Александриец пишет об александрийце' - эти строки одного из значительнейших греческих поэтов, Константина Кавафиса (1863-1933), нередко предпосылаются его творчеству как motto, указывая и на его принадлежность Александрии, и на преобладание александрийских тем, и, наконец, на его близость александрийской поэзии с ее содержательной сложностью, экспериментами над словом, инновациями в области жанра, метра и ритмики. По своей поэтической технике Кавафис настолько выделялся среди современников, что это долго затрудняло восприятие его стихов[1]. См. другой крупнейший поэт Греции, Г. Сеферис, о нем: "Нет сомнения, что Кавафис стоит на границе, где поэзия снимает с себя одежды, чтобы стать прозой. Ни один поэт не зашел в этом направлении так далеко. Он - самый анти-поэтический (или а-поэтический) поэт из всех, кого я знаю, разумеется, если подходить к нему так же, как к Соломосу"[2] (т.е. с меркой иной традиции, нежели та, которую представляет Кавафис). Близость к прозе проявляется у Кавафиса в отказе от традиционной художественности или образности (в частности, от тропов), подчеркнутой сухости и обыденности языка, тенденции к свободному стихосложению.

Можно увидеть в поэзии Кавафиса лишь эти черты и не проникнуть в ее сущность, где отсутствие риторики и антилиризм призваны не о т к р ы в а т ь, а с к р ы в а т ь мир чувств[3]. Поверхностный уровень поэтики Ка-

---

1 Сейчас трудно представить, что Кавафиса считали малозначительным и претенциозным поэтом-одиночкой, оторванным от Греции и замкнувшимся в пассеизме, и предсказывали, что он скоро будет забыт. 1963 год в Греции был объявлен "Годом Кавафиса". Кавафис переведен едва ли не на все европейские языки. Он вошел в мировую поэзию, где занял совершенно особое место (см. ниже). Создана обширная Cavafiana. У нас см. недавние работы о Кавафисе: *Ильинская С.Б.* К. Кавафис и гуманистическая традиция в греческой поэзии XX в. М., 1974; *Она же.* Константинос Кавафис. К проблеме становления метода. - В кн.: Литература славянских и балканских народов. М., 1976.

2 *Seferis G.* Cavafy and Eliot - a comparison. - In: *Seferis G.* On the Greek style. London, 1966, c. 142 (далее - Seferis).

3 *Dimaras C.Th.* Istoria literaturii neogreceşti. Bucureşti, 1968, c. 530-531.

вафиса создает своего рода "защитный слой", преграждающий "непосвященным" доступ к сокровенному (τὰ πιὸ σκεπασμένα, как об этом пишет он сам); так манифестируется сложность современной поэзии (или во всяком случае некоторых ее направлений), требующей едва ли не специальной подготовки, со-присутствия и со-участия читателя. "Проход" через этот слой приводит к принципиально иному взгляду на поэтическую технику Кавафиса. Она оказывается предельно сложной и тонкой: "В поэзии Кавафиса нет ничего случайного; он тщательно и до мельчайшей детали отделывает свои стихотворения. Ударения, остановки, паузы - все рассчитано и все служит 'поэтическому искусству"[4].

Очевидно, что образность Кавафиса существует, но достигается специфическими, нетрадиционными средствами Р. Якобсон и П. Колаклидес предположили в основе его поэтики g r a m m a t i c a l i m a g e r y 'г р а м м а т и ч е с к у ю о б р а з н о с т ь - "великолепную калейдоскопическую игру правильных λέξεως σχήματα, основанную на широком использовании морфологических и синтаксических сходств и контрастов, разных граней сближения и отдаления, строгого отбора и тесного совмещения, поразительной симметрии и свободных переходов от нее"[5].

Предпринимаемый здесь формально-грамматический анализ стихотворения Кавафиса "'Εν τῷ μηνὶ 'Αθύρ" является попыткой установить существенные семантические черты его поэтического мира.

---

[4] *Politis L.* A history of modern Greek literature. Oxford, 1973, с. 192. - Кавафис действительно принадлежит к "самым умышленным" (используя выражение Достоевского) поэтам, и это проявляется кроме того в его отношении к своим стихам как к "work in progress": тщательно отмечая дату написания, он постоянно возвращался к тексту, изменяя и исправляя его; связь и общение со стихами не прерывались. Более общий взгляд видит в этом особенность не столько поэта, сколько его поэтики. См.: *Keeley E.* The "new" poems of Cavafy. - In: Modern Greek Writers. Princeton, 1972, с. 129.

[5] *Jakobson R., Colaclides P.* Grammatical imagery in Cavafi's poem θυμήσου σῶμα... - Linguistics, 20, march 1959, с. 59. - См. еще один опыт грамматического анализа поэтики Кавафиса: Καλταμπάνος Ν. Μετασχηματιστική γραμματική κι ένα παράδειγμα ὑφολογικῆς σπουδῆς. - Κώδικας, 1977, № 3. Автор применяет к исследованию стилистических особенностей стихотворения Кавафиса "'Επέστρεφε" '"Возвращайся"' методы трансформационной грамматики. Текст может быть описан двумя видами трансформации - конъюнкцией и опущением, которое может рассматриваться как инверсия конъюнкции. Стихотворение использует весьма ограниченный набор формальных средств (возвращение к одной и той же синтаксической конструкции манифестирует основную мысль стихотворения, "возвращайся"); определяющей стилистической категорией оказывается "сгущение" (πυκνότητα 'condensation').

'Εν τῷ μηνὶ 'Αθύρ

1. Μὲ δυσκολία διαβάζω στήν πέτρα τὴν αρχαία
2. "Κύ[ρι]ε 'Ιησοῦ Χριστέ. "Ένα "Ψυ[χ]ήν" διακρίνω.
3. "'Εν τῷ μη[νὶ] 'Αθύρ ὁ Λεύκιο[ς] ἐ[κοιμ]ήθη".
4. Στὴ μνεῖα τῆς ἡλικίας "'Εβί[ωσ]εν ἐτῶν"
5. τὸ Κάππα Ζῆτα δείχνει ποῦ νέος ἐκοιμήθη.
6. Μὲς στὰ φθαρμένα βλέπω "Αὐτὸ[ν]... 'Αλεξανδρέα".
7. Μετὰ ἔχει τρεῖς γράμμες πολὺ ἀκροτηριασμένες·
8. μὰ κάτι λέξεις βγάζω -σὰν "δ[ά]κρυα ημῶν","ὀδύνην."
9. κατόπιν πάλι "δάκρυα" καὶ "[ἡμ]ῖν τοῖς [φ]ίλοις πένθος".
10. Μὲ φαίνεται ποῦ ὁ Λεύκιος μεγάλως θ'αγαπήθη.
11. 'Εν τῷ μηνὶ 'Αθύρ ὁ Λεύκιος ἐκοιμήθη.

В месяце Атир

1. С трудом разбираю на древнем камне
2. "Гос[под]и Иисусе Христе". Далее "Ду[х] его" различаю.
3. "...дня ме[сяца] Атира Левки[й] о[поч]ил".
4. На месте возраста "Жит[ия] его было",
5. там каппа-зита, - значит, молодым он опочил.
6. Средь стершегося вижу: "О[н] ...александриец".
7. Потом идет три строки, почти не сохранившиеся,
8. но что-то извлекаю - вот "с[л]езы наши", "в скорби"
9. и ниже снова "слезы" и "м[ы], [др]уги, безутешны".
10. Мне кажется, что Левкий, наверно, много был любим.
11. ...дня, месяца Атира Левкий опочил[6].

Стихотворение, написанное в классическом жанре эпитафии, имеет вид текста, вложенного в текст. Однако известный прием "эпитафия и комментарий читающего ее" выступает здесь видоизмененным. Текст эпитафии (далее Э) испорчен (в терминологическом смысле): он сохранился в виде обрывков фраз и/или слов. Графически слова восстановлены, но это как бы результат авторской дешифровки, т.е. предположение. Текст Э дан не единым, а разбит на фрагменты, соответствующие этапам чтения, и растворен в авторском комментарии (далее К), который с большой степенью подробности описывает самый процесс чтения. Перед читателем возникает дополнительная задача: вычленить из общего текста и собрать воедино самое Э, которая изолированно от К может быть представлена так:

1. . . . . .
2. Κύ...ε 'Ιησοῦ Χριστέ ...Ψυ...ήν...
3. 'Εν τῷ μη... 'Αθύρ ὁ Λεύκιο... ἐ...ήθη.
4. . . . . 'Εβί...εν ἐτῶν
5. <τό Καππα Ζῆτα> . . . . . .
6. . . . . Αὐτὸ... ... 'Αλεξανδρέα.

---

[6] Перевод сделан автором статьи. В ходе анализа, если это необходимо, приводится дословный перевод. 'Αθύρ - месяц египетского календаря, соответствующий нашему октябрю-ноябрю. KZ'=27.

7. . . . . .
8. . . . . δ...κρυα, ἡμῶν, ὀδύνην
9. . . . . δάκρυα... ...ῖν τοῖς ...ίλοις πένθος.
10. . . . . .
11. . . . . .

Текст Э почти симметрично распределен по шести строкам из одиннадцати[7]. Если обозначить строки К римскими цифрами, а строки Э - арабскими, стихотворение получит вид: I - 2, 3, 4 - V - 6 - VII - 8, 9 - X, XI(11), т.е. Э находится в рамке из первой и двух последних строк К. Восемь строк внутри рамки распадается на группы по 3 - 3 - 2 строки. Первая и третья группы составлены текстом Э; центральная повторяет структуру всего стихотворения - Э в рамке К; последняя строка амбивалентна, она принадлежит и Э и К. Начальная и конечная строки Э находятся в отношении обратной симметрии. Если обозначить лексемы Э через L, а лексемы К через l, эти строки будут иметь вид:

2. LLL l L l
10. ll L l LLL

т.е. трем начальным лексемам $_2$Э[8] соответствуют три конечных лексемы $_{10}$Э, а в середине текст Э разрывается лексемой К($_2$ἔνα, $_{10}$καί).

3-я строка - единственная, полностью занятая Э и представляющая собой полное предложение, хотя и с восстановленными словами. Остальные фрагменты Э даны подчеркнуто отдельно и несвязанно: они перебиваются К, отдельными кавычками $_8$"δάκρυα ἡμῶν", $_8$"ὀδύνην". В К вынесено буквенное обозначение возраста, дополнительно усложняющее дешифровку. В разбросанности Э и невозможности однозначного восстановления связного текста манифестируются экстенсивность и неопределенность структуры стихотворения.

Единственная полная строка Э занимает отмеченное третье место. Число т р и вообще существенно (см. выше о разбиении строк, занимаемых Э): оно появляется в 7-й строке (τρεῖς γράμμες), возраст Левкия 27=3[3]. Здесь оно подчеркнуто еще и тем, что 3-я строка встречается т р и ж д ы: помимо первого употребления - как цитата, без кавычек введенная в К (11-я строка); третье употребление складывается из трех фрагментов, с инверсией субъекта и предиката: заглавие Ἐν τῷ μηνὶ Ἀθύρ + $_5$ἐκοιμήθη + $_{10}$ὁ Λεύκιος. То, как составляется ключевая строка, повторяет составление текста Э из дискретных фрагментов. Так манифестируется другой основной принцип структуры стихотворения: повторение минимальной единицы, которое проецируется на повторение более крупных единиц, в конце концов репрезентируя структуру всего текста. Ни один элемент не изолирован, и от любого элемента путем достаточно простых операций можно перейти к структуре текста в целом.

---

[7] Кавафис, естественно, слишком изыскан для того, чтобы придерживаться полной симметрии.

[8] Цифра под строкой означает номер строки.

Первый уровень грамматической образности Кавафиса - выбор и распределение классов слов, чему он придавал большое значение[9]. Текст Э подчеркнуто безглаголен и непредикативен (что является дополнительной трудностью для его восстановления): на 17 имен (14 сущ., 3 личн. мест.) приходится 2 глагола. 17 имен дают полную именную парадигму кафаревусы: N.$_3$ὁ Λεύκιος, G.$_4$ἐτῶν, $_8$ἡμῶν, Dat.$_3$τῷ μηνί, $_9$ἡμῖν, $_9$τοῖς φίλοις, Acc.$_2$ψυχήν, $_6$αὐτόν, $_6$Ἀλεξανδρέα, $_8$ὀδύνην, Voc.$_2$Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ. Заимствование Ἀθύρ, очевидно, не склоняется. Наконец, в т р е х сущ. ср. рода, $_8$,$_9$δάκρυα, $_9$πένθος морфологически нейтрализованы N. и Acc. Нейтрализация разрешается на синтаксическом уровне, с помощью предиката; поскольку его нет, возможен выбор между разными моделями, но не однозначное решение (*проливать слезы /Acc./ - *льются слезы /N./; *испытывать горе /Acc./ - *остается горе /N./). Восстановить Acc. по аналогии с $_8$ὀδύνην формально некорректно, поскольку оно дано в отдельных кавычках и может быть самостоятельным фрагментом. Нейтрализация N.-Acc. дополнительно подчеркивает "невосстановимость" текста Э даже на уровне отдельных блоков или элементарных синтаксических конструкций (ЭСК)[10]. Имена в N.-Acc. и в Acc. противопоставлены входящим в ЭСК именам в N., G., Dat.: Subst.$_{N.}$+ +V.$_{f.}$$_3$ὁ Λεύκιος ἐκοιμήθη (препозиция N.); Subst.$_{G.}$+V.$_{f.}$ $_4$ἐβίωσεν ἐτῶν, Pron.$_{G.}$+Subst. $_8$δάκρυα ἡμῶν (постпозиция G.); Subst.$_{D.}$+V.$_{f.}$ $_3$ἐν τῷ μηνί... ἐκοιμήθη, Pron.$_{D.}$+ Subst.$_{10}$ἡμῖν... πένθος, Subst.$_{D.}$+Subst.$_{10}$τοῖς φίλοις πένθος (препозиция Dat.). Формы N.-Acc. и Acc., тяготеющие к конечному положению "плавают" свободно: именно на них держится фрагментарность текста. Voc., напротив, имеет организующее значение: являясь каноническим началом Э, он определяет жанр текста, его хронологию и появление последующего ψυχήν (*упокой душу..., *приими дух...).

Глаголы Э имеют форму 3 л. Sing. Aor. Ind. и противопоставлены по залогу: Med.-Pass.$_3$ἐκοιμήθη - Act.$_4$ἐβίωσεν. Залоговое противопоставление глаголов соответствует их семантической оппозиции: *опочить* = умереть (пассивное состояние) / *жить* (активное). Глаголы расположены почти симметрично в конце смежных строк; это подчеркивает их контраст и проецируется на основную мысль стихотворения - преждевременная с м е р т ь, оборвавшая ж и з н ь.

---

[9] Ср. его высказывание: "Прилагательное ослабляет речь и является слабостью. Использованием многих эпитетов при описании, например, пейзажа ничего не достигается... Искусство состоит в том, чтобы передать все одними существительными, а если понадобится один эпитет, он должен быть точным". - *Liddel R.* Cavafy. A critical biography. London, 1974, с. 207-208 (далее Liddel).

[10] Об ЭСК см.: *Цивьян Т.В.* Описание синтаксиса новогреческого языка с помощью элементарных синтаксических конструкций. - В кн.: Балканское языкознание. М., 1973.

Двадцать три лексемы Э распределены по небольшому набору классов слов: их пять - три полнозначных (сущ., мест., глагол) и два неполнозначных - предл. (один) и опр. арт. (три формы; можно предполагать пропуск τόν в $_{6}$Αὐτὸν... Ἀλεξανδρέα).

Тексту Э противопоставлен вдвое с лишним больший по числу лексем текст К, размещенный в десяти строках. Пять из них (1-я, 5-я, 7-я, 10-я, 11-я) заняты им полностью. Набор классов слов в К по количеству противопоставлен Э - он равен десяти, и в нем представлены все классы слов новогреческого языка, кроме деепричастия и междометий. Если текст Э строился на сущ. и притом не входящих в ЭСК, т.е. "неорганизованных", то текст К насыщен глаголами, т.е. подчеркнуто предикативен и конструктивен. Он содержит десять глагольных форм:

1 л. Sing. Praes. Ind. Act.: $_{1}$διαβάζω, $_{2}$διακρίνω, $_{6}$βλέπω, $_{8}$βγάζω;
3 л. Sing. Praes. Ind. Act.: $_{5}$δείχνει, $_{7}$ἔχει;
3 л. Sing. Praes. Ind. Med.-Pass.: $_{10}$φαίνεται;
3 л. Sing. Aor. Ind. Med.-Pass.: $_{5}$ $_{11}$ἐκοιμήθη, $_{10}$ο'ἀγαπήθη[11].

Распределение граммем в глаголах К примечательно переходом от 1 л. к 3 л., от Act. к Med.-Pass. и от Praes. к Aor., получающим интерпретацию на содержательном уровне. 1 л. Praes. Act., соответствующее активному действию субъекта, ἐγῶ, начинает перемежаться с 3 л. Praes. Act.: $_{5}$δείχνει отводит действие от субъекта (не 'он разбирает буквы', а 'каппа-зита показывает' /ему/); еще сильнее это ощущается в неопределенно-личном ἔχει. Чередование этих форм с перволичными $_{6}$βλέπω и $_{8}$βγάζω уменьшает слишком большую определенность перехода и в то же время поддерживает идею субъекта, скрытого в Med.-Pass. $_{10}$μὲ φαίνεται[12]. В свою очередь, Praes. Med.-Pass. $_{10}$φαίνεται ведет к Aor. Med.-Pass. $_{5,11}$ἐκοιμήθη, $_{10}$ο'ἀγαπήθη. Так сливаются темы неопределенности, сокровенности и темы прошлого, т.е. возвращения и повторения. К тому же $_{10}$φαίνεται и $_{10}$ο'ἀγαπήθη обеспечивают связь с текстом Э, поддерживая цитатные ἐκοιμήθη.

Наиболее прочно единство и взаимопроникновение текстов Э и К обеспечивается тем, что "свободно плавающие" на уровне Э формы Acc. (а более широко, все фрагменты, взятые в кавычки) на уровне всего стихотворения являются Obj. dir. к перволичным глаголам *читаю, различаю, вижу, извлекаю*. Синтаксическая структура, следовательно, амбивалентна: независимые элементы Э в то же самое время являются членами ЭСК вида Praed. + Obj. dir. Говоря об амбивалентности, следует остановиться на 5-й и 10-й симметрично расположенных строках: они представляют собой сложноподчиненные предложения с придаточными дополнительными, вводимыми ποῦ[13] ($_{5}$'каппа-зита показывает, что молодой он опочил'; $_{10}$'мне кажется, что Левкий много, наверное, был любим'). Симметричность поддерживается тем, что 4-я и 9-я строки - единственные безглагольные, в то время как в 5-й и 10-й содержится по два глагола, причем оба зависимых глагола стоят в 3л. Sing. Aor. Med.-Pass. и рифмуются (см. также семантическую общность δείχνει 'показывает' и φαίνεται 'кажется'). Именно и только в этих строках выражено, хотя и подчеркнуто предположительно и неопределенно (*мне кажется...наверное...*), чувство автора, вызванное чтением Э. Для дополнительного отвлечения внимания от особо значимой 10-й строки, Кавафис делает ее не последней, что было бы естественно с точки зрения сюжета, а предпоследней, закрыв ее цитатой из Э, отсылающей к 5-й и далее к 3-й - основной сюжетной строке Э. С какого бы места ни начинался анализ, он приводит к подтверждению связи Э и К, т.е. единства всего текста при сохранении самостоятельности и четкой отграниченности его составных частей.

Однако наиболее суггестивен, пожалуй, способ их языковой дифференциации. Противопоставление и взаимодействие кафаревусы и димотики и промежуточных "состояний" ("états de langue", по терминологии А. Мирамбеля) - вопрос, имеющий долгую историю и продолжающий быть актуальным[14]. Проблема соединения в поэтическом идиолекте эле-

---

[11] Зойтер определяет форму θ'αγαπήθη как Fut.ex. в потенциальном значении ('er wird geliebt worden sein'): *Soyter G.* Grammatik und Lesebuch der Neugriechischen Volks- und Schriftsprache. Wiesbaden, 1958, с. 130. Дзардзанос специально указывает, что θά в потенциальном значении (θὰ πιθανολογική) употребляется со всеми формами Ind., кроме Fut.: Τζάρτζανος Ἀ. Νεοελληνική σύνταξις. Ἀθήνα, 1946, Τ.Α', § 191, 1; см. также: *Kalitsunakis J.* Grammatik der Neugriechischen Schriftsprache. Berlin und Leipzig, 1927, с. 87: "θά mit dem Aorist Indikativ bedeutet eine Wahrscheinlichkeit in der Vergangenheit".

[12] Якобсон и Колаклидес в упомянутой статье (с. 56) отмечают особую семантическую значимость медиального залога: "The middle voice signals that the focused ens of the narrated event is affected by this event" и приводят в связи с этим замечание Бенвениста о том, что middle voice "indique un procès dont le sujet est le siège; le sujet est intérieur au procès" (*Benveniste E.* Actif et moyen dans le verbe. - Journal de psychologie, XLIII, 1950, p. 125 ff).

[13] То самое ποῦ, о котором Кавафис говорит: "До чего же неуправляемо это ποῦ! Оно все время вылезает. Πού с острым ударением, ποῦ с облеченным! И как оно ужасно звучит при частых повторениях! Бедный Флобер пытался избавиться от двух *que*, идущих подряд, потому что они казались ему оскорбительными для слуха. Для этого он работал целыми днями! Представьте, что бы он испытывал с нашим ποῦ! Потому я и говорю, что исчезающее причастие должно вернуться к жизни, чтобы спасти нас от всех этих неблагозвучных ποῦ" (*Liddel*, с. 206).

[14] См. обширную литературу. Из недавних обобщающих работ см.: *Ioannidou H.* Die Sprachfrage in Griechenland. Hamburg, 1974; *Логачев К.Н.* Проблема новогреческого

ментов кафаревусы и димотики по отношению к Кавафису была особенно острой, поскольку его язык невозможно отнести однозначно ни к той, ни к другой[15]. Политис в цитированной работе (с. 190) характеризует его так: "Язык Кавафиса совершенно индивидуален и не имеет отношения к канонической афинской 'поэтической' димотике... в то же время он далек и от канонической кафаревусы, как старой, так и новой, несмотря на частое ее использование. Крайние димотикисты никогда не прощали ему нонконформизма, однако приверженцы кафаревусы с трудом допускали его в свои ряды. В своей основе его язык живой и димотический, а отклонения в сторону кафаревусы являются иногда намеренно прозаичным и реалистическим элементом; димотическая основа придает его языку тепло и подлинность, а константинопольский диалект, которого он упрямо и стойко держался, сообщает его языку необходимую человечность". Кавафис ставил себе целью совместить письменный и разговорный язык. Специфика его аскетичного языка состоит среди прочего в том, что в каждом языковом варианте выбирается нейтральная, "непоказательная" сфера, а формальные возможности кафаревусы и димотики, выработанные для поэтического языка, используются недостаточно. Кроме того, кафаревуса и димотика, границы между которыми вообще достаточно зыбки, нейтрализуются, и это создает ощущение неопределенности, амбивалентности.

Разбираемое стихотворение однако примечательно тем, что в нем Кавафис противопоставляет архаизированный язык Э современному языку К, используя главным образом грамматические средства (но 'Αθύρ - егип., ἔτος вм. дим. χρονός 'год' βιῶ, ὀδύνη и нек. др.). Кафаревуса Э опознается прежде всего по именной парадигме - сохранение Dat., конечного ν в Acc.; формы мест. ἡμῶν, ἡμῖν; предл. ἐν с Dat.; формы Aor. В тексте К нет Dat., конечного ν в Acc., но обильно представлены предложные конструкции (с Acc.). Игра идет в основном на оппозиции флективных форм Э аналитическим конструкциям К. Несколько сложнее обстоит дело с К. В отличие от намеренно архаизированной надписи "на древнем камне", К - типичный образец языка Кавафиса, где указание отдельных элементов кафаревусы или неканонических конструкций (μεγάλως вм. μεγάλα, με φαίνεται вм. μοῦ φαίνεται) вне системного анализа непоказательно.

Ритмико-звуковая организация текста типична для позднего Кавафиса[16]: отказ от регулярного метра, с сохранением в основе ямбической структуры (см. у Кавафиса /Liddel, с. 207/: "Что такое по большей части наша речь, если не стихи и притом ямбические стихи?"); отказ от регулярной рифмы, с введением ее в отмеченных точках; широкое использование парономасии, приводящее к образованию основных звуковых тем, в которых можно предположить кодирование ключевых семантем[17]. В стихотворении открывается весьма тонкая звукопись: метатезы d h i a k r i - n o - d h a k r i a, t o k a p p a - k a t o p i n, i l i k i a s - l e f k i o s - l e k s i s, p o l i - p a l i и др., см. еще внутренние рифмы mes stá - metá, eton-aftón - imon.

Особо выделяется комплекс {m и/или n + V}, почти плеонастически проходящий по тексту: me-in-in-en-in-in-en-mini-mi-mnia-en-on-ni-ne-mi-me-mena-on-an-me-me-mene-ma-imon-inin-in-imin-en-me-ene-mi-en-mini-mi. На содержательном уровне он может кодировать семантему п а м я т и, соответствующую лексемам μνῆμη [mnīmī] 'память, воспоминание', μνῆμα [mnīma] 'надгробный памятник, гробница, могила', μνημεῖον [mnīmīon] 'памятник', μνήμων [mnīmon] 'помнящий' и др. Лексема с этим корнем, μνεία 'упоминание', появляется в 4-й строке, на как бы по касательной, описывая структуру, а не содержание надписи. Тем не менее это употребление является и подтверждением темы *памяти/памятника* и побуждением к поискам ее на звуковом уровне[18]. Допустима

литературного языка в постановке основоположников новогреческого языкознания. - ВЯ, 1973, № 3.

15 И. Вутиеридис считал, что его язык - это и не кафаревуса и не μιχτή; Я. Кордатос определял его как кафаревусу, а иногда полудимотику; К. Димарас называл 'нейтральный, конвенциональный, столь холодный' язык Кавафиса смесью письменного и народного; А. Рэу приписывал Кавафису использование разговорного языка как рамки, в которой особенно подчеркивается стилистическая значимость письменного языка (*Rău A.* Trei poeţi. Cluj, 1972, с. 178). См. также: он пользуется "словами и выражениями то учеными, то взятыми из разговорного, простого и безыскусного языка, придавая ему звучание безразличия" (Καραντώνη 'Α. Εἰσαγωγή στή νεωτέρη ποίηση. 'Αθήνα, 1958, с. 149) и т.д. - резюмировать это можно словами Лиддела (с. 12): "Для изучения его языка... нужен эксперт-лингвист, при этом обладающий литературным чутьем".

16 "...стихотворения разной длины в форме stanza написаны строками, типографски разделенными на две, каждая по шесть-семь слогов, с внутренней и внешней рифмой, соответственно импульсу автора иногда являющейся простым повторением слова или фразы, а иногда и вообще отсутствующей" (*Keeley E.* Cavafy's Alexandria. Study of a myth in progress. Cambridge Mass., 1976, с. 17).

17 Об анаграмматическом кодировании семантической информации в поэтическом произведении см.: Отрывки из тетрадей Ф. де Соссюра, содержащих записи об анаграммах. - В кн.: *Соссюр Фердинанд де.* Труды по языкознанию. М., 1977 (см. там же вступление и комментарии В.В. Иванова); см. также: *Иванов В.В.* Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976, гл. IV.

18 Можно предполагать и более сложные приемы: составление элементов - ἔκοι-μή-θη из $_2$Κύ-ριε - $_3$μη-νύ - $_3$Α-θύ-ρ; см. также роль *a:c a* начинаются три семантически важные лексемы: 'Αθύρ, 'Αλεξανδρέα, определяющие время и место и θ'ἀγαπήθη, концентрирующая идею стихотворения ('Αλεξανδρινή ἀγάπη). См. еще скопление согласных в μες στά φεαρμένα, как бы имитирующее за-

и дополнительная к первой интерпретация. Μέ может кодировать Acc. Sing. от ἐγῶ, 'я', появляющийся в начале 10-й строки. Его омонимом, предлогом μέ открывается стихотворение. $_{10}$Μέ - единственное эксплицитное появление Автора, присутствие которого до сих пор имплицировалось перволичной формой V.Act., причем Автор выступал как археолог, разбирающий надпись, - и в этом смысле отождествлял себя с читателем. В 10-й строке, скрытый за 3 л. Med.-Pass. и Acc. мест., и как бы невольно втянутый, автор решается проявить себя. Однако его постоянное присутствие кодируется с самого начала, от "ложного" $_{1}$μέ, повторяющегося в инициалях $_{6}$μές, $_{7}$μετά, $_{8}$μά и приводящего к центральному $_{10}$μέ. Этот постоянный призвук в конце концов вызывает ощущение слияния автора и героя, т.е. субъекта и объекта стихотворения, объединенных семантемой *памяти*. Звуковой комплекс μνήμη-μέ можно интерпретировать как *память меня* в двух смыслах: "я помню", и это стихотворение - памятник безвестному Левкию;" меня помнят", и это стихотворение - памятник мне, Поэту[19].

Формально-грамматический анализ включил в себя и содержательный уровень и позволил выделить некоторые основоположные семантемы поэтического мира Кавафиса: воспоминание-повторение, актуализация прошлого в настоящем, амбивалентность[20].

трудненное чтение, и др. В поддержку этих предположений: Якобсон и Колаклидес в упомянутой статье отмечают анаграмму θυμήσου - τές ἐπιθυμίες 'вспомни - желания' (мотив *памяти*), отраженную в тексте также лексемами σῶμα, μὲς στὰ μάτια и т.д.

19 См. Г. Сеферис об этой неопределенности, стремлении "уйти из стихотворения", создании своего рода вакуума:" Петрос Властос [эссеист, критик и ученый], не любящий Кавафиса, как и Элиота, пишет, что его стихотворения похожи на пьедесталы без статуй... Это, может быть, не такое плохое описание. Часто стихотворения Кавафиса вызывают ощущение пропавшей статуи; она была здесь, именно здесь мы ее однажды видели, здесь, на этом самом месте, где теперь ее нет... Может быть, это 'отсутствие статуи' и есть самая большая сложность у Кавафиса... Стихотворения Кавафиса часто создают впечатление, что кто-то, кого здесь как будто нет, но кто тем не менее существует, скоро пробудится, и тогда все кругом изменится" (Seferis, с. 146, 149-150).

20 Стихотворение "'Εν τῷ μηνὶ 'Αθύρ" входит в цикл из пяти александрийских эпитафий, опубликованный между 1914-1918. "Ни одна эпитафия не относится к какому-то определенному историческому моменту, но из контекста следует, что местом действия является древняя Александрия... В каждой из них говорится о смерти юноши, непосредственно отождествляемого с Александрией, и в ряде случаев отождествление является ключевым аспектом темы... то, что как бы всплывает из нарочито неясной реконструкции поэтом фрагментарной и воображаемой древней эпитафии Левкия в "Месяце Атир" (1917),

Поэтика Кавафиса характеризуется увеличением нагрузки на Слово: оно становится самостоятельной единицей, репрезентирующей определенную семантему, а его конституенты - фонетические, грамматические и др. характеристики - интерпретируются как конституенты семантемы. Формально Кавафис остается в классическом жанре античной и специально александрийской эпитафии "Скорбь по безвременно ушедшем" (ср. ее реплики в антологической поэзии на рубеже XIX-XX вв., "Puella" в "Medailles d'argile" Ренье и др.). Однако, сохраняя преемственность, Кавафис утверждает свою принадлежность к новой и современной в глубоком смысле поэзии[21]. Вопрос о европейских корнях Кавафиса поднимался нередко, и тема воспоминаний приводила к Прусту[22]. Философская тема вечного возвращения и транспозиция этой категории в поэзию побуждает обратиться к тому направлению современной поэзии, которое представлено прежде всего именем Элиота. Речь идет не о непосредственных заимствованиях, но о гораздо более глубоких схождениях. В упомянутом эссе о Кавафисе и Элиоте, Сеферис видит их сходство в обладании особым чувством времени:" ...проще говоря, это чувство отождествления времен: прошлое и настоящее объединяются и, может быть, к ним присоединяется и будущее. Как говорит Элиот в одном из своих величайших стихотворений,

Time present and time past
are both present in time future
and time future contained in time past" (с. 131-132).

Сенсуальная интерпретация исторических фактов, обращение к литературным источникам, имплицирующее воспроизведение не столько события, сколько Слова о нем, приводит к широкому введению цитаты, т.е. "чужого слова"[23]. Цита-

---

является не просто эксплицитным подтверждением того, что он был много любим, но и имплицитным подтверждением того, что быть много любимым в Александрии... означает накликать на себя раннюю смерть... быть александрийцем означает быть членом избранного, гедонистического, художественного, филэллинистического, но физически и морально растрачивающего себя общества" (*Keeley E.* Cavafy's Alexandria. с. 81-82, 84).

21 Маринетти, безуспешно убеждавший Кавафиса в его близости к футуризму, верно определил, что Кавафис, будучи формально "человеком прошлого", в поэзии далеко опередил свое время (Liddel, с. 204).

22 "Вся его жизнь превращается в долгие и все более безнадежные 'поиски утраченного времени'" (*Sherrard P.* The marble threshing floor. London, 1956, с. 120).

23 Этот прием или свойство новой поэзии трудно усвоить, ср. Т. Маланос о технике введения цитаты у Кавафиса: "Он вводит в свои стихотворения откуда-нибудь взятые фразы, вплоть до непереведенных цитат из античных авторов, делая это не как поэт, а как автор научной работы".

та здесь - не стилистический прием, а средство объединения во времени не только истории, но и литературы, как ее отражения, средство создания своего рода "мирового поэтического текста". Тема "цитатный слой Кавафиса" еще ждет своего исследователя, пока она ограничена отдельными наблюдениями (античные и средневековые авторы, Данте, Шекспир, Бодлер...) Собственно говоря, и "Месяц Атир" также основан на введении "чужого слова" - древней эпитафии (здесь характерный прием "ложной цитаты") в стихотворение и текста Э в текст К, см. выше[24].

Схождения Кавафиса с Элиотом, Оденом (Оден говорил о влиянии на него Кавафиса), Эзрой Паундом сейчас признаны несомненными. О его русских параллелях пока, как будто, не говорилось. Между тем и здесь возникают ассоциации, касающиеся не случайных совпадений, а причастности к одному поэтическому направлению. В связи с александрийской темой у Кавафиса вспоминаются "Александрийские песни" М. Кузмина, воспроизводящие не просто Александрию эпохи Адриана, но именно "кавафианскую" Александрию, ожившую

---

[24] В качестве одного из источников стихотворения Кавафиса предположительно может быть названа эпиграмма Авсония "О имени некоего Люция, вырезанном на мраморе", где, помимо значимого совпадения имен (Lucius - латинская передача Λεύκιος), ср. совпадение ситуации: чтение разрушенной надписи на древнем могильном камне, предположительное ее восстановление по плохо сохранившимся фрагментам, наконец, мотив *памяти-памятника* (а на фонетическом уровне игра на mVn - mVr):

DE NOMINE CUJUSDAM LUCII, SCULPTO IN MARMORE

Lucius una quidem, geminis, sed dissita punctis
  Littera; praenomen sic L., nota sola facit.
Post M. incisum est; puto sic M, non tota videtur.
  Dissiluit saxi fragmine laesus apex.
Nec quisquam, Marius, seu Martius, anne Metellus
  Hic jaceat, certis noverit indiciis.
Truncatis convulsa jacent elementa figuris,
  Omnia confusis interiere notis.
Miremus periisse homines? monumenta fatiscunt,
  Mors etiam saxis, nominibusque venit.

Буква одна блестит, отделенная парою точек:
  Одинокая Л имя дает угадать.
Дальше выбита М, да М, но не вся уцелела:
  Камня упавшим куском верх у ней поврежден.
И, здесь кто погребен, Метелл, или Марций, иль Марий,
  Достоверно узнать не суждено никому.
Спутаны все элементы, лежат в бессвязных осколках,
  И ничего не прочесть в этих случайных значках.
Смерти людей удивляться ль? и мраморный памятник гибнет,
  Смертный день для камней и для имен настает.
(пер. В. Брюсова).

в воспоминаниях поэта-визионера[25]. Стилизации Кузмина и за пределами "Александрийских песен" имеют много общего с Кавафисом - в предельно личном восприятии незначительных деталей, высветвляющих целый пласт истории или жизни. Дальнейшее сравнение может быть распространено на поэтов круга акмеизма (в широком современном понимании этого термина), поэтика которых характеризуется особой значимостью категории *памяти* - средства восстановления прерванных связей, объединения времен и создания этим исторической и духовной непрерывности[26].

Современный подход заставляет предположить здесь не случайные совпадения, а особую линию развития поэзии, для которой не существует универсального названия (как символизм и под.) и которая ощущается как отдельные узкие направления (кларизм, акмеизм...), представленные отдельными поэтами. Между тем здесь прослеживается определенная и достаточно единая поэтическая система, в которой элементы содержательного уровня - *память, прошлое*, имплицируют особую роль слова, цитатность, обращение к тому, что сейчас принято называть "мировым поэтическим текстом". Эта система обнаруживается независимо у поэтов разных языковых и культурных традиций, объединенных, пожалуй, лишь временными рамками. Это дает основание говорить не только об их поэтических достижениях, но о той общности, которую можно проследить в определенном фрагменте поэзии XX в.

---

[25] Ср. в частности I, 2.: *Когда мне говорят: "Александрия", я вижу белые стены дома, | небольшой сад с грядкой левкоев... (белый, левкой,* Λεύκιος - тема белого душистого цветка в связи с Александрией). К мотиву *памяти* ср. V, 4: *я знал, | что сама память обо мне там исчезла...* и др. Кузмин был в Александрии в 1895 г. и теоретически мог встретиться там с Кавафисом.

[26] Здесь можно говорить и о параллелях Кавафиса с Ахматовой - через Элиота. В свое время фрагмент "Поэмы без героя" *Как в прошедшем грядущее зреет, | Так в грядущем прошлое тлеет* был сопоставлен с теми же строками Элиота, которыми Сеферис описывает кавафианское отношение к времени. Здесь нет возможности сколько-нибудь подробно говорить о семантических параллелях в творчестве обоих поэтов. Можно указать, однако, что им соответствуют и схождения на других уровнях: цитатный слой и обращенность на текст; экономность поэтического инвентаря; грамматическая образность, ср. у Ахматовой нетривиальные употребления местоимений, особое пользование глагольными временами и т.д.; недосказанность, фрагментарность, стремление ограничить себя деталью (то, что Мандельштам называл "столпничеством на паркетине") как способ введения сюжета (это сходство отмечает С.Б. Ильинская в работе "Константинос Кавафис. К проблеме...", с. 323, о новеллистичности) и т.д., см. соответствующую литературу о поэтике Ахматовой.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 3

В я ч. В с. И в а н о в. К проблеме следов древнейшего литературного языка у славян 5

В.Н. Т о п о р о в. "Проглас" Константина Философа как образец старославянской поэзии 26

А.А. З а л и з н я к. Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV века "Мерило праведное" 47

Е.И. Д е м и н а. Текстологический комментарий к одной из рукописей Троянского монастыря в Болгарии (Троянский Б дамаскин XVII в.) 129

Н.И. Т о л с т о й. Литературный язык у сербов в XVIII веке 154

В.П. Г у д к о в. Борьба концепций "славенского" и "простого" языка в истории литературного языка у сербов . . 198

М.И. Е р м а к о в а. Из истории нижнелужицкого литературного языка (XVI - начало XIX в.) 212

Л.Н. С м и р н о в. О роли реформы М.М. Годжи - М. Гатталы в истории словацкого литературного языка 232

Г.К. В е н е д и к т о в. Вопросы нормализации болгарского литературного языка в начале XIX в 246

К.И. Л о г а ч е в. Основные итоги развития новогреческого литературного языка на конец 1970-х годов 264

Т.В. Ц и в ь я н. Анализ одного "александрийского" стихотворения К. Кавафиса 271

СЛАВЯНСКОЕ И БАЛКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

История литературных языков и письменность

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства *Т.М. Дривинг*. Художник *А.Г. Кобрин*
Художественный редактор *Т.П. Поленова*. Технический редактор *Н.М. Бурова*

ИБ № 15100

Подписано к печати 24.05.79. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1
Усл.печ.л. 17,8. Уч.-изд.л. 19,4. Тираж 1350 экз. Тип. зак. 382. Цена 2р. 90к.

Книга издана офсетным способом

Издательство "Наука", 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., д. 90;
Офсетное производство 3-й типографии издательства "Наука",
Москва, ул. Жданова, д. 12

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ И ПИСЬМЕННОСТЬ